

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

1950

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ПОСОБИЕ
ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. П. ГРАЦИАНСКОГО
И
С. Д. СКАЗКИНА

ТОМ
II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

МОСКВА · 1950

Второе издание «Хрестоматии по истории средних веков» (том II) под редакцией действительного члена Академии педагогических наук СССР и члена-корреспондента Академии наук СССР проф. Сказкина С. Д. содержит документальный материал по истории средних веков в основном с XI по XV в.

Во II томе имеются следующие разделы: Франция, Англия, Германия (включая документы, характеризующие захваты немцев на востоке), Чехия, Польша, Болгария, Сербия, Италия, Испания, история культуры, папства и ересей и история взаимоотношений Руси и Запада.

Каждому разделу предпосланы методические введения. Текст документов снабжен примечаниями и историческими комментариями. Хрестоматия предназначается для преподавателей средних школ и студентов пединститутов.

Франция XI—XV веков

Введение

В настоящий раздел хрестоматии входит 28 документов, сгруппированных в семи небольших главах. В первых двух главах сосредоточен документальный материал, иллюстрирующий основные этапы политического развития феодальной Франции с XI по начало XIV в., в четырех следующих — самых крупных по своему объему — источники, освещающие положение крестьянства во Франции XIII—XIV вв. и политические события середины XIV в. (Столетняя война, восстание в Париже, Жакерия) и, наконец, в последней — 2 источника из истории Франции XV в.

Весь этот материал — яркая иллюстрация к тому замечанию о политическом развитии Франции, которое Энгельс сделал в предисловии к 3-му изданию «Восемнадцатого брюмера» Маркса: «Франция—это страна, в которой историческая борьба классов больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца. Во Франции, следовательно, в наиболее резких очертаниях выковываются те меняющиеся политические формы, внутри которых движется эта классовая борьба и в которых находят свое выражение ее результаты. Средоточие феодализма в средние века, образцовая страна единообразной сословной монархии со времени Ренессанса, Франция разгромила во время Великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с классической ясностью, с какой этого не сделала ни одна европейская страна» [1].

I. Период феодальной раздробленности

Приводимые в первой главе 4 документа характеризуют политическое положение Франции указанного периода. Они подобраны с целью дать в руки преподавателя конкретный материал для иллюстрации состояния феодальной анархии во Франции эпохи первых Капетингов.

Открывающий эту главу отрывок из Анжуйской хроники *(документ 1)* содержит любопытное свидетельство современника о бессилии капетингских королей XI столетия. «Мы сами видели, — говорит автор хроники, — его (короля Роберта) постыдно расслабленное царствование, и апатия его перешла к его сыну, нынешнему корольку Генриху». Письмо Одона, графа Блуа, королю Роберту (*документ 2)*, дает нам уже конкретный пример этого бессилия королей в условиях феодально-раздробленной страны. Граф Одон не только категорически отказывается подчиниться решению короля, приказавшего отобрать у него феод, но открыто заявляет, что будет противодействовать ему силой, как он, очевидно, уже делал это и раньше («Если ... я, обороняя себя и феод свой, нанес тебе какие-либо обиды...»).

Здесь нужно добавить, что в действительности графы Блуа вовсе не ограничивались лишь защитой своих владений, но и сами неоднократно в течение XI столетия вели агрессивные военные действия против своих сюзеренов — королей.

В письме Шартрского епископа Фульберта *(документ 3)* перед нами оживает типичная для эпохи феодальной раздробленности ситуация. Феодал-насильник сооружает себе среди чужих владений замок и, опираясь на него,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 189—190.

силой устанавливает свою власть в окрестных местах, в то время как пострадавшая сторона тщетно взывает о помощи.

При чтении этого документа нужно обратить внимание на то, что против подобных захватнических действий оказываются бессильны даже такие крупные духовные феодалы, как епископы.

Отрывок из написанного Сугерием жизнеописания Людовика VI *(документ 4)* повествует об аналогичных захватах, насилиях и разбоях владельцев феодальных замков (в данном случае крупного и прославившегося своими разбоями феодала — Томаса Марль) и также может быть использован для характеристики политических отношений Франции эпохи феодальной раздробленности; однако в нем есть и другая сторона, на которую нужно обратить особое внимание.

В начале XII столетия королевская власть начинает постепенно укрепляться, и Людовик VI (1108—1137) уже не был таким королем, как его прадед Роберт, о котором шла речь в двух предшествующих документах. Он успешно боролся со своими мелкими вассалами и, укрепив свою власть в пределах королевского домена, подготовил почву для дальнейшей борьбы его преемников за объединение Франции. Настоящий документ и должен быть в первую очередь использован как наглядное свидетельство этой направленной против феодальной анархии деятельности Людовика VI. В нем очень хорошо показана, в частности, неуклонно проводимая им политика разрушения феодальных разбойничьих гнезд (башню в Амьене он осаждал почти два года!). При чтении настоящего текста нужно обратить внимание также на ту помощь, которую Людовик VI оказывал церкви и которую он от нее получал.

Союз капетингских королей с церковью был характерной особенностью их политики того времени.

II. Период укрепления королевской власти во Франции

Материал второй главы освещает уже следующий этап политического развития средневековой Франции, когда происходит преодоление охарактеризованного в предыдущих документах состояния феодальной раздробленности и объединение большей части страны под властью капетингских королей (период от XII до начала XIV в.. Для правильного его использования преподавателю необходимо в первую очередь совершенно четко уяснить, какое именно место занимают описываемые в отдельных текстах события в этом процессе роста и укрепления королевской власти.

Документ 5 иллюстрирует кульминационный пункт той борьбы Филиппа II Августа с Плантагенетами и их союзниками, которая явилась решающим переломным моментом в процессе усиления власти Капетингов. В нем дается взятое из одной современной хроники описание торжеств по случаю победы при Бувине, окончательно закрепившей, как известно, все сделанные ранее Филиппом II приобретения, приведшие к многократному увеличению территории королевского домена (главным образом за счет захвата северной группы владений Плантагенетов — Нормандии, Мена, Анжу, Турени).

Это описание интересно в двух отношениях: во-первых, оно наглядно показывает, какое громадное значение в глазах современников имела победа при Бувине; во-вторых, несмотря на содержащиеся в нем преувеличения, оно все же несомненно свидетельствует о том сочувствии, которое находила объединительная политика Капетингов в Париже и других районах северо-восточной Франции. Этот текст сравнительно краток и очень красочен, он может быть целиком зачитан на уроке.

Документ 6 относится ко времени правления того же Филиппа II Августа и отражает другую, не столь решающую по своему историческому значению, но все же очень важную сторону его деятельности, идущую рука об руку с территориальным ростом королевского домена, — внутреннюю реорганизацию системы его управления.

Он представляет собой отрывок из завещания Филиппа II, составленного им в 1190 г. перед своим отправлением в третий крестовый поход. В этом завещании впервые достаточно подробно говорится о новых должностных лицах — так называемых бальи, которые сыграли в дальнейшем очень крупную роль в укреплении аппарата королевской областной администрации. Смысл этого нововведения состоял в том, чтобы подчинить прежних своевольных агентов королевской власти на местах—прево—доверенным и преданным королю лицам, назначаемым и сменяемым по его усмотрению и получающим от него определенное содержание. При чтении настоящего документа основное внимание нужно обратить на выяснение конкретного характера деятельности бальи (их ежемесячные судебные собрания, регулярные доклады каждые четыре месяца в Париже, отчеты о деятельности прево и т. д.), не упуская, конечно, при этом из поля своего зрения и других сообщаемых в нем сведений о королевской власти конца XII столетия. В частности, нужно обратить внимание на тот раздел о порядке выборов епископов и аббатов, который показывает, что капетингские короли осуществляли некоторый контроль за их проведением.

Во избежание нередких при чтении «Завещания» недоразумений, нужно снова подчеркнуть, что оно было составлено еще в начале правления Филиппа и отражает порядок управления доменом, начавший слагаться еще в первые годы его царствования. В своих основных чертах этот порядок в дальнейшем был распространен и на отнятые Филиппом II у Плантагенетов владения, с той, однако, разницей, что в них (как и в окончательно присоединенном уже после Филиппа II Августа Лангедоке) вместо бальи обычно назначались так называемые сенешалы. Эти последние отправляли все функции бальи, но назначались из среды местной крупной знати, которой король такой практикой временно как бы делал уступку: подчиняясь влиятельным людям своего округа, они менее остро ощущали переход к новым порядкам.

Документы 7 и *8* характеризуют реформы, которые провел Людовик IX (1226—1270) в целях борьбы с феодальной анархией и укрепления органов королевской власти, столь усилившейся при его деде и отце благодаря происшедшему при них громадному расширению королевского домена. Первый из этих документов содержит постановление об отмене во всех королевских судах судебных поединков и введении вместо них «доказательства через свидетелей». Значение этого постановления с точки зрения улучшения судебного расследования совершенно очевидно. Подобного рода переход от характерных для раннего средневековья сакральных форм судебного процесса (клятвы обвиняемого совместно с его соприсяжниками, ордалии[1], поединки) к расследованию через опрос подсудимого и свидетелей являлся одним из основных моментов реорганизации суда в эпоху формирования крупных феодальных государств. При рассказе об этом постановлении Людовика IX очень желательно провести параллель с заменой различных форм «суда божьего» опросом присяжных в Англии XII в. при Генрихе II Плантагенете. Во втором документе рассказывается о так называемых «сорока днях короля». Полностью запретив частные войны в пределах своего домена, Людовик IX на всей остальной территории Франции стремится проводить в жизнь сформулированный в несколько иной форме еще Филиппом-Августом принцип, согласно которому в случае ссоры каких-либо феодальных баронов их родня должна в течение 40 дней воздерживаться от открытой борьбы (т. е. частной войны), причем в это время слабейшая сторона могла апеллировать к королю.

Документы 9, 10 и *11* отражают ту новую стадию развития французской феодальной монархии, в которую она вступает в период правления Филиппа IV Красивого (1285—1314).

Первые два текста иллюстрируют историю возникновения сложившегося

---

[1] Особые испытания, которым подвергали обвиняемых для установления их виновности или, наоборот, невиновности. Например, подсудимого заставляли пройти три шага с куском раскаленного железа в руках или же опустить руку в котелок с кипящей водой, а затем по внешнему виду обожженного места, на основании определенных примет, устанавливали, виновен обвиняемый или нет.

тогда органа сословного представительства — генеральных штатов. Несмотря на свою краткость, они все же наглядно показывают общий характер генеральных штатов, как нерегулярных собраний представителей наиболее влиятельных социальных группировок феодального общества, созываемых королем в случае острой необходимости получить их помощь.

Если ввиду краткости этих отрывков преподаватель сочтет возможным зачесть их на уроке, то мы рекомендуем ему поставить перед учащимися следующие вопросы:

Какие мотивы заставляли королей прибегать к созыву генеральных штатов? Представители каких социальных групп в них участвовали, каков был порядок посылки делегатов?

Следующий документ, в котором идет речь об оппозиции Филиппу IV, важен как свидетельство происшедшего в его царствование изменения взаимоотношений королевской власти с отдельными слоями французского общества той эпохи. Королевская власть к началу XIV в. настолько усилилась, что своим гнетом и произволом стала отталкивать даже те общественные элементы, которые обычно ее поддерживали в борьбе с феодальной анархией (определенные группировки класса феодалов и особенно города). В этой связи нужно напомнить разнообразные и очень обременительные для всего населения денежные поборы Филиппа и его политику в отношении городов, вольности которых он систематически стремился ограничить (после того как большая часть Франции вошла в состав королевского домена, королям перестало быть выгодно защищать их свободу и самоуправление). Это недовольство, естественно, усилило позиции боровшихся за сохранение своей былой независимости феодальных группировок и привело к тому движению против короля, о котором идет речь в настоящем документе и которое достигло еще более широкого размаха при сыновьях Филиппа IV. При чтении этого текста нужно обратить особое внимание на жалобы относительно различных злоупотреблений королевской власти (крайне обременительные денежные сборы и порча монеты), на которые демагогически ссылаются выступающие против укрепления королевской власти феодалы.

III. Столетняя война

Настоящая глава включает материал источников из истории того периода Столетней войны, который закончился поражением при Пуатье и последовавшим за ним опустошением Франции. Собранные в ней тексты, представляя большой самостоятельный интерес, являются в то же время необходимым введением к материалу последующих глав, в которых идет речь о бурных событиях внутриполитической жизни Франции 1356—1358 гг.

Документ 12 представляет собой отрывок из «Хроник» Фруассара[1], в котором рассказывается о событиях во Фландрии 1336—1337 гг., сыгравших, как известно, немалую роль в возникновении и развертывании Столетней войны. События эти имеют свою предисторию. Начиная со времен Филиппа IV, французские короли стремятся установить свое господство над Фландрией, вмешиваясь в происходившую в ней борьбу между городами и графом и между патрициатом и цехами внутри самих городов.

В 1328 г., в год своего вступления на престол, Филипп VI Валуа, разбив при Касселе фландрских горожан, восстановил в правах изгнанного

---

[1] Фруассар (1337 г. — первые годы XV в.) — один из крупнейших писателей и историков средневековой Франции. Он родился в гор. Валансьене и по своему происхождению был горожанином, но большую часть своей жизни провел при феодальных дворах Англии и Франции и настолько проникся там взглядами и настроениями дворянства, что вполне заслуженно приобрел славу «певца рыцарства». Эти продворянские симпатии Фруассара всегда нужно иметь в виду при чтении его произведений. В своих «хрониках», отрывки из которых приводятся здесь, он повествует о военных и политических событиях французской и английской истории с 20-х годов XIV в. и до низложения и смерти Ричарда II (1399).

горожанами графа фландрского Людовика. Этот последний, придерживаясь в дальнейшем профранцузской ориентации, в 1336 г. приказал арестовать всех находившихся во Фландрии английских купцов. В качестве ответной меры Эдуард III в октябре того же года конфисковал имущество всех фламандских купцов в Англии и запретил вывоз шерсти во Фландрию.

Дальнейшее развитие событий во Фландрии (вызванный прекращением подвоза английской шерсти застой в шерстяной промышленности, движение против фландрского графа и, наконец, выступление Якова — по-французски Жака — Артевельда, возглавившего партию, стоявшую за сближение с Англией) и описывает Фруассар в приводимом нами отрывке.

Для того чтобы сделать более ясным значение всех этих событий внутренней истории Фландрии для общего хода Столетней войны, полезно напомнить, что Яков Артевельд, обеспечив свое господство в Генте и других фландрских городах, сначала заключил с Эдуардом III договор о восстановлении торговли с Англией (июнь 1338 г.), а через некоторое время стал оказывать ему и открытую военную помощь.

Документы 13 и *14* содержат взятые из «Хроник» Фруассара и еще из другой современной хроники описания двух крупнейших сражений всей первой половины Столетней войны — битвы при Креси 1346 г. и битвы при Пуатье 1356 г.

Эти тексты очень интересны в том отношении, что с большой наглядностью показывают причины военных успехов англичан, коренившиеся в превосходстве составлявшей ядро их армии дисциплинированной пехоты (стрелков-лучников) над беспорядочным рыцарским ополчением французских королей. Под углом зрения выявления и подчеркивания этой основной причины одержанных в то время англичанами побед и необходимо использовать материал настоящих текстов для построения рассказа о ходе этих двух знаменитых сражений.

При рассказе о битве у Креси нужно обратить особое внимание, например, на ее начало, замечательное тем, что французские рыцари без всякой необходимости, повинуясь лишь своему безрассудному военному задору, вступают в бой в явно невыгодный для себя момент (когда их генуэзская пехота была очень утомлена трудным переходом), и на еще более характерный эпизод, когда они бросились топтать своих собственных отступавших пехотинцев, смешавшись при этом с ними в одну беспорядочную толпу, которую расстреливали из луков спокойно стоявшие в своем строю английские лучники. При описании сражения при Пуатье (в котором силы были так неравны, что Черный Принц добивался перемирия на самых невыгодных для себя условиях и даже предлагал добровольно отдаться французскому королю в плен в качестве заложника!) необходимо в первую очередь указать на разрозненность действий французских сил, на то, что их отдельные боевые линии, не ожидая друг друга и не оказывая одна другой поддержки, беспорядочно бросались на хорошо укрепленные позиции англичан и дали себя разбить поодиночке.

Документ 15 открывает собой группу источников, посвященных характеристике влияния Столетней войны на внутреннюю жизнь Франции. В нем рассказывается о катастрофических для этой последней последствиях поражения при Пуатье, о том глубоком впечатлении, которое оно произвело на ее население. Этот текст уже явственно обнаруживает назревание тех настроений, которые затем с такой силой проявились в восстании Этьена Марселя и в Жакерии («... к рыцарям, вернувшимся с поля сражения, народ относился с столь великой ненавистью..., что в добрых городах все их встречали палками...»), и должен быть поэтому использован при изучении тех условий, в которых возникли и протекали эти крупнейшие народные движения в истории феодальной Франции.

Следующие два документа рисуют картину тех громадных опустошений, которые вызвала во Франции происходившая на ее территории Столетняя война.

Документ 16, в котором объединены два отрывка из «Хроник» Фруассара, приводится нами с целью показать насилия и разрушения, чинимые

англичанами и действовавшими в то время с ними заодно сторонниками наваррского короля Карла Злого[1], так называемыми «наваррцами».

Объясняя ученикам эти тексты, учитель должен подчеркнуть, что описываемые в них грабежи и насилия вовсе не были каким-либо исключением, но были обычным и нормальным явлением во всех феодальных войнах того времени. Одну из основных причин этого явления — широко распространенную практику использования в качестве солдат всякого ищущего приключений и легкой наживы сброда — хорошо показывает рассказываемая Фруассаром история о том, как король Карл Злой в 1358 г. составил целое войско из участников «компаний», т. е. фактически бандитских шаек, в состав которых входили англичане, испанцы, немцы, гасконцы, фламандцы и т. д.

Документ 17, представляющий собой несколько объединенных вместе отрывков из «Хроник» Фруассара, также показывает те грабежи и насилия, которые производили во Франции того времени отряды (компании) различных искателей приключений (бригандов), то служивших в качестве наемников в армиях воюющих сторон, то, особенно часто в момент перемирия, объединявшихся вместе и начинавших грабить местное население.

В рамках школьного курса этот материал лучше всего использовать при изучении причин возникновения Жакерии, так как то разорение французского крестьянства, в условиях которого его классовая борьба против своих угнетателей переросла в открытое восстание, в значительной степени было вызвано действиями именно этих бригандов. Для уяснения роли грабежей и насилий бригандов в подготовке Жакерии, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что, согласно Фруассару, во главе их обычно стояли не простолюдины, а рыцари (часто пользовавшиеся в кругах дворян большим почетом и уважением, как, например, Эсташ д'Обершикур, женившийся на племяннице английской королевы). Озлобление крестьян против бригандов, естественно, сливалось поэтому с их ненавистью к феодалам и толкало их на борьбу с этими последними.

IV. Генеральные штаты 1356 — 1357 гг. и восстание Этьена Марселя

Тема настоящей главы представлена всего одним текстом. В ее состав включен пространный отрывок из так называемых «Больших хроник»[2] *(документ 18),* содержащий подробный рассказ о развитии того направленного против королевской власти движения, которое нашло свое проявление в деятельности генеральных штатов 1356—1357 гг. и затем в восстании Этьена Марселя. Рассказ этот начинается с описания созыва генеральных штатов в октябре 1356 г. и заканчивается описанием переворота в Париже в феврале 1358 г., т. е. доводится до того момента, когда в этом последнем поднимается возглавляемое Этьеном Марселем открытое восстание.

Изучая этот отрывок «Больших хроник» в целях его дальнейшего исполь-

---

[1] Крупный французский феодал (из дома Эврё), имевший большие владения в северной Франции, и одновременно король наваррский. Карл Наваррский был родственником последних Капетингов и всячески стремился расширить влияние своего дома во Франции, постоянно вступая в борьбу с французскими королями. В апреле 1356 г. король Иоанн подверг Карла Злого заточению, после чего сторонники этого последнего начали войну против короля, обратившись за помощью к Эдуарду III. В 1357 г. Карл Злой освобождается из заточения и продолжает борьбу против короля (точнее сказать, его сына регента Карла). В процессе этой борьбы Карл Злой поддерживал Этьена Марселя.

[2] «Большие хроники Франции» представляют собой свод взаимно дополняющих друг друга хроник, в которых история Французского королевства доведена вплоть до конца XV столетия. Часть «Больших хроник», относящаяся к периоду 1350—1380 гг., дает систематическое и очень обстоятельное изложение происходивших тогда политических событий и с точки зрения богатства содержащегося в ней фактического материала является основным для своей эпохи источником. Нужно, однако, иметь в виду, что весь этот раздел хроники, вероятным автором которого является канцлер Карла V Оржемон, написан крайне тенденциозно, с очевидной целью в наиболее благоприятном свете представить политику королевской власти. В приводимом в хрестоматии отрывке эта тенденция сказывается в стремлении всячески оправдать действия дофина Карла (будущего короля Карла V) в сложной обстановке политической борьбы 1356—1358 гг.

зования в преподавании, учитель главное свое внимание должен сосредоточить на прослеживании хронологической последовательности описываемых в нем событий (в целях облегчения выполнения этой задачи мы разбили его текст на несколько отдельных параграфов, снабдив их особыми подзаголовками) и, что особенно важно, на выяснении позиций отдельных социальных группировок на разных стадиях общественного движения 1356—1358 гг. Его изучение очень наглядно показывает, что вначале оппозиционное движение против правительства дофина Карла зиждилось на своего рода блоке горожан с влиятельными кругами дворянства и духовенства, которые также были крайне раздражены военными неудачами короля и громадными расходами, связанными с ведением войны. Учитель должен обратить внимание на то обстоятельство, что во время генеральных штатов в октябре 1356 г. совместно с депутатами третьего сословия выступили и депутаты двух других сословий. Та же самая комбинация с некоторыми изменениями повторяется и во время генеральных штатов в феврале — марте 1357 г., требования которых были оформлены в так называемом Великом мартовском ордонансе. Автор «Больших хроник» подчеркивает, что во главе оппозиции того времени, наряду с Этьеном Марселем, стояли епископ Ланский Роберт Лекок. После издания ордонанса, когда правительство дофина фактически подпадает под контроль парижан во главе с Этьеном Марселем, начинается раскол между третьим сословием и двумя первыми сословиями, отраженный в § 8 данного текста. Именно этот раскол, с одной стороны, дал возможность дофину попытаться освободиться от опеки Этьена Марселя, с другой — заставил этого последнего в качестве ответной меры совершить в Париже в феврале 1358 г. настоящий переворот, описанием которого заканчивается приводимый нами отрывок «Больших хроник». Нужно, однако, подчеркнуть, что все же и на первых стадиях движения решающей его силой были горожане.

В силу своей громоздкости и сложности, этот текст в основном должен быть использован самим преподавателем для подготовки к занятиям. Однако его последняя часть, содержащая описание парижского восстания (§ 9), дает настолько наглядные и хорошо запоминающиеся образы, что ее хотя бы в виде отдельных выдержек все же следует зачитать на уроке.

V. Французское крестьянство XIII—XIV веков

Программа курса средневековой истории в школе не дает возможности специально останавливаться на положении французского крестьянства перед Жакерией, однако при выяснении причин этой последней преподаватель обязательно должен нарисовать по возможности живую и наглядную картину того феодального угнетения крестьян, которое в конце концов в период Столетней войны толкнуло их на открытое восстание. Для того чтобы дать преподавателю необходимый для этой цели материал, в пятой главе приводится несколько текстов из аграрной истории Франции XIII—XIV вв.

Глава открывается грамотой Филиппа II от 1220 г. *(документ 19)*, которая показывает, что феодалы могли насильственно возвращать ушедших от них крепостных крестьян. Король приказывает в ней своим бальи и прево, чтобы они производили розыск крепостных людей монастыря Петра Шартрского и, в случае нахождения таковых вне земель аббатства, сажали бы их под арест впредь до дальнейших распоряжений аббата.

Следующие три документа относятся к более позднему периоду: к середине и второй половине XIII и к началу XIV в.

К этому времени и в экономике страны и в положении крестьянства произошли значительные изменения. Если в XI—XII вв. наиболее типичным для французской деревни было крепостное состояние (серваж), то в XIII—XIV вв. все большее распространение получает формально лично свободное вилланство, положение которого характеризуется отсутствием повинностей, связанных с состоянием личной зависимости, — поголовного обложения, посмертного сбора (особая пошлина с крестьянского наследства), формарьяжа (плата, вносимая крепостным крестьянином или крестьянкой за разрешение вступить в брак с лицом, независимым от их господина) и произвольной тальи.

При этом следует иметь в виду, однако, что отмена личной зависимости в результате выкупа не снимала с крестьян обязанностей по уплате всевозможных поземельных повинностей (ценз, барщина и т. д.).

Приводимая нами грамота Людовика IX от 1246 г. *(документ 20)* типична для отпускных грамот французского средневековья. Самый текст грамоты следует понимать так: король, освобождая крестьян селения Villa nova Regis (новая деревня короля) от личной зависимости и следуемых в силу этой зависимости платежей и повинностей (произвольная талья, поголовный сбор, посмертный сбор и др.), одновременно предупреждает, что все прочие платежи и повинности должны вноситься ему, как сеньеру деревни, попрежнему. Следует помнить, что грамота касалась крестьян только одной деревни, и не имела общегосударственного значения.

Следующий документ (*21*) — ордонанс Людовика X от 3 июля 1315 г. При его чтении преподаватель должен иметь в виду, что было бы грубой ошибкой видеть в нем, как это делали многие буржуазные историки, своего рода манифест об общем отпущении крестьян на волю.

За его широковещательным началом следует весьма скромное продолжение. Прежде всего очевидно, что король выступает в этом ордонансе не как король Франции, который законодательствует, а лишь как сеньер своих собственных земель. Он лишь предлагает другим сеньерам, владеющим крепостными, последовать его примеру. В последующих распоряжениях (не вошедших в хрестоматию) король прямо угрожает крестьянам, не желающим купить себе свободы, что их будут принуждать к этому. Все это свидетельствует о том, что король не столько заботится об освобождении своих крестьян, сколько о том, чтобы сорвать с них большой выкуп за их освобождение.

Документ 22, в котором идет речь о соглашении между монахами монастыря св. Петра Шартрского и людьми Абонвиля от 1265 г., приводится здесь с целью показать, что в действительности означало «освобождение» французских крестьян в предшествующий Жакерии период. Из него преподаватель увидит, что и формально лично свободные крестьяне продолжали выполнять многочисленные и крайне обременительные повинности.

Получившие признание своей личной свободы люди Абонвиля должны были в качестве держателей монастыря платить ему чинши, «кои они привыкли платить за свои владения», десятины, шампар, отправлять извозную повинность, выполнять некоторые барщины и т. д. Они мололи зерно на мельнице монастыря, внося за это определенную плату, и, что очень важно, были подчинены его сеньериальной юрисдикции.

Кроме этого, все держатели в селении Абонвиль обязаны были ежегодно вносить монастырю десять ливров, причем монахи специально оговаривают свое право конфисковать все их имущество, если они не выплатят этих сумм.

Последний документ настоящей главы (*23*)—«Поэма о версонских вилланах» середины XIII в. — особенно важен с точки зрения интересов школьного преподавания. В нем очень живо и наглядно, с приведением множества конкретных деталей, описывается тяжелая жизнь средневековых крестьян, опутанных целой сетью самых разнообразных повинностей, связывавших их по рукам и ногам и обрекавших на постоянную нужду и лишения.

Особый интерес «Поэмы о версонских вилланах» состоит в том, что в ней не только перечисляются крайне обременительные в своей совокупности повинности крестьян, но вместе с тем очень хорошо показывается то поистине бесчеловечное и издевательское обращение, которому подвергалось крестьянское население со стороны взимавшей эти повинности вотчинной администрации. Особенно показателен в этом отношении рассказ автора поэмы о том, как крестьяне уплачивали шампар и как они пекли хлеб в баналитетных печах своего господина.

При чтении «Поэмы о версонских вилланах» нужно обратить внимание на то очень любопытное обстоятельство, что хотя в ней идет речь о формально лично свободных крестьянах (во Франции виллан в противоположность серву — лично свободный человек), тем не менее в ней упоминается одна повинность, характерная для крепостного состояния: версонские крестьяне пла-

тили своему сеньеру выкуп при выдаче своих дочерей замуж за пределы сеньерии. Этот пример очень хорошо показывает, что в реальной действительности не было резких граней между отдельными группами эксплоатируемых феодалами масс крестьянства.

VI. Жакерия

Документы настоящей главы в основном посвящены описанию самого хода Жакерии и лишь слегка затрагивают вопрос о причинах, да и то лишь о самых непосредственных причинах, ее возникновения. Поэтому для выяснения социально-экономических и политических предпосылок этого крупнейшего крестьянского восстания средневековой Франции читатель хрестоматии должен обратиться к текстам предыдущих глав.

В предшествующей пятой главе преподаватель найдет документальный материал, характеризующий тот феодальный гнет, против которого было направлено движение жаков. Для характеристики этого гнета он может использовать «Поэму о версонских вилланах». Хотя эта последняя относится к середине XIII в., однако даваемое в ней описание тяжелого положения французского крестьянства в своих основных чертах верно и для XIV в. Мы обращаем также внимание преподавателя на желательность использования при выяснении причин Жакерии приведенного в этой же главе документа о повинностях крестьян села Абонвиль, получивших признание своей свободы от монастыря Петра Шартрского. Дело в том, что при изучении истории Жакерии иногда бросается в глаза кажущееся противоречие, состоящее в том, что она вспыхивает в тот период аграрного развития Франции, который характеризуется освобождением некоторой части французского крестьянства от уз личной крепостной зависимости и который поэтому должен был бы, казалось, привести не к обострению, а к смягчению классовой борьбы между феодалами и крестьянством. Указывая на в действительности произошедшее в середине XIV в. обострение этой борьбы (связанное в первую очередь с влиянием роста товарно-денежных отношений на деревню), нужно со всей силой подчеркнуть, что уничтожение личной зависимости ни в коей мере не означало прекращения феодальной эксплоатации или хотя бы существенного уменьшения лежавшего на плечах крестьянина груза феодальных повинностей. Правильность этого положения и подтверждает указанный нами текст, как мы это уже отмечали выше.

В главе третьей преподаватель может почерпнуть материал, освещающий связь Жакерии с событиями Столетней войны. Для этой цели нужно использовать выдержки из «Хроник» Фруассара *(документы 15, 16, 17)*, в которых дается яркая картина тех вызванных действиями войск и бригандов опустошений Франции, которые окончательно переполнили чашу терпения крестьян и толкнули их на открытое восстание против своих угнетателей.

Использовав в целях выяснения причин Жакерии материал указанных нами документов, можно перейти к работе над текстом настоящей главы. В ней приведены заимствованные из французских хроник XIV в. три параллельные друг другу описания Жакерии. Мы даем одновременно несколько различных рассказов об этом восстании ввиду того, что каждый из них в отдельности страдает большей или меньшей фактической неполнотой и односторонностью, обусловленной политическими взглядами автора той хроники, из которой он взят. Параллельное же их изучение дает возможность, взаимно дополняя и корректируя содержащиеся в них данные, получить гораздо более полное и точное представление об описываемых в них событиях.

При чтении этих трех текстов необходимо поэтому постоянно сравнивать их друг с другом, стремясь выяснить, чем каждый из них отличается от других и чем их дополняет.

Первый из них *(документ 24)* представляет собой несколько объединенных вместе отрывков из хроники Жана де Венетта. Жан де Венетт (1307—1370) занимает особое положение в ряду хронистов своего времени. В отличие от большинства из них он с явным сочувствием относится к простому народу вообще и к восставшим крестьянам, в частности, самым рез-

ким образом осуждая насилия и беззакония, творимые феодалами в эпоху Столетней войны.

Интересно отметить, что Жан де Венетт, бывший сам монахом, одно время поддерживал движение Этьена Марселя и, перейдя затем на сторону королевского правительства, не отказался от критики действий последнего.

В силу этих своих симпатий к жакам Жан де Венетт сумел более правдиво и более близко к подлинной исторической действительности, чем это делают ослепленные своей классовой ненавистью авторы других хроник, описать их восстание.

В первой части настоящего текста Жан де Венетт рассказывает о вызванном войной и действиями бригандов бедственном положении французской деревни в год восстания (1358). Этот его рассказ важен не только тем, что показывает нищету и разорение крестьянства, естественно толкавшие его на восстание. Он особенно интересен в силу того обстоятельства, что делает ясным, почему крестьяне считали ответственными за свое положение дворян и именно против них направили взрыв своего негодования. Жан де Венетт подчеркивает, что феодалы, не учитывая разорения крестьян, накладывали на них особо тяжелые повинности, в то же время совершенно не заботясь об охране их безопасности от англичан и бригандов. Более того, в своей басне о собаке и волке, в которой под собакой нужно разуметь дворянство, а под волком — внешних врагов королевства — англичан, он с полным основанием указывает, что по сути дела те и другие одинаково грабили и разоряли французский народ. Справедливость выставленного в этой басне против дворян обвинения станет совершенно очевидной, если мы вспомним хотя бы уже ранее упоминавшийся нами факт их руководящего участия в бандах бригандов.

При чтении этого рассказа Жана де Венетта нужно обратить внимание также на описываемые им совместные действия крестьян для борьбы с грабежами войск и бригандов (укрепление деревень, установка на колокольнях баллист, постоянная стража и т. д.), которые показывают, что крестьяне стали организовываться и браться в целях самозащиты за оружие еще до начала настоящего восстания. Если мы учтем царившее в то время раздражение против дворян и примем во внимание то обстоятельство, что именно дворяне обычно возглавляли грабительские шайки, то поймем, какую благоприятную для антифеодального восстания почву представляла эта стихийно возникшая крестьянская самооборона.

Вторая часть приводимого нами отрывка из хроники Жана де Венетта посвящена изложению событий уже самого восстания. Придерживаясь своего сочувственного отношения к крестьянству, он объясняет его начало притеснениями дворян. «...Крестьяне, — говорит он, — видя бедствия и утеснения, которые со всех сторон им учиняли и от которых дворяне не только их не защищали, а напротив, еще больше, наподобие врагов, их теснили, с оружием в руках поднялись против французской знати». В этих словах Жан де Венетт снова, уже без всяких иносказаний, повторяет то обвинение, которое он выставил против французского дворянства к своей басне о собаке и волке. После этого он описывает, как крестьяне, выбрав себе предводителем Гильома Каля [1], начинают беспощадную борьбу с дворянами, разрушая до тла их дома и замки. Нужно подчеркнуть, что, не будучи противником феодального строя вообще, Жан де Венетт осуждает эти насильственные действия крестьян, заявляя, что они, начав с законной самозащиты, обратились в дальнейшем на дела «позорные и ужасные». Преподаватель, естественно, должен отбросить эти его оценки образа действия крестьян.

В заключительной части своего описания Жакерии Жан де Венетт дает картину разгрома крестьянского движения феодалами. Это место его хроники особенно интересно, так как он гораздо более ярко и правдиво описывает, чем авторы других хроник, жестокую расправу феодалов с крестьянами,

---

[1] Мы обращаем внимание читателя на то обстоятельство, что имя руководителя восставших крестьян в разных хрониках передается несколько по-разному. Мы придерживаемся «Больших хроник», в которых он назван Гильом Каль (а не Гильом Карл, как у Жана де Венетта), так как они обычно точны в отношении дат и названий.

сопровождавшуюся массовыми избиениями и грабежами. Мы рекомендуем полностью зачитать рассказ Жана де Венетта о подавлении восстания в городе Мо и его окрестностях, в котором он дает очень наглядное и яркое изображение «неистовств», учиненных там «дворянством Франции».

Следующий далее отрывок из уже известных нам «Больших хроник» *(документ 25)* в некоторых отношениях дополняет рассказ Жана де Венетта, сообщая целый ряд отсутствовавших в нем подробностей движения жаков. В нем дается прежде всего более конкретное описание начального момента восстания. Автор «Больших хроник» точно указывает число, место и обстоятельства его возникновения. По его словам, 28 мая 1358 г. в местечке Сен-Ло крестьяне «напали на многих дворян», бывших в нем, и «девятерых из них умертвили — четырех рыцарей и пять оруженосцев», после чего движение стало стихийно шириться, захватывая все новые и новые районы. Сообщение это очень кратко и не совсем ясно в своих подробностях, но все же оно позволяет сделать предположение, что восстание началось со столкновения местного крестьянского населения в местечке Сен-Ло с какой-то бандой вооруженных дворян, явившихся туда с целью грабежа. Такое понимание характера описываемой в «Больших хрониках» стычки в Сен-Ло должно казаться наиболее правильным, если мы учтем распространенность нападений грабительских шаек дворян на крестьянское население во Франции того времени вообще и в области Парижа весной 1358 г. в особенности (там в это время происходила вооруженная борьба между дофином Карлом и парижанами).

«Большие хроники» содержат, далее, очень интересные данные о связи Жакерии с движениями в городах. Их автор делает очень важное общее замечание о том, что во всей северной половине Франции («в странах Лангдойля») очень мало осталось городов, «которые не поднялись бы против дворян или из сочувствия к горожанам Парижа... или из сочувствия к народному движению». (Под этим последним здесь разумеется движение крестьян.) Еще более интересен своей конкретностью рассказ о событиях в городе Мо, свидетельствующий, что в определенный момент парижане предпринимали некоторые совместные действия с жаками для борьбы с дофином (хотя, как известно, настоящего союза между ними никогда не было).

В нем идет речь о том, как отряд парижан, посланный, очевидно, Этьеном Марселем, совместно с местным населением напал на дворян, скрывавшихся в цитадели города Мо.

Последнее из приводимых нами описаний Жакерии заимствовано из «Хроник первых четырех Валуа»[1] *(документ 26)*. В нем приводится важный фактический материал, отсутствующий в предыдущих текстах, который очень облегчит работу преподавателя по подготовке живого и насыщенного конкретными данными рассказа на уроке. Мы находим в этой хронике прежде всего сравнительно подробные сведения о предводителе восставших Гильоме Кале и о его попытках придать движению крестьян более организованный характер. Нужно, однако, предупредить читателя о том, что, используя все эти данные, он должен очень скептически относиться к утверждению о насильственном вовлечении Гильома Каля в восстание. Дело в том, что автор «Хроники первых четырех Валуа» в очень благоприятном освещении представляет личность и деятельность Гильома Каля, в то же время самым враждебным образом относясь к восставшим крестьянам, которые, по его словам, были люди «неразумные и необузданные и с малым смыслом». В связи с этим, естественно, может возникнуть предположение, что сообщаемая им версия о том, что Гильом Каль был насильно сделан предводителем жаков и в дальнейшем осуждал их действия, была искусственно выдумана им с целью сгладить это очевидное противоречие своего изложения.

---

[1] «Хроника первых четырех Валуа» охватывает отрезок времени с 1327 по 1393 г. Ее автор, сам бывший, очевидно, духовным лицом из окружения архиепископа Руанского, неизменно защищает интересы духовенства, проявляя нередко недружелюбное отношение к светской знати. Будучи тесно связан с определенной группировкой класса феодалов, он враждебно относится к восставшим крестьянам, что всегда нужно учитывать при чтении его хроники.

Очень важны, далее, сообщаемые в «Хронике первых четырех Валуа» данные о переговорах между Гильомом Калем и Этьеном Марселем, которые еще с новой стороны освещают те взаимоотношения Парижа и восставших крестьян, о которых шла речь в «Больших хрониках». Наконец, «Хроника первых четырех Валуа» дает очень обстоятельное, отсутствующее в других источниках, описание подавления восстания королем наваррским Карлом Злым. При чтении этого описания необходимо обратить особое внимание на то крайне характерное обстоятельство, что против восставших крестьян, забыв все свои распри, объединились феодалы различных враждовавших между собой партий.

VII. Франция XV века

Истории Франции XV в. посвящены два текста.

Первый из них *(документ 27)* представляет собой письмо Жанны д'Арк английскому королю и английским военачальникам, написанное ею весной 1429 г. во время приготовлений к освобождению Орлеана от осады. Это письмо можно использовать для характеристики настроений Орлеанской девы и ее твердой уверенности в правоте своего дела и неизбежности разгрома англичан, вторгшихся в ее родную страну.

Второй документ *(28)*—отрывок из «Мемуаров» Филиппа де Коммина—дает характеристику Людовика XI, фактически завершившего процесс внутреннего объединения Франции. Филипп де Коммин (около 1445—1509 гг.), бывший в последние годы правления Людовика XI одним из его ближайших помощников, отлично знал этого государя и очень хорошо обрисовывает его личность. Подчеркивая его исключительную осведомленность в политических делах, целеустремленность действий и способность приспособляться к обстоятельствам и использовать людей в своих целях, он вместе с тем отмечает и присущие ему недостатки. Характерно замечание Филиппа де Коммина о том, что Людовик XI предпочитал людей среднего класса вельможам. Оно обнаруживает одну из отличительных черт нарождавшейся в то время французской абсолютной монархии, которая, оставаясь феодальной по своему существу и отражая в своих действиях интересы дворянства, в то же время создавала правительственную бюрократию из представителей городской буржуазии, чуждой и враждебной традициям эпохи феодальной раздробленности.

* * *

Высказывания классиков марксизма-ленинизма по истории Франции XII—XV вв.:

К. Маркс, Хронологические выписки, т. I («Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 56—57, 149—154, 170, 178—184, 232—241, 308—312, 314—324), т. II («Архив Маркса и Энгельса», т. VI, стр. 43—68, 73—75, 303—304, 309—331, 338—361, 377—398) и т. III («Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 3—9, 20). К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I (Предисловие к 3-му изданию «Восемнадцатого брюмера» Маркса, стр. 189—190. О разложении феодализма и развитии буржуазии, стр. 440—450.) И. В. Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Статьи и речи, 1934.

* * *

Переводы документов 1, 5, 6, 7, 8, 10, 11 взяты из Гизо «История цивилизации во Франции», тома III—IV, 1881 г.; там же см. ссылки на подлинные издания цитированных памятников. Переводы документов 12, 27, 28 взяты из книги Марьежоля «История средних веков», 1893 г. Документы 18, 22 и 23 взяты из книги «Социальная история средневековья», том II, стр. 310 и сл. Документ 14 дан в переводе Радцига. Документы 19, 20, 21 взяты из книги «Французская деревня в XII—XIV вв. и Жакерия», перевод Н. П. Грацианского. Документы 2—4, 9, 15, 24, 25, 26 переведены Н. П. Грацианским. Документы 13, 16, 17 переведены Н. Гюрджан.

Введение к разделу написано Ю. А. Корховым.

I. ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

1. ИЗ АНЖУЙСКОЙ ХРОНИКИ (959 г.)

В этом году умер герцог Гуго, аббат Сен Мартена, сын лжекороля Роберта и отец другого Гуго, который впоследствии тоже сделался королем вместе со своим сыном Робертом. Мы сами видели его постыдно расслабленное царствование, и апатия его перешла к его сыну, нынешнему корольку Генриху [1].

2. ОДОН, ГРАФ [БЛУА], КОРОЛЮ РОБЕРТУ (1025 г.)[2].

Государю своему Роберту, королю, граф Одон... Ричард, граф, вассал твой, увещевал меня явиться для суда или соглашения по поводу споров, которые ты со мною имел, и я передал все это дело в его руки. Тогда он, с твоего согласия, назначил мне срок для суда... Но с наступлением срока, когда я готов был отправиться, уведомил он меня, чтобы я не трудился являться на суд, как было условлено, ибо неугодно-де принимать тебе другого оправдания или соглашения, кроме как того, чтобы признать меня недостойным держать от тебя какой бы то ни было феод. Говорил он также, что не годится ему представлять меня на этот суд без собрания пэров. Вот причина, почему я не явился к тебе на суд. Но удивляешь ты меня очень, государь мой, как столь поспешно, не разобравши дела, присудил ты меня недостойным феода твоего? Ведь если дело касается условий происхождения, то, благодарение богу, родовитость есть у меня. Если [дело касается] качества феода, который ты мне дал, то известно, что не из твоих он владений, но из того, что мне по милости твоей от предков моих перешло по наследству. Если [дело касается] выполнения службы, то хорошо тебе ведомо, что, пока я был у тебя в милости, служил тебе и при дворе, и в войске, и на чужбине. Если же потом, когда ты наложил на меня опалу и данный мне феод порешил отобрать, я, обороняя себя и феод свой, нанес тебе какие-либо обиды, то ведь совершил я это раздраженный несправедливостью и вынужденный необходимостью. Ибо, как же я могу не оборонять феода своего? Бога и душу свою ставлю в свидетели, что лучше предпочту умереть на своем феоде, нежели жить без феода. Если же ты откажешься от замысла меня феода лишить, ничего более на свете я не буду желать, как... заслужить... твою милость.

---

[1] Здесь дана целая генеалогия Робертинов и первых Капетингов, именно здесь названы: Роберт, бывший королем в 922—923 гг.; его сын Гуго Великий, числившийся «герцогом франков»; сын Гуго Великого Гуго Капет, положивший начало династии Капетингов и правивший с 987 по 996 г., и, наконец, сын Гуго Капета, король Роберт II (996—1031) и его внук Генрих I (1031—1060).

[2] Bouquet, Recueil des historiens des Gaules et de la France, XI, p. 501.

3. ПИСЬМО ЕПИСКОПА ФУЛЬБЕРТА КОРОЛЮ РОБЕРТУ (начало XI в.) [1]

Государю своему, светлейшему Роберту королю, Фульберт, смиренный Шартрский епископ... Писали мы вам о зле, чинимом церкви нашей виконтом Готье, который, не страшась ни бога, ни светлости вашей... восстановил замок Галардон, некогда вами разрушенный. Можем сказать по сему случаю: «Вот с востока пошло зло церкви нашей!» И еще другой [замок] имел смелость он выстроить в Иллье, среди селений св. Марии, и по сему случаю поистине можно сказать: «Вот зло [пошло] с запада». По необходимости извещая ныне вас письменно о сих утеснениях, умоляем милосердие ваше о совете и помощи... по этому делу, ибо от Гуго, сына вашего, никакого ни содействия, ни облегчения в сих утеснениях мы не добились. Посему в огорчении сердечном простерли мы нашу скорбь до того, что в колокола наши... звонить запретили и... тихими, жалобными, почти близкими к молчанию голосами божественную службу совершать повелели. И вот благочестие ваше с плачем сердечным... коленопреклоненно умоляем, поспешите на помощь церкви святой богоматери, коею мы... недостойные... управляем... Претворите скорбь нашу в радость, умоливши Одона графа и королевской вашей властью ему приказавши, чтобы все эти дьявольские козни... разрушил. Если же ни вы, ни он [т. е. Одон] не устраните эту как бы постоянную для нашего [святого] места угрозу, ничего нам более не останется [делать] кроме, как отправление божественной службы во всей епархии нашей совсем прекратить, самим же, ушедши куда-либо на чужбину... перед чужим королем или императором сделать признание, что не хотите вы или не можете охранить невесту христову — вверенную нам для управления святую церковь.

4. ИЗ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ЛЮДОВИКА ТОЛСТОГО [2]

Священный долг королей — мощною рукою обуздывать дерзость тиранов, кои раздирают страну бесконечными войнами, тешатся грабежами, бедный люд губят, церкви разоряют и столь предаются неистовству, что, если давать ему волю, оно зажигает их все большей и большей яростью... Пример тому — Томас Марль, человек отчаянный. Дьявол ему сопутствовал, как бывает это с безумцами, коих успехи неизменно приводят их к гибели. В то время, когда Людовик [король] был занят вышеперечисленными и другими войнами, он, не страшась наказания церковного, разорял и, как хищний волк, пожирал округа Ланский, Реймс-

---

[1] Bouquet, Recueil des historiens des Gaules et de la France, X, pp. 457—458.

[2] Sugerii abb. S. Dionisii de vita Ludovici Grossi regis. (Bouquet, Recueil des historiens des Gaules et de la France, XII, pp. 41—42).

ский и Амьенский, не давая при этом ни малейшей пощады ни клиру, ни народу. Все истреблял, все губил, даже два лучших селения у монастыря святого Иоанна Ланского отнял. Неприступные замки — Креси и Ножан, как если бы они были его собственные, достойными удивления валами и высочайшими башнями укрепил и, сделавши из них как бы гнездо драконов и вертеп разбойников, всю почти округу немилосердно предавал грабежу и пожару. Измученная его неистовством, собралась церковь галликанская на общем соборе в Бовэ, дабы произнести здесь над врагами истинного жениха своего Иисуса Христа — постановление об осуждении. Достопочтенный святой Римской церкви легат Конон, епископ Пренесте, внявши бесчисленным и горьким жалобам церквей, бедняков и сирот, поразил этого тирана-насильника мечом блаженного Петра, т. е. общим церковным отлучением, и по единодушному приговору заочно лишил его, как гнусного злодея и врага, имени христианского, рыцарского пояса и всех феодов. По просьбе и жалобам великого собора сего король немедленно двинул против него свое войско. В сопровождении клира, к коему всегда относился он со смиренным почтением, направился король к крепчайшему замку Креси и внезапно захватил его могучей рукой своих воинов или скорей [рукою] божьей. Приступом взявши крепкую башню, как если бы она была хижиной крестьянина, привел в расстройство преступников... и без милосердия их уничтожил.

Одержавши эту победу..., направился король к другому замку — Ножан..., разрушил это адское и преступное место[1] и, отпустивши невинных, виновных подверг тяжкому наказанию..., а по разрушении этих прелюбодейных замков... вернулся король в город Амьен и осадил башню этого города, в коей засел некий Ада, жестокий тиран, разорявший церкви и всю округу. Держал государь Людовик в тесной осаде эту башню без малого два года[2], пока не принудил защитников сдаться на его милость... Разрушивши эту башню, установил он в стране сладостный мир... Известно, что у королей длинные руки...

II. ПЕРИОД УКРЕПЛЕНИЯ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ ВО ФРАНЦИИ

А. Филипп II Август (1180—1223.)

5. ТОРЖЕСТВО ПО ПОВОДУ ПОБЕДЫ ПРИ БУВИНЕ (1214 г.)

Кто мог бы рассказать, вообразить, начертать пером на пергаменте или на табличках радостные рукоплескания, триумфальные гимны, бесчисленные пляски народа, сладостное пение клириков,

[1] В 1115 г.
[2] 1116—1117 гг.

гармонические звуки военных инструментов в церквах, торжественное убранство храмов внутри и снаружи, улицы, дома и дороги всех замков и городов, украшенные занавесами и шелковыми тканями и покрытые цветами, травой и древесной зеленью; жителей всякого сословия, пола и возраста, бегущих со всех сторон посмотреть на столь великое торжество; крестьян и жнецов, бросающих свою работу, и с косами и мотыгами... [так как это было во время жатвы] стремящихся толпою к дорогам, чтобы увидать в цепях того Ферранда[1], оружия которого они недавно так боялись...? Весь путь был таков, пока не достигли Парижа. Жители Парижа, и всего более учащиеся, духовенство и народ, шли навстречу королю, распевая гимны и песни и выражая жестами радость, оживлявшую их сердца. Им недостаточно было предаваться веселью в этот день, они продолжали свои удовольствия ночью и даже в течение семи ночей подряд среди многочисленных факелов, так что ночь сияла, как день; особенно учащиеся не переставали задавать роскошные пиршества, причем беспрестанно пели и плясали.

6. УПРАВЛЕНИЕ ФИЛИППА II АВГУСТА

...Повелеваем, чтобы бальи[2] наши выбрали для каждого превотажа[3]... по четыре умных и добросовестных мужа, пользующихся доброй славой. Пусть городские дела не ведутся без их совета или, по крайней мере, без совета двух из них. Что касается Парижа, мы желаем, чтобы их было там шестеро и все храбрые и добросовестные...

Мы определили бальи в наши земли, названные именами собственными. Каждый месяц они будут назначать по одному дню... когда люди, приходящие к ним с жалобами, будут немедленно и справедливо удовлетворяемы ими. Там и мы будем получать себе удовлетворение и справедливость...

Кроме того, мы желаем и повелеваем, чтобы любезнейшая мать наша королева [Адель] и наш любезный и вернейший дядя Гильом, архиепископ Реймский, назначали каждые четыре месяца в Париже один день для выслушивания жалоб от подданных нашей державы и для справедливого решения их во славу господню и в интересах государства.

Повелеваем еще, чтобы в этот день к ним приходили люди от каждого из наших городов и чтобы тут же и наши бальи имели свои заседания и излагали бы в присутствии всех дела нашей страны.

---

[1] Ферранд, граф Фландрии, — один из деятельных членов коалиции против Филиппа-Августа, взятый в плен при Бувине.

[2] Бальи — высший королевский чиновник.

[3] Превотаж — определенный округ, которым ведал прево. Прево — агент короля на местах. Прево должны были теперь подчиняться бальи.

Если который-нибудь из наших бальи окажется виновным в каком-либо преступлении, кроме убийства, грабежа, душегубства или измены, и будет изобличен в этом архиепископом, королевою и другими судьями, назначенными ведать проступки наших бальи, мы желаем, чтобы нам три раза в год посылались письма для извещения нас о провинившихся бальи, о свойстве преступления каждого, о полученной им мзде, а также и о том человеке, чьи деньги, подарки или услуги заставили его пожертвовать правом наших людей и нашим собственным.

Наши бальи будут посылать нам такие же отчеты о наших прево.

Королева и архиепископ не будут иметь права отнимать должность у бальи, разве тот провинится в убийстве, грабеже, душегубстве или измене; точно так же в подобных случаях будут поступать по отношению к прево бальи. Нам же с божьего указания предоставляется, когда мы узнаем истину, отмстить таким образом, чтобы это послужило уроком для других.

Королева и архиепископ будут также отдавать нам три раза в год отчет о состоянии и делах государства.

Если освободится епископское или аббатское место, мы желаем, чтобы каноники той церкви или монахи того монастыря, где открылась вакансия, явились к королеве и архиепископу, как явились бы к нам, чтобы испросить у них право свободного выбора, и мы желаем, чтобы это право было даровано им без всякого затруднения. При этом мы советуем капитулам и монахам избирать такого пастыря, который был бы угоден богу и хорошо служил бы государству. Королева и архиепископ будут хранить у себя доходы с вакантного места до тех пор, пока указанный прелат не будет посвящен и благословен. После того они возвратят ему их беспрекословно...

. . . .

Если кто-нибудь захочет воевать с нашим сыном, и ему недостаточно будет его доходов для поддержания войны, пусть тогда все наши подданные помогают ему своим животом и имуществом и пусть церкви дают ему тогда такую же помощь, какую обыкновенно дают и нам.

Кроме того, мы запрещаем своим прево и бальи арестовывать человека или его имущество, если он представит хорошие поручительства для ведения своего дела при нашем дворе, кроме случаев убийства, грабежа и измены.

Сверх того мы желаем, чтобы все наши доходы, сборы и оброки доставлялись в Париж в три срока: первые — в день св. Ремигия, вторые — в день сретения господня, третьи — в день вознесения и передавались бы нашим указанным горожанам или вице-маршалу. Если который-нибудь из них умрет, Гильом Гарландский должен назначить на его место другого.

Клерк наш Адам будет при получении доходов с нашего имущества и должен вести им реестр. У каждого из них [т. е. блюсти-

телей доходов] будет ключ от всех сундуков, куда положат наше имущество во храме. И в храме будет также один ключ. Из этого имущества нам будут посылать то, что мы потребуем в своих письмах...

Б. Людовик IX (1226—1270)

7. ОТМЕНА ПОЕДИНКОВ

Мы всем возбраняем побоища, во всех наших владениях, но отнюдь не отменяем исков, возражений, договоров, ни всяких иных условий, какие заключаются в светском суде и поныне согласно обычаям различных стран, но только отменяем бои и взамен битв установляем доказательства через свидетелей, а также не отменяем прочих действительных и законных доказательств, какие были [в употреблении] в светском суде.

8. «СОРОК ДНЕЙ КОРОЛЯ»

Исстари, а именно указами блаженной памяти Людовика Святого, короля Франции, предшественника нашего, при жизни его постановлено и повелено, чтобы всякий раз, когда возникнут между баронами нашего королевства какие-либо распри, ссоры, свалки, или буйства, затеянные коварно и умышленно, от чего нередко бывает много убийств, увечий и других тяжких обид, — кровные родственники затеявших подобное пребывали и долженствовали пребывать в своем положении [т. е. в покое] со дня помянутого нападения или злодейства в течение следующих сорока дней, исключая только лиц, [непосредственно] завраждовавших между собою, каковые за свои злодейства могли быть схвачены и задержаны как в течение сказанных сорока дней, так и после и заключены в тюрьмы при судах, в ведомстве которых учинены злодейства, чтобы подвергнуться за то наказанию сообразно свойству преступлений, как повелено в уставах. И если в вышесказанный сорокадневный срок кто-либо из родных, детей, единокровных или свойственников кого-либо из главных зачинщиков дела кому-либо из родственников другой стороны нанесет каким бы то ни было образом обиду или вред в отместку ли или как иначе, то, кроме вышесказанных злодеев, которые, как уже пояснено выше, [всегда] могут быть схвачены и наказаны по мере вины, эти [вмешавшиеся в ссору первых] как изменники или уличенные в злодействе и как нарушители королевских уставов и уложений должны быть осуждены и наказаны надлежащим судьей того ведомства, где совершено преступление, либо в том месте, где были в преступлении по суду уличены; каковые уставы недаром еще и поныне во многих и различных частях нашего королевства неуклонно соблюдаются ради общего блага и защиты страны и жителей, там обитающих и оседлых, верно хранимые, как сказано выше.

В. Филипп IV Красивый (1285—1314)

9. КОРОЛЕВСКАЯ ГРАМОТА О ПРИГЛАШЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОТ ГОРОДОВ НА ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ 1302 г., АДРЕСОВАННАЯ СЕНЕШАЛУ БОСЭРА (февраль 1302 г.) [1]

Филипп, милостью божией король франков, сенешалу Босэра и его заместителю привет. Желая обсудить и рассмотреть совместно с прелатами, баронами и прочими нашими и нашего королевства верными подданными многие затруднительные обстоятельства, не мало затрагивающие положение и вольности наши, а также королевства нашего, церквей, духовных лиц, знати, светских людей, общин и отдельных жителей означенного королевства, предписываем вам распорядиться и приказать от нашего имени... консулам и общинам... городов и местечек Монпелье и Босэра..., чтобы означенные консулы и общины упомянутых городов и местечек выбрали по два или по три из лучших и опытных людей..., которые бы явились в воскресенье перед вербной неделей в Париж для совместного с нами рассмотрения, обсуждения, принятия к сведению, исполнения и одобрения от имени консулов и означенных общин всего того..., что будет нами относительно вышеупомянутого... постановлено. Внушите им, что если, вопреки настоящему приказанию, не явятся перед нами, подвергнутся взысканию, как будет установлено.

10. ИЗВЕСТИЕ СОВРЕМЕННОЙ ХРОНИКИ О СОЗЫВЕ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТОВ 1308 г. в г. ТУРЕ

Король собрал в Туре парламент из благородных и неблагородных, прибывших из всех замковых округов и городов его королевства. Прежде чем отправиться к папе в Пуатье, он хотел посоветоваться с ними, что нужно сделать с тамплиерами, согласно их признанию. Для всех приглашенных был назначен день, первое число месяца, следующего за пасхой [бывшею в том году 14 апреля]. Король хотел действовать осторожно, и, чтобы не навлечь на себя нареканий, он желал заручиться мнением и согласием людей разного звания в своем государстве. Вот почему ему нужны были суд и приговор не только благородных и ученых, но также горожан и мирян. Те, явившись лично, произнесли почти все в один голос, что тамплиеры достойны смерти. От Парижского университета и особенно от профессоров теологии настоятельно требовалось, чтобы они выразили свое суждение по этому делу, что они и сделали... в субботу после вознесения.

---

[1] Грамота содержит приглашение на первые генеральные штаты Франции, созванные Филиппом IV во время его столкновения с папой Бонифацием VIII по вопросу об обложении налогами церковных имуществ. Напечатана у Picot, Documents relatifs aux États Généraux et Assemblées réunis sous Philippe le Bel, № 1.

11. ОППОЗИЦИЯ ФИЛИППУ IV КРАСИВОМУ

Всем, кто увидит и услышит настоящие грамоты, мы, дворяне и простолюдины Шампани, от нас, от земель Вермандуа, Бовэзи, Понтье, де ла Ферр, Корби, и от всех дворян и простолюдинов Бургундии, и от всех наших союзников и присных, обитающих во всех краях королевства Франции, привет. Да будет ведомо всем, что доблестнейший и могущественнейший государь, наш возлюбленный и высокочтимый господин Филипп, божиею милостью король Франции, устанавливал и взимал различные тальи, помочи и незаконные поборы, портил монету и творил многие другие дела, от чего сказанные дворяне и простолюдины несли большую тяготу и оскудение... И не видно, чтобы они послужили к чести и пользе короля и королевства, ни к ограждению пользы общей. По поводу тех обид мы много раз смиренно и благоговейно просили и молили названного короля, чтобы таковые дела он соблаговолил отменить и оставить, но ничего этого он не сделал. И еще в текущем 1314 г. сказанный наш король учредил неправильно налоги на дворян и на простой народ, а также и помочи, которые пытался взимать с них; этого мы не можем терпеть и по доброй совести допустить, ибо в таком случае лишились бы своих почетных прав, льгот и вольностей... Вследствие тех вышесказанных дел, мы, вышеназванные дворяне и простолюдины, за себя и за наших родных и присных, а также и за других, во всех краях королевства Франции, как сказано выше, поклялись и обещали под присягою, прямодушно и добросовестно, за себя и своих наследников, графствам Оссер и Тоннер, дворянам и простолюдинам названных графств, их союзникам и присным, что, по случаю помочи, требуемой на текущий год, и прочих неправд и новизн, незаконно введенных и вводимых ныне и впредь, буде короли Франции, наши государи, или другие захотят обложить те земли, мы окажем им помощь и защиту своими собственными силами и средствами... И да будет известно, что, поступая так, мы постановили и постановляем, определили и определяем, чтобы все службы, повинности ленные... и всякие другие, должные королям Франции, государям нашим, и прочим нашим господам и их наследникам, оставались сохранно, нерушимо и неприкосновенно.

III. СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА

12. ПОЛОЖЕНИЕ ФЛАНДРИИ В 1337 г. И ВЫСТУПЛЕНИЕ ЯКОВА АРТЕВЕЛЬДА

(Из Фруассара)

Король Англии запер все морские проходы и не пропускал ничего во Фландрию, а особенно шерсть и овечьи шкуры. Этим все страны Фландрии были глубоко поражены, так как суконное

производство — главный предмет, которым они живут, и было уже много разорившихся благородных людей и богатых купцов. Приходилось выбираться из земель Фландрии многим честным мужчинам и женщинам, которые перед этим были обеспечены трудом по производству сукон, и они шли искать себе довольства в Генегау и другие места, где могли найти его; великие роптания по поводу этого распространились и рассеялись по стране Фландрской, и особенно в больших городах. Говорили, что тяжело и дорого обходится им любовь, которую граф, их сеньер, питал к французам, так как благодаря ему и его делам они подверглись этой опасности и ненависти английского короля и что гораздо полезнее было бы для общего блага Фландрии находиться в мире и любви с королем английским, чем с королем Франции.

Правда, что из Франции к ним приходит много хлеба, но так как им не на что его покупать и нечем платить, все по недостатку заработка, то в этом-то и беда их, потому что мера хлеба стоит денье, а у кого нет его, тому нехорошо. Из Англии же к ним идет шерсть, и с нею вместе большие выгоды, которые позволяют им поддерживать свое благосостояние и жить в довольстве. К тому же они получают достаточно хлеба и со стороны Генегау, так как область эта в мире с ними.

Так волновались и часто роптали на упущения общего блага по всей стране Фландрской, а особенно в городе Генте, так как в нем всего более во Фландрии делают сукон: жители его всего менее могут существовать без суконного производства, и убыток был особенно чувствителен для них. Поэтому собирались на площадях толпами и кучками и там говорили и рассуждали на много различных ладов и ругались, как обыкновенно спорят люди простонародья, насчет графа Людовика, их сеньера. Высказывали между собою, что этого нельзя более терпеть и что если такая бедность продолжится долго, то все самые богатые люди пострадают от этого, и Фландрия придет в разорение.

Граф Фландрский хорошо знал, что люди его вообще ропщут на него и на его партию. Поэтому он сам успокаивал как мог и велел успокаивать их; он говорил и велел говорить им: «Мои добрые люди, знайте, что это положение не может долго протянуться, ибо я получил известия от некоторых моих друзей из Англии. Они говорят, что англичане еще более недовольны своим королем, не имея возможности получать выгоду от своей шерсти... Они не могут ни продавать ее, ни помещать куда-либо в другое место, кроме как к вам, если не терпеть слишком большого убытка. Итак, успокойтесь, так как я вижу и знаю много хороших средств исцеления для вас, которые скоро вас утешат, и не думайте и не говорите ничего предосудительного, ничего оскорбительного об этой славной стране, Франции, откуда в изобилии идет к вам столько благ».

Так, чтобы утешить и успокоить их, говорил им или приказывал говорить граф. Тем не менее, большинство было так потря-

сено этой нуждой и бедностью, и последняя все так возрастала, что они не могли успокоиться. Что бы ни говорили им, они не видели никаких признаков облегчения, ни близкого заработка. Поэтому они волновались и приходили в возбуждение со дня на день и все более и более. Однако из-за боязни графа не было между ними такого смельчака, который решился бы предпринять что-либо.

Так это оставалось в течение долгого времени, и все попрежнему собирались толпами на площадях и перекрестках. Однажды сошлись потолковать вместе из разных мест и из многих улиц, среди города Гента, несколько товарищей, которые слышали, как говорил, по их мнению очень умно, один гражданин по имени Жак Артевельд... Товарищи эти передавали его слова другим и говорили, что это очень умный человек и что они слышали, как он уверял, будто надеется в короткое время, если бы его послушали и поверили ему, так восстановить благосостояние Фландрии, что они вернут себе весь свой заработок и будут в уважении у королей французского и английского. Слова эти начали распространяться и так быстро переходили от одних к другим, что целая четверть или половина города узнала их, преимущественно мелкий люд и простонародье, которого бедствие коснулось всего более. Тогда начали сходиться с улиц и перекрестков и вместо нескольких собраний соединяться в одном общем.

Случилось, что однажды после обеда они вышли в числе более пятисот один за другим и вызывали своих товарищей, переходя из дома в дом, и говорили: «Идемте, идемте послушать совета умного человека». Так они дошли до дома Жака Артевельда и нашли его прислонившимся у своей двери. Как только они увидали его, сняли свои шапки, кланялись ему и говорили: «Ах! дорогой сеньер, ради бога выслушайте нас. Мы пришли к вам за советом, так как нам говорили, что ваш добрый совет может восстановить благосостояние Фландрии. Удостойте же сказать нам, как быть, этим вы подадите нам милостыню, — не забывайте нашей бедности».

Тогда выступил Жак Артевельд и сказал: «Господа товарищи, совершенно верно, я говорил, что если бы все выслушали меня и поверили мне, то я верну Фландрии благосостояние, и от этого не будет никакого ущерба нашим государям». После этих слов его окружили, теснясь наперебой друг перед другом, увлекли его в толпу и говорили: «Да, вам поверят, вас будут слушать, почитать и служить вам». — «Господа, господа, — сказал Артевельд, — необходимо, чтобы к совещанию была налицо вся наиболее здоровая часть города Гента и чтобы вы поклялись мне, вы, находящиеся здесь, и все те, которые согласны или согласятся с вами, что вы поддержите меня и поможете мне во всех случаях, даже если бы пришлось умирать». И они ответили все в один голос: «Да». После этого он сказал им, что назавтра, в первом часу, они должны быть на месте, называющемся Билок, и дол-

жны известить об этом всех в городе Генте и что там, в присутствии всех, он публично укажет им то, чем будет обрадован весь город. И они воскликнули все в один голос: «Это хорошо сказано, это хорошо сказано!»

Таким образом эти известия распространились по городу Генту, и оповещены были три части города. На следующий день, в первом часу, вся площадь Билок была переполнена народом, а также и улица, где он жил, была вся полна. Его принесли из дому на руках, всячески расталкивая народ, на самую площадь Билок и устроили ему хороший помост, на который и поставили его. Отсюда он начал говорить им так прекрасно и так умно, что склонил к своим взглядам всех. Содержание его речи было таково, что страны Фландрии будут открыты и сойдутся с королем английским и всеми его подданными, если бы они пожелали платить за все то, что они возьмут оттуда, так как войны и вражда фламандцев к англичанам не могут им принести никакой выгоды, а обходятся дорого. И он указал им пути и условия, которые не могут быть описаны здесь, так как для этого нужно было бы слишком много слов. Но результат был тот, что они обещали ему и клялись, что с этого дня впредь они будут считать его своим повелителем, и все устроили по его совету. Он был приведен в свой дом с удивительным уважением, и со дня на день рос к нему почет.

13. БИТВА ПРИ КРЕСИ (1346 г.) [1]

Начало сражения

Когда король Филипп дошел вплоть до того места, близ которого расположились в боевом порядке англичане, и он увидел их, — кровь вскипела в нем, ибо он слишком их ненавидел. Так, он нисколько не удерживал себя от того, чтоб вступить с ними в бой, равно как и не имел надобности в том, чтоб принуждать себя к этому, а сказал своим маршалам: «Пропустите вперед наших генуэзцев [2] и начинайте бой во имя бога и монсеньера Дениса святого!» Там было этих генуэзских стрелков из арбалета примерно 15 тысяч, которые не были в состоянии начать битву, так как сильно устали и измучились из-за длительного перехода в 6 лье в полном вооружении, неся арбалеты. И сказали они тогда своему коннетаблю, что они неспособны ни на один крупный военный подвиг. Эти слова долетели до слуха графа д'Алансон, который был ими сильно разгневан и сказал: «Очень-то надо было обременять себя этой швалью, которая выбывает из строя в самый нужный момент!»

Одновременно с тем, как эти речи передавались, а упомянутые генуэзцы собирались вместе и медлили [с наступлением],

---

[1] Froissart, Chroniques, publ. par S. Luce, t. III, pp. 175—177.

[2] То-есть, генуэзских стрелков из арбалета.

пошел дождь, такой крупный и частый, что достойно удивления, с громом и молнией, пресильными и престрашными. До этого дождя над обеими армиями пролетели вороны в таком изобилии, что не было им числа, создавая при этом невероятный шум. Некоторые мудрые рыцари говорили тогда, что это было предзнаменованием великой битвы и больших потоков крови. После всего этого небо стало проясняться, и засияло солнце, яркое и прекрасное: французам оно светило прямо в глаза, англичанам же в спины.

Когда генуэзцы были все собраны и выстроены и должны были начать наступление, то они принялись удивительно громко горланить; и делали они это, чтоб поразить англичан, но англичане молча стояли на месте и не обращали на это ровно никакого внимания. Во второй раз еще так же завопили и подвинулись немного вперед, но англичане продолжали молчать, не двигаясь ни на шаг. Еще и в третий раз завопили очень громко и пронзительно, прошли вперед, натянули тетивы своих арбалетов и начали стрелять. А английские стрелки из лука, когда они увидели такое положение вещей, продвинулись немного вперед и стали с большим мастерством пускать в генуэзцев свои стрелы, которые опускались и вонзались так густо, словно снег. Генуэзцам никогда еще не приходилось встречаться в бою с такими стрелками из лука, какими были английские, — и когда они почувствовали эти стрелы, пронзающие им руки, ноги и голову, то были тотчас же разбиты. И многие из них перерезали тетивы своих луков, а некоторые бросали лук наземь, так они принялись отступать.

Рядом с ними [1] и англичанами стояли плотными рядами рыцари, верхом на богато убранных конях и роскошно одетые, которые наблюдали за схваткой генуэзцев [с англичанами-лучниками] и за тем, как они сражались; так что когда они попытались повернуть назад, то не смогли этого сделать. Ибо король Франции, сильно разгневавшись при виде их жалкого строя и того, что они потерпели поражение, так повелел и сказал: «Теперь же перебейте эту шваль: они обременяют нас и без толку загораживают нам путь». И было видно там, как рыцари, зажатые между ними, стали их избивать, и многие [из рыцарей] спотыкались среди них и падали между ними [2], не будучи более в состоянии подняться. А англичане попрежнему усиленно стреляли в самую гущу толпы, и ни один выстрел не пропадал даром, ибо стрелы вонзались и падали или среди еще державшихся рыцарей, или же среди тех, что падали там и спотыкались в самом плачевном состоянии, — и могли они быть подняты с земли не иначе, как с усиленной помощью [своих] людей. Так началась битва между Бруа и Креси, в Понтье [3] в ту субботу, вечером.

---

[1] То-есть генуэзскими стрелками из арбалета.

[2] То-есть между генуэзцами.

[3] Понтье — старинное название провинции, где находится город Креси.

14. БИТВА ПРИ ПУАТЬЕ

(Из Нормандской хроники) [1]

I. Переговоры перед битвой

Король Иоанн собрал очень большое войско и пошел против принца Уэльского [2]... Принц Уэльский начал отступление, когда узнал о прибытии короля Иоанна, и король преследовал его вплоть до Пуатье. И во время этого преследования между Пуатье и Шованьи люди принца встретили графа Жуаньи и с ним более 200 воинов; французы были разбиты, а граф Жуаньи и многие другие взяты в плен. Король Иоанн так преследовал принца, что настиг его близ Пуатье, где тот расположился лагерем в лесу и с ним все его люди. Место, где находился принц, звалось Мопертюи... И было людей у принца свыше 8 тыс. бойцов, из которых он имел около 3 тыс. тяжело вооруженных, а остальных — стрелков. Настолько войско короля Иоанна приблизилось к войску принца, что они видели одно другое, и ждали на следующий день боя. Тут прибыл кардинал Перигор, посланный папой, чтобы помирить принцев. И явился этот кардинал к королю Иоанну попросить перемирия от лица принца; чтобы получить перемирие, принц соглашался вернуть королю Иоанну все замки и крепости, которые он завоевал в королевстве французском и которые находились в его руках уже 3 года, и заплатить 100 тыс. флоринов; принц соглашался оставаться пленником и заложником, пока все это не будет выполнено и устроено с тем, чтобы все его люди могли уйти без боя. Эти предложения король Иоанн отклонил и сказал кардиналу, чтобы принц и все его люди сдавались вполне на его милость, или же он попытается взять их силой. Когда принц узнал этот ответ, он построил своих друзей и ожидал битвы в большом страхе, потому что король Иоанн имел очень большое войско.

II. Битва

Англичане образовали два крыла из своих стрелков из лука по бокам своей боевой линии и построились в боевой порядок на большом поле, покрытом виноградником и обнесенном изгородью, в которой имелось много проломов. Король Иоанн имел до 12 тыс. тяжело вооруженных, но мало других бойцов, как-то: стрелков из лука и арбалета, и из-за этого английские стрелки попадали более верно, когда дело дошло до битвы. Король Иоанн образовал несколько боевых линий и поручил первую из них маршалам, которые так спешили схватиться с врагом, что линия короля была еще далеко позади, а маршалы прошли уже через изгородь и вошли в соприкосновение с англичанами внутри загороженного поля, где те стояли в боевом порядке. И тотчас были

---

[1] Chronique normande de XIV s., ed. par Mollinier, 1882, p. 112.

[2] Наследник английского престола, командовавший английской армией.

они разбиты, и большая часть их людей убита и взята в плен. Тут убит был маршал Клермонский, а другой маршал взят в плен. И тотчас вслед за тем подошел герцог Нормандский, имевший очень густую линию тяжело вооруженных, но англичане собрались у проломов изгороди и вышли немного вперед; некоторые из людей герцога проникли за ограду, но английские стрелки принялись пускать такую тучу стрел, что линия герцога стала пятиться назад, и тогда англичане перешли в наступление на французов. Тут большое количество людей из боевой линии герцога было убито и взято в плен, многие ушли, а часть соединилась с корпусом короля, который теперь только что подходил. Бойцы герцога Орлеанского разбежались, а те, которые остались, присоединились к корпусу короля. Англичане стянули свои ряды и немного перевели дух, а король и его люди прошли большой и длинный путь, что их очень утомило. Тогда король и его корпус стали смыкаться, и тут произошла большая и жестокая битва, и многие англичане поворачивали и убегали, но французы так скучились под жестоким обстрелом лучников, попадавшим им в головы, что большинство их не могло сражаться, и они падали один на другого. Тут стало ясно поражение французов. Тут были взяты в плен король Иоанн и его сын Филипп... А герцог Карл был уведен оттуда своими рыцарями, также герцог Анжуйский и герцог Туренский. И не столь велико было число убитых в этой битве, сколь тяжело поражение; всего-навсего было убито около 800 тяжело вооруженных французов. Была эта битва в 1356 г.

Потом были отведены король Иоанн и сын его Филипп и другие пленники в Бордо, а Карл, герцог Нормандский, прибыл в Париж и сделался правителем Франции...

15. ПОСЛЕ БИТВЫ ПРИ ПУАТЬЕ

(Из Фруассара) [1]

Если королевство Франции было потрясено и возмущено взятием [в плен] короля, своего государя, то в этом не было ничего удивительного, ибо люди всякого звания были очень огорчены этим и опечалены. Мудрые люди королевства хорошо понимали, что все это грозит великими бедствиями, ибо король, их глава, и весь цвет доброго французского рыцарства погибли или попали в плен, а три сына короля, вернувшиеся с поля сражения — Карл, Людовик и Иоанн, — были молоды и по возрасту и по смыслу. Плохая на них была надежда, так как никто не желал взять управление королевством. Вместе с тем, к рыцарям, вернувшимся с поля сражения, народ относился с столь великою ненавистью и с таким осуждением, что в добрых городах все их встречали пал-

[1] Oeuvres de Froissart, publ. par Kervyn de Lettenhove. Chroniques, t. VI, 1868, p. I.

ками... И так все рассуждали и роптали между собой. И видели многие мудрые люди, что дела не могут так долго продолжаться, если не принять мер к их исправлению. Ибо... оставались еще герцог Ланкастерский, мессир Филипп Наваррский и мессир Годефруа де Гаркур, содержавшие в стране большое количество вооруженных людей — англичан и наваррцев, которые ежедневно учиняли в Нормандии поджоги и наезды, нападая на города, крепости, замки...

16. ГРАБЕЖИ И НАСИЛИЯ АРМИЙ, УЧАСТВОВАВШИХ В СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ

а) Разорение страны англичанами и наваррцами (1356 г.) [1]

Итак, прослышал означенный король [2], что герцог Ланкастер, англичане и наваррцы [3] направляются к Руану и повергают страну в великие бедствия и что англичане в прошедшие времена не совершали там столько зла, сколько творили они теперь благодаря силе и помощи наваррцев. Тогда король Франции, движимый стремлением отомстить за такие злодеяния, выехал из Парижа и отправился в Сен-Дени, где его дожидались рыцари в большом числе и еще прибывали каждый день новые.

Герцог Ланкастер и наваррцы, которые разъезжали большими отрядами и предавали огню всю открытую местность, подъезжали к Вернону, который был добрым городом и большой величины, и был он весь сожжен и разграблен: остался лишь замок. А затем поехали они по направлению к городу Вернёй и так достигли до него. Означенный город был весь сожжен, и так же поступили они и с предместьями Руана.

б) Возобновление войны наваррцами (1358 г.). Страшные опустошения, производимые ими во Франции [4]

Когда король Наваррский узнал истину о смерти купеческого старшины [5], своего важного союзника и его сторонников, то был он сильно поражен и разгневан по двум причинам: одна из них — то, что купеческий старшина был к нему премного благосклонен и дружественно настроен и помог освободить его из тюрьмы и находил у него [6] всегда и веские суждения и добрый совет, другою причиною было то, что слишком затрагивал его честь тот факт, что по случаю смерти купеческого старшины и его сторонников повсюду слышалась молва о том, что он [7] хотел путем

---

[1] Froissart, Chroniques, publ. par S. Luce, IV, pp. 187—188.

[2] Французский король Иоанн Добрый. Описываемые ниже события происходили до битвы при Пуатье.

[3] Так называли сторонников крупного французского феодала и одновременно короля наваррского Карла Злого.

[4] Froissart, Chroniques, t. V, pp. 122, 340.

[5] Речь идет об Этьене Марселе.

[6] То-есть у Карла Наваррского.

[7] То-есть Карл Наваррский.

своих увещеваний и происков предать герцога Нормандского[1], своего зятя, и парижан, каковая причина была ему очень во вред и не должно было ни терпеть ее, ни оставлять неустраненной. Обо всем этом он известил своих советников; таким образом, король Карл Наваррский, человек очень изобретательный, получил много советов и мнений по этим вопросам и отнюдь не приходил к тому заключению, чтобы не посылать вызова герцогу Нормандскому и не идти войной на него и на королевство Францию. Итак, он послал ему вызов от своего имени и выехал из Сен-Дени и отправился в Мелюн на Сене, где пребывала королева Бианка, его сестра. Он завладел городом и замком и повсюду брал [к себе на службу] воинов на жалованье, рыцарей и бойцов из компаний — гасконцев, англичан, испанцев, провансальцев, немцев, геннегаузцев, фламандцев, брабандцев — и различных иных людей, изъявивших желание быть на его стороне. Также и в королевстве Франции оказалось много таких людей, которые были согласны вместе с ними идти войной на герцога Нормандского и на королевство [Францию] и приходили к нему различные люди, дабы побольше пограбить и нажиться. Ибо королевство Франция было в те времена столь богато, столь великолепно и так преисполнено всеми благами, что всякий искатель приключений охотно отправлялся туда ради личной наживы.

Так начал король Наваррский и его люди, которых называли наваррцами, войну против королевства Франции в такой степени, что никогда еще не было оно столь притесняемо и опустошаемо англичанами, как наваррцами. Итак, стали они предавать огню и опустошать всю местность вокруг Парижа и везде расхищать все, что находили, без роздыху высматривать и переходить от одного к другому и захватывать замки, города и крепости, одни — путем осады, другие — благодаря переговорам и проискам со стороны тех, что находились в самих крепостях и у которых сторонники французского короля убили кого-либо из близких. В скором времени славное и большое королевство Франция оказалось во всех частях своих столь переполнено ими[2], что никто в королевстве не смел ни ходить в ту или другую сторону, ни выходить [из города], ни разъезжать верхом, если не с целью поджога или грабежа. А король Наваррский пребывал в Мелюне на Сене с большим количеством вооруженных людей, и совершали они набеги в Бри, Гатинэ, Шампань и поступали со страной и жителями примерно так, как им заблагорассудится.

* * *

Из-за такого рода людей земля оставалась невозделанной и под паром; никто ее не пахал и не вскапывал, из-за чего началась в королевстве Франции страшная дороговизна.

---

[1] То-есть дофина Карла.

[2] То-есть наваррцами.

17. РАЗОРЕНИЕ ФРАНЦИИ БРИГАНДАМИ[1]

а) Бриганды в Лимузене. Подвиги капитана Бакона (1348 г.)[2]

...Те [бриганды], которые находились в Гаскони, Пуату и Сентанж, как те, что сражались на стороне короля Франции, так и те, что сражались за короля Англии, никогда не придерживались твердо условий перемирия[3] заключенного между обоими королями, но отвоевывали часто друг у друга города и сильно укрепленные замки, захватывая их с налету или же путем осады либо ночью, либо днем. И часто случались славные приключения [с бригандами]: то с теми, что были из английских войск, то с теми, что были из французских. И всегда наживались нищие бриганды на разграблении городов и замков, каковым путем приобретали такое богатство, что чуду подобно. И делались некоторые из них столь могущественными, что становились главарями и капитанами над прочими бригандами, и были среди них такие, которые обладали денежной суммой в сорок тысяч экю. По правде говоря, это были превеликие чудеса — все то, что они творили. Бывало, и очень часто, — что они выбирали для нападения какой-нибудь добрый город или крепкий замок и в течение одного или двух дней выжидали удобного случая [для нападения]. И затем 20 или 30 бригандов собирались вместе и шли лесными тропинками и ночью и днем так, чтобы войти в тот город или тот замок, который наметили, прямо при восходе солнца, и поджигали один из домов. А жители города, полагая, что это [пришла] целая тысяча тяжело вооруженных людей, намеревающихся сжечь их город, спасались бегством, кто как мог. Бриганды эти взламывали двери, сундуки и ларцы с драгоценностями и брали все, что находили; затем возвращались своей дорогой, нагруженные добычей. Так действовали они в городе Донзонаке и во многих других городах. И захватывали таким путем многие замки и затем перепродавали их.

Среди других [капитанов] был в Лангедоке один бриганд, который таким образом наблюдал за сильно укрепленным замком Комборнским, находящимся в Лимузене, в очень трудно доступной местности. Итак, он отправился ночью, верхом, с тридцатью своими товарищами — и они, подъехав к замку, осадили его и взяли и захватили в плен самого сеньера, имя которому было виконт Комборнский. И перебили всех [кто был] внутри замка, сеньера же посадили в его собственном замке в темницу. Держали его там очень долго и выпустили на свободу лишь после уплаты им 24 тысяч экю в качестве выкупа. А упомянутый бри-

---

[1] Бриганды были легко вооруженными пехотинцами (оружие — лук или короткое копье и короткий меч) и получили свое название от слова «бригандин» (brigandine), обозначавшего один из видов кольчуги.

[2] Froissart, Chroniques, t. IV, pp. 67—69.

[3] Перемирие было заключено в сентябре 1347 г. и длилось до апреля 1351 г.

ганд удержал за собой означенный замок, сделал там большие запасы и оттуда совершал походы по стране. И впоследствии за эти храбрые подвиги король французский пожелал иметь его при себе и купил его замок за 20 тысяч экю; и стал он военным посланцем (huissiers d'armes) короля Франции и пребывал у короля в большом почете. И звали этого бриганда Бакон, и всегда имел он и прекрасных боевых коней, и богато убранных парадных лошадей, и множество вьючных. И вооружен он был точно граф, и носил роскошную одежду, и сохранял он это высокое положение в течение всей своей жизни.

б) Компании в Провансе и Иль-де-Франсе (1357 г.) [1]

В то же самое время [2] собрал один рыцарь, по имени монсеньер Арно де Серволь, а обычно его звали «протопопом», большую компанию вооруженных людей, пришедших из разных стран и увидевших теперь, что пропал их заработок, поскольку король французский был в плену, — и они не знали, где бы им можно было разжиться во Франции. Итак, направились они сперва в герцогство Прованс и захватили там и подвергли осаде многие укрепленные города и замки и разграбили всю страну вплоть до Авиньона, и не имели никакого другого главаря или капитана, кроме как вышеназванного рыцаря. Из-за чего папа Иннокентий VI, пребывавший тогда в Авиньоне, и вся коллегия кардиналов были в таком страхе перед ними, что не знали, как отвлечь их [от Авиньона], и вооружали своих подданных и днем и ночью. И когда означенный «протопоп» со своими людьми разграбил всю страну [вокруг Авиньона], папа и коллегия кардиналов, которые далеко не были в безопасности, послали к «протопопу» для переговоров; и он пошел на мировую и прибыл в Авиньон, равно как и большая часть его людей, и был принят с такими почестями, как если бы он был сыном короля Франции, и много раз обедал во дворце за одним столом с папой и кардиналами; и были прощены ему все его грехи, а перед отъездом [его из Авиньона] было ему вручено 40 тысяч экю, дабы он роздал их своим товарищам. Так разошлись эти люди; но означенный «протопоп» продолжал и впредь возглавлять отряд [вооруженных людей].

В то время поднялась и выступила еще одна компания тяжело вооруженных воинов и бригандов, собравшихся из разных стран, и вели они войну и грабили изо дня в день по всей области между реками Луарой и Сеной; из-за чего никто не смел ездить ни между Парижем и Вандомом, ни между Парижем и Орлеаном, ни между Парижем и Монтаржи, и никто не смел там [3] оставаться; таким образом, все жители из сел и деревень бежали в Париж или

---

[1] Froissart, Chroniques, t. V, pp. 93—95.
[2] В 1357 г.
[3] То-есть в местечках, расположенных между этими городами.

Орлеан. И избрала упомянутая компания капитаном одного валлийца по имени Руффин и сделала его рыцарем; и стал он столь богат и могущественнен благодаря своему имуществу, что величину последнего немыслимо было себе представить. И разъезжала часто эта компания близ Парижа, в иной день — около Орлеана, в другой — под Шартром. И не оставалось ни одного города или крепости, если они наилучшим образом не охранялись, без того, чтобы не подвергаться в те времена грабежам и набегам, а именно: Сент-Арну, Галлардон, Бонневал, Клуа, Этамп-Шатр, Монтлери, Питивье в Гатинэ, Ларшан, Милли, Шато-Ландон, Монтаржи, Иевр — и столько других больших городов, что чудом было бы все их припомнить. И разъезжали они по стране группами, какая в 20, какая в 30, какая в 40 человек, и не встречали никого, кто бы мог помешать их намерениям нанести урон городам.

в) Подвиги рыцаря Эсташ д'Обершикур (1359 г.) [1]

Мессир Эсташ д'Обершикур находился в Шампани, где распоряжался как полный хозяин; и располагал он изо дня в день, когда того желал, семьюстами или тысячью воинов. И он сам или его люди совершали почти ежедневно набеги то в сторону Труа, то в сторону Провена. И была в их власти вся открытая местность по сю и по ту сторону как Сены, так и Марны. И в то время [2] совершил там упомянутый мессир д'Обершикур, в пределах Бри и Шампани, немало славных подвигов и проявил большую удаль; и неоднократно повергал он наземь многие отряды дворян; никто не мог устоять против него, так как он был молод и любезен и исключительно предприимчив. И нажил он там огромное состояние, благодаря выкупам, перепродажей городов и замков, а также и откупами [отдельных мест] страны и домов от поджогов [со стороны людей д'Обершикура] и пропускам, которые он выдавал; ибо никто, будь то купец или кто другой, не мог ни ездить в ту или другую сторону, ни выходить из добрых городов, если не с опасностью для самого себя, — и держал он у себя на жалованье более 1 000 воинов и имел 10 или 12 крепостей.

В то время означенный мессир Эсташ любил верной любовью одну высокородную даму — и дама его также. Ее можно вполне назвать, ибо она стала впоследствии его супругой: это была мадам Изабелла Юлихская, бывшая дочерью графа Юлихского от одной из дочерей графа Геннегау; королева английская приходилась ей теткою; в юности своей она [3] вышла замуж в Англии за графа Кентского, но он умер молодым. Эта дама была молода и полюбила монсеньера Эсташ за его доблесть и храбрые по-

[1] Froissart, Chroniques, t. V, pp. 159—160.
[2] В 1359 г.
[3] То-есть Изабелла Юлихская.

двиги, о которых слышала ежедневно. И все время, пока мессир Эсташ находился в Шампани, означенная дама посылала ему многочисленных коней и иноходцев, любовные письма и яркие знаки любви, благодаря чему означенный рыцарь бывал более смелым и храбрым и совершал столько подвигов, что каждый говорил о нем.

г) Знаменитый капитан Роберт Кнолль[1]

И самыми богатыми из всех этих капитанов и таким, кто более всех других сохранил в себе хитрости и коварство прошедших времен, был мессир Роберт Кнолль. Его имущество далеко превышало 200 тысяч флоринов и 40 добрых замков, которые находились под его властью... И заявлял он, что ведет войну вовсе не для короля английского и не для короля наваррского и вообще ни для кого, кроме как для самого себя, — и на знаменах его в качестве девиза была вышита надпись:

«Роберта Кнолля в плен кто возьмет,
Наживет 100 тысяч золотых монет».

IV. ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ 1356—1357 гг. И ВОССТАНИЕ ЭТЬЕНА МАРСЕЛЯ

18. ИЗ «БОЛЬШИХ ХРОНИК ФРАНЦИИ»

1) Созыв генеральных штатов в октябре 1356 г.

15 октября, в субботу, прибыло в Париж много духовенства и горожан Лангдойля, а в следующий понедельник все собрались в камере парламента, по приказанию монсеньера герцога Нормандского[2], который также находился там, и в его присутствии монсеньер Пьер де Лафоре, архиепископ Руанский и государственный канцлер, сообщил вышеупомянутым трем сословиям о плене короля, о том, как мужественно он сражался собственноручно с неприятелем и, несмотря на это, потерпел большую неудачу. Канцлер указал им, что каждый из них должен приложить все старания к освобождению короля. Затем он просил у них от имени монсеньера герцога совета, каким способом можно вернуть короля, как вести войну, а также просил помощи в этих затруднительных обстоятельствах.

...После того как три сословия собирались и совещались больше 15 дней, они избрали от каждого из трех сословий выборных, которым остальные дали полномочия делать постановления, какие они сочтут нужным для пользы королевства; выборные, которых было от всех трех сословий около пятидесяти, сообщили монсеньеру герцогу Нормандскому, что они желают поговорить

---

[1] Froissart. Chroniques, t. V, p. 351.
[2] То-есть дофина Карла.

с ним без свидетелей. Герцог пошел в сопровождении пяти лиц в монастырь Кордельеров к комиссии выборных, которые сказали ему, что они совещались вместе в течение нескольких дней и все пришли к общему согласию. Они просили сеньера герцога, чтобы он держал в секрете то, что они будут ему говорить, что необходимо для спасения государства, на что монсеньер герцог ответил им, что он клясться в этом не будет; несмотря на это, они все-таки сказали ему следующее:

2) Требования генеральных штатов

Во-первых, они сказали ему, что король дурно управлял страной в прошлом: все произошло по вине его дурных советников, по их вине король сделал все, что он сделал, через них государство пришло в расстройство, и ему грозит опасность полной гибели и разрушения. Они просили герцога лишить должностей королевских чиновников, которых они назовут, заключить их в тюрьму, а имущество их конфисковать. Так как монсеньер Пьер де Лафоре, архиепископ Руанский и государственный канцлер, который был одним из тех, против которых они выставили свои требования, был духовной особой и поэтому неподсуден монсеньеру герцогу, они просили его собственноручно написать папе и умолять его назначить комиссарами тех лиц, какие будут указаны сословиями; чтобы эти комиссары имели право подвергнуть архиепископа наказанию за те преступления, в которых выборные будут обвинять архиепископа и других чиновников. Выборные настаивали, чтобы комиссарами были назначены те, кого они назовут, и чтобы они вели дело в суде против поименованных чиновников по тем преступлениям, в которых их будут обвинять выборные. И если эти чиновники окажутся виновными, пусть они подвергнутся наказанию; если же их найдут невиновными, выборные хотели, чтобы они все-таки лишены были имущества и навсегда лишены права занимать государственные должности. Также потребовали они от монсеньера герцога, чтобы он освободил наваррского короля, который заключен в тюрьму королем, отцом герцога, как сказано об этом выше; они говорили, что с тех пор, как король наваррский был заключен в тюрьму, не было добра ни королю, ни королевству из-за греха, совершенного заключением наваррского короля. Затем потребовали они еще от монсеньера герцога, чтобы он правил при помощи особых советников, которых они ему назначат от всех трех сословий, а именно: 4 прелатов, 12 дворян и 12 горожан; эти советники будут иметь право все делать и распоряжаться в королевстве — так же, как король, назначать и смещать должностных лиц и все прочее; они предъявили и еще много требований, трудных и тяжких.

Монсеньер герцог отвечал им, что он охотно обсудит со своими советниками сделанные ему заявления, но что он хотел бы

знать, какую помощь имеют в виду оказать ему три сословия. Они отвечали ему, что они постановили между собой, что духовенство заплатит 15% своего годового дохода, если оно получит на это разрешение от папы. Дворяне заплатят 15% со своих доходов. А горожане выставят с каждой сотни домов по одному вооруженному воину. Выборные говорили, что это чудовищно большая подмога и что ее хватит на содержание тридцатитысячной армии. Герцог удалился от них, чтобы обдумать все их предложения и дать по ним ответ на другой день после обеда. Для этого монсеньер герцог собрал в Луврском дворце многих принцев крови и других дворян и совещался с ними обо всем вышеизложенном; и несколько раз — как на следующий день, так и в последующие два или три дня — монсеньер герцог посылал в монастырь Кордельеров к выборным некоторых из принцев крови, чтобы убедить их отказаться от некоторых из выставленных ими требований и прежде всего от тех трех заявлений, о которых говорится выше, объяснив им, что эти требования затрагивают короля, его отца [1], так близко, что он не осмелится согласиться на них без специального разрешения со стороны отца.

В конце концов, так как комиссия выборных не согласилась отказаться ни от одного из сделанных ею заявлений, некоторые из принцев крови и другие дворяне, принимавшие участие в совещании у монсеньера герцога по этому вопросу, пришли к общему согласию и посоветовали монсеньеру герцогу исполнить их требования, так как иначе он не мог получить от трех сословий помощи, без которой он не мог вести войну. По требованию трех сословий, был назначен день для выслушания публично того, что они хотели сказать в камере парламента, именно в понедельник, накануне праздника всех святых. Но монсеньер герцог, очень разгневанный и взволнованный упомянутыми заявлениями, которые были ему сделаны отдельно и без свидетелей, как сказано об этом выше, и которые теперь хотели сделать публично в камере парламента, полагал, что он не может осуществить эти требования, не вызвав недовольства со стороны короля, своего отца, и не нанеся ему значительного ущерба; он пригласил к себе других советников из тех, которые не участвовали в предшествующем совещании, и сам изложил им требования, предъявленные тремя сословиями, а также сообщил им о помощи, которую они обещали, и просил советников высказать свое мнение. Эти последние, в присутствии многих из тех, которые были в предыдущий раз, убедили его, что он не должен исполнять требования, ему предъявленные. Также они указали, что предложенная сословиями подмога недостаточна для ведения войны. Комиссия выборных говорила монсеньеру герцогу, что обещанная ими подмога достаточна для содержания тридцатитысячной армии, считая по 10 су в день на человека; советники показали монсеньеру

[1] Который в это время был в плену в Англии.

герцогу, что указанная подмога хватит на содержание лишь восьми- или девятитысячной армии. При этом они привели соображения, с которыми согласились все присутствовавшие на совещании, а их было около 30 человек или более. И большинство из тех, которые раньше соглашались на то, чтобы монсеньер герцог исполнил предъявленные к нему требования, и в этом смысле давали ему советы, теперь отказались от этого и были того мнения, чтобы он этого не делал.

Но так как много народу собралось в той камере парламента, в которой должны были быть сделаны упомянутые заявления монсеньеру герцогу устами архиепископа Ланского Роберта Лекока, то монсеньер герцог просил совета, как ему поступить, чтобы заставить разойтись собравшихся; согласно данному ему совету, он послал в парламент, чтобы пригласить к себе во дворец несколько человек из трех сословий, и именно тех, которые главным образом руководили другими и советовали предъявить означенные требования. К нему явились: Реймон Макэ — архиепископ Лионский, монсеньер Жан де Кран — архиепископ Реймсский, и Роберт Лекок — епископ Ланский — от духовенства; от дворянства явились: мессир Валеран Люксембургский, монсеньер Жан де Конфлян — маршал Шампанский, и монсеньер Жан де Пикиньи — губернатор Артуа. От горожан явились: Этьен Марсель — парижский купеческий старшина, Шарль Туссак — эшевен, и многие другие от многих других добрых городов.

И здесь монсеньер герцог сообщил им некоторые новости, которые он получил как от короля, своего отца, так и от своего дяди, императора, и спросил у них совета, не кажется ли им, что было бы хорошо, если бы требования, которые должны быть ему заявлены тремя сословиями и для выслушания которых собрался народ в камере парламента, отложить на один или два дня по тем причинам и основаниям, которые он им высказал. И пришли к соглашению все, там присутствовавшие, как члены совета монсеньера герцога, так и посланные от трех сословий, чтобы упомянутые заявления и ответ на них были отложены до следующего четверга...

3) Роспуск генеральных штатов

В следующую среду, на другой день после праздника всех святых, монсеньер герцог пригласил в Лувр нескольких членов королевского совета и тех представителей трех сословий, о которых упоминалось выше; он предложил им обсудить, не лучше ли будет, если три сословия, находившиеся в Париже, разойдутся по домам, ничего больше не предпринимая по тем причинам, о которых он им говорил. Большинство из присутствующих на совещании советовали ему так поступить. Поэтому он сказал присутствовавшим представителям трех сословий, чтобы они так и сделали, и просил их сказать от его имени остальным, которые

находились в Париже, чтобы они отправлялись по домам. Он сказал им, что снова созовет их, но что он выслушал некоторых рыцарей, прибывших от короля, его отца, которые принесли ему от него важные новости, а также, что он был у императора, своего дяди, к которому собирается в ближайшее время.

Многие из представителей трех сословий, которые собирались управлять французским королевством при посредстве тех требований, которые они предъявляли монсеньеру герцогу, были очень огорчены; они полагали, что все вышеизложенное было предпринято монсеньером герцогом, чтобы распустить собрание трех сословий в Париже; так это и было на самом деле.

На другой день, в четверг, многие представители трех сословий, находившиеся в Париже, собрались в капитульном зале монастыря Кордельеров, а монсеньер герцог в этот день утром уехал в Монлери. И там епископ Ланский рассказал в присутствии всех собравшихся, как монсеньер герцог просил у них совета и помощи, как с этой целью они собирались несколько раз и в течение нескольких дней и были готовы дать ему ответ, который монсеньер герцог не захотел выслушать. И сказал им, чтобы каждый из них взял копию постановлений, которые были сделаны выборной комиссией, и отвез ее домой; так и поступили многие представители трех сословий, которые присутствовали на этом собрании. Говорили, что монсеньер герцог несколько раз в течение нескольких дней обращался к купеческому старшине и эшевенам города Парижа, прося у них подмоги для ведения войны, но они не соглашались на это, если он не созовет собрания трех сословий, а это ему не советовали делать, и поэтому приказал он разослать по бальяжам королевства королевских советников, чтобы просить подмоги у городов.

4) Волнения в Париже в январе 1357 г.

...В четверг, 19 января, монсеньер герцог Нормандский послал к купеческому старшине некоторых из своих советников, а именно: монсеньера Гильома де Мелен, графа Русси, сеньера Ревель, монсеньера Роберта де Лорри и др.; они просили купеческого старшину отправиться в Сен-Жермен д'Оксерруа, так как они имели нечто сообщить ему от имени герцога Нормандского. Старшина отправился туда в обеденный час в сопровождении множества вооруженных парижских горожан. Там советники герцога просили купеческого старшину, чтобы он перестал сам и заставил перестать и других парижских граждан оказывать противодействие обращению новой монеты [1], на это старшина и прочие горожане ответили, что они ничего для этого не сделают и что они не допустят и впредь обращения этой монеты. Все

[1] Речь идет о новой неполноценной монете, выпущенной в обращение королевским правительством.

в городе были так раздражены, что ремесленникам было приказано прекратить работы, а старшина распорядился, чтобы все горожане вооружились, и очень опасались, чтобы чего-нибудь не сделали с чиновниками короля; об этих обстоятельствах герцог имел совещание с некоторыми из своих советников. На другой день, в пятницу, 20 января, рано утром монсеньер герцог отправился из Лувра во дворец, а также пошли туда купеческий старшина и многие другие из парижских горожан.

В камере парламента монсеньер герцог сам обратился к ним с речью, в которой сказал, что он не имеет против них никакого неудовольствия и что он прощает им все, что ими было сделано, и, кроме того, изъявляет согласие, чтобы три сословия собрались, когда им будет угодно. Также он сказал им, что устранит из своего совета чиновников короля, которых в прошлый раз назвали представители трех сословий, и прикажет арестовать их, если ему удастся их найти, и он будет держать их в заключении до возвращения короля, который произведет над ними правый суд...

5) Созыв генеральных штатов в феврале 1357 г. и их требования [1]

Монсеньер герцог назначил собрание трех сословий на воскресенье, 5 февраля...

В назначенный день, в воскресенье 5 февраля, собрались в Париже многие епископы и другие из духовенства, дворяне и горожане многих французских городов. В течение нескольких дней они собирались в монастыре Кордельеров и выработали несколько ордонансов...

В пятницу, 3 марта, собрались в королевском дворце, в зале парламента, в присутствии монсеньера герцога Нормандского, графа Анжу и графа Пуатье — его братьев — и многих других дворяне, духовенство и горожане в таком количестве, что наполнили всю залу. Начал говорить речь Роберт Лекок, епископ Ланский; он сказал, что в прошлом король и королевство дурно управлялись, что нанесло огромный вред королевству и его населению: от порчи монеты, от права захвата и от дурного управления общественными деньгами, которые король собирал с народа и из которых раздавал очень большие суммы лицам, дурно их использовавшим. И все это произошло, по словам епископа, от советов названных выше канцлера и других, всех тех, которые в прошлом управляли королем. Далее епископ сказал, что народ не может дальше терпеть такое положение вещей, поэтому сословия решили, что вышепоименованные лица, а также и другие, которых они указали теперь, всего 22 человека..., навсегда лишаются права занимать государственные должности; ни один из них не будет занимать ни должности президента парламента,

---

[1] Эти требования генеральных штатов были приняты дофином и оформлены в «Великом ордонансе» марта 1357 г.

ни начальника счетной палаты или палаты прошений, ни какой-либо иной должности во дворце монсеньера герцога, как сказано выше. Епископ потребовал от монсеньера герцога, чтобы он теперь же лишил должностей 22 вышеупомянутых чиновника...

Еще купеческий старшина потребовал, чтобы все чиновники французского королевства были отрешены от должностей и чтобы были назначены особые реформаторы, которые будут указаны тремя сословиями; они будут осведомлены обо всех жалобах и протестах, которые будут выдвинуты против этих чиновников. Еще потребовал епископ, чтобы была введена хорошая монета, какая будет одобрена тремя сословиями, и еще выставил несколько требований. Рыцарь, по имени Жан де Пикиньи, от имени дворян выразил свою солидарность со всем тем, что говорил епископ Ланский; аббевильский адвокат Коляр Леконтер сделал то же самое от имени горожан, равно как и парижский купеческий старшина Этьен Марсель. И предложили монсеньеру герцогу от имени трех сословий 30 тыс. солдат в полном вооружении, которым они будут платить сами и через особо назначенных ими лиц. Чтобы иметь для осуществления этого деньги, они вводили определенный налог, именно: духовенство внесет 15% всех своих доходов, дворянство также 15%, т. е. со 100 ливров дохода 15 ливров, а горожане выставят со 100 домов одного вооруженного воина. Но так как они еще не знали, какая сумма получится от налога и будет ли она достаточна, чтобы оплатить тридцатитысячную армию, они потребовали, чтобы им было предоставлено право вновь собраться в понедельник на фоминой неделе, чтобы посмотреть, каковы будут результаты сбора налога. Если они найдут, что к назначенному сроку сумма окажется недостаточной, они увеличат налог. И также они потребовали, чтобы после понедельника фоминой недели они могли еще два раза собраться, когда им заблагорассудится, до 15 февраля.

б) Принятие требований генеральных штатов

Герцог Нормандский согласился на все их требования, как вышеперечисленные, так и другие; вследствие этого 22 сановника, о которых упоминалось выше, были смещены, другие временно отрешены от должностей, так что в Париже прекратилось отправление правосудия до следующего понедельника, когда парижский прево был восстановлен в своей должности. Большой совет, избранный тремя сословиями, в следующую пятницу сделал распоряжение относительно парламента, уволив многих из тех, которые были в нем раньше, так что всего оставил в нем, как президентов, так и других, только около 16 человек. Из счетной палаты удалили всех ответственных чиновников как из клириков, так и из дворян, числом 15, а вместо них назначили четырех совсем новых — двух рыцарей и двух из низшего дворянства. Но, пробыв в своих должностях один день, они отправились в Большой

совет и сказали, что необходимо вернуть в палату тех, которые в ней раньше были, чтобы они показали, как нужно вести дела в палате, и на этом основании в счетную палату были возвращены четверо из прежних служащих вместе с четырьмя новыми...

7) Неудачная попытка избавиться от выполнения решений генеральных штатов и волнения в Париже в апреле 1357 г.

В среду после вербного воскресенья, 5 апреля, в Париже было обнародовано письмо короля о заключении перемирия с англичанами. А также доводилось до общего сведения, что королю неугодно, чтобы население платило налог, установленный тремя сословиями, о котором упоминалось выше; точно так же ему неугодно, чтобы три сословия собрались в назначенный ими день в понедельник на фоминой неделе, ни в какой-либо иной день; население Парижа было очень этим возмущено, гнев его обратился особенно против архиепископа Санского, против графа д'Э (d'Eu), двоюродного брата короля, и против графа Таркенвилля, которые привезли из Бордо письма короля, в которых заключалось все вышеизложенное, и им же король поручил обнародовать их, а также дал им и еще ряд поручений. Парижане говорили, что это обман и измена, что было обнародовано о заключении перемирия и о том, чтобы оказывалось противодействие собранию трех сословий и сбору налога. И вследствие волнений и беспорядков в городе пришлось архиепископу и графам поспешно бежать и скрыться. И так как некоторые говорили, что они были очень раздражены тем, как к ним отнеслись, и что поэтому они собирают армию и намереваются сделать нападение на город, Париж стал тщательно охраняться днем и ночью; со стороны Большого моста были открыты днем только трое ворот, а на ночь они все запирались.

В следующую субботу, 8 апреля, накануне пасхи в Париже было обнародовано, что налог будет взиматься и что три сословия соберутся через две недели после пасхи, вопреки тому, что было объявлено в предшествующую среду. Герцог Нормандский приказал возвестить об этом по совету или по принуждению трех сословий, а именно — епископа Ланского, который был главным руководителем трех сословий, купеческого старшины и некоторых других.

8) Раскол в среде сторонников генеральных штатов

Около дня Марии Магдалины назначенные тремя сословиями члены Большого совета, лица, заведовавшие сбором налога, равно как и реформаторы, стали терять свое влияние, и могущество их уменьшалось. Ибо полученная ими от сбора налога сумма была ниже той, какую предполагали получить, более чем на пять шестых; дворяне уклонялись от уплаты налога, равно как

и духовенство. Также многие добрые города, которые узнали и увидали на деле беззакония главных правителей, которых было 10 или 12, отказались от своих обязательств и не хотели платить.

И архиепископ Реймсский, который сначала был одним из главных вождей их, теперь занял первое место в совете монсеньера герцога. И почти все те, которые были лишены своих должностей, вернулись на свои места, за исключением вышеназванных 22, из которых ни один и не оставлял своего места, как говорили.

Около середины августа монсеньер герцог Нормандский сказал купеческому старшине, Шарлю Туссаку, Жану де Лиль и Жюлю Марселю, которые стояли во главе управления городом Парижем, что он желает впредь сам править и не хочет более иметь опекунов, и запретил им вмешиваться в управление королевством, которое они до такой степени захватили в свои руки, что больше повиновались им, чем монсеньеру герцогу. После этого монсеньер герцог стал объезжать многие добрые города и лично просил у них помощи и многое другое. И говорил им о монете, обращению которой они противодействовали, как об этом рассказано выше; всем этим названные выше заправилы трех сословий были очень смущены.

Епископ Ланский отправился в свою епархию, так как он видел, что дело проиграно.

9) Восстание в Париже в феврале 1358 г.

В четверг, 22 февраля 1358 г., утром — это был второй четверг великого поста — купеческий старшина велел собраться на площади св. Ильи близ дворца всем парижским ремесленникам вооруженными; их собралось около 3 000 человек. Около 9 час. утра адвокат парламента, по имени Раньо д'Аси, шел из дворца к себе домой, а дом его находился близ церкви Сен-Ландри; когда он поровнялся с церковью Марии Магдалины, он был убит в лавке пирожника, куда он бросился, когда увидел, что его хотят убить; ему было нанесено множество ран, от которых он и умер, не успев произнести ни слова. Тотчас после этого купеческий старшина в сопровождении нескольких приверженцев поднялся в комнату монсеньера герцога во дворце, помещавшуюся в верхнем этаже; они нашли там герцога, к которому купеческий старшина обратился вкратце с такой речью: «Монсеньер! Не изумляйтесь тому, что вы увидите, так как необходимо, чтобы это было совершено». Как только он это сказал, некоторые из товарищей купеческого старшины бросились на Жана де Конфлян, маршала Шампани, и убили его возле постели герцога и в его присутствии. А другие из его товарищей бросились на Роберта Клермонского, маршала герцога Нормандского, который отступил в другую комнату, соседнюю с комнатой герцога, но они последовали за ним и убили его. Монсеньер

герцог, чрезвычайно испуганный всем, что он видел, просил купеческого старшину спасти его, так как все его слуги, находившиеся с ним в комнате, бежали и оставили его одного. Купеческий старшина сказал ему: «Монсеньер, вам нечего бояться». И старшина надел на него свою шляпу с цветами города Парижа, красным и синим, синий с правой стороны, а сам взял шляпу герцога из тонкой изысканной материи, с золотой бахромой, и носил ее весь этот день, а герцог носил шляпу старшины. Вслед за тем некоторые из сподвижников старшины взяли трупы двух упомянутых рыцарей и поволокли их чрезвычайно грубо на глазах у герцога на дворцовый двор, к мраморной плите; там они оставались распростертыми и обнаженными у всех на виду до позднего вечера, и никто не осмелился к ним прикоснуться.

Купеческий старшина и его единомышленники отправились на Гревскую площадь в помещение городской думы. И там старшина из окон городской думы на Гревской площади обратился с речью к большой толпе вооруженных горожан, собравшихся на площади. Он заявил, что все им сделанное совершено в интересах государства и что убитые были обманщиками, злодеями и изменниками. И купеческий старшина просил у собравшихся поддержки, так как, повторил он, он совершил это в интересах государства. Тогда многие в один голос закричали, что они одобряют поступок старшины и что они готовы жить и умереть вместе с ним.

Тотчас после этого старшина вернулся во дворец в сопровождении вооруженных приверженцев, которых было так много, что они наполнили весь дворец. Он поднялся в комнату монсеньера герцога, который был подавлен и потрясен всем происшедшим. Трупы убитых маршалов все еще находились на том же месте у мраморной плиты, и герцог мог видеть их из окна своей комнаты. Когда старшина вошел в комнату в сопровождении своих вооруженных приверженцев, он сказал монсеньеру герцогу, чтобы он не огорчался тем, что произошло, потому что все произошло по воле народа и во избежание того, что могло бы быть еще хуже, и что убитые были обманщиками, злодеями и изменниками. Старшина от имени народа просил монсеньера герцога предать забвению совершившийся факт и быть заодно с народной партией. И если все, что совершено, нуждается в прощении, пусть герцог всем простит. Герцог согласился на все, о чем просил его старшина, и просил старшину передать парижскому населению, что он хочет иметь [парижан] своими добрыми друзьями и сам будет их другом. И поэтому старшина послал монсеньеру герцогу два куска сукна, синего и красного, чтобы герцог сделал для себя и для своих людей шляпы такие, какие носили парижане, именно — наполовину красные и наполовину синие, синий цвет с правой стороны. Так монсеньер герцог и поступил и носил шляпу, как сказано, равно как и его люди.

а также члены парламента и других палат в Париже и все прочие должностные лица, находившиеся в Париже.

В субботу, 24 февраля, монсеньер герцог находился в камере парламента и с ним некоторые члены его совета, которые с ним остались. Туда вошел старшина и с ним многие его приверженцы, вооруженные и невооруженные; они потребовали от монсеньера герцога, чтобы он неуклонно исполнял все ордонансы, принятые сословиями в прошлом году, и чтобы он предоставил им [сословиям] управление, как это и было сначала, и чтобы он удалил тех из своего совета, которые еще там оставались, так как народ очень недоволен многим, что делалось в совете монсеньера герцога против народа; пусть он пополнит свой Большой совет тремя или четырьмя горожанами, которых они ему назовут. На все эти требования монсеньер герцог изъявил согласие.

V. ФРАНЦУЗСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО XIII—XIV ВЕКОВ

19. ГРАМОТА КОРОЛЯ ФИЛИППА II АВГУСТА О ПОИМКЕ БЕГЛЫХ КРЕСТЬЯН (1220 г.) [1]

Филипп, божией милостью король франков, всем бальи и прево своим, кои получат настоящую грамоту, привет. Предписываем вам людей Абонвиля, Буавиля и Жерминьовиля, не желающих подчиняться возлюбленному и верному нашему аббату св. Петра Шартрского... схватывать для удовлетворения законных его притязаний, где бы вы их ни нашли, за исключением кладбищ, церквей и святых мест; и держать их под крепкою стражей и не освобождать иначе, как по воле названного аббата. Дано в Париже, в год от воплощения господа 1220, в ноябре месяце.

20. ГРАМОТА КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА IX ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕСТЬЯН ОТ ЛИЧНОЙ ЗАВИСИМОСТИ [2] (1246 г.)

Во имя святой и нераздельной троицы. Аминь. Людовик, божией милостью король франков. Да будет ведомо всем, кто увидит эту грамоту, — настоящим и будущим, что так как все нижепоименованные мужчины и женщины селения нашего, именуемого Villa nova Regis, около Парижа, лично зависимые от нас и крепостные люди, мы, благочестием и милосердием движимые, их и наследников их — настоящих и будущих... навеки украсили даром свободы, с удержанием, однако, и сохранением для нас и для наследников наших других по закону нам следуемых

---

[1] Cartul, de l'abbaye de S. Père de Chartres, t. II, p. 683.

[2] Ordonnances des rois de France, t. XII, p. 321.

платежей, кои ранее они должны были нам и имели обычай вносить. Постановляем, однако, и желаем, что если кто-либо из поименованных отпущенных на волю или из их потомков когда-либо сочетается браком с лицом крепостного состояния, тем самым возвращен будет к прежней несвободе, и все его имущество поступит в наши руки... Имена же их нижеследующие: [названо более 300 имен мужчин и женщин].

21. ОРДОНАНС ЛЮДОВИКА X ОТ 3 ИЮЛЯ 1315 г. ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕПОСТНЫХ[1]

Людовик, милостью божией король Франции и Наварры, возлюбленным и верным нашим — господину Saince de Chaumont и господину Nicole de Braye — привет и изъявление расположения. Так как по естественному праву каждый должен родиться свободным, но по некоторым обычаям и кутюмам, с незапамятных пор установленным и доселе в нашем королевстве хранимым, а также случайно за проступки предков множество нашего простого народа (commun peuple) впало в крепостную зависимость (servitude) и разные [другие зависимые] состояния, что весьма нам не нравится, мы, принимая во внимание, что королевство наше названо и слывет королевством франков[2], и желая, чтобы действительное положение вещей соответствовало [этому] названию и чтобы положение народа было исправлено нами с началом нашего нового царствования, по обсуждении с нашим великим советом повелели и повелеваем, чтобы повсюду в королевстве нашем, поскольку это в нашей власти и власти преемников наших, такие состояния несвободы приведены были к свободе (franchises) и чтобы всем тем, кои, либо по происхождению, либо по давности, либо вновь в силу браков или в силу проживания на несвободной земле, впали в крепостную зависимость, дана была на добрых и приличных условиях свобода. И ради того, чтобы простой народ наш не терпел более ни обид, ни вреда от сборщиков, сержантов и других служащих, которых прежде посылали по делу о менмортах и формарьяжах, как это было до сих пор, что весьма нам не нравится, а также ради того, чтобы и другие сеньеры, владеющие лично зависимыми людьми, по примеру нашему, привели их к свободному состоянию, мы, вполне полагаясь на верность и испытанную мудрость вашу, настоящей грамотою поручаем и приказываем вам отправиться в санлисский бальяж и его ведомство, а также во все местечки, города, общины и к отдельным лицам, кои будут требовать у вас вышеназванной свободы, с тем, чтобы договариваться и уславливаться с ними относительно известных выкупов, которыми мы были бы достаточно вознаграждены за выгоды, кои с названного

[1] Ordonnances des rois de France, t. I, p. 583.
[2] Franc — свободный.

крепостного состояния могли поступить нам и преемникам нашим, и давать им, насколько это касается нас и преемников наших, общую и постоянную свободу, как выше сказано и как более подробно мы вам о том устно говорили, объявляли и поручали. И даем по совести обещание за нас и за преемников наших, что утвердим, одобрим, соблюдем и повелим соблюсти и оградить все, что вы сделаете и обещаете в названных случаях, и грамоты, кои вы выдадите по делу о договорах, выкупах и о даровании свободы городам, общинам, местечкам или отдельным лицам, мы тотчас же утвердим и будем выдавать наше на то [разрешение] всякий раз, как будут они о том просить нас... Дано в Париже, в третий день июля, в год от воплощения господа 1315.

22. СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ МОНАХАМИ СВ. ПЕТРА И ЛЮДЬМИ АБОНВИЛЯ (1265 г.) [1]

Всем, кто увидит настоящую грамоту, Гуго de Sancto Justo, орлеанский бальи, привет... Да будет всем ведомо, что была распря между... аббатом и братией монастыря св. Петра Шартрского, с одной стороны, и людьми Абонвиля — с другой... В конце концов аббат и братия монастыря, с одной стороны, и люди из Абонвиля — с другой, по совету добрых мужей, пришли к следующему соглашению. Именно, аббат и братия монастыря отныне и впредь будут считать оных людей свободными от личной зависимости. Люди же Абонвиля и всякий, кто держит или будет держать землю или [другое] владение в селении Абонвиль и его территории, будут [сообща] платить аббату и монастырю по 10 турских или шартрских ливров ежегодно... Кроме того, оные люди Абонвиля... будут платить аббату и братии монастыря или их уполномоченному чинши, кои они привыкли платить за свои владения, десятины, шампар и [нести] извозную повинность [последнее, впрочем] лишь те, кто имеет лошадей... и выполнять по две барщины в год, а также прочие повинности, которые они привыкли платить, за исключением вытекающих из крепостной зависимости... Кроме того, названные люди, когда они будут молоть [зерно]... на мельнице аббата и монастыря в Абонвиле, будут вносить такую плату за помол, какую соседние селения обычно платят; также будут судиться названные люди аббатом и братией или их представителями по всяким судебным делам в Абонвиле, если штраф по тяжбе не будет превышать 20 солидов; если же штраф по тяжбе будет превышать 20 солидов, означенные люди будут судиться аббатом или его уполномоченным в Шартре или же Буавилле. И если случится, что кто-либо из оных людей не уплатит в назначенный срок своей доли из названных 10 ливров, аббат и братия монастыря или их уполномочен-

---

[1] Cartul, de l'abbaye de S. Père de Chartres, t. II, p. 711.

ные вправе конфисковать и обращать в свою пользу всякое их имущество, движимое или недвижимое, в их сеньерии находящееся, пока не будут им уплачены и долг и штраф.

23. «ПОЭМА О ВЕРСОНСКИХ ВИЛЛАНАХ»

«Поэма о версонских вилланах», состоящая из 235 рифмующихся строк относится к середине XIII в. и написана на старофранцузском языке Автор поэмы—Эсту Легоз, относящийся враждебно к вилланам, тем не менее обстоятельно характеризует взаимоотношения между вилланами деревни Версон, расположенной в Нормандии на левом берегу реки Одона и монахами монастыря св. Михаила, который являлся «сеньером» Версона. Крестьяне являлись держателями мелких наделов и были обязаны нести барщину и оброки в пользу монастыря. Тяжелая эксплоатация крестьян вызвала восстание.

Текст несколько упрощен и дан сокращенно.

Снова несу я свою жалобу святому Михаилу — вестнику небесного царя — на всех версонских вилланов и особо на виллана Осбера, предателя, который хочет обездолить святого Михаила.

Вилланы должны возить камень — без споров и сопротивления. В нем, что ни день, то нужда. И на печах и на мельницах. Вилланы постоянно повинны службой. Строится ли дом — они должны подавать каменщикам камень и цемент. Все это делает каждый виллан, кроме Осбера Пенеля, который придумал скверное новшество: вилланы выбрали его своим вожаком (да умрут они за это в стыде!) и сделали его ходатаем, чтобы обобрать сеньера. Не устроили ли они того с рядом других знатных? Да, они это проделывают постоянно.

Первая работа в году — к иванову дню. Вилланы должны косить луга, сгребать и собирать сено в копны и складывать его стогами на лугах, а потом везти на барский двор, куда укажут. Бордарии же уберут сено в сарай. Эту работу делают они постоянно.

Затем должны они чистить мельничные канавы, каждый приходит со своей лопатой, с лопатой же на шее идут они выгребать сухой и жидкий навоз. Такую работу делает виллан.

Но вот наступает август, а с ним новая работа (ее-то им только недоставало!). Они обязаны барщиной, и ее не следует забывать. Вилланы должны жать хлеб, собирать и связывать его в снопы, складывать скирдами среди поля и отвозить немедленно к амбарам. Эту службу несут они с детства, как несли ее предки. Так работают они на сеньера. Если их земли подлежат шампару [1], то никогда не свезти им с полей своих снопов: идут они искать сборщика и приводят его с великой неохотой; если вил-

---

[1] Шампар — дословно: часть поля Шампаром называлась доля урожая, которую виллан повинен отдавать сеньеру, как феодальному собственнику земли Шампар уплачивался обычно в зависимости от его размера третьим, четвертым и т. д. снопом.

лан погрешит против установленного счета, то сборщик пристыдит его и наложит большой штраф, буде он ему чего не додал. И вот нагружает он шампар на свою двуколку, не смея скинуть ни единого снопа, везет к амбару общего шампара. Его же собственный урожай остается под дождем и ветром, и виллан тоскует о своем хлебе, который лежит на поле, где терпит всяческий ущерб! И вот подъезжает он к амбару, где берут с него штраф, если он потерял хоть один сноп, упавший с воза в поле или на дороге. Привязывает он своих лошадей, но им не дадут ни крошки корму; а если увидит его меряльщик, то он также сумеет огорчить виллана, требуя с него вина. Немало приходится платить тому, над кем висят три или четыре приказчика: один принимает, другой разгружает, третий ведет к меряльщику — бедняку же одни слезы! Сдав хлеб, виллан, наконец, уходит (давно не знал он такой радости!), кляня на своем наречии того, кто наградил его такой судьбой, а потому и допустил над ним такое измывательство.

А потом подходит время ярмарки «на лугу» и сентябрьский богородичный день, когда надо нести поросят. Если у виллана восемь поросят, то он берет двух наилучших, один для сеньера, который, конечно, не возьмет того, что похуже! А сверх того, надо приложить по денье за каждого поросенка из оставшихся. Все это должен платить виллан. Затем наступает день святого Дионисия. Тут вилланы хватаются за голову — ведь им надо вносить ценз [1], и они в страхе. А вот подходит срок уплаты за огораживание, — ведь вилланы держат большие загороди. Если виллан уже давно обрабатывает свое поле, то все же он не может и не смеет обнести его изгородью, прежде чем не внесет пошлину сеньеру и не получит его согласия. Но на земле, с которой уплачивается шампар, виллан не смеет ни положить камня для ограды, ни возвести стену или другое ограждение. Еще об одном хочу сказать вам. Виллан не может продать свою землю без того, чтобы сеньер не получил тринадцатой доли с цены. Затем они опять повинны барщиной. Когда они распахали землю, то идут за зерном в амбар, сеют и боронят. На долю каждого приходится один акр. После этого они должны нести лепешку к «вотчинному» андрееву дню, что бывает за три недели до рождества. Она предназначается для господского стола. К рождеству надо сдавать кур, в случае, если они недостаточно хороши и нежны, приказчик заберет в залог виллана. Затем идет пивная повинность: ячмень и пшеница с каждого. Ну-ка, заставляйте их платить! Полностью должны они рассчитаться! Ступайте, забирайте их лошадей, уводите коров и телят, удерживайте их залоги по всем дворам. Пригоняйте побольше, ничего не оставляйте им в подарок!

---

[1] Цензом называлась плата, периодически вносимая вилланом, как держателем земли, сеньеру, как ее верховному собственнику.

Если виллан выдает дочь замуж, за пределы сеньерии, то сеньер получает пошлину — «кюлаж». Затем приходит вербное воскресенье, богом установленный праздник, когда нужно везти сеньеру пошлину на овец, так как с вилланов по наследству требуется эта повинность. Если они не смогут уплатить в срок, то тем самым они передают себя на милость сеньера. На пасху вилланы опять повинны барщиной. Когда вилланы вспашут землю, идут они в амбар за зерном, сеют и боронят. Каждый обрабатывает один акр под ячмень. После этого надо ехать в кузницу подковывать лошадей, потому что пора отправляться за дровами в лес. Богатое вознаграждение получает за это виллан — по два денье в день! Затем следует повозная повинность, ведь ежегодно они возили хлеб в Домжан. И тут немало издевались над ними. Вилланы еще облагаются одним картье пшеницы. Кроме того, на них лежит обязанность молоть на мельнице сеньера[1]. Если виллан не рассчитался с мельником, как ему полагается, то мельник возьмет свое на зерне, отмеряя его такой мерою, что возместит свой помол; лопаткой загребет себе муки так, что полной мерой останется едва половина, и еще прихватит горсточку. Но вот виллан получил свою часть и спешит идти домой без шума и драки. Но тут наступает самое худшее — виллан должен заплатить еще и за выпечку своего хлеба. Жена виллана отправляется к сеньериальной печи и исправно платит свой форнаж[2], приносит лепешку и подмогу, но пекарша, надменная и важная, ворчит, а пекарь недоволен и бранится, говоря, что он не получил, сколько ему полагается. Он клянется господними зубами, что печь будет истоплена плохо и что не придется есть хорошего хлеба — он будет непропеченным.

Сир, да будет вам известно, что нет под небом более подлого народа, чем версонские вилланы, — это мы твердо знаем. Поэму эту написал Эсту Легоз и многими словами подкрепил правду высказанного.

VI. ЖАКЕРИЯ

24. ИЗ «ХРОНИКИ» ЖАНА ДЕ ВЕНЕТТ[3]

А. Бедствия французского крестьянства в 1358 г., накануне Жакерии

В этом 1358 году много неукрепленных селений превратило свои церкви в настоящие замки, окопавши их рвами, установивши

[1] Зависимые крестьяне обязаны были за плату молоть свое зерно на мельнице сеньера, печь хлеб в его печи, давить виноград на вино в точиле сеньера. Эти так называемые баналитетные права сеньера приносили ему большой доход.

[2] Форнаж — печной сбор, плата за выпечку хлеба.

[3] D'Achery, Spicilegium, t. III, p. 119, 122, 124, 131.

на башнях и колокольнях военные машины, камни и баллисты, чтобы защищаться от бригандов в случае их нападения, а это, как кажется, случалось очень часто. По ночам на вершине этих башен бодрствовали часовые. Стояли там дети, чтобы предупредить о приближении неприятеля. Заметивши их издали, они поднимали тревогу трубными звуками и колокольным звоном. При этом сигнале крестьяне, покидая свои дома и поля, возможно скорее искали убежища в церкви. Другие, по берегам Луары, проводили ночи со своими семьями и скотом вдали от своих хижин, на островах реки, или же в лодках, поставленных на якоря посредине ее течения.

Из той же хроники

В этом [1358] году виноградники, источник благотворной влаги, веселящей сердце человека, не возделывались; поля не обсеменялись и не вспахивались; быки и овцы не ходили по пастбищам; церкви и дома... повсюду носили следы всепожирающего пламени или представляли груды печальных, еще дымящихся развалин. Глаз не услаждался, как прежде, видом зеленых лугов и желтеющих нив, но наталкивался всюду на терния и сорные травы. Колокола не звонили радостно, призывая верных к божественной службе, а лишь били тревогу, подавая сигнал к бегству крестьян при приближении неприятелей. Что сказать мне еще? Самая отчаянная нищета царила повсюду, особенно между крестьянами, ибо сеньеры переполняли их страдания, отнимая у них и имущество и их бедную жизнь. Хотя количество оставшегося скота — крупного и мелкого — было ничтожно, сеньеры все же требовали платежей за каждую голову, по 10 солидов за быка, по 4 или 5 за овцу. И все же они редко обременяли себя заботами о том, чтобы защищать своих вассалов от набегов и нападений неприятелей.

Из той же хроники

В это время те, которые должны бы были защищать народ, теснили его не менее, чем неприятели, и можно бы сказать, что оправдывалась басня о собаке и волке. Была некогда сильная собака, к которой питал полное доверие ее господин, так как надеялся, что она отважно будет защищать его овец от нападений волка. Так много раз и было. Но вот со временем волк сделался близким другом собаки, которая позволяла ему безнаказанно уносить овец, а сама делала вид, что преследует его, чтобы отнять овцу и вернуть ее своему господину. Когда же волк и собака были один на один вблизи леса и вдали от глаз пастуха, они вместе лакомились овцой. Такая уловка повторялась часто, и всегда собака получала похвалы от своего господина, уверенного в том, что, преследуя волка, верное животное делало для

спасения овцы все от нее возможное. Так эта проклятая собака умела скрыть свое коварство. В конце концов она вместе с товарищем пожрала... всех овец своего господина.

Б. Описание Жакерии

И вот в то время, как теснили и совсем не защищали [от врагов] вместе с прочими городами город Париж, приключилось близ него одно неслыханное никогда происшествие. Именно, летом того же 1358 г. проживавшие в диоцезе Бовэ, в окрестностях Сен-Лу, де-Шерен и Клермона крестьяне, видя бедствия и утеснения, которые со всех сторон им учиняли и от которых дворяне не только их не защищали, а, напротив, еще больше, наподобие врагов, их теснили, с оружием в руках поднялись против французской знати. И, собравшись в великом множестве, поставили капитаном одного отличавшегося среди них наибольшим смыслом и происходившего из селения Мело крестьянина, именно Гильома, именуемого Карлом. И вот, выступивши с оружием и знаменами, распространились по всей округе и всех знатных мужчин, каких только встречали, даже собственных сеньеров своих, убивали и уничтожали без жалости. Не довольствуясь этим, дома и крепости дворян сравнивали с землей и, что еще более достойно жалости, знатных дам и малых детей их, которых встречали, предавали мучительной смерти. Так разгромили они сильнейший замок де-Курновиль и многих знатных мужчин и женщин, которые укрывались в нем, поразили насмерть. И до того усилилась эта напасть, что даже наблюдалось то же самое в окрестностях Парижа, ибо, если кто из дворян осмеливался показаться за пределами укрепленных мест, крестьяне его тотчас же замечали и, захвативши в свои руки, либо убивали, либо подвергали жестоким побоям. Означенные поселяне усилились настолько, что их набралось более пяти тысяч, стремившихся знатных людей с их поместьями и их женами и детьми уничтожить. По этой причине дворяне на некоторое время притихли и не смели показываться, как прежде. Однако это чудовищное дело продолжалось недолго, ибо, как бы сами собою, а не по божьему попущению и не по справедливому соизволению верховного владыки, но сами по себе начали его, как я полагаю, означенные поселяне. И вот потому все их стремления в скором времени кончились и пошли прахом, ибо если вначале, как им казалось, они действовали, движимые неким соображением справедливости, так как сеньеры их не защищали, а [напротив] теснили, то [затем] обратились они на дела позорные и ужасные... И вот потому, что чинили такое зло, не смогли они долго держаться... Дворяне, наблюдавшие все это, постепенно собрались с силами и пошли на них, соблюдая мудрую осторожность, с оружием. В скором времени король Наварры некоторых их капитанов ласковыми словами приманил к себе и,

когда они ничего не подозревали [плохого] и ни о чем не думали, убил их. А по убиении их напал со своими приближенными и графом Сен-Поль на прочих, во множестве собравшихся у селения Мон Дидье, поразил их мечом и истребил их, и не осталось неразумное дело их без наказания, ибо рыцари и дворяне, снова собравшись с силой и сгорая жаждою мщения, соединились в сильные отряды и, проходя по деревенским поселениям, многие из них предали пламени, а крестьян и всех, кого считали вредными, беспощадно убивали в домах, в виноградниках и на поле. От пожаров тех пострадал... крест св. Авдоена и многие другие поселения открытой страны, которых я не видел и поэтому говорить о них здесь не буду.

В том же 1358 году, когда герцог Нормандский, регент королевства, все еще продолжал упорствовать в своей опале, которую он наложил, как было о том сказано выше, на жителей города Парижа, множество их собралось в городе Мо. Госпожа герцогиня[1] со знатью удалилась из этого города в укрепление Мо. И вот в отсутствие герцога, который был далеко, возникла ссора между засевшими в том укреплении дворянами и набольшими города Мо, которые действовали вместе с другими горожанами. Ибо, как рассказывают, некоторые из парижан явились с оружием в Мо, так как горожане Мо, ненавидевшие дворян по причине испытываемых от них утеснений, выражали большое желание напасть на них вооруженной силой при условии получения надежной подмоги из Парижа, что и было исполнено. И вот горожане напали на дворян, засевших в укреплении вместе с герцогинею, и по очереди сражались с ними на мосту перед замковыми воротами. Однако дворяне, более искушенные в военном деле, одолели горожан с помощью мечей и победили их. И после этой победы вышли из крепости и, рыская по городу Мо, как бешеные, всюду и без разбора избивали людей, за исключением тех, коим удалось убежать. Весь город они предали разграблению, мужчин и женщин, взятых в плен, заперли в укреплении Мо и все, что можно было взять в церквах и домах, взяли. А потом весь город предали пламени и все, что могли, разрушили в нем, за исключением крепостей. А совершивши это, рассыпались, как бешеные, по окрестностям, убивая мужчин, которых встречали, и предавая пламени поселения. И такие в это время в округе Мо учинены были дворянством Франции неистовства, что не нужно было приходить для разорения отечества недругам — англичанам, ибо поистине англичане — главные враги королевства — не смогли бы наделать столько зла, сколько сделали тогда собственные дворяне.

---

[1] Речь идет о жене дофина Карла, которая укрылась со своими приближенными в крепости Мо, на Марне.

25. ИЗ «БОЛЬШИХ ХРОНИК» [1]

В понедельник, 28 мая, взбунтовались некие мелкие люди в Бовэзи, в местечках Сен-Ле, де-Серан, Нуантель, Крамуази и в окрестностях и устроили сборище для злого дела. И напали на многих дворян, бывших в названном местечке Сен-Ле, и девятерых из них умертвили — четырех рыцарей и пять оруженосцев. А после того, движимые злобою, пошли по области Бовэзи, каждодневно умножаясь в количестве, и убивали всех знатных мужчин и женщин, которых встречали, и многих детей умертвили. И разрушали или сжигали все дома дворян, которые им попадались, были ли то крепости или другие жилища. И поставили некоего капитана, именуемого Гильом Каль. Подошли к Компьени, но жители этого города их к себе не пустили. Потом пошли к Санли и устроили так, что жители этого города вошли в сообщество с ними. И разрушили все крепости области — Эрменовиль, Тьер и часть замка Бомон на Уазе. Бывшая там герцогиня Орлеанская спаслась оттуда бегством и укрылась в Париже.

В то время разгорелся мятеж этих людей в Бовэзи. Сошлись и устроили сборище также многие другие в разных местах в Монморанси и разгромили и сожгли все дома и замки сеньера Монморанси и других дворян этой области. Были и другие сборища таких людей в Мульсьен и прочих окрестных местностях. Участвовали в этих сборищах по большей части хлебопашцы, но были и зажиточные люди, горожане и другие. И всех знатных мужчин, которых они могли найти, убивали. Так же с знатными женщинами и многими детьми в великом своем неистовстве поступали.

В это время означенный регент, пребывавший на рынке Мо, который он распорядился укрепить и каждодневно старался укрепить еще более, отбыл оттуда и пошел в замок Монтери. А оттуда в скорости пошел в город Санс, куда и прибыл в субботу, 9 июня, утром. И принят был горожанами с почетом, как подобало... И хотя оставалось еще мало городов... в странах Лангдойля [2], которые не поднялись бы против дворян или из сочувствия к горожанам Парижа, питавшим к ним великую ненависть, или же из сочувствия к народному движению, но все же он был принят в названном городе Сансе в великом мире и с великим почетом. И объявил регент в названном городе большой сбор вооруженных людей.

В ту же субботу 9 июня 1358 г. множество [людей], вышедших из города Парижа, в числе 300 или около, под начальством некоего Пьера Жиля, парижского бакалейщика, и [в числе] около 500, собравшихся в Силли, в Мульсьен, под начальством некоего Жана Вайана, заведующего королевским монетным делом, отправились в Мо. И хотя Жан Суля, тогдашний мэр Мо,

---

[1] Изд. Délachenal, t. I, pp. 169—170.

[2] То-есть к северу от Луары.

и многие другие из названного города клялись регенту в том, что будут ему добрыми и честными [подданными]и не потерпят нанесения ущерба ни ему, ни его чести, тем не менее они отворили ворота названного города людям Парижа и Силли, расставили по улицам накрытые скатертями столы, а на них хлеб, вино, мясо; и пили и ели, кто желал, и освежались. А потом ринулись в битву, направившись прямо к рынку города Мо, где была герцогиня Нормандская с дочерью и сестра регента, госпожа Изабелла Французская... С ними были граф де Фуа, сеньер de Hangest и некоторые другие из дворян, коих регент оставил для охраны герцогини — своей супруги, дочери, сестры и рынка.

И вот граф де Фуа, сеньер de Hangest и некоторые другие, числом до 25 вооруженных людей или около, выступивших из рынка, двинулись на Пьера Жиля и его полчище и завязали с ними битву. Убит был тут стрелою в глаз один рыцарь из рынка, монсеньер Луи де Шамбли. В конце концов люди из рынка одержали победу, а люди из Парижа, из Силли и множество горожан Мо, соединившись с ними, были разбиты. И в возмездие люди из рынка пустили в названный город огонь и несколько домов сожгли.

Потом были получены сведения, что многие горожане вооружаются против них и замышляют измену; поэтому люди рынка разгромили и сожгли часть города. Впрочем, большая церковь и дома каноников сожжены не были...; королевский же замок сожгли. И продолжался пожар в городе и замке более двух недель. И захватили люди рынка Жана Сулля, тогдашнего мэра города Мо, а также многих других мужчин и женщин и подвергли их тюремному заключению в рынке. А потом мэра казнили, как этого и требовала справедливость.

В это время прибыл король Наварры в Бовэзи и умертвил многих из сельского люда, в частности велел отрубить голову в Клермоне в Бовэзи Гильому Калю...

И убивали дворяне всех, кого они могли найти из бывших в сообществе с жаками, т. е. из [жителей сельских] общин, которые умерщвляли дворян, их жен и их детей. И разоряли дома их. Считали за верное, что в день св. Иоанна крестителя они убили их 20 тысяч и более.

26. ИЗ «ХРОНИКИ ПЕРВЫХ ЧЕТЫРЕХ ВАЛУА»[1]

В то время вспыхнул бунт жаков в Бовэзи, и начался он в Сен-Ле де-Серан и в Клермоне в Бовэзи. Между ними был один человек, видавший виды и хороший говорун, статного телосложения и красивый лицом.

Имя ему было Гильом Шарль. Его-то жаки и выбрали своим

---

[1] Chronique des quatre premiers Valois, см. Luce, Histoire de la Jacquerie, Pièces justificatives, № 66.

вожаком. Но он хорошо видел, что это люди на малые дела, почему и отказался руководить ими. Однако жаки заставили его силою и сделали своим правителем вместе с одним человеком, бывшим госпитальером, видевшим войну. Видел войну и Гильом Шарль, и он говорил жакам, чтобы держались вместе. И когда увидали жаки, что их собралось множество, набросились они на дворян и многих из них умертвили. И еще хуже сделали они, как люди неразумные и необузданные и с малым смыслом; ибо умертвили они [также] множество знатных женщин и детей, хотя Гильом Шарль и говорил им не один раз, что слишком многое они себе позволяют.

И увидал Гильом Шарль, что дело не может так оставаться; ибо, если бы они стали действовать порознь, дворяне легко бы их одолели; поэтому он послал наиболее благоразумных и наиболее почтенных людей к купеческому старшине Парижа, написавши ему, что будет его помощником, если и тот окажет ему в случае нужды подмогу и помощь. Это очень обрадовало руководителей трех сословий, и отписали они Гильому Шарлю, что окажут ему помощь с полной готовностью. И пришли эти жаки в Геллефонтен. Напуганная ими графиня Валуа, там проживавшая, притворно оказала им радушный прием и распорядилась снабдить их съестными припасами. Ибо взяли они в обычай, чтобы люди неукрепленных городов, по которым они проходили, мужчины или женщины, выставляли на улицах столы и угощали там жаков, [которые] проходили потом дальше, сжигая дома дворянства.

Тогда дворяне, прибывшие в поисках убежища к королю Наварры, просили его, чтобы соизволил он принять меры и озаботиться о том, как бы сокрушить, поразить и уничтожить этих жаков. «Государь, — говорили они ему, — вы первый дворянин в мире, не потерпите же, чтобы дворянство погибло. Ведь если эти люди, именующие себя жаками, продержатся долго, а добрые города им помогут, дворянство ими будет совсем уничтожено». Тогда согласился Карл, король Наварры, оказать им подмогу против жаков. И обещали ему дворяне, что никогда против него не пойдут, и в том принесли ему клятву.

Когда король Наварры взял с дворян клятву, что в его делах не будут они ему перечить, он выступил из Лонгвиля с рыцарями и английскими наемниками, всего около 400 воинов, пошел спешным маршем на жаков Бовэзи и у Клермона в Бовэзи стал перед ними лагерем. Было там два отряда французского дворянства; одним из них командовал он сам, а другим — сир Пекиньи и виконт де Кен. Кроме того, Роберт Серкот командовал отрядом английских наемников.

Жаки хорошо знали, что король Наварры и дворяне идут на них. И держал им речь Гильом Шарль: «Дорогие сеньеры, вы знаете, что дворяне идут на нас, а они — большие люди, опытные в военном деле. Если вы мне доверяете, пойдемте к Парижу.

Там займем какое-нибудь укрепленное место и будем тогда иметь от горожан поддержку и помощь». И закричали тогда жаки, что ни в коем случае не отступят, так как они достаточно сильны для того, чтобы разбить дворянство. Видя, что их такое множество, слишком они были в себе уверены. Гильом Шарль и госпитальер выстроили жаков [в боевой порядок], образовавши [из них] два отряда по три тысячи человек в каждом. Тех, у кого имелись луки и арбалеты, выставили они вперед, а перед ними поставили свои повозки. Еще один отряд они образовали из своих кавалеристов, и было в нем 600 человек, из которых большинство имело оружие. И стояли они там, выстроенные в таком порядке, два дня.

Король Наварры и дворяне... всего около 1 000 вооруженных людей, расположились... перед лагерем жаков, которые держались с внушительным видом, в порядке, трубили в трубы..., громко кричали «Монжуа» [1] и имели множество знамен с изображением цветка лилии...

Король Наварры попросил перемирия у вождя жаков и выразил желание переговорить с ним. Гильом Шарль пошел к нему запросто, не потребовавши никаких заложников... Так как жаки остались без вождя, Роберт Серкот ударил на них с фланга со всеми своими людьми и сломил один из их отрядов силой мечей, да и горячие кони топтали и опрокидывали при этом натиске перед собою жаков. Тогда жаки совсем смешались, так как не было с ними их капитана; они сами стали давить друг друга, и множество их было убито англичанами. Затем вступил в дело другой отряд дворян, ударивший на второй отряд [жаков] и сокрушивший его мечами и конями. Тогда вышеназванные бароны и сеньеры стали избивать жаков почти без сопротивления. А жаки, бывшие на конях, при виде поражения своих [пехотинцев] ударились в бегство и по большей части спаслись. Монсеньер Фрике де Фрикан и монсеньер Реньо де Бракемон преследовали их со всеми [своими] 100 копьями и истребили их около сотни.

Карл, король Наварры, со всем своим отрядом, который был очень велик, обрушился на пеших жаков и истребил их всех, за исключением очень немногих, укрывшихся в одном хлебном поле и ночью бежавших. Правда, много их было истреблено и в этом хлебном поле, но поле было очень обширно. После поражения жаков король Наварры пошел в Клермон в Бовэзи и велел там обезглавить капитана жаков. Другой отряд дворян... численностью до 300 копий, шедший на помощь королю Наварры против жаков, узнавши об их поражении, спустился к границе Бовэзи, где было несколько отрядов жаков. Там названные нормандские дворяне соединились с дворянами Амьенской области и Бри.

[1] «Монжуа» — старый боевой клич королевского французского войска. Этим кличем, а также знаменами, на которых был изображен цветок лилии, — знак дома Валуа, — крестьяне, очевидно, хотели подчеркнуть свою верность королю.

И встретил у Пуа отряд жаков, шедший к большому отряду под начальством Гильома Шарля. И истребили их названные дворяне без милосердия в количестве более 1 300 [человек]. Затем поспешили названные дворяне в Жерберрей, разбили между Рей и Жерберрей другой отряд жаков и умертвили их там около 800 и в одном монастыре сожгли около 300. Потом пришли в Геллефонтен, где проживала мадам Валуа, и долго досаждали ей за то, что она дала жакам съестные припасы, как они говорили. И убили там около 100 крестьян. Так были сокрушены и поражены жаки и в Бовэзи и в окрестностях. В Бри граф де Русси избил их великое множество и приказывал вешать их на их же дверях...

VII. ФРАНЦИЯ XV ВЕКА

27. ПИСЬМО ЖАННЫ Д'АРК АНГЛИЙСКОМУ КОРОЛЮ (1429 г.)

Вы, король Англии, и вы, герцог Бедфордский, именующий себя регентом французского королевства, ... окажите справедливость королю неба: отдайте деве, посланной сюда богом, ключи от всех добрых городов, которые вы взяли и подвергли насилию во Франции. Она пришла сюда, чтобы потребовать обратно королевскую кровь[1]. Она вполне готова прийти к мирному соглашению,... именно: если вы желаете сделать ей должное удовлетворение, возвратите Францию и заплатите за то, что владели ею. И вы все, стрелки, военные товарищи, джентльмены, и другие, находящиеся перед Орлеаном, уходите, прошу вас, в свои страны, а если не сделаете так, ждите вестей от девы, которая скоро придет к вам, к вашему великому горю. Если вы, король Англии, не сделаете так, то я беру на себя руководство войною и, где бы ни настигла ваших людей во Франции, я заставлю их уйти волею или неволею; если они не хотят повиноваться, я всех их уничтожу, если же хотят повиноваться, помилую их. Я послана сюда богом... чтобы выгнать вас из всей Франции. И не думайте, что вы будете владеть французским королевством,... будет владеть им король Карл[2], истинный наследник, ибо так хочет бог;... король вступит в Париж с славными товарищами. Если вы не внемлете известиям от бога и девы, то где бы мы ни нашли вас, мы будем вас бить и сделаем такую резню, какой уже не было во Франции тысячу лет, — так будет, если не окажете должного удовлетворения... Если вы желаете прийти к миру, отвечайте в Орлеан, если не сделаете так, я скоро напомню вам об этом на вашу гибель.

Писано во вторник на страстной неделе.

---

[1] Намек на герцога Орлеанского, бывшего тогда в плену у англичан, освобождения которого Жанна Д'Арк требовала во что бы то ни стало.

[2] Имеется в виду «буржский король» Карл VII.

28. ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЮДОВИКА XI

(Из сочинений де Коммина)

Из всех тех, кого я знал когда-либо, всего лучше мог выпутаться из беды и напасти король Людовик XI, наш господин, смиреннейший и в одежде и на словах. Он весьма старался подкупить всякого, кто мог послужить или повредить ему. Он нисколько не досадовал, если человек, которого он хотел расположить к себе, ему отказывал, но продолжал свои усилия, давая щедрые обещания и на самом деле жалуя ему деньги и такие отличия, какие, как он знал, ему любы. Тех же, кого он во времена мира и благополучия изгонял и отвергал, он, буде то нужно, снова подкупал дорогою ценою, пользовался ими и не испытывал никакой к ним вражды за прошлое. Совершенно естественно, что он был другом людей среднего класса и врагом всех «вельмож», которые могли обходиться без него. Никто никогда не выслушивал стольких людей, не расспрашивал о стольких вещах, как он, никто не желал узнать стольких лиц, ибо, точно подданных своих, он досконально знал всех людей значительных и сильных в Англии, Испании, Португалии, Италии, а также Бургундии и Бретани. Такое обхождение и привычки, которых он придерживался и о которых я говорил выше, спасли ему корону, хотя сам же при вступлении на престол он приобрел себе врагов. В особенности ему помогла великая его щедрость, ибо насколько мудро он вел себя в беде, настолько, наоборот, в случае полной, как ему казалось, или временной безопасности он легко раздражал людей, притом мелочами, не приносившими ему никакой пользы; с великим трудом переносил он продолжительный мир. Он зло отзывался о людях как в их присутствии, так и в их отсутствии, кроме как о тех, которых боялся, а последних было много: ведь по природе своей он был достаточно боязлив. И когда вследствие такой разговорчивости он терпел какой-нибудь ущерб или предполагал таковой, он, желая исправить дело, обыкновенно обращался к соответствующему лицу с такими словами: «Хорошо знаю, что язык мой приносил мне много вреда, но иногда и большое удовольствие, а посему мне, понятно, приходится за него расплачиваться». Не ограничиваясь такими извинениями, он делал лицу, с которым он говорил, подарки, а подарки его никогда не были малы.

Англия XI—XV веков

Введение

Настоящий раздел содержит документальный материал, отражающий основные моменты развития общественного и государственного строя средневековой Англии. Документы эти сгруппированы в четырех главах.

I. ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ (1066—1086 гг.)

В первой главе помещены отрывки из источников, в которых дается характеристика последствий завоевания Англии нормандцами и политики короля Вильгельма I в завоеванной стране. В течение предшествовавшего завоеванию англо-саксонского периода в Англии сформировалось довольно прочное централизованное государство с сильной властью короля; государство, где уже складывались постепенно единообразные законы, налоговая система, аппарат государственного управления. Вильгельму Завоевателю не было никакого смысла уничтожить весь этот сложившийся аппарат государственной власти; напротив, он стремился к тому, чтобы сохранить его, подчинив себе и превратив в орудие своего господства. Существовавшие в стране традиции государственного единства и подчинения королевской власти Вильгельм старался использовать в своих интересах, внушая английскому народу, что тот должен смотреть на него не как на чужеземного поработителя, а как на законного преемника англо-саксонских королей, «призванного», как и они, управлять своим народом. Вот это стремление опереться на традиции, подчеркнуть преемственность своей власти и всего государственного устройства и нашло выражение в первых двух документах первого раздела, относящихся к началу царствования Вильгельма I. Легко понять, почему Вильгельм, не ограничившись общим постановлением (отрывок из «Статутов Вильгельма I»), издал специальную грамоту для города Лондона, повторяющую это постановление и обещающую, кроме того, горожанам Лондона особую защиту короля. («Не потерплю, чтобы кто-либо наносил вам обиду»). Новый король стремился в первую очередь завоевать симпатии и поддержку населения столицы.

Говоря о сохранении «законов короля Эдуарда», Вильгельм имел в виду все законы англо-санксонских королей, действовавшие при Эдуарде Исповеднике (1042—1066) — последнем короле англо-саксонской династии. Вильгельм выставлял себя законным наследником Эдуарда в противовес «узурпатору» Гарольду.

Конечно, декларации Вильгельма не могли сразу примирить англосаксов с завоеванием и полностью уничтожить их вражду к победителям-нормандцам. Антагонизм между победителями и побежденными существовал еще долго и находил свое выражение не только в скрытой оппозиции, но порой и в вооруженных восстаниях англо-саксонской знати и свободного крестьянства. Но тем не менее, сохранение многих старых законов и элементов старого государственного устройства сыграло громадную роль в создании с первых же дней после завоевания прочной опоры королевской власти.

Сохранение старых законов не означало, конечно, что ничего не изменилось с приходом Вильгельма к власти. Прежде всего Вильгельм сместил представителей англо-саксонской знати со всех важнейших государствен-

ных постов и заменил их своими приближенными и соратниками. Но гораздо более важное значение имели изменения в структуре и характере землевладения и обусловленные ими глубокие социальные и политические сдвиги.

Содержание последующих документов первой главы должно быть поставлено в связь с повсеместным перераспределением земельной собственности, происшедшим в Англии в огромных масштабах в первые годы после нормандского завоевания. Вильгельм Завоеватель конфисковал громадное количество земель у англо-саксонских землевладельцев, обвиненных (справедливо или несправедливо) в неповиновении новому королю, и роздал эти земли в лены своим вассалам, пришедшим с ним из Нормандии. Те из старых землевладельцев, которым были оставлены их земли, должны были также признать себя ленниками короля. Таким образом Вильгельм стал в положение верховного собственника всей земли королевства, а все феодалы оказались держателями королевской земли. В помещенном ниже отрывке из «Книги страшного суда» (*документ 5*) это положение отразилось очень отчетливо. Там говорится, что о каждом поместье собирались сведения применительно к трем датам: «во времена Эдуарда короля, и *когда король Вильгельм дал,* и как оно есть теперь». Итак, ко времени составления «Книги страшного суда», т. е. к 1086 г., каждое поместье уже рассматривалось не как наследственная собственность его владельца, а как нечто, что «король Вильгельм дал» и что он, следовательно, вправе и отнять.

Естественно, что это сильно укрепляло позиции короля по отношению к феодалам — как нормандцам, так и англо-саксам — и усиливало их зависимость от него. Именно на этой базе Вильгельм Завоеватель и смог провести в 1086 г. два важнейших мероприятия, которые завершили собой охарактеризованные выше изменения в распределении и характере земельной собственности и окончательно закрепили успехи королевской власти.

Огромное значение для укрепления королевской власти в Англии имела, прежде всего, присяга всех духовных и светских феодалов на верность королю, о которой рассказывается в двух отрывках из хроник, помещенных в том же разделе (*документы 3* и *4*). В первом из этих отрывков говорится, что все собравшиеся феодалы «сделались его людьми», т. е. признали себя вассалами короля. Для того чтобы оценить данное обстоятельство, необходимо сравнить его с теми взаимоотношениями между королями и феодалами, которые существовали в этот период на континенте Европы.

Там вассалами короля считались только крупнейшие феодалы, от которых в свою очередь зависели более мелкие феодалы. При этом феодальная иерархия была построена на принципе «вассал моего вассала — не мой вассал», т. е. король мог требовать верности и подчинения только от своих непосредственных вассалов, но не от их вассалов. Король не мог вмешиваться во взаимоотношения между крупными феодалами и их вассалами, больше того — если возникал конфликт между королем и каким-нибудь его вассалом, то вассалы последнего по смыслу феодального права обязаны были поддерживать скорее своего непосредственного сеньера, чем короля, с которым они не были связаны никакими обязательствами.

Присяга в вассальной верности, принесенная всеми английскими феодалами непосредственно королю, коренным образом меняла положение вещей, ставя в непосредственную вассальную зависимость от короля не только верхушку класса феодалов, но всю феодальную лестницу сверху донизу. В обоих текстах, повествующих об этой присяге, говорится, что она обязывала всякого рыцаря, принесшего ее, хранить верность королю и служить ему «против всех людей» без исключения, т. е. в том числе и против своего непосредственного сеньера, если это понадобится. Естественно, что это весьма усиливало королевскую власть.

Документ 4 и следующие за ним документы 5 и 6 содержат сведения и о другом важнейшем мероприятии, проведенном Вильгельмом одновременно с всеобщей вассальной присягой и тесно связанном с ней, — о всеобщей переписи населения, имущества и доходов, которую современники назвали

«Книгой страшного суда». Название «Книга страшного суда» объясняется тем, что присяжные, дававшие показания, должны были говорить только правду, как в день «страшного суда», когда будут ясны все людские грехи и помыслы.

Вильгельм I требовал от английских феодалов не только верности и военной службы, но и денежных платежей. Установление размеров этих платежей и было главной целью переписи. «Может ли давать больше, чем дает в настоящее время» — таков заключительный пункт программы переписи, сформулированной самими составителями «Книги страшного суда» *(документ 4)*. Следующий отрывок содержит описание одного манора, могущее служить как бы образцом, дающим конкретное представление о содержании «Книги страшного суда». «Книга страшного суда» является ценнейшим историческим источником для изучения аграрных отношений средневековья. Помещенные в хрестоматии отрывки из нее могут быть использованы и в этом разрезе: имеющиеся в них цифры, перечисления угодий, категорий крестьянского населения и т. д. могут помочь учителю конкретизировать представления учащихся о феодальном поместье и феодальной эксплоатации.

Можно предложить учащимся записать перечень тех сведений, которые требовались при переписи, а еще лучше—перед ознакомлением их с «Книгой страшного суда» приготовить таблицу, на которой четким шрифтом были бы нанесены все указанные выше вопросы.

Необходимо обратить особое внимание на свидетельство хроники *(документ 4)* о том, как отразилась перепись Вильгельма I на положении народных масс. «И угнетена была земля, — пишет хронист, — многими бедствиями, отсюда проистекавшими». При составлении переписи все крестьяне, занимавшие промежуточное положение между свободными и крепостными, а также и многие свободные крестьяне безоговорочно записывались крепостными — вилланами. Платежи и подати, которые король требовал с феодалов, разумеется, перелагались ими на плечи крепостных крестьян. Именно этой ценой — ценой увеличения налогового гнета и выжимания из крестьян феодальной ренты — достигнут был огромный рост доходов короля и повышение военной мощи государства, о котором говорится в *документе 7* — отрывке из хроник Ордерика Виталия.

Общий вывод, к которому должно привести изучение всего материала первой главы, заключается, следовательно, в том, что нормандское завоевание привело к окончательному торжеству феодального крепостнического строя в Англии и к усилению феодального государства на базе закрепощения крестьянства и роста феодальной эксплоатации.

II. ГЕНРИХ II (1154—1189 гг.)

Дальнейшие успехи королевской власти в Англии связаны главным образом с именем короля Генриха II Плантагенета, деятельность которого отражена в документах составляющих вторую главу настоящего раздела.

Для надлежащего понимания учащимися этих документов, в особенности *документа 8*, необходимо предварительно ознакомить их хотя бы в самых общих чертах с событиями, предшествовавшими вступлению на престол Генриха II, и с сложившейся в результате этих событий политической обстановкой, которую он застал в стране.

Генрих II вступил на престол после длительного периода междоусобных войн и неурядиц, вызванных борьбой за престол между королем Стефаном и его двоюродной сестрой, матерью Генриха II Матильдой. Эта борьба и уступки, которые оба претендента на престол делали в ходе борьбы английским феодалам, чтобы привлечь их на свою сторону, привели к катастрофическому ослаблению королевской власти. В стране наступила феодальная анархия. Бароны беспрепятственно захватывали государственные земли, строили укрепленные замки, содержали вооруженные отряды, сами творили суд, взимали подати, чеканили монету и совершенно не считались с центральной государственной властью.

Таким образом, первоочередной задачей Генриха II, когда он стал королем, была ликвидация последствий смуты — обуздание своевольных феодалов, роспуск частных вооруженных отрядов, восстановление центральной и местной администрации, борьба с разбойничьими шайками, обеспечение порядка и безопасности в стране. Отрывок из хроники, которым открывается вторая глава (документ 8), рассказывает о том, как Генрих II успешно справился с этой задачей.

Далее следуют отрывки из законодательных актов Генриха II, вводивших реформы суда и военного устройства и являющихся ныне основными первоисточниками для изучения этих реформ. Отрывок из «Великой ассизы» *(документ 9)* содержит подробное описание порядка передачи гражданских судебных дел из феодальных курий и сотенных собраний в королевский суд присяжных и порядка ведения процесса в этом суде. При изучении этого документа полезно напомнить уже известную учащимся судебную реформу Людовика IX во Франции (см. документ 7 первого раздела настоящего тома хрестоматии) и сравнить цели и характер обеих реформ.

Значение последующих Кларендонской и Нортгэмптонской ассиз Генриха II *(документы 10* и *11)* заключается в том, что тот же принцип расследования через присяжных распространяется ими и на область уголовного судопроизводства. Правда, здесь это расследование носит лишь характер предварительного следствия — человек, обвиненный в уголовном преступлении показаниями присяжных, не считается еще осужденным и должен подвергнуться «божьему суду» в форме испытания водой (§ 2 Кларендонской ассизы). Но и при благоприятном исходе этого испытания люди, опороченные показаниями присяжных («те, которые... пользуются самой дурной славой и по свидетельству многих и полноправных людей считаются способными на самые предосудительные поступки»), все же подвергаются изгнанию из пределов Англии (§ 9 Кларендонской ассизы).

Военная реформа Генриха II, о которой трактует ассиза о вооружении *(документ 12),* преследовала ту же цель, что и судебная реформа, — усиление королевской власти за счет ослабления могущества отдельных феодалов. Для того чтобы уменьшить удельный вес вассальных дружин феодалов в системе вооруженных сил страны и таким образом ослабить свою зависимость от феодалов в этом отношении, Генрих II стремился возродить и укрепить древнее народное ополчение (fyrd), комплектовавшееся из всех свободных людей по принципу обязательной воинской службы королю. Эту цель и преследовала ассиза о вооружении. Так как по издавна установившемуся правилу участники народного ополчения вооружались не государством, а каждый самостоятельно на свой счет, то для того, чтобы обеспечить надлежащий уровень и однородность вооружения, ассиза устанавливает, какое именно оружие обязан иметь каждый свободный человек, деля при этом всех военнообязанных на категории в зависимости от их имущественного положения. Отнесение же отдельных лиц к той или иной категории и занесение их в соответствующие списки производится опять-таки на основании показаний присяжных. Таким образом, опрос присяжных приобретает при Генрихе II большое значение и становится приемом, широко применяемым государством для сбора нужных ему сведений с целью обеспечить достоверность этих сведений.

Следует обратить внимание на ярко выраженный в ассизах классовый характер института присяжных. Великая ассиза предписывает избирать в присяжные только рыцарей. В ассизе о вооружении в качестве присяжных также называются в первую очередь рыцари и лишь затем «другие свободные и полноправные люди», т. е. свободные крестьяне и горожане. Крепостные крестьяне, разумеется, не могли ни судиться в королевских судах, ни выступать в них в качестве присяжных.

Тексты ассиз Генриха II слишком обширны и трудны, чтобы можно было рекомендовать чтение их на уроке. Скорее всего, помимо использования их учителем при подготовке к уроку, они могут послужить предметом изучения в историческом кружке.

III. ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАРЛАМЕНТА

В третьей главе дан материал для изучения политической борьбы первой половины XII в., приведший к ограничению королевской власти и превращению английского государства в сословно-представительную монархию. Первый этап этой борьбы, закончившийся изданием Великой хартии вольностей, описан в двух отрывках из хроники Матвея Парижского (*документы 13* и *14*). Учитель найдет здесь фактические данные об образовании баронской партии, о руководящей роли в ней архиепископа Кентерберийского и о тактике баронов и короля. Очень важно сообщение хрониста о поддержке, оказанной баронам горожанами и рыцарями. Это помогает понять причины легкой победы над королем. Это необходимо иметь в виду также и при анализе содержания Великой хартии вольностей, в частности, тех ее статей, в которых отражены интересы горожан и рыцарей.

Отрывок из Великой хартии вольностей содержит текст всех важнейших ее статей. Опущены сравнительно второстепенные статьи, касающиеся различных частных вопросов или детализирующие и конкретизирующие содержание основных статей. Использование текста хартий на уроке или во внеклассной работе должно преследовать в качестве основной цели уяснение учащимися ее классового характера. Английские буржуазные историки немало потрудились над тем, чтобы затушевать этот классовый характер и изобразить хартию «надклассовым» документом. Они утверждают, что, добиваясь издания хартии, бароны якобы руководствовались не своими классовыми интересами, а интересами всего народа.

Нетрудно убедиться в том, что эти утверждения не имеют ничего общего с действительностью. Прежде всего в хартии много раз подчеркивается, что она распространяется только на «свободных людей», откуда сразу видно, что положение основной массы трудящегося населения Англии — крепостного крестьянства — нисколько не затрагивалось хартией. Крепостное крестьянство оставалось таким же бесправным и угнетенным, как и до издания хартии. Но при более тщательном анализе оказывается, что круг людей, на которых распространяются права и вольности хартии, еще уже, ибо под «свободными людьми» в тексте хартии подразумевается не все лично свободное население Англии, а только феодалы. Это видно из текста 39-й статьи, которую, кстати, особенно превозносят буржуазные историки, толкуя ее как первую формулировку столь лицемерно восхваляемого буржуазной демократией принципа «неприкосновенности» личности. Что же в действительности говорится в 39-й статье? Она гласит, что «ни один свободный человек не будет подвергаться репрессиям», и «мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных его и по закону страны».

Хорошо известно, что подсудность суду пэров была привилегией, которой всегда и всюду пользовались только феодалы. Да и, кроме того, разумеется, смешно было бы королю обещать, что он не пойдет сам в поход и не пошлет своего войска против какого-нибудь свободного крестьянина или ремесленника или даже рыцаря средней руки. Совершенно очевидно, что под «свободным человеком» в этой статье нужно понимать феодала — барона. Только на них, следовательно, и распространяется устанавливаемая этой статьей гарантия личной неприкосновенности. В других статьях (15, 20, 34) термин «свободный человек» употребляется в более широком смысле, но во всяком случае он означает только феодалов. Так, в статье 15 термин «свободные люди» явно означает вассалов. В статье 20 говорится о том, как будет штрафоваться «свободный человек», а затем добавляется: «таким же образом (будет штрафоваться) и купец». Значит, в число «свободных людей» в том смысле, как этот термин употребляется в хартии, купцы не входят.

Большая часть статей хартии говорит о вольностях и привилегиях баронов. Если хартия содержит также ряд постановлений, отражающих интересы рыцарей и горожан, то это легко объясняется тем, что бароны нужда-

лись в помощи тех и других для борьбы с королем и поэтому вынуждены были заинтересовать их в проведении хартии.[1] Но легко заметить, что ни горожане, ни рыцари (за исключением непосредственных держателей короля) не получили права посылать своих представителей в общий совет королевства, устанавливающий размеры податного обложения (статья 14). Этот совет состоит преимущественно из «архиепископов, епископов, аббатов, графов и старших баронов». Контроль над соблюдением хартии передается целиком в руки особой комиссии, состоящей из 25 баронов (статья 61). Таким образом, свои вольности и привилегии бароны обставили крепкими гарантиями, права же рыцарей и горожан фактически ничем не гарантированы. Чрезвычайно широкие полномочия комиссии 25 баронов, закрепленные всеобщей присягой в повиновении этой комиссии, превращали ее, в сущности, в орган верховной государственной власти, т. е. означали установление режима баронской олигархии. Таким образом, то ограничение королевской власти, которое устанавливалось так называемой Великой хартией вольностей, отнюдь не носило демократического характера. Хартия ограничивала королевскую власть в пользу верхушки феодального класса и являлась поэтому в основном документом феодальной реакции. Однако баронам не удалось реализовать свою победу над Иоанном Безземельным и полностью осуществить свои планы. Как известно, Иоанн Безземельный вскоре аннулировал Великую хартию вольностей, а дальнейшее развитие политической борьбы, в которой приняли активное участие рыцари и горожане, привело к возникновению парламента, в котором, кроме баронов, участвовали также представители рыцарства и городов. Следует отметить, что возникновение парламента обусловлено было не какими-либо специфическими особенностями Англии, а общими для всех стран закономерностями развития феодального государства. Аналогичные сословно-представительные учреждения возникли примерно в тот же период или еще раньше и в других европейских странах — в Испании, Германии, Франции.

IV. ВОССТАНИЕ УОТА ТАЙЛЕРА

Четвертая глава, посвященная восстанию Уота Тайлера, открывается отрывком из описи вилланских держаний одного феодального поместья (манора) в XIII в. *(документ 18)*. Отрывок этот, содержащий перечисление многообразных повинностей крепостного держателя, может быть использован учителем для характеристики положения крепостного крестьянства в Англии до «черной смерти».

Следующий документ *(19)* характеризует «рабочее законодательство», с помощью которого феодалы пытались обеспечить себе (после «черной смерти» — чумы 1348 г.) дешевую рабочую силу. Крестьянская беднота, жившая преимущественно продажей своей рабочей силы, чрезвычайно страдала от рабочего законодательства. Учитель может использовать данный документ при изложении темы о предпосылках крестьянского восстания в Англии. При этом необходимо разъяснить учащимся классовый характер рассматриваемого документа и всего последующего английского рабочего законодательства, руководствуясь той оценкой, которая дана Марксом.

«Законодательство относительно наемного труда, —говорит Маркс, —с самого начала имевшее в виду эксплоатацию рабочего и в своем дальнейшем развитии неизменно враждебное рабочему классу, начинается в Англии при Эдуарде III Statute of Labourers [Статутом о рабочих], изданным в 1349 г.»[1]

Далее следует отрывок из монастырской хроники XIV в. *(документ 20)*, содержащий описание восстания Уота Тайлера, принадлежащее перу современника, а возможно, и очевидца событий. Неизвестный автор хроники — вероятно один из монахов аббатства Марии — не скрывает своего враждебного отношения к восстанию, своей ненависти к его участникам и злорадства по поводу его поражения.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 807—808.

Необходимо разъяснить учащимся, что встречающиеся в тексте хроники выпады и бранные эпитеты по адресу восставших крестьян и их руководителей исходят от сторонника господствующих классов, продиктованы его классовой ненавистью к крестьянам и нисколько не могут опорочить их в наших глазах. Классовая позиция автора не умаляет также документальной ценности хроники как исторического источника; автор рассказывает о событиях точно и притом в очень живой форме, сообщая много колоритных деталей.

Учитель найдет здесь факты, иллюстрирующие, с одной стороны, произвол королевских чиновников, трусость и вероломство самого короля, а с другой стороны — воодушевление, высокий моральный уровень и дисциплину восставших. Так, например, из описания разгрома Савоя — дворца ненавистного народу герцога Ланкастерского — видно, что восставшие уничтожали находившиеся там ценные вещи, но ничего не присваивали. Другой хронист рассказывает, что когда кто-то попытался спрятать кусок серебра, крестьяне бросили его в огонь со словами: «Мы ревнители правды и справедливости, а не воры и грабители». Имеющееся в хронике изложение идей Джона Болла и требований, предъявленных восставшими крестьянами королю на Майл-Энде и Смитфилде, позволяет достаточно полно охарактеризовать программы восстания — умеренную, отражавшую требования зажиточного крестьянства, и более радикальную, выдвинутую крестьянской беднотой.

Чаяния и планы наиболее передовой части восставших шли еще дальше, как это видно из *документа 21*, представляющего собой отрывок из другой современной хроники, в котором дано изложение предсмертной исповеди одного из казненных руководителей восстания — Джона Строу.

Джон Строу и его товарищи наметили в качестве конечной цели восстания полное уничтожение господствующих классов, свержение короля и переход государственной власти в руки крестьян. При ознакомлении учащихся с этими документами необходимо, разумеется, разъяснить им, чем обусловлена была неосуществимость этой программы и в силу каких причин восстание Уота Тайлера, как и другие средневековые крестьянские восстания, потерпело поражение.

* * *

Высказывания классиков марксизма-ленинизма по истории Англии XI—XV вв.:

К. Маркс, Хронологические выписки, т. I («Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 154—161, 170—183, 301—308, 312—314, 324—328), т. II («Архив Маркса и Энгельса», т. VI, стр. 44—62, 68—73, 304—309, 316—345; 401—407) и т. III («Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 3—15). К. Маркс, Капитал, т. I, гл. VIII, XXIII, XXIV; т. III, гл. 47; Соч., т. XI, ч. 2, стр. 387—390; т. XVI, ч. 1 (О разложении феодализма и развитии буржуазии), И. В. Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, Статьи и речи, 1934 г.

* * *

Документы 1, 2, 3, 4, 9 переведены Н. П. Грацианским, остальные переводы принадлежат академику Д. М. Петрушевскому. Документы 6 и 7 взяты из книги «Социальная история средневековья», 20-й из книги «Английская деревня XIII—XV вв. и восстание Уота Тайлера».

Введение к разделу написано В. А. Немировским.

I. ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ (1066 — 1086 гг.)

1. ИЗ СТАТУТОВ ВИЛЬГЕЛЬМА I

Повелеваю и желаю, чтобы все хранили и блюли законы Эдуарда короля в делах, касающихся земли и всего прочего, с присоединением к ним того, что я установил для пользы английского народа.

2. ГРАМОТА ВИЛЬГЕЛЬМА I ГОРОДУ ЛОНДОНУ

Вильгельм король Вильгельму епископу... и всем лондонским горожанам, франкам и англам дружеский привет. Желаю, чтобы вы пользовались всеми законами времени короля Эдуарда, о чем и довожу до вашего сведения. И желаю, чтобы каждый сын был наследником своего отца после его смерти. И не потерплю, чтобы кто-либо наносил вам обиду. Храни вас бог.

3. ИЗ САКСОНСКОЙ ХРОНИКИ (1086 г.)

Пришел он в день св. Петра в веригах [1] в Сальсбери, и явились здесь к нему его витаны [2] и земельные собственники всей Англии кто бы они ни были, и все били ему челом и сделались его людьми и поклялись клятвой верности в том, что крепко будут служить ему против всех.

4. ИЗ ДРУГОЙ СОВРЕМЕННОЙ ХРОНИКИ (1086 г.)

Вильгельм король повелел произвести по всей Англии перепись, в которой бы значилось, сколько земли имел каждый из баронов его, сколько рыцарей-ленников, сколько плугов, сколько животных, а также каким количеством скота владел во всем его государстве каждый, от великого до малого, и сколько каждое владение может давать доходов. И угнетена была земля многими бедствиями, отсюда проистекавшими. В неделю пятидесятницы в Вестминстере, где король держал свою курию, он почтил сына своего Генриха рыцарским вооружением. А немного спустя приказал, чтобы архиепископы, епископы, аббаты, графы, бароны, шерифы и рыцари их пришли к нему в августовские календы в Сальсбери. Когда же они пришли туда, заставил рыцарей принести себе клятву верности против всех людей.

---

[1] 1 августа.
[2] То-есть мудрые.

5. ИЗ «КНИГИ СТРАШНОГО СУДА»

Здесь записано обследование земель, как их королевские бароны обследовали, именно по клятве шерифа графства, всех баронов и их свободорожденных и всей сотни[1], священника, старосты, шести вилланов из каждой деревни. Именно, как зовется поместье, кто держал его во время Эдуарда короля, кто теперь держит; сколько в нем гайд[2], сколько плугов на господской земле, сколько у людей, сколько вилланов[3], сколько котариев[4], сколько рабов, сколько свободных людей, сколько сокменов[5], сколько леса, сколько луга, сколько мельниц, сколько рыбных ловлей, сколько прибавилось или убавилось; сколько давало все вместе [раньше] и сколько дает теперь; сколько там каждый свободный человек и сокмен имел [прежде] и имеет [теперь]. Все это трижды, именно во времена Эдуарда короля, и когда король Вильгельм дал, и как оно есть теперь; и может ли давать больше, чем дает в настоящее время.

6. ИЗ «КНИГИ СТРАШНОГО СУДА»

Владения Глостерского монастыря св. Петра в Глостершире

Св. Петр Глостерский держал во времена короля Эдуарда манор[6] Бертон с прилегающими зависимыми частями... Там 12 гайд без 1 виргаты[7]. Там в домене 9 плугов... и 42 виллана и 21 бордарий[8] с 45 плугами. Там 12 рабов и мельница в 5 s[9] и 120 акров луга и лес в 5 форлонгов[10] в длину и 3 в ширину. Оценивалось в 8 фунтов. Теперь 24 фунта. Этот манор всегда был свободен от денежной подати и от всякой королевской службы...

[Далее перечисляются еще 12 маноров, причем указывается размер земельных владений, число вилланов, бордариев, рабов и других, сидевших на земле монастыря св. Петра Глостерского.]

---

[1] Сотня — административное подразделение графства.

[2] Гайда — земельный надел, содержавший в среднем около 120 акров (акр равняется приблизительно 0,4 гектара).

[3] Вилланы — крепостные (в Англии).

[4] Котарии — крепостные крестьяне, владеющие мелкими клочками земли в пределах поместья.

[5] Сокмены — свободные земледельцы, находящиеся под частной юрисдикцией, так называемой «сокой».

[6] Манор — феодальное поместье в Англии. В манор входили обычно барские земли (домен), земля зависимых крестьян (вилланов) и земли свободных держателей. Были маноры и без вилланской земли. Позже (в XIII—XIV вв.) много было маноров, где использовался труд наемных сельскохозяйственных рабочих.

[7] 1 виргата равнялась 1/4 гайды; следовательно виргата равнялась 30 акрам.

[8] Бордарий — мелкий крестьянин.

[9] S — шиллинг.

[10] Форлонг — около 1,8 мили.

7. ИЗ «ХРОНИКИ» ОРДЕРИКА ВИТАЛИЯ (КНИГА 4-я, ГЛАВА VII)

Этому королю, как рассказывают, поступало денег [1] по 60 тыс. фунтов стерлингов, 30 солидов и 3 обола ежедневно, не считая приношений и судебных выкупов, а также других многочисленных доходов, ежегодно умножающих казну королевскую. Король Вильгельм тщательно обследовал все свое государство и приказал составить правдивое описание всех королевских поместий, как они были во времена короля Эдуарда. Земли же так распределил между рыцарями и такой установил между ними распорядок, что королевство Англии всегда имело [наготове] 60 [2] тыс. рыцарей, которые быстро могли собираться по приказу короля, когда это требовалось.

II. ГЕНРИХ II (1154—1189 гг.)

8. ИЗ СОВРЕМЕННОЙ ХРОНИКИ

Король Генрих начал возвращать под свою власть города, замки и поместья, которые принадлежали короне [3]. Вновь возведенные замки он разрушал и изгонял из государства фламандцев [4]. Самозванных и ложных графов, которым король Стефан неосторожно роздал почти все доходы казны, он низлагал.

9. ИЗ ВЕЛИКОЙ АССИЗЫ

7. Великая ассиза есть некое королевское благодеяние, милостью государя по совету магнатов короля народам пожалованное, которым жизни людей и целости государства оказывается такая спасительная забота, что если кто желает сохранить за собой право на ту землю, какою он владеет как свободным держанием, то люди могут отстранить двусмысленный исход поединка... Ибо в то время как поединок возникает из свидетельства одного присяжного, это установление требует присяги по меньшей мере двенадцати полноправных людей.

Начинают дело по этой ассизе в таком порядке. Тот, кто с самого начала положил себя на ассизу [5], испросит приказ о мире [6]

---

[1] Деньги средневековой Англии:
1 фунт стерлингов = 20 шиллингам (или солидам),
1 шиллинг = 12 пенсам (денариям),
1 пенс (пенни) = 2 полупенсам (обол) = 4 фартингам.
В XIV в. пенс содержал 20—22 грана серебра. За 100 лет, с XIV до XV в. содержание серебра в монете понизилось более чем на 10%.

[2] Установлено, что эта цифра сильно преувеличена, в действительности рыцарей было не более 6—6,5 тысяч.

[3] Но были расхищены во времена смуты при короле Стефане.

[4] То-есть наемных воинов, участвовавших в междоусобной войне.

[5] То-есть просит, чтобы его дело разбиралось в суде с присяжными.

[6] Приказ о прекращении дела, уже начатого в обычном порядке.

для того, чтобы впредь не быть привлеченным в суд противником силою приказа, благодаря которому между ними перед этим возникло судебное дело о держании, из-за которого держащий положил себя на ассизу.

10. Посредством таких приказов приобретает мир тот, держит и кладет себя на ассизу до тех пор, пока противник, явившись в курию, испросит другой приказ, чтобы четырьмя полноправными рыцарями из графства и из соседства было избрано двенадцать полноправных рыцарей из того же соседства, которые под присягою скажут, кто из тяжущихся имеет больше права на искомую землю.

17. Затем приступали к расследованию, хорошо ли известна правда самим присяжным или же некоторые знают, а некоторые не знают или никто не знает. Если никто из них не знал правды об этом, и это было засвидетельствовано в курии клятвою их, то следовало обратиться к другим, пока не найдутся такие, которые знают правду об этом деле. Если же некоторые из них знали правду об этом, а некоторые не знали, тогда, отстранив незнающих, следует призвать в курию других, пока не найдется по крайней мере двенадцати согласных в этом. Затем, если некоторые из них будут говорить в пользу одного, а некоторые в пользу другого из тяжущихся, должны быть присоединены к ним другие, пока по крайней мере двенадцать будут согласны показывать в пользу той или другой стороны. Каждый из тех, кто был призван для этого, должен присягнуть, что он не будет говорить об этом неправды и, зная, не будет скрывать правды, а чтобы иметь знание тех, кто приносит присягу об этом, требуется, чтобы они знали об этом через посредство собственного зрения и слуха, или со слов своих отцов, или со слов, которым бы они верили, как собственным.

10. ИЗ КЛАРЕНДОНСКОЙ АССИЗЫ (1166 г.)

Начинается Кларендонская ассиза, изданная королем Генрихом, т. е. II, с согласия архиепископов, епископов, аббатов, графов и баронов всей Англии.

1. Прежде всего постановил названный выше король Генрих по совету всех баронов своих для охраны мира и сохранения правосудия, чтобы по отдельным графствам производилось расследование и по отдельным сотням через посредство двенадцати полноправных людей сотни и через посредство четырех полноправных людей каждой деревни под клятвой, что они будут говорить правду: есть ли в их сотне или в их деревне какой-либо человек, которого на основании фактических данных или по слухам обвиняют в том, что он разбойник, тайный убийца или грабитель, или такой, который является укрывателем разбойников, или тайных

убийц, или грабителей после того, как государь король стал королем. И это судьи пусть расследуют в своем присутствии, а шерифы в своем.

2. И если окажется, что обвиняемый на основании фактических данных или на основании слухов, на основании клятвенных показаний, названных выше, есть действительно разбойник, или тайный убийца, или грабитель, или укрыватель их после того, как государь стал королем, то он должен быть арестован и подвергнут испытанию водой и даст клятву, что не был разбойником, или тайным убийцей, или грабителем, или укрывателем их после того, как государь король стал королем.

5. И над теми, кто были арестованы на основании названных выше клятвенных показаний этой ассизы, никто не имеет права суда и никто не может брать себе их имущество, кроме государя короля в своей курии перед судьями его, и государь король будет получать все имущество их. Относительно же тех, которые будут арестованы иначе, чем на основании этой клятвы, пусть будет так, как это обыкновенно бывает и должно быть.

6. И шерифы, которые арестуют их, пусть приводят перед судьею без другого приглашения кроме того, которое они уже получили. И когда разбойники или тайные убийцы, или грабители и укрыватели их, которые были арестованы на основании клятвенных показаний или иным путем, передаются шерифам, эти последние должны принимать их тотчас же без замедления.

7. И в каждом отдельном графстве, где нет тюрем, они должны быть сооружены в бурге или каком-нибудь замке короля на деньги короля и из его дерева, если он находится близко, или из дерева ближайшего леса под наблюдением слуг короля для того, чтобы шерифы могли в них держать под стражей через посредство должностных лиц, которые обыкновенно это делают, и слуг тех, которые были арестованы.

8. Желает также государь король, чтобы все являлись в собрании графств для принесения этой клятвы, так чтобы никто не оставался дома в силу какой-нибудь имеющейся у него привилегии или в силу того, что он сам имеет свою собственную курию или соку и поэтому может не являться для принесения этой клятвы.

9. Желает также государь король, чтобы те, которые подвергнутся испытанию и выйдут чистыми из испытания, но в то же время пользуются самой дурной славой и по свидетельству многих и полноправных людей считаются способными на самые предосудительные проступки, оставили пределы земель короля так, чтобы в течение восьми дней переехали море, если только их не задержит неблагоприятный ветер, и с первым же благоприятным ветром они переедут море и после этого не вернутся в Англию иначе, как по особой милости государя короля; пусть они будут объявлены поставленными вне закона, и если вернутся, должны быть арестованы как поставленные вне закона.

11. ИЗ НОРТГЭМПТОНСКОЙ АССИЗЫ (1176 г.)

Это ассизы, изданные в Кларендоне и потом записанные в Нортгэмптоне

1. Если кто будет обвинен перед судьями государя короля в тайном убийстве, или в грабеже, или в разбое, или в укрывательстве людей, делающих это, или в делании фальшивой монеты, или в поджоге клятвенными показаниями двенадцати рыцарей сотни, а если рыцарей не окажется, то клятвенными показаниями двенадцати свободных полноправных людей и клятвенными показаниями четырех человек из каждой деревни сотни, то он идет на испытание водою и, если окажется виновным, теряет одну ногу. А в Нортгэмптоне прибавлено было для усиления суровости юстиции, что он должен вместе с ногой потерять также и правый кулак и должен покинуть королевство, и в течение сорока дней он будет изгнан из королевства. А если выйдет чистым из испытания водою, то должен найти поручителей и пусть остается в королевстве, если только не будет обвинен в тайном убийстве или в другом гнусном преступлении сообща графством или полноправными рыцарями графства, и если он сказанным выше способом будет обвинен в этом, то хотя он вышел из испытания водою невредимым, тем не менее в течение сорока дней он удалится из королевства и имущество свое унесет с собою, без ущерба для права его сеньеров, и оставит королевство, пока на то будет воля государя короля. Ассиза же эта будет сохранять свою силу с того времени, когда издана была ассиза в Кларендоне, без перерыва до этого времени, а с этого времени, пока будет угодно государю королю, в делах о тайном убийстве и об измене, и о поджоге, и во всех названных выше параграфах, за исключением дел о мелких кражах и грабежах, которые были совершены во время войны, как кража и грабеж лошадей и быков и более мелких вещей.

12. ИЗ АССИЗЫ О ВООРУЖЕНИИ (1181 г.)

1. Всякий, кто владеет феодом одного рыцаря, должен иметь панцырь и шлем, щит и копье, и каждый рыцарь должен иметь столько панцырей и шлемов, и щитов, и копий, сколько он имеет рыцарских феодов в своем домене.

2. Всякий же свободный человек светского звания, который имеет движимость или доход стоимостью в 16 марок [1], должен иметь панцырь и шлем, и щит, и копье; всякий же свободный человек светского звания, который имеет движимость или доход стоимостью в 10 марок, должен иметь кольчугу и шишак железный и копье.

3. Далее все горожане и вся община свободных людей должны иметь куртку и железный шишак и копье.

[1] 1 марка = $^2/_3$ фунта = 13 шиллингам 4 пенсам.

5. Если кто имеющий это оружие умрет, оружие его должно остаться его наследнику. Если же наследник не будет еще в таком возрасте, чтобы мог употреблять в дело оружие, когда это понадобится, то тот, кто будет иметь над ним опеку, должен иметь под своей опекой также и оружие и должен найти человека, который мог бы употребить это оружие на службе государю королю до тех пор, пока наследник придет в такой возраст, что будет в состоянии носить оружие, и тогда пусть он и владеет им.

9. Далее, судьи должны произвести расследование под присягой через посредство полноправных рыцарей или других свободных и равноправных людей сотен и городов, скольких найдут нужным, о тех, которые имеют имущество такой ценности, в соответствии с каковой они должны иметь панцырь и шлем, и копье, и щит согласно тому, что сказано выше, т. е. чтобы назвали им [судьям] отдельно всех из своих сотен и соседств и городов, которые имеют 16 марок движимости или дохода, а также и тех, кто имеет 10 марок. И судьи после этого должны велеть всем этим присяжным и другим занести в список, кто сколько имеет движимости или дохода и какое должен иметь оружие; после этого перед ними в общем собрании они должны заставить прочесть эту ассизу о вооружении и заставить их поклясться, что они будут иметь это оружие сообразно ценности своей движимости или дохода и будут употреблять его на службе государю королю согласно этой названной выше ассизе по повелению и храня верность государю королю Генриху и королевству его. Если же случится, что кто-либо из тех, которые должны иметь это оружие, не окажется в собрании графства к тому сроку, когда судьи были в собрании этого графства, в таком случае судьи назначат ему срок явиться перед ними в собрание другого графства. И если он не явится к ним ни в одно собрание тех графств, которые будут объезжать они [судьи], и его не будет в этой стране, ему должен быть назначен срок явиться в Вестминстер в течение восьми дней после праздника св. Михаила [1], чтобы быть там для принесения своей присяги, поскольку он любит себя и все свое. И ему должно быть приказано, чтобы в течение названного выше праздника св. Гилярия он уже имел оружие, какое ему следует иметь.

III. ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАРЛАМЕНТА

13. ИЗ «ХРОНИКИ» МАТВЕЯ ПАРИЖСКОГО (1214 г.)

Николай, Тускуланский епископ и апостолического престола легат, торжественно провозгласил в день апостолов Петра и

[1] Праздник св. Михаила — 29 сентября (окончание уборки хлебов. Новый отчетный год).

Павла в кафедральной церкви св. Павла отмену интердикта[1]. Король Англии Иоанн, окончивши за морем дела свои, в четырнадцатые ноябрьские календы вернулся в Англию[2]. Под угрозой этой бури собрались у [церкви] св. Эдмунда графы и бароны Англии как будто бы для богомолья, хотя в действительности было другое. Ибо, когда они долгое время совместно и тайно вели совещание, ходила среди них некая грамота короля Генриха I, которую означенные бароны получили от Стефана, архиепископа Кентерберийского, в городе Лондоне. И вот сошлись все в церкви св. Эдмунда и по почину магнатов поклялись над большим алтарем, что если король не согласится дать им вышеназванные законы и вольности, они будут вести с ним войну и уклоняться от соблюдения верности ему до тех пор, пока он не утвердит за ними всех их требований грамотой, скрепленной его печатью. И порешили в конце концов на том, чтобы после праздника рождества христова всем вместе явиться к королю и требовать утверждения вышеписанных вольностей, а тем временем позаботиться о конях и оружии, чтобы на случай если король вздумает отступить от своей клятвы, что они считали вполне возможным, зная его двуличность, они могли бы захватом королевских замков немедленно заставить его удовлетворить их требования.

14. ИЗ «ХРОНИКИ» МАТВЕЯ ПАРИЖСКОГО (1215 г.)

А вышепоименованные магнаты, явившиеся к королю в блестящих доспехах[3], требовали утверждения неких вольностей и законов Эдуарда короля, вместе с другими вольностями, пожалованными королевству Англии и английской церкви, как о том написано в хартии короля Генриха I и в вышеназванных законах... Король же, выслушавши их..., просил перемирия до конца праздника пасхи... Тем временем, желая оградить себя в дальнейшем, он распорядился, чтобы поклялись ему по всей Англии клятвою верности против всех людей и возобновили вассальную зависимость. А чтобы обезопасить себя еще лучше, в день очищения блаженной Марии[4], он принял крест господень[5]... В неделю пасхи собрались у Стэмфорда магнаты... Насчитывали в войске том две тысячи рыцарей, кроме оруженосцев и пехотинцев... Главным советником у них был Стефан, архиепископ Кентерберийский... В ближайшую пятницу после пасхальной недели сошлись упомянутые магнаты в Брэкли[6]. Король послал к ним архи-

---

[1] Имеется в виду отмена папского интердикта, наложенного в 1208 г. на Англию.

[2] После поражения, нанесенного королю и его союзникам на континенте Филиппом-Августом.

[3] Речь идет о событии, происходившем тотчас же после рождественских праздников.

[4] 2 февраля.

[5] То-есть дал обет крестоносца.

[6] В графстве Нортгэмптонском.

епископа Кентерберийского и Вильгельма Маршалла, графа Пемброка, чтобы разузнать, каких это законов и вольностей они требуют. Они же вручили посланным грамоту, содержащую в большей своей части древние законы и обычаи королевства... Тогда архиепископ и сопровождавшие его вернулись с грамотой той к королю и прочитали в его присутствии все по отдельным главам... Однако архиепископ и Вильгельм Маршалл никак не могли склонить короля к соглашению и, по приказанию короля, вернулись к баронам... Магнаты... назначили Роберта Фиц-Уолтера вождем войска... и в боевом порядке двинулись к Нортгэмптону, но, ничего не сделав, пошли к замку Бедфорду... Явились там к ним посланные от города Лондона и тайно им сообщили, чтобы спешили в город, если хотят свободно войти в него... И вот в девятые календы июня без всякого шума вступили в Лондон... Заручившись помощью горожан, разослали письма к графам, баронам и рыцарям, державшим еще сторону короля, хотя и притворно... Большая часть этих последних, получивши приказание баронов, направились в Лондон и, покинув короля, присоединились к означенным баронам... Днем, в который король должен был прийти к ним для переговоров на лугу между Стэнсом и Виндзором [1], назначили 15 июня... И вот, наконец... король Иоанн, видя, что силы его не равны силам баронов... законы и вольности им пожаловал.

15. ИЗ ВЕЛИКОЙ ХАРТИИ ВОЛЬНОСТЕЙ (1215 г.)

Иоанн, божьей милостью король Англии, сеньер Ирландии, герцог Нормандии и Аквитании, граф Анжу, архиепископам, епископам, аббатам, графам, баронам, юстициариям, чинам лесного ведомства, шерифам, бэйлифам, слугам и всем должностным лицам и верным своим привет. Знайте, что мы по божьему внушению и для спасения души нашей и всех предшественников и наследников наших, в честь бога и для возвышения святой церкви...

1. Во-первых, дали пред богом свое согласие и настоящей хартией нашей подтвердили за нас и за наследников наших на вечные времена, чтобы английская церковь была свободна и владела своими правами в целости и своими вольностями в неприкосновенности.

12. Ни щитовые деньги, ни [какое-либо иное] пособие не должны взиматься в королевстве нашем иначе, как по общему совету королевства нашего, если это не для выкупа нашего из плена и для возведения в рыцари первородного сына нашего и для выдачи первым браком замуж дочери нашей первородной; и для этого должно брать лишь умеренное пособие; подобным

[1] Речь идет о знаменитой долине Рэннимид, где была подписана королем Великая хартия вольностей.

же образом надлежит поступать и относительно пособий с города Лондона.

13. И город Лондон должен иметь все древние вольности и свободные свои обычаи как на суше, так и на воде. Кроме того, мы желаем и соизволяем, чтобы все другие города и бурги, и местечки, и порты имели все вольности и свободные свои обычаи.

14. А для того, чтобы иметь общий совет королевства при обложении пособием в других случаях, кроме трех вышеназванных, или для обложения щитовыми деньгами, мы повелим позвать архиепископов, епископов, аббатов, графов и старших баронов нашими письмами каждого отдельно и, кроме того, повелим позвать огулом, через шерифов и бэйлифов наших, всех тех, кто держит от нас непосредственно.

15. Мы не позволим впредь никому брать пособие со своих свободных людей, кроме как для выкупа его из плена и для возведения в рыцари его первородного сына и для выдачи замуж первым браком его первородной дочери; и для этого надлежит брать лишь умеренное пособие.

16. Никто не должен быть принуждаем к несению большей службы за свой рыцарский лен или за другое свободное держание, чем та, какая следует с него.

17. Общие тяжбы не должны следовать за нашей курией, но должны разбираться в каком-нибудь определенном месте.

20. Свободный человек будет штрафоваться за малый проступок только сообразно роду проступка, а за большой проступок будет штрафоваться сообразно важности проступка, причем должно оставаться неприкосновенным его основное имущество, таким же образом [будет штрафоваться] и купец, и его товар останется неприкосновенным; и виллан таким же образом будет штрафоваться, и у него останется неприкосновенным его инвентарь, если он подвергнется штрафу с нашей стороны; и никакой из названных выше штрафов не будет наложен иначе, как на основании клятвенных показаний честных людей из соседей [обвиняемых].

35. Одна мера вина пусть будет по всему нашему королевству, и одна мера пива, и одна мера хлеба, именно лондонская четверть, и одна ширина крашеных сукон и некрашеных и сукон для панцырей, именно два локтя между краями; то же, что о мерах, пусть относится и к весам.

39. Ни один свободный человек не будет арестован и заключен в тюрьму, или лишен имущества, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо [иным] способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных его и по закону страны.

40. Никому не будем продавать права и справедливости, никому не будем отказывать в них или замедлять их.

41. Все купцы должны иметь право свободно и безопасно выезжать из Англии и въезжать в Англию, и пребывать, и ездить по Англии как по суше, так и по воде, для того чтобы покупать

и продавать без всяких незаконных пошлин, уплачивая лишь старинные и справедливые, обычаем установленные пошлины, за исключением военного времени; и если они будут из земли, воюющей против нас, и если такие окажутся в нашей земле в начале войны, они должны быть задержаны без ущерба для их тела и имущества, пока мы или великий юстициарий наш не узнает, как обращаются с купцами нашей земли, находящимися тогда в стране, воюющей против нас; и если наши там в безопасности, то те и другие должны быть в безопасности в нашей земле.

52. Если кто был лишен нами, без законного приговора своих пэров, [своих] земель, [своих] замков, [своих] вольностей или своего права, мы немедленно же вернем ему их; и если бы об этом возникла тяжба, пусть будет решена она по приговору двадцати пяти баронов, о которых сделано упоминание ниже, где идет речь о гарантии мира; относительно же всего того, чего кто-либо был лишен без законного приговора своих пэров королем Генрихом, отцом нашим, или королем Ричардом, братом нашим, и что находится в наших руках или чем другие владеют под нашим обеспечением, мы получим отсрочку до конца обычного срока принявших крест; исключение составляет то, о чем уже начата тяжба или начато расследование по нашему повелению перед принятием нами креста; когда же мы вернемся из нашего паломничества или если случится, что воздержимся от нашего паломничества, мы немедленно же окажем относительно этого полную справедливость.

61. После же того, как мы для бога и для улучшения королевства нашего и для более успешного умиротворения раздора, родившегося между нами и баронами нашими, все это вышеозначенное пожаловали, желая, чтобы они пользовались этим прочно и нерушимо на вечные времена, — создаем и жалуем им нижеписанную гарантию, именно: чтобы бароны избрали двадцать пять баронов из королевства, кого пожелают, которые должны всеми силами блюсти и охранять и заставлять блюсти мир и вольности, какие мы им пожаловали и этой настоящей хартией и нашей подтвердили, таким именно образом, чтобы если мы или наш юстициарий, или бэйлифы наши, или кто-либо из слуг наших в чем-либо против кого-либо погрешим или какую-либо из статей мира или гарантии нарушим и нарушение это будет указано четырем баронам из вышеназванных двадцати пяти баронов, эти четыре барона явятся к нам или юстициарию нашему, если мы будем находиться за пределами королевства, указывая нам нарушение, и потребуют, чтобы мы без замедления исправили его. И если мы не исправим нарушения или если мы будем за пределами королевства, юстициарий наш не исправит [его] в течение времени сорока дней, считая с того времени, когда было указано нам или юстициарию нашему это нарушение, если мы находились за пределами королевства, то вышеназванные четыре барона докладывают об этом остальным из двадцати пяти баронов, и те

двадцать пять баронов совместно с общиною всей земли будут принуждать нас и теснить нас всеми способами, какими только могут, т. е. путем захвата замков, земель, владений и всеми другими способами, какими могут, пока не будет исправлено [нарушение] согласно их решению; неприкосновенной остается при этом наша личность и личность королевы и детей наших; а когда исправление будет сделано, они опять будут повиноваться нам, как делали прежде. И кто в стране захочет, принесет клятву, что для исполнения всего вышеназванного будет повиноваться приказаниям вышеназванных двадцати пяти баронов и что будет теснить нас по мере сил своих вместе с ними, и мы открыто и свободно даем разрешение каждому давать присягу, кто пожелает дать ее, и никому никогда не препятствуем дать присягу. Всех же в стране, которые сами добровольно не пожелают давать присяги двадцати пяти баронам относительно принуждения и теснения нас совместно с ними, мы заставим дать присягу, как сказано выше. И если кто-либо из двадцати пяти баронов умрет или удалится из страны или каким-либо иным образом лишится возможности выполнить вышеназванное, остальные из вышеназванных двадцати пяти баронов должны избрать по собственному решению другого на его место, который подобным же образом принесет присягу, как и прочие. Во всем же, что поручается исполнять тем двадцати пяти баронам, если случится, что сами двадцать пять будут присутствовать и между ними о чем-либо возникнет несогласие или если некоторые из них, получив приглашение, не явятся, или не будучи в состоянии явиться, или не пожелав, пусть считается решенным и твердым то, что большая часть тех, что присутствовали, постановила или повелела, так, как будто бы согласились на этом все двадцать пять; и вышеназванные двадцать пять должны принести присягу, что все вышесказанное будут исполнять верно и заставлять [других] исполнять всеми зависящими от них способами. И мы ничего ни от кого не будем домогаться как сами, так и через кого-либо другого, благодаря чему какая-либо из этих уступок или вольностей могла бы быть отменена или уменьшена; и если бы что-либо такое было достигнуто, пусть оно считается недействительным и не имеющим значения, и мы никогда не воспользуемся им ни сами, ни через посредство кого-либо другого.

16. ПРИГЛАШЕНИЕ ГРАФА NN В ПАРЛАМЕНТ (1265 г.) [1]

Король возлюбленному родственнику и верному своему Эдмунду, графу Корнуолла, привет. Так как необходимо позаботиться о мерах против опасностей, которые в эти дни угрожают всему королевству нашему, и мы желаем иметь с вами и про-

---

[1] Подобные приглашения отправлены были семи графам и сорока одному барону.

чими королевства нашего магнатами совещание и рассуждение, то мы повелеваем вам именем верности и любви, которые вы имеете к нам, крепко наказывая, чтобы в воскресенье, ближайшее после праздника св. Мартина[1] зимнего, вы лично присутствовали в Вестминстере для того, чтобы обсудить, постановить и исполнить вместе с нами и с прелатами и прочими магнатами и другими жителями королевства нашего то, с помощью чего следует устранить эти опасности. Засвидетельствовано королем в Кентербери в первый день октября.

17. ПРИГЛАШЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГРАФСТВ И ГОРОДОВ В ТОТ ЖЕ ПАРЛАМЕНТ

Король шерифу Нортгэмптоншира. Так как мы хотим иметь совещание и рассуждение с графами, баронами и прочими магнатами королевства нашего, чтобы позаботиться о мерах против опасностей, которые в эти дни угрожают этому королевству, вследствие чего и повелеваем им, чтобы они прибыли к нам в воскресенье, ближайшее после праздника св. Мартина зимнего, в Вестминстер, чтобы обсудить, постановить и исполнить то, с помощью чего следует устранить эту опасность, мы предписываем тебе, крепко наказывая, чтобы ты распорядился без замедления избрать и к нам в указанный выше день и место отправить от названного выше графства двух рыцарей, и от каждого города этого же графства двух граждан, и от каждого бурга двух граждан из более выдающихся и более способных к труду, так чтобы названные рыцари полную и достаточную власть за себя и за общину названного выше графства, а названные граждане и горожане за себя и за общину названных выше городов и бургов отдельно от них здесь тогда имели делать то, что будет тогда по общему совету постановлено касательно того, о чем была речь выше, так чтобы за отсутствием этой власти названное выше дело никоим образом не оставалось бы несделанным. И ты должен иметь здесь имена рыцарей, граждан и горожан и этот приказ. Засвидетельствовано королем в Кентербери 3 дня октября.

IV. ВОССТАНИЕ УОТА ТАЙЛЕРА

18. ИЗ ОПИСИ ВИЛЛАНСКИХ ДЕРЖАНИЙ МАНОРА ЛИТЛЬТОН

...там есть 13½ виргат[2] вилланской земли, и каждая из них положена на фирму [аренда, откуп] и платит в год 5 шиллингов.

Из этих 13½ виргат пашни Матвей Шотсден держит 1 виргату и, кроме вышеуказанной фирмы, должен два раза в год пахать господскую землю, и эта пахота оценивается в 4 d. [пенса].

---

[1] 11 ноября.

[2] Виргата — см. примечание 7 к стр. 67.

И в те дни, когда он пашет, он ест господские харчи и дает $5^1/_4$ бушелей[1] пшеницы в качестве church-scot[2], и это оценивается в 3 шиллинга 3 пенса. И он должен боронить господскую землю под яровое, пока вся господская земля не будет засеяна, и бороньба оценивается в $4^1/_2$ пенса. И он должен полоть господский хлеб, и это оценивается в 2 пенса, и он должен убирать и возить господское сено, и это оценивается в 2 пенса. И он должен в течение одного дня сажать бобы, и это оценивается в 2 пенса. И он должен мыть и стричь овец, и это оценивается в $^1/_2$ пенса. И он должен укладывать стог на господском дворе, и это оценивается в 3 пенса в год. Он должен ездить с подводой в Andover и Ludgershall[3], и это оценивается в 3 шиллинга $2^1/_2$ пенса. И он должен жать по $2^1/_2$ акра каждую неделю в течение осеннего сезона, и в общем это оценивается в 3 шиллинга $2^1/_2$ пенса... Общая сумма работ этого виргатория, не считая вышеупомянутой фирмы, — 12 шиллингов 2 $^1/_2$ пенса.

19. ОРДОНАНС О РАБОЧИХ И СЛУГАХ (1349 г.)

Ордонанс (королевский указ) 1349 г. представляет собой первый и самый крупный акт в ряду других законодательных мероприятий английского правительства, имеющих целью обеспечить нанимателей дешевой рабочей силой, в которой после чумы 1348 г. ощущался недостаток.

Так как большая часть народа и больше всего рабочих и слуг уже умерла в эту чуму, то некоторые, видя затруднительное положение господ и малочисленность слуг, не желают служить иначе, как получая чрезмерное вознаграждение, а некоторые предпочитают, пребывая в праздности, просить милостыню, вместо того, чтобы трудом снискивать средства к жизни. Поэтому мы, имея в мысли те серьезные неудобства, которые могут произойти от недостатка в особенности в пахарях и других сельских рабочих, имели об этом рассуждение с прелатами и знатью и другими, сведущими людьми, с нами находившимися, и по их единодушному совету постановили: чтобы каждый мужчина и каждая женщина королевства нашего Англии, какого бы состояния они ни были, свободного или крепостного, крепкие телом и в возрасте до шестидесяти лет, не живущие торговлей и не занимающиеся ремеслом и не имеющие собственности, с которой бы жили, ни собственной земли, возделыванием которой могли бы быть заняты, и не находятся на службе у другого, если его или

---

[1] Бушель = 36,3 литра.

[2] Church-scot — натуральный платеж церковного происхождения (юго-запад Англии). К XIII в он потерял церковный характер и стал одним из манориальных платежей. В данном случае мы видим необычайно тяжелый платеж; обычно church-scot равнялся одному бушелю зерна или 4 курицам.

[3] Andover — местечко в графстве Гэмшир на расстоянии около 16 *км* от Литльтона. Ludgershall — местечко в соседнем графстве Уильтшир на расстоянии около 25 *км* от Литльтона. В этих местечках у монастыря не было владений, и, стало быть, поездки совершались на рынок.

ее позовут служить соответственно их состоянию, обязаны служить тому, кто их позовет, и брать то вознаграждение деньгами и натурой, которое в местностях, где они обязаны будут служить, обыкновенно давали... в последние пять или шесть лет.

Предусматривается при этом, что сеньеры должны иметь преимущественное перед другими право удерживать у себя на службе вилланов или держащих у них вилланскую землю, но так, однако, чтобы эти сеньеры удерживали у себя лишь стольких, сколько им необходимо и не больше...[1].

И если такой мужчина или женщина, когда его или ее станут нанимать на службу, не захочет этого сделать, и что будет доказано двумя заслуживающими доверия людьми перед шерифом или бэйлифом короля или перед деревенским констеблем, где бы это ни произошло, они немедленно должны быть ими или кем-либо из их людей схвачены и отправлены в ближайшую тюрьму и там пребывать под строгим караулом, пока не найдут поручительства в том, что будут служить, как указано выше. И если жнец, косец или другой сельский рабочий или слуга, какого бы состояния ни был, находящийся у кого-либо на службе, раньше окончания условленного в договоре срока от названной службы без разумной причины или без позволения хозяина уйдет, то должен быть наказан заключением в тюрьму. . . . . .

. . . .

20. ИЗ АНОНИМНОЙ ХРОНИКИ АББАТСТВА СВ. МАРИИ В ИОРКЕ

1) Происшествие в деревне Фоббинг

После того, как в 1380 г. в Нортгэмптонском парламенте были с легким сердцем разрешены субсидии и разным лордам и общинам[2] показалось, что названные субсидии не были добросовестно собраны, но, как общее правило, взыскивались с бедных, а не с богатых, к великой пользе и выгоде сборщиков, вводя в обман короля и общины, королевский совет назначил несколько комиссий для расследования в каждой деревне, как эти субсидии взимались. Одно из таких поручений было отправлено в Эссекс некоему Томасу Бамптону, сенешалу одного лорда, который занимал в этой местности высокое положение, вроде короля или великого магната. Перед пятидесятницей[3] он устроил заседание комиссии в деревне Брентвуд в Эссексе для производства

---

[1] Последнее указание вызвано борьбой внутри самого класса феодалов. Более крупные феодалы переманивали к себе рабочих и даже отбирали их силой у своих соседей.

[2] Здесь имеются в виду некоторые представители палаты лордов и палаты общин.

[3] Пятидесятница (подвижной праздник) — 50-й день после пасхи.

расследования, огласил присланное ему поручение собрать деньги, которых нехватало, и произвести расследование о том, как сборщики собирали вышеназванную субсидию. Он велел явиться к нему деревням ближайшей сотни и пожелал взять с них новую субсидию, наказав людям этих деревень произвести старательное расследование и дать ему ответ и уплатить, что с них следует. Среди этих деревень была [деревня] Фоббинг, и все его люди дали ответ, что они не желают платить ни одного пенни потому, что у них есть квитанция, полученная от него самого в уплате этой субсидии. Тогда названный Томас сильно пригрозил им, а с ним было два сержанта нашего сеньера короля. И, боясь зла от него, люди Фоббинга стали совещаться с людьми Кэррингэма, и люди этих двух деревень поднялись и стали собираться вместе и обратились к людям Станфорда восстать вместе с ними для пользы их всех. Затем люди трех этих деревень собрались вместе в числе ста и более и с общего согласия пришли к названному Томасу Бамптону и без всякой церемонии дали ему ответ, что они не желают иметь с ним никакого дела и не намерены платить ни одного пенни. Тогда названный Бамптон приказал сержантам арестовать этих людей и посадить их в тюрьму. Но люди этих деревень воспротивились им и не желали быть арестованными, но намеревались убить названного Томаса и названных сержантов, вследствие чего вышеназванный Томас бежал в Лондон к королевскому совету, а люди эти ушли в леса, боясь его злобы, и там укрывались долгое время, пока едва не умерли с голода, и затем стали ходить из деревни в деревню, чтобы побуждать других людей восстать против больших лордов и состоятельных людей страны. И по причине этих происшествий, случившихся с названным Томасом, сэр Роберт Белкнап, главный судья общей скамьи нашего сеньера короля [Королевской скамьи], был послан в графство с полномочиями произвести расследование и суд по этим делам, и перед ним было выставлено много обвинений против разных людей, вследствие чего люди этого графства были в таком страхе, что собирались бросить свои усадьбы.

2) Начало восстания

Вследствие этого общины[1] восстали против него и пришли к нему и заявили, что он изменник короля и королевства и что лишь по злобе и злоумышлению он хотел выставить их недоимщиками с помощью ложного расследования, перед ними произведенного, и заставили его поклясться на библии, что впредь он никогда не будет устраивать таких сессий и не будет судьей в таких расследованиях. И они заставили его сообщить имена всех присяжных, причем всех их, кого только могли схватить, обез-

---

[1] В данном документе этот термин обозначает либо деревенские общины, либо вообще восставших крестьян.

главили и предали смерти, а их дома сравняли с землей. Названный сэр Роберт со всей поспешностью отправился во-свояси. После этого названные общины собрались перед пятидесятницей в числе пятидесяти тысяч, и они отправились к манорам в деревнях тех, которые не хотели восставать вместе с ними, и сравняли их с землей или предали их огню. Тогда же они схватили трех клерков вышеназванного Томаса Бамптона и отрубили им головы и носили их головы с собою изо дня в день на кольях для примера другим и намеревались убить всех законоведов и всех присяжных и слуг короля, каких только могли найти. В это время все магнаты этого графства и другие сильные люди бежали в Лондон и другие графства, где только они могли спастись. Затем общины разослали разные письма в Кент и Сэфольк и Норфольк, чтобы они восстали вместе с ними, и когда они собрались, то затем разбрелись отдельными бандами, чиня великое зло в каждом округе. И после этого общины Кента без главы и без предводителя стали собираться со дня на день в большом числе, и в пятницу после пятидесятницы они пришли в Дартфорд и устроили совещание и постановили, чтобы никто из тех, кто жил вблизи моря в любом месте, в расстоянии двенадцати миль, не шел с ними, но оставался там, чтобы защищать берег моря от врагов, говоря между собою, что существует королей больше, чем один, и они не желают терпеть и иметь другого короля, кроме короля Ричарда. И в это же время общины Кента явились в Мэдстон и отрубили голову одному из лучших людей города и сравняли с землей разные дома и владения людей, которые не хотели восставать вместе с ними, как это было сделано в Эссексе, а в ближайшую пятницу после этого они пришли в Рочестер и здесь встретили большое число общин Эссекса и... осадили замок... И они сильно напирали на замок, а комендант замка мужественно защищал его полдня, но, наконец, из страха, который он ощутил перед таким бунтом и перед толпой людей без разума из Эссекса и Кента, он сдал им замок... И здесь они сделали своим предводителем Уота Тайлера из Мэдстона, чтобы он поддерживал их и давал им советы. А в ближайший понедельник после праздника троицы пришли они в Кентербери около полудня, и 4 тыс. из них вошли в собор св. Фомы во время торжественной обедни, и, набожно преклонив колена, все затем в один голос закричали монахам, чтобы они приготовились избрать одного из монахов архиепископом Кентерберийским, потому что тот, кто состоит теперь, изменник и будет обезглавен за свою несправедливость. И это и сталось с ним через пять дней...

В это время общины имели своим советником одного капеллана с дурною славою, по имени сэр Джон Болл, каковой сэр Джон Болл советовал им убрать всех лордов и архиепископа и епископов, аббатов и приоров и многих монахов и каноников, так чтобы не было ни одного епископа в Англии, кроме архиепископа, каким будет он сам, и ни одного монаха, каноника в ре-

лигиозной обители, кроме двух, и что их владения должны быть поделены между мирянами. За это он считался среди общин пророком и изо дня в день трудился над тем, чтобы укрепить их в их злобе, и за это получил впоследствии достойную награду, когда из него выпустили внутренности, а затем повесили его и обезглавили как изменника. После этого сказанные общины ходили по разным деревням и поднимали людей, одних по доброй воле, других против их воли, так, что их собралось добрых 60 тыс. И, идя к Лондону, они встретили разных законоведов и двенадцать рыцарей государя нашего этой страны и схватили их и заставили их дать им клятву, что они будут поддерживать их, иначе они будут обезглавлены. Они наделали много бед в Кенте и в, частности, Томасу Газельдену, слуге герцога Ланкастерского, из ненависти, какую они имели к сказанному герцогу, ибо они сравняли с землей его маноры, а также растащили его постройки, продали его скот, лошадей, его хороших коров, овец и свиней и всякого рода хлеб в зерне по самой дешевой цене. Они все хотели иметь его голову и голову сэра Томаса Оргрева, заведывающего приемом денег и помощника казначея Англии.

3) Король Ричард II пытается уговорить восставших

Когда услышал об их деяниях король, он отправил к ним своих посланцев в среду, ближайшую после названного праздника троицы, чтобы знать, почему они так поступают и по какой причине они восстали на его земле. И они отправили через сказанных посланцев ответ, что они восстали для спасения его и для того, чтобы уничтожить изменников его и королевства. И сказанный король во второй раз послал сказать им, чтобы они перестали делать то, что они делали, из уважения к нему, чтобы он мог поговорить с ними, и что он сделает согласно их желанию резонные исправления того, что было сделано худого. И общины из чувства расположения к нему через его посланцев просили сказать ему, что они хотят видеть его и говорить с ним на Блэкгизе. И король в третий раз послал сказать им, что он охотно прибудет к ним на другой день в час заутрени, чтобы услышать от них об их намерениях. В это время король был в Виндзоре. Со всей поспешностью, с какой он только мог, он отправился в Лондон; тогда мэр и уважаемые люди Лондона вышли к нему навстречу и проводили его в безопасности в цитадель [Тауэр] Лондона. Здесь собрались весь совет и все сеньеры из окрестностей, т. е. архиепископ Кентерберийский, канцлер Англии, и епископ Лондонский, и магистр госпиталя св. Иоанна в Клеркенвелле, тогдашний казначей Англии, и другие, числом 600.

Накануне дня тела христова пришли общины Кента на Блэкгиз в трех милях от Лондона, в числе 50 тыс., чтобы ждать короля, и развернули два знамени св. Георгия и сорок небольших флагов. И общины Эссекса подошли с другой стороны воды в

числе 60 тыс., чтобы помочь им и получить ответ от короля.. И тогда в среду король, находясь в цитадели Лондона [Тауэре] и думая, как уладить дело, приказал приготовить барку и взял с собою и на свою барку архиепископа и казначея и других из своего совета, а четыре другие барки — для своей свиты и двинулся к Гриничу, в трех милях от Лондона. И здесь сказанный архиепископ и казначей сказали королю, что будет великим безумием отправляться к ним, потому что они люди без разума и не умеют вести себя пристойно. Но сказанные общины Кента по причине того, что король не захотел прибыть к ним благодаря увещаниям канцлера и казначея, отправили к нему петицию, требуя, чтобы он дал им головы герцога Ланкастерского и пятнадцати других лордов... На это король не хотел дать своего согласия, вследствие чего они отправили к королю одного йомена с просьбой, чтобы он прибыл к ним и поговорил с ними, и он отвечал, что он и сам хотел это сделать, но сказанные канцлер и казначей посоветовали ему повернуть назад, и велел им сказать, что если они хотят прийти в ближайший понедельник в Виндзор, там они получат от него приличествующий ответ.

И сказанные общины имели между собою пароль: «Ты кого держишься?», и ответ был: «Короля Ричарда и верных общин», и те, кто не знал или не хотел так ответить, обезглавливались и предавались смерти.

И в это время прибыл один рыцарь со всей поспешностью с какой только мог, крича, чтобы король подождал. Король вздрогнул от этого и ждал его прихода, чтобы услышать, что он хотел сказать. И сказанный рыцарь явился к королю и сообщил ему со слов одного слуги, который был взят ими в тот день, что если он прибудет к ним, то вся страна будет потеряна, потому что он не уйдет от них ни за что, но они будут водить его с собой по всей Англии, и они заставят его дать им все, чего они ни пожелают, и что их намерение перебить всех сеньеров и знатных дам, и всех архиепископов, епископов, аббатов и приоров, монахов и каноников, приходских священников и викариев по подстрекательству и совету вышесказанного сэра Джона Болла.

Вследствие этого король вернулся в Лондон как только мог скорее и прибыл в Тауэр в час третий. А в это время вышесказанный человек, называемый йомен, поспешил на Блэкгиз, крича своим товарищам, что король удалился от них и для них будет хорошо идти в Лондон и выполнить свое намерение в тот же день в среду.

Перед часом вечерни общины вошли в большом числе — 60 тыс. — в Саусверк, где находилась тюрьма Маршалси. И они ворвались в нее и разрушили все дома Маршалси и вывели из тюрьмы всех заключенных, которые были заключены сюда за долги или за преступление, и затем сравняли с землей прекрасную усадьбу Джона Имуорта, тогдашнего маршала Маршалси из [суда] Королевской скамьи и стража заключенных в этом ме-

сте, и все дома присяжных и стряпчих, принадлежащих к Маршалси, разрушали в течение всей ночи. А в это же время общины Эссекса подошли к Ламбету близ Лондона, манору архиепископа Кентерберийского, и вошли в дома и разрушили большое количество добра сказанного архиепископа и бросили в огонь все книги регистра и свитки мемориалов, принадлежащие канцлеру, там найденные.

А на следующий день, в четверг, который был праздником тела христова, в тринадцатый день июня, сказанные общины пришли утром в Гайбери, в двух милях от Лондона к северу, очень красивый манор госпиталя св. Иоанна в Клеркенвелле. Они предали его огню и пламени к очень большому ущербу и урону госпитальеров св. Иоанна, и одни из них вернулись в Лондон, а другие оставались в открытом поле всю ночь.

4) Вступление повстанцев в Лондон

В тот же день тела христова утром сказанные общины Кента разбили один непотребный дом возле лондонского моста, который находился в руках фламандских женщин, — они держали в аренде этот дом от лондонского мэра. А затем они подошли к лондонскому мосту, чтобы перейти в Сити, но мэр был готов к их приходу и приказал протянуть цепь и поднять подъемный мост, чтобы помешать им пройти. И общины Саусверка восстали вместе с ними и стали кричать тем, кто охранял сказанный мост, чтобы они опустили подъемный мост и дали им проход, иначе они будут уничтожены. И из страха за свою жизнь, какой они ощутили, те позволили им войти, сильно против своей воли. В это время монахи и приходские священники и викарии шли набожно в процессии молить бога о мире. В это же самое время сказанные общины держали свой путь через Лондон и не сделали никакого зла и ущерба, пока не дошли до улицы Флитстрит... И на Флитстрите сказанные общины Кента разбили тюрьму Флит и вывели всех заключенных и позволили им идти, куда хотят, затем остановились и разрушили и сожгли лавку одного свечника и другую лавку кузнеца посреди сказанной улицы. И, как предполагают, никогда не будет потом здесь домов, что уничтожает красоту этой улицы. Затем они отправились к Темплю, чтобы погубить владельцев сказанного Темпля, разрушили дома и разбросали все черепицы, так что сделали их плохо покрытыми. Они вошли в церковь Темпля и взяли все книги и свитки и мемориалы, которые находились в ящиках в Темпле и принадлежали изучавшим право, и вынесли их на площадь и сожгли их... И на пути к Савою они сжигали все дома, которые принадлежали магистру госпиталя св. Иоанна. А затем они отправились к Савою и подожгли разные дома разных людей, которые навлекли на себя проклятия, на западной стороне и, наконец, пришли к Савою и разбили ворота и вошли в дом и отправились в гардероб к

забрали все факелы, подставки для головы большой ценности, ибо, по слухам, как об этом рассказывали, они оценивались в 1 000 марок. И все столовое белье и другое добро, какое могли найти, снесли в зал и зажгли сказанными факелами. И они сожгли зал и комнаты и все дома внутри ворот, принадлежащие к сказанному дворцу или манору, какие общины Лондона оставили несожженными. Как рассказывают, они нашли три бочонка с порохом и думали, что в них золото или серебро, и бросили их в огонь, и этот порох взорвался и воспламенил залу скорее, чем это произошло бы иначе, к великой потере и убытку герцога Ланкастерского. На общины Кента легло обвинение в поджоге, но некоторые говорят, что лондонцы виновны в этом из ненависти к названному герцогу...

В это самое время большая толпа общин подошла к лондонский цитадели [Тауэру], чтобы поговорить с королем, и они не могли дождаться разговора с ним, вследствие чего они подвергли Тауэр осаде со стороны св. Екатерины, к югу. А другая часть общин, которые были в Сити, отправились в госпиталь св. Иоанна в Клеркенвелле и по дороге сожгли усадьбу и дома Роджера Легетта, стряпчего, который был обезглавлен в Чипсайде, и все сданные в аренду дома и владения св. Иоанна, какие только могли, а затем вошли в красивое приорство названного госпиталя и предали пламени многие дома, красивые и изящные в этом приорстве, к великому ущербу и ужасу на все будущие времена, а затем вернулись в Лондон для отдыха или для худых дел.

В это время король находился в одной из башен большого лондонского Тауэра и увидел манор Савой и Клеркенвелл и дома возле Ньюгетта и усадьбу Джона Бэттервика пылающими огнем. Он позвал всех лордов, бывших с ним, в одну комнату и просил у них совета, что делать в такой трудный час. И ни один из них не умел или не хотел дать совета, вследствие чего юный король сказал, что он велит мэру Сити сделать распоряжение шерифам и олдерменам, чтобы они в своих кварталах приказали громко оповестить, что все в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет под страхом за жизнь и члены должны завтра утром, в пятницу, быть на Майл-Энде, чтобы видеть и слышать его, так чтобы все, кто находился в Тауэре, могли в безопасности выйти, куда им было угодно, и спастись. Но из этого ничего не вышло, потому что некоторым не привелось спастись. А в тот же четверг, в названный праздник тела христова, король находился в Тауэре, задумчивый и грустный. Взойдя в малую башню против св. Екатерины, где расположилось большое число общин, он приказал громко объявить им, чтобы все тотчас же мирно расходились по домам и что он простит им все их проступки. И все закричали в один голос, что они не уйдут прежде, чем не получат находящихся в Тауэре изменников и хартий, которые освободят их от всякого рода рабства и дадут им и другое, чего они потребуют. И король благосклонно пожаловал им это и приказал

клерку написать билль в их присутствии в таком роде «Ричард, король Англии и Франции, премного благодарит свои добрые общины за то, что они так сильно хотели его видеть и иметь своим королем, и прощает им всякого рода проступки, оскорбления и преступления, содеянные до этого часа, и хочет и приказывает, чтобы вслед за этим каждый изложил свои жалобы на письме и прислал их ему, и он по совету верных лордов и своего доброго совета измыслит такое средство, которое будет на пользу ему и им и всему королевству». И к этому он приложил свою печать в присутствии их и затем отправил названный билль с двумя из своих рыцарей к ним к св. Екатерине и велел прочесть его им. И тот, кто читал билль, стоял на старом кресле перед другими, так что все могли слышать. И все это время король находился в Тауэре в большой тревоге. И когда общины выслушали билль, они сказали, что это только пустяки и издевательство. Поэтому они вернулись в Лондон и велели оповестить по Сити, что все законоведы, и все из канцлерского суда, и из Палаты шахматной доски, и все, кто умеет писать бумаги, должны быть обезглавлены, где только их найдут. В это же время они сожгли много домов в Сити, и король взошел на высокую башню Тауэра, чтобы смотреть пожар. Затем он опять сошел вниз и послал за лордами, чтобы иметь их совет. Но они не знали, что советовать, и были удивительно как подавлены и смущены.

На другой день, в пятницу, общины из окрестностей и общины Лондона собрали страшные силы, числом 100 тыс. и более, кроме 80 тыс., которые оставались на холме у Тауэра, чтобы стеречь тех, которые находились в Тауэре. И некоторые отправились на Майл-Энд на Брентвудской дороге, чтобы ждать прибытия короля после оповещения, им сделанного, а другие отправились на холм возле Тауэра. И когда король узнал, что они здесь, он отправил к ним посланца сказать им, чтобы они шли к своим товарищам на названный Майл-Энд и что он сам скоро туда прибудет. Тогда же утром он дал совет архиепископу Кентерберийскому и другим, которые были там, в Тауэре, спуститься к малым воротам у воды, взять лодку и спастись. И архиепископ так и сделал, но какая-то злая женщина подняла крик на него, и он вернулся в Тауэр в смятении.

И вот около семи часов король отправился на Майл-Энд и с ним его мать в карете и графы Бэкингэм, Кент, и Уоррик, и Оксфорд, и сэр Томас Перси, и сэр Роберт Ноллис, и мэр Лондона, и много рыцарей и оруженосцев, а сэр Обри де Вер нес государственный меч. И когда он прибыл в общины и увидели его, они все склонили перед ним колена и сказали: «Добро пожаловать, наш сеньер король Ричард, и мы не хотим иметь другого короля, кроме вас».

5) Требования восставших крестьян

И Уот Тайлер, их предводитель и главарь, стал просить его от имени общин, чтобы он позволил им взять всех изменников против него и против закона, и король соизволил на то, чтобы они взяли по своему желанию тех, кто были изменниками и о которых можно было законным порядком доказать, что они были изменниками. И названный Уот и общины держали два знамени и флаги и флажки, когда они обращались со своей петицией к королю. И они просили, чтобы ни один человек не был больше крепостным и не приносил феодальной присяги и никакой повинности не нес никакому сеньеру, но давал бы по четыре пенса за акр земли, и чтобы никто не должен был никому служить иначе, как по своей доброй воле и по договору.

И в это время король велел общинам выстроиться в два ряда и оповестить их, что он хочет подтвердить и пожаловать им, чтобы они были свободны и вообще все, чего они желают, и что они могут пройти через все королевство Англии и брать всех изменников и в безопасности приводить их к нему, и он будет наказывать их, как того требует закон.

Под предлогом этого пожалования названный Уот Тайлер и некоторые общины отправились к Тауэру, чтобы взять архиепископа, а другие остались на Майл-Энде. В это время архиепископ набожно пел свою мессу в Тауэре... и, когда он произносил «все святые, молитесь за нас», вошли общины и вытащили архиепископа из капеллы в Тауэре, грубо толкали и били и других, которые были с ним, и вывели их на холм у Тауэра и отрубили голову владыке... архиепископу Кентерберийскому... В это же время общины сделали оповещение, чтобы всякий, кто может схватить фламандца или какого-либо другого иностранца, какой бы нации он ни был, отрубил бы ему голову. И так потом и делали. А затем они взяли головы архиепископа и других, насадили их на деревянные колья и понесли их перед собою в процессии по всему Сити до святой обители Вестминстерского аббатства на поругание их и бога и святой церкви; и месть настигла их в непродолжительном времени. Затем они вернулись к лондонскому мосту и здесь выставили голову архиепископа на воротах моста и восемь других голов тех, которые были обезглавлены, чтобы все могли видеть их, кто будет переходить через мост. Когда это было сделано, они отправились в церковь св. Мартина у Винного подворья и нашли в сказанной церкви тридцать пять фламандцев, вытащили их и на улице отрубили им головы. И было обезглавлено в этот день 140 или 160 человек. Затем они отправились к домам ломбардцев и других иноземцев, врывались в их дома и грабили их, забирая все их имущество, какое только могли найти, в течение всего дня и наступившей ночи с отвратительными криками и страшным шумом.

На следующий день, в субботу, большое число общин пришли в Вестминстерское аббатство в час третий и здесь нашли Джона Имуорта, маршала Маршалси и стража заключенных, человека без жалости, мучителя, возле раки св. Эдуарда, схватившегося за мраморную колонну и просившего у него помощи и поддержки для своего спасения от врагов. Общины оттащили его руки от колонны названной раки, отвели на Чипсайд и обезглавили его... И все это время король велел оповещать по Сити, что всякий должен удалиться в свой дом и не делать больше зла. Но на это они не согласились. В тот же день в три часа пополудни король отправился в Вестминстерское аббатство, и с ним была свита в 200 человек. Аббат и конвент этого аббатства, и каноники, и викарии капеллы св. Стефана вышли в процессии ему навстречу, одетые в мантии и с босыми ногами, на полпути к Чэринг-Кроссу, и проводили его в аббатство, а затем в церковь к высокому алтарю, и король набожно творил свою молитву и оставил свое приношение алтарю и реликвиям. А затем он беседовал с затворником и исповедывался у него и долго был с ним. Затем король велел оповестить среди всех общин окрестностей, которые были в Сити, чтобы они отправились на Смисфилд, чтобы встретиться там с ним, и так они и сделали. И когда король прибыл со своими людьми, он стал с ними к востоку, возле госпиталя св. Варфоломея, дома каноников, а общины стояли к западу в боевом порядке в большом числе. В это время подъехал мэр Лондона Уильям Уолуорс, и король велел ему отправиться к общинам и сказать, чтобы их предводитель явился к нему. И когда он, по имени Уот Тайлер из Мэдстона, был позван мэром, он подъехал к королю с большой учтивостью, сидя на небольшой лошади, чтобы его могли видеть общины. И он сошел с лошади, держа в руке кинжал, который он взял у другого человека. И когда он сошел, он взял короля за руку, наполовину согнул колено и крепко и сильно потряс кисть руки, говоря: «Будь спокоен и весел, брат. Через какие-нибудь две недели общины будут хвалить тебя еще больше, чем теперь, и мы будем добрыми товарищами». А король сказал названному Уоту: «Почему вы не хотите отправляться в ваши места?» Тот отвечал с большой клятвой, что ни он, ни его товарищи не уйдут до тех пор, пока не получат грамоту такую, какую они хотят получить, и пока не будут выслушаны и включены в грамоту такие пункты, какие они хотят потребовать, угрожая, что лорды королевства будут раскаиваться, если они [общины] не получат пунктов, какие они хотят. Тогда король спросил его, какие это пункты, которые они хотят, и он охотно и без прекословий прикажет написать их и приложить к ним печать. И тогда названный Уот прочел вслух пункты, которые они требовали, и потребовал, чтобы не было никакого другого закона, кроме Уинчестерского закона, и что впредь ни в каком судебном процессе не будет объявления вне

закона и что ни один сеньер не будет иметь сеньерии, и все они будут справедливо разделены между всеми, и только один сеньер король будет их иметь, и что имущество святой церкви не должно находиться в руках монахов, приходских священников и викариев, ни других из святой церкви, но те, кто владеет ими, будут получать достаточное для жизни содержание, а все остальные имущества должны быть разделены между прихожанами; епископов не будет в Англии, кроме одного, и прелатов, кроме одного; и все земли и держания, находящиеся у этих владетелей, будут взяты у них и разделены между общинами, с оставлением им умеренного содержания, и что в Англии не будет ни одного крепостного, ни крепостничества, ни холопства, но все должны быть свободны и одного состояния. На это король спокойно ответил и сказал, что все, что он может, он честно им пожалует, оставляя за собою регалию своей короны, и велел ему отправляться в свой дом без дальнейшего промедления.

Все это время, когда король говорил, ни один лорд и ни один из его советников не осмеливался и не хотел давать ответ общинам ни в одном месте, кроме самого короля.

. . . .

6) Убийство Уота Тайлера

...Мэр Лондона, по имени Уильям Уолуорс, стал укорять названного Уота за... насилие и неуважительное поведение в присутствии короля и арестовал его. И за этот арест названный Уот в большом раздражении ударил мэра кинжалом в живот. Но, как было угодно богу, названный мэр носил кольчугу и не потерпел никакого вреда, но, как человек смелый и мужественный, извлек свой меч и ответил названному Уоту сильным ударом в шею и еще раз сильным ударом в голову. Во время столкновения один слуга королевского двора извлек свою шпагу и ударил его два или три раза в живот и ранил его насмерть. И названный Уот пришпорил лошадь, крича общинам, чтобы они отомстили за него; и лошадь пронесла его каких-нибудь восемьдесят шагов, и тут он свалился на землю полумертвый. И когда общины увидели, что он свалился, и не знали наверное, что с ним случилось, они стали натягивать свои луки и стрелять, вследствие чего сам король пришпорил своего коня и поехал к ним и велел им, чтобы все они шли к нему на поле св. Иоанна Клеркенвельского.

7) Расправа с восставшими

Тем временем лондонский мэр со всей поспешностью, с какой только мог, поскакал в Лондон и сделал распоряжение, чтобы все те, кто стоял во главе двадцати четырех кварталов

Сити, сделали оповещение по своим кварталам, чтобы все вооружились как только могли скорее и отправились к королю на поле св. Иоанна, где находились общины, чтобы оказать ему помощь, потому что он находится в большой тревоге и затруднении. А в это время все рыцари и оруженосцы королевского дома и многие другие из страха, какой они испытывали от этого ужасного происшествия, оставили своего законного государя и каждый из них ушел своим путем. Затем, когда король прибыл в открытое поле, он велел общинам стать в порядке на западной стороне. И сюда прибыли олдермены, ведя с собой начальников кварталов во главе выстроенных в военном порядке людей их кварталов, прекрасный отряд хорошо вооруженных людей большой силы. И они окружили общины, как овец в загоне. И после того, как мэр отправил начальников городских кварталов к королю, он вернулся с отрядом копейщиков на Смисфилд, чтобы покончить с вышеназванным предводителем общин. Когда он прибыл на Смисфилд, он не нашел названного предводителя Уота Тайлера, и этому он очень удивился и спросил, куда девался изменник. И ему сказали, что он был отнесен частью общин в госпиталь для бедных возле св. Варфоломея и положен в комнату начальника названного госпиталя. И мэр вошел туда и нашел его и приказал вынести его на Смисфилд в присутствии его товарищей и велел обезглавить его и так окончил его преступную жизнь. И велел мэр насадить его голову на кол и нести перед собой к королю, который находился в поле. И когда увидел король сказанную голову, он приказал принести ее поближе к нему, чтобы привести в замешательство общины, и очень благодарил названного мэра за то, что он сделал. И когда общины увидели, что их предводитель Уот Тайлер умер таким способом, они пали на землю среди пшеницы, как люди обескураженные, громко умоляя короля о прощении им их преступлений. И король благосклонно даровал им прощение, и многие из них бросились бежать...

После этого король разослал своих посланцев по разным местам хватать злоумышленников и предавать их смерти. И многие были схвачены и повешены в Лондоне. И много виселиц было поставлено тогда вокруг лондонского Сити и в других городах и деревнях в южной части страны. Наконец, с божьего соизволения король увидел, что слишком много из его подданных погибло и много крови пролито, сердце его охватила жалость, и он даровал им прощение под условием, что впредь они никогда не будут восставать под страхом потери жизни и что каждый из них возьмет грамоту о помиловании и заплатит королю пошлины за его печать двадцать шиллингов, чтобы сделать его богатым. Так кончилась эта несчастная война.

21. ИСПОВЕДЬ ДЖОНА СТРОУ

(Historia Anglicana, Walsingham)

Уже не приходится лгать, да и не годится говорить ложь, в особенности, если я знаю, что за нее душа моя будет предана страшнейшим мукам..., потому буду говорить без всяких прикрас лжи. В то время, когда мы пришли в Блэкгиз, когда мы решили позвать к себе короля, план наш был таков: всех рыцарей, оруженосцев и остальных дворян, которые пришли бы с ним, немедленно умертвить; самого же короля, оказывая ему во всем королевские почести, водить с собой с места на место, чтобы при виде его все и в особенности простой народ смелее переходил к нам и в нашу толпу, видя, что сам король как бы творец нашего мятежа. А когда бы мы собрали по всем графствам бесчисленную толпу простого народа, мы внезапно умертвили бы всех господ, которые что-нибудь затевали против нас или оказывали нам сопротивление, и прежде всего, и главным образом, мы бы занялись истреблением рыцарей ордена Госпитальеров. Затем мы бы убили короля и стерли с лица земли всех духовных землевладельцев: епископов, монахов, каноников, кроме того, настоятелей церкви. Одни только нищенствующие остались бы в живых, и их достаточно было бы для совершения таинств для всей страны. Когда же никого не осталось бы в живых, кто был бы значительнее нас, сильнее и ученее, мы составили бы тогда по своему желанию законы и управлялись бы, им повинуясь. Ведь мы бы выбрали тогда и королей, Уолтера Тайлера поставили бы королем в Кенте, а в остальных графствах в каждом особых. А так как исполнению этого нашего плана препятствовал архиепископ, то мы воспылали к нему сильнейшей ненавистью и постарались поскорее предать его смерти.

Затем вечером того дня, как был убит Уот Тайлер, мы предполагали, так как на нашей стороне был простой народ Лондона и в особенности беднейшие, сжечь город, зажегши его с четырех сторон...

[После этого признания он был обезглавлен, и голова его была выставлена на лондонском мосту рядом с головой товарища его Уолтера Тайлера.]

Германия XII—XV веков

Введение

История Германии XII—XV веков представлена в хрестоматии рядом документов, которые для удобства их использования подразделяются на следующие главы:

1. Захваты немцев на востоке. 2. Ганзейский союз. 3. Рейнский союз XIII в. 4. Политический строй Германии XIII—XIV вв.

1. ЗАХВАТЫ НЕМЦЕВ НА ВОСТОКЕ

Подбор материалов в настоящей главе хрестоматии имеет своей целью предоставить в распоряжение учителя документы, рисующие немецкий натиск на восток (Drang nach Osten) и борьбу полабских и поморских славян и народов Прибалтики с германской агрессией.

После распадения Каролингской империи и выделения в политически самостоятельное государство ее восточной части (т. е. собственно Германии), начинается так называемый «натиск на восток».

Первое крупное славянское государство на Западе — Великоморавское государство, включавшее в свой состав земли Чехии, Моравии, Словакии, Паннонии, Верхнего Полабья, простиралось далеко на север. Но междоусобные войны, бывшие следствием начавшейся феодализации славянского общества, и нашествие венгров положили конец существованию Великоморавской державы (906 г.).

В X в. Генрих I Птицелов и Оттон из Саксонской династии, проведя ряд реформ и сильно укрепив войско, добились резкого перелома во всем ходе борьбы — в кровопролитных сражениях, объединив вокруг себя силы почти всей Германии, они достигли победы и подчинили часть полабских славян. В славянских землях устраиваются марки и насильственно проводится христианизация. Но эти успехи не являются твердыми и долговременными. В Полабье постоянно происходят волнения, и германские императоры вынуждены то и дело посылать туда свои войска.

Наконец, в 1066 г. происходит огромное по размаху восстание, которое не только совершенно выбрасывает немцев из страны и уничтожает полностью все успехи христианизации, но и прекращает господство прогермански настроенных князей. В результате народного восстания к власти в полабских областях приходят выбранные народом князья и начинается период нового расцвета полабских и поморских славян. Этот период, продолжавшийся около пятидесяти лет, знаменателен тем, что полабские славяне не только отбивали все агрессивные попытки немецких феодалов, но и вели широкое наступление на германские земли, в результате чего некоторые саксонские племена были вынуждены подчиниться славянам и платить им дань. Только смерть князя Крутого и приход к власти прогермански настроенного князя Генриха, а позже распри среди славянской знати помогли саксам усилить свою борьбу против славян и получить верховную власть над Вагрией, т. е. самой западной частью славянских земель.

Следующий период славяно-германской борьбы на территории полабских областей связан уже непосредственно с именем саксонского герцога Генриха Льва.

Документ 1 рассказывает о крестовом походе 1147 г. против славян и об успешной обороне ободритского князя Никлота. В силу пространности этого документа не представляется возможным зачитывать его целиком в классе, достаточно ограничиться свободным пересказом. Желательно подчеркнуть, что, несмотря на огромные силы крестоносцев, состоявших не только из немцев, но и из датчан и фризов, крестовый поход, предпринятый с явно грабительскими целями, полностью провалился. Заключительные фразы этого документа можно процитировать в классе.

Документ 2, относящийся уже к событиям 1160 г., рассказывает о дальнейших походах Генриха Льва против Никлота. Пользуясь этим документом, так же, как и следующими, учитель может показать, насколько упорной была борьба. Вторая половина документа с успехом может быть использована для характеристики истинных целей германского наступления, которые часто прикрывались лозунгом обращения в христианство. Генрих Лев захватывает земли ободритов, чтобы наделить ими своих воинов.

Документ 3 рисует дальнейшую борьбу сыновей Никлота с Генрихом Львом. Интересно указание на партизанскую тактику, применяемую славянами. Лучше, если учитель изложит документ собственными словами, подчеркнув, что после длительных военных действий и удачного контрнаступления Прибыслава был заключен мир, по которому Прибыславу возвращались все ободритские земли, за исключением Зверина. Следует обратить внимание учащихся на то, что немецкие феодалы призывали к уничтожению не только славян-воинов, но и женщин и детей. Примирение Прибыслава с Генрихом Львом отнюдь не было доказательством полного покорения славян и истребления ободритов. Дальнейшие документы помогут учителю показать, насколько ложным является тезис о немедленном «искоренении» славян, который господствовал в реакционной буржуазной литературе. Основываясь на приведенном тексте, учитель может наглядно показать границы распространения немецкого влияния на славянские земли при Генрихе Льве. Очень хорошо показать это на карте, подчеркнув что большая часть славянских земель продолжала долго оставаться под управлением своих собственных князей. Последующая постепенная германизация полабских и поморских областей в значительной степени объясняется политикой славянской знати, которая видела в немцах поддержку против народных масс. Поэтому крестьянские восстания в этих областях были направлены не только против иноземных колонистов, но и против местной славянской знати.

Используя документы этой главы, учитель может показать учащимся, что балтийские славяне боролись с очень сильными и многочисленными противниками, среди которых наряду с немцами большую роль играли датчане (*документ 4*). Красочное и интересное описание Арконы, данное в *документе 9,* может быть с успехом прочитано в классе.

Документ 5 рассказывает о покорении славянских земель, расположенных между Гавелой и Лабой, Альбрехтом Медведем. Интересно, что в этом тексте сохранилось воспоминание о победах Оттона над славянами и об учреждении саксами марки, которая затем была постепенно уничтожена славянами. «...Потом славяне, одолевши саксов, истребили их, и вся земля оставалась во владении славян до сего дня». Эти слова относятся к восстанию 1066 г. Сопоставив документ 5 с документом 3, учитель может сделать вывод, что колонизация не являлась каким-то преднамеренным и сознательным разрешением «проблемы жизненного пространства германской нации», которая выдумана реакционной наукой, а простым проявлением своекорыстного желания феодалов увеличить свои собственные доходы. Отсюда упорные призывы завоевателями-феодалами колонистов даже из стран, лежащих вне Германии. Можно подчеркнуть, что в этой колонизации значительную роль играли не собственно немцы, а «люди, обитавшие у моря»: голландцы, фризы, датчане. Важно обратить внимание учащихся на то, что захваты Альбрехта Медведя заложили основы будущего Бранденбургско-Прусского государства, которое лежало на славянских землях и население которого, несмотря на кичливые заявления немецких расистов о «чистоте бранденбургско-прусской крови», в значительной степени было смешанным, немецко-славяно-литовским.

Сравнивая документ 5 с первым документом этого раздела, учитель может показать учащимся различие в судьбе ободритов и славян, живших на Гавеле. Первые были более сильными, и Генрих Лев не смог полностью подчинить и лишить их собственных князей, вторые попали в худшее положение, и над ними непосредственно стояли немецкие князья. Это различие объясняется тем, что ободриты были более сильным народом, с большими приморскими городами и развитой торговлей. Документ 5 в силу его сложности нецелесообразно цитировать в классе, достаточно ограничиться кратким пересказом изложенных в нем фактов. *Документ 6* очень красноречиво рассказывает о поборах саксонских князей Вагрии и может быть рекомендован для прочтения в классе. Особенно характерен отрывок, в котором передается речь князя Прибыслава Вагрского (не путать с Прибыславом Ободритским, сыном Никлота).

Документы 7 и *8* показывают, что славяне держали в страхе всю Данию и, не ограничиваясь только внезапными и короткими набегами, занимали датские острова и на более продолжительное время.

Документ 7 требует особых пояснений учителя: фраза Гельмольда о том, что «славяне не утруждают себя постройкой домов», относится только к тем славянам, которые уходили со своих земель в Вагрии, отягощенные поборами саксонских князей. Как мы знаем из других текстов, помещенных в разделе «Древние славяне» (см. том I данной хрестоматии), балтийские славяне строили прекрасные храмы, общественные здания и двухэтажные дома. Документ 7 относится именно к тем славянам, которые, по выражению текста документа 7, принуждены были «бросить землю и уйти в море жить». Документ 8 при всей своей краткости настолько выразителен, что его следует прочесть вслух в классе.

Все разобранные выше документы могут быть с успехом использованы и для внеклассной работы. Например, в кружке может быть поставлен доклад «Полабские славяне и их борьба с немцами». Ученику, который бы заинтересовался этой темой, преподаватель может рекомендовать также тексты, помещенные в разделе «Древние славяне». Подобное сопоставление и расширение материала только сделает более интересной и полезной эту работу.

Документы 10—19, представляющие собой выдержки из хроники Генриха Латвийца, рассказывают о завоевании немцами Прибалтики. Несмотря на свои явно прогерманские симпатии, Генрих Латвиец сообщает в своей хронике множество фактов, рисующих истинную картину грабительского предприятия немцев. Исключительная подробность хроники и внимательное отношение автора к описываемым событиям, современником которых он являлся, делают хронику главнейшим источником для истории германской агрессии в Прибалтике. Большое количество приведенных ниже документов дает в распоряжение учителя богатый фактический материал не только для уроков, но и для внеклассной работы.

Документ 10, рассказывающий о прибытии Мейнарда в Ливонию, показывает, как проникновение немцев в ливонские земли под видом проповеди христианства натолкнулось на упорное сопротивление местного населения. Тогда религиозные цели сразу же отодвинулись на второй план и в Ливонию хлынули миссионеры, поддерживаемые сильным войском. Неудача мирного проникновения сразу же повела за собой военную экспедицию. Об этом ярко говорит *документ 11*. Документ 11 интересен и тем, что он показывает, каким большим влиянием пользовались русские и, в частности, полоцкие князья в Прибалтике в XII и в начале XIII в. *Документ 12* рассказывает о постройке Риги и об учреждении ордена Меченосцев, который должен был явиться основной силой при обращении ливов в христианство. Но все успехи немцев были очень шаткими, и епископ Альберт постоянно ездил в Германию, чтобы собирать новые войска *(документ 13)*.

Христианизация проводилась «не речами, а мечами». Ливы отвечали ожесточенной борьбой с немцами (*документы 14* и *15*). Документ 15 очень важен. В нем рассказывается о той помощи, которую оказывал русский полоцкий князь Владимир ливам, боровшимся с немецкими

захватчиками. Несмотря на явную тенденциозность рассказа Генриха Латвийца, учитель может с успехом использовать этот документ для характеристики давних дружественных связей русских князей с прибалтийскими племенами. Успешному продвижению немцев в Ливонии сильно способствовал тот факт, что Русь вела трудную и долгую борьбу с татарским нашествием. Это и подорвало русские позиции в Прибалтике. При изложении настоящего материала уместно напомнить ученикам крайние пределы германского «натиска на Восток» и позорный разгром Тевтонского ордена на льду Чудского озера. Это удобнее сделать в виде вопроса, обращенного к классу. Один или несколько учеников, в зависимости от наличия времени, могут напомнить товарищам об Александре Невском и кратко рассказать о значении выигранной им битвы. Документ 15 лучше пересказать собственными словами.

Документ 16 весьма выразительно разоблачает «религиозные интересы» прибывающих из Германии «пилигримов»: их первым делом интересуют земельные захваты.

Документы 17, 18 и *19* рисуют яркую картину «культуртрегерской» роли немцев в Прибалтике — дикие грабежи, насилия, неприкрытый разбой, разжигание междоусобиц (документ 18) сопровождали везде и повсюду крестоносцев. Сопоставив тексты, учитель может сделать вывод, насколько определяющим было в этих походах стремление пограбить и захватить добычу. Постоянным стало у Генриха Латвийца упоминание об истребленных людях, уведенных в неволю детях, сожженных поселениях и захваченной добыче. Документ 19 кратким и деловым изложением вопиющих злодеяний производит очень сильное впечатление. Этот документ в силу его выразительности рекомендуется целиком прочесть в классе. Если учитель найдет нужным в той или иной степени цитировать документы 17 и 18, то желательно, чтобы он предварительно пояснил ученикам, что одним из основных принципов немецкой политики в Прибалтике явилось разжигание розни между отдельными племенами и натравливание одного племени на другое. Этим и объясняется тот факт, что отдельные племена выступали иногда на стороне немцев.

Для внеклассной работы эти документы также могут быть использованы; их объем позволяет учителю поставить в кружке доклад на тему «Завоевание немцами Прибалтики», причем наряду с выдержками из источника, ученику нужно рекомендовать широкое привлечение материала «Хронологических выписок» К. Маркса, относящихся к той же теме. Естественно, что и на уроках учитель с большой пользой сможет привести меткие и страстные характеристики, даваемые К. Марксом в «Хронологических выписках» в пятом томе «Архива Маркса и Энгельса» (стр. 340—345).

II. ГАНЗЕЙСКИЙ СОЮЗ

Возникновение и развитие союзов городов в средневековой Германии было тесно связано со специфическими особенностями ее истории. В то время как в большинстве других западноевропейских стран XI—XV вв. происходит процесс внутренней политической консолидации и формирования больших феодальных государств, в Германии — в силу целого ряда особенностей ее социально-экономического развития — мы наблюдаем все больший политический распад, в результате которого она постепенно превращается в хаотическое скопление светских и духовных феодальных княжеств и городских республик, лишь в очень слабой степени связанных наличием императорской власти и общеимперского сейма. В этих условиях политической анархии германские города должны были сами заботиться о своей безопасности и о создании условий, необходимых для нормальной торговой деятельности, что толкало их на объединение в большие союзы, которые и стали возникать в XIII—XIV столетии. Эти союзы слагались в разных областях Германии. Возникали они в Западной, Юго-Западной (Рейнский союз в XIII в. и Швабский и Рейнский союзы в XIV в.) и в Северной Германии, однако лишь в этой последней части страны объединение городов

привело к созданию прочного и длительное время существовавшего союза — знаменитой в анналах германской средневековой истории Ганзы.

Этому успеху объединения именно северогерманских городов способствовали свои особые условия: широкое развитие игравшей столь большую роль в их экономике международной торговли в бассейнах Северного и Балтийского морей. Торговля с населяющими берега этих морей различными народами в условиях того времени была сопряжена с большими трудностями и опасностями и нередко наталкивалась на энергичную конкуренцию местного купечества. Для преодоления всех этих трудностей и для обеспечения своей торговой монополии во всем этом обширном районе — равно как и для устранения конкуренции в своей собственной среде, — северогерманские торговые города и стремились к объединению в рамках одного союза. Подобные объединения возникали задолго до оформления Ганзы.

Вся история Ганзы показывает, что она с самого начала являлась орудием торговой и тесно с ней связанной политической экспансии жившего в ее городах купечества. Приводимые ниже документы очень хорошо обнаруживают указанные нами причины образования Ганзы. Они наглядно показывают, какие побудительные мотивы заставили северогерманские города объединяться в один союз и в чем состояла деятельность такого союза в области обеспечения и защиты совместных торговых интересов.

Документы 20, 21, 22 освещают предисторию Ганзейского союза. В них приводятся договоры между отдельными городами, вошедшими позднее в Ганзу. В договоре Любека и Гамбурга от 1230 г. идет речь об обеспечении безопасности и собственности их жителей, прибывающих из одного города в другой, в договоре Любека и Гамбурга от 1241 г. — о совместной борьбе с разбойниками, нападающими на горожан во время их пребывания вне города, в договоре Любека, Ростока и Висмара 1259 г. — о преследовании и наказании разбойников, особенно морских пиратов, и их укрывателей.

На материале этих источников преподаватель должен показать, что в основе движения северогерманских городов к объединению лежала необходимость собственными средствами обеспечить безопасность торговли и самой личности горожан в условиях царившей в Германии того времени феодальной раздробленности и анархии.

Документ 23, относящийся к последующей стадии формирования Ганзейского союза, точно так же, как и предыдущие документы, может быть использован для выяснения целей объединения городов: в нем также идет речь о необходимости совместной защиты безопасности торговли. Нужно, однако, подчеркнуть, что в данном договоре между немецкой колонией и Висби и Любеком говорится о защите их торговых интересов уже вне Германии (во всем районе Балтийского моря и даже «вплоть до Новгорода») и что он явственно обнаруживает экспансионистские тенденции ганзейских городов.

Документы 24 и *25* содержат тексты первых постановлений целой группы северогерманских приморских городов во главе с Любеком, принятые на съезде в Висмаре. В них зафиксированы те конкретные решения, к которым они пришли в целях защиты своих общих интересов: обязательное участие каждого города в охране морей, запрещение принимать изгнанных из какого-либо ганзейского города преступников, установление определенных правил выкупа попавших в плен купцов, запрещение помогать феодальным князьям в их войнах против членов союза, обязательство этих последних оказывать друг другу военную поддержку и т. д.

При разборе этих документов нужно особо подчеркнуть значение постановлений 1265 г. о регулярном созыве общего съезда представителей городов, которые означали важный шаг к формированию Ганзейского союза (который окончательно сложился, однако, лишь в 50—60-х годах XIV в.).

Документы 26, 27 и *28* дают характеристику положения ганзейских купцов во внегерманских странах.

Первый из них — грамота английского короля Эдуарда II купцам немецкого подворья в Лондоне — интересен как конкретное свидетельство тех привилегий, которых добилось немецкое купечество в некоторых североевропей-

ских странах. Он может быть использован преподавателем при рассказе о торговой экспансии ганзейских городов в бассейнах Северного и Балтийского морей.

Два вторые документа — «Статуты ганзейской конторы в Брюгге» и «Постановление о ганзейской торговле в Новгороде» от 1346 г. — наглядно показывают большую организующую роль иностранных факторий Ганзы в области внешней торговли северогерманского купечества. Особенно важно постановление о торговле с Новгородом, в котором предусмотрен целый ряд мероприятий для устранения конкуренции между приезжающими сюда ганзейскими купцами (запрещение более одного раза в год приезжать в Новгород и долго в нем находиться, запрещение вкладывать в Новгороде в свое или чужое дело более тысячи марок) и для установления согласованной, выгодной для них всех политики в отношении закупки русских товаров (пункт 5-й постановления). Этот последний пункт особенно ясно обнаруживает стремление ганзейских городов путем организованных совместных действий установить свое господство над торговлей Новгорода с Западной Европой, и еще лишний раз показывает роль Ганзы в организации торговой экспансии немецкого купечества.

Документ 29, в котором излагаются обязательства Бремена при его обратном приеме в Ганзу в 1358 г., показывает те обязанности, которые были связаны с участием в Ганзейском союзе. Его можно использовать в качестве конкретной иллюстрации той исключительно большой роли, которую играла в деятельности Ганзы организация совместной военной обороны важных в торговом отношении районов.

III. РЕЙНСКИЙ СОЮЗ[1]

Относящийся к истории Рейнского союза *документ 30,* в котором излагаются постановления, принятые на собрании в Вормсе в 1254 г., дополняет приведенные выше источники из истории Ганзы, показывая наличие тенденции немецких городов того времени к объединению не только в северной Германии, но и в других ее частях. Вместе с тем он очень важен также и в том отношении, что особенно рельефно подчеркивает значение интересов совместной обороны против феодалов в создании городских союзов.

Этот текст должен быть использован преподавателем не только для освещения городской истории Германии. Его нужно привлечь также для характеристики ее политического положения в середине XIII столетия и особенно в эпоху Междуцарствия (1254—1273), так как он очень наглядно показывает состояние полнейшей феодальной анархии, царившей в Германии того времени.

IV. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ГЕРМАНИИ В XIII—XIV ВЕКАХ

В настоящей главе мы приводим два документа, характеризующих одну из наиболее важных черт политического строя Германской империи указанных столетий — выборный характер ее императорской власти

Документ 31 содержит описание избрания одного из германских императоров Рудольфа Габсбурга. С точки зрения интересов школьного преподавания он важен не только потому, что дает конкретную иллюстрацию порядка избрания главы империи, но также и потому, что его чтение помогает закрепить в памяти одну из основных вех в истории средневековой Германии —

[1] Рейнский союз XIII в. (который не нужно смешивать с Рейнским союзом XIV в.) просуществовал очень недолго: он сложился в 1254 г. и уже через несколько лет начал распадаться под влиянием обнаружившихся в нем внутренних противоречий. Он возник вследствие стремления городов прекратить состояние феодальной анархии, господствовавшей тогда в Германии, установив в ней «Земский мир».

окончание Междуцарствия и появление на императорском престоле династии Габсбургов.

Документ 32 представляет отрывок из Золотой буллы Карла IV, в которой устанавливается просуществовавший в Германской империи много веков порядок избрания императора курфюрстами.

Золотая булла принадлежит к числу тех немногих исторических памятников средневековой Германии, знание которых предполагается курсом истории средней школы.

* * *

Высказывания классиков марксизма по истории Германии XII—XV вв.: К. Маркс, Хронологические выписки, т. I («Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 132—149, 174—178, 241—255, 274—300, 350—352), т. II («Архив Маркса и Энгельса», т. VI, стр. 3—34, 75—83, 141—153, 155—169, 209—259, 361—380) и т. III («Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 52—68); К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VI — Прения по польскому вопросу во Франкфурте. Революция и контрреволюция в Германии; т. V — Гражданская война в Швейцарии; т. VIII, — Крестьянская война в Германии; т. XV — Марка; т. XVI, ч. 1 — О разложении феодализма и развитии буржуазии.

* * *

В главе «Захваты немцев на Востоке» отрывки из хроники Генриха Латвийца даны в переводе Аннинского. Документ 5 переведен Н. П. Грацианским. Остальные тексты этой главы переведены заново специально для настоящего издания. В главах «Ганзейский союз» и «Рейнский союз» перевод документов 20, 23, 25, 27, 30 принадлежат Н. П. Грацианскому, а документов 26 и 29 — М. В. Бердоносову.

Документ 32 взят из Хрестоматии по истории средних веков Нейкирха и Кулжинского, 1915 г.

Остальные документы взяты из книги Д. Н. Егорова «Средневековье в его памятниках», 1913 г.

Введение к данному разделу написано С. Д. Сказкиным и Ю. А. Корховым.

1. ЗАХВАТЫ НЕМЦЕВ НА ВОСТОКЕ

А. Из «Славянской хроники» Гельмольда.

Гельмольд, автор знаменитой «Славянской хроники», будучи священником в Босове, жил в самом центре области вагров. Его «Хроника», написанная около 1172 г., очень важна изложением политических событий в славянских землях, связанных с походами Генриха Льва против славян. Вместе с тем Гельмольд сообщает нам ряд ценных наблюдений над бытом и религией полабских славян.

1. КРЕСТОВЫЙ ПОХОД 1147 г. ПРОТИВ СЛАВЯН

Книга I, глава 62. Третье войско крестоносцев предназначалось против племени славян, т. е. ободритов и лютичей, соседей наших, чтобы отомстить им за смерть и преследования, которые они совершают по отношению к христианам, особенно же датчанам. Во главе похода стояли Альберт Гамбургский и все епископы Саксонии, кроме того, юный герцог Генрих, Конрад, герцог Зарингенский, маркграф Адальберт фон Сальтвидель, Конрад фон Витин. Услышавши, что в скором времени должно собраться войско для его разорения, Никлот созвал весь свой народ и начал укреплять крепость Дубин, чтобы было убежище народу в случае надобности...

Книга I, глава 63. Убедившись, что исполнение задуманной экспедиции является неотвратимым, Никлот тайно снарядил боевые корабли и, переехав море, направил флот в устье Травены, чтобы поразить всю вагрскую провинцию, прежде чем войско саксов ворвется в его пределы... Как только занялся день, когда празднуют святых мучеников Иоанна и Павла, военные корабли славян вошли в устье Травены и стали подниматься вверх по реке. Тогда жители города Любека, услышав шум приближающегося войска, созвали мужей города и сказали: «Слышали мы крики и сильный шум, будто голос надвигающейся толпы, и не знаем, что это такое». И они послали в город и на рынок людей, чтобы предупредить о великой опасности. Но народ, пьяный от обильных возлияний, не мог сдвинуться со своих постелей и кораблей, пока враги не окружили их и, подложив огонь, не уничтожили суда, полные товаров. И были убиты в этот день до трехсот и даже более мужей. Рудольф, священник и монах, когда бежал к крепости, был опережен варварами, и ему нанесли тысячу ран. Затем те, которые были в крепости, два дня переносили тягчайшую осаду. Два конных отряда прошли всю Вагрскую землю и уничтожили все, что нашли в предгорье Зигеберга. Область, которая называется Даргун, и земли, лежащие у Травены и возделываемые вестфальцами, голландцами и другими иноземцами, были полностью опустошены ненасытным племенем. И убили они смелых мужей, которые попытались храбро противостоять им оружием, и увели в плен жен

и детей. Но они пощадили гольсатских мужей, которые жили по ту сторону Травены на запад от Зигиберга, и остановились на полях города Куцалина и не захотели продвигаться дальше. Кроме того, деревни, лежащие на равнине Свентине-фельде и простирающиеся от ручья Свален до ручья Агримесоу и Плюнского озера, славяне не опустошили и ничего не тронули из имущества проживающих там людей. Была в то время у всех на устах молва, что это злое смятение учинили некие гольсаты из ненависти к пришельцам, которых граф отовсюду собрал ради заселения земли. Поэтому одни только гольсаты оказались нетронутыми при общем разорении...

Книга I, глава 65. Между тем распространилась по всей Саксонии и Вестфалии весть, что славяне совершили нападение и первые начали войну [1]. И тогда вся армия, отмеченная знаком креста, поспешила вторгнуться в землю славян и обуздать их жестокость. Разделивши войско, они осаждали две крепости, Дубин и Дымин, и построили против них много осадных машин. Пришло также войско датчан и присоединилось к тем, которые осаждали Дубин, — осада стала сильнее. Итак, однажды, когда содержавшиеся в осаде славяне усмотрели, что датское войско действует очень вяло — ибо они только у себя дома вояки, на чужбине же не отличаются мужеством, — совершили неожиданно вылазку, многих из них перебили и положили удобрять землю. Помощь им подать было нельзя, так как посреди лежало озеро. Разгневанное этим поражением войско стало вести осаду еще с большим ожесточением. Но вассалы нашего герцога и маркграфа Адальберта говорили между собой: «Разве земля, которую мы опустошаем, не наша земля! И народ, с которым мы сражаемся, разве не наш народ? Зачем же нам быть врагами самим себе и расточителями следуемых нам даней? Не проистекают ли от этого убытки для государей наших?» И с этого дня начали вести войну с промедлением и облегчать осаду участившимися перемириями. Каждый раз, когда славяне в схватке оказывались побежденными, войско воздерживалось от преследования беглецов и от захвата крепости. Наконец, нашим это надоело, и тогда было заключено соглашение, что славяне примут христианскую веру и отпустят датчан, которых содержат в плену. И вот многие из них притворно крестились; и отпустили из плена всех старых и бесполезных, остальных же, которых возраст делал более пригодными к рабской службе, оставили у себя. Так большой этот поход закончился малым успехом. Ведь тотчас же вслед за этим славяне укрепились в худшем: ни крещения не сохраняли, ни воздерживались от ограбления датчан.

---

[1] В этом утверждении, будто славяне, первыми начав войну, вызвали выступление крестоносцев, проявилась тенденциозность Гельмольда. Никлот напал на Вагрию только тогда, когда войско крестоносцев было подготовлено для вторжения. Это нападение Никлота преследовало оборонительные цели.

2. ГИБЕЛЬ НИКЛОТА

Книга I, глава 87. 1160 г. ... Герцог Генрих вторгся с огромным войском в землю славян и опустошил ее огнем и мечом. Видя силу герцога, Никлот поджег все свои крепости, т. е. Илов, Мекленбург, Зверин и Дубин, чтобы предотвратить опасность осады. Удержал у себя только одну крепость Вурле, расположенную на реке Варнаве, около области Кичин [1]. Через несколько дней славяне вышли оттуда и, выследив войско герцога, убили из засады неосторожных. Итак, однажды, когда войско находилось поблизости от Мекленбурга, сыновья Никлота, Прибыслав и Вартислав, совершили вылазку, чтобы причинить врагам вред, и убили некоторых из лагеря, вышедших достать продовольствие. Но храбрейшие из войска устремились вслед за ними, захватили многих, и герцог велел их повесить. Сыновья же Никлота, потеряв коней и лучших воинов, вернулись к отцу. Он им сказал: «Я, по крайней мере, думал, что вскормил мужей, но они более способны к бегству, чем даже женщины. Поэтому я сам сделаю вылазку и попробую, нельзя ли большего сделать». И Никлот вышел с группой избранных воинов и поставил засаду в потаенном месте подле самого войска. В то время вышли из лагеря слуги, чтобы достать корм для лошадей, и приблизились к засаде. Но среди слуг находились также и воины, числом шестьдесят человек; у всех под верхним платьем были одеты кольчуги. Не заметив этого, Никлот бросился на своем быстроногом коне в гущу врагов, стремясь поразить кого-либо. Но копье попало в кольчугу и, ударив впустую, отскочило назад. Он хотел вернуться к своим, но внезапно был окружен и убит. Никто из славян не оказал ему помощи. Его голову распознали и принесли в лагерь; и многие дивились, что великий муж, с божьей помощью, из всех своих только один был убит. Тогда его сыновья, услышавши о смерти отца, подожгли Вурле и скрылись в леса, а свои семьи переправили на корабли. Герцог, опустошивший всю землю, начал восстанавливать Зверин и укреплять замок. Там поставил он с войском некоего знатного и воинственного мужа по имени Гунцелин. После этого сыновья Никлота вошли в милость к герцогу, и он отдал им Вурле и всю область. Затем герцог разделил землю ободритов во владение своим воинам. В крепость Кучин посадил некоего Людольфа, фогта брауншвейгского. В Мальхове приказал оставаться Людольфу фон Пайне. Зверин и Илов вверил Гунцелину. Затем отдал Мекленбург Генриху фон Скатен, который привел из Фландрии множество народа и поселил их в Мекленбурге и во всех пределах своих...

---

[1] Область Кичин — земля, принадлежавшая племени кичан, или иначе — хижан.

3. БОРЬБА ГЕНРИХА ЛЬВА С СЫНОВЬЯМИ НИКЛОТА

Книга I, глава 92. Сыновья Никлота, Прибыслав и Вартислав, не удовлетворенные землей кичан и чрезпенян, стремились получить назад область ободритов, которую герцог отнял у них по праву войны. Узнавши об этих тайных планах, Гунцелин фон Зверин, префект ободритской земли, сообщил герцогу. Тот пришел из-за них в негодование и ярость и вторгся зимой с огромным войском в славянскую землю. Они же засели в городе Вурле и укрепили замок для осады. Герцог послал Гунцелина и храбрейших воинов, чтобы они заблаговременно осадили город, и славяне не смогли бы ускользнуть. Сам же как можно быстрее последовал за ними с остальным войском. Так была обложена крепость, в которой был Вартислав, сын Никлота, и много знатных, вдобавок огромное количество простого народа. Прибыслав же, старший брат, с отрядом всадников ушел в укромные леса, убивая из засад неосторожных. И радовался герцог, что твердые духом славяне ждали его в крепости и ему предоставлена возможность захватить их.

[В результате осады Вартислав был захвачен в плен. Но брат его не сложил оружия и продолжал нападать на саксов.]

Книга II, глава 2. В тот же самый день, когда в прибрежных областях, лежащих у океана, распространилось такое бедствие [1], произошла великая резня в городе славян Мекленбурге [2].

Именно Вартислав, Никлота младший сын, которого держали в оковах в Брауншвейге, обратился, как рассказывают, к брату своему Прибыславу, говоря: «Вот я содержусь заключенным в вечных оковах, а ты нерадиво ведешь себя. Проснись, воспрянь, действуй мужественно, и чего не можешь достичь миром добейся оружием!

Разве не помнишь, как отец наш Никлот, когда содержался под стражей в Люнебурге, не мог выкупиться ни просьбами, ни деньгами. После того как воодушевленные доблестью, схватились мы за оружие и стали жечь и опустошать города, разве не был он выпущен?»

Услышав это, Прибыслав тайно собрал войско и внезапно явился в Мекленбург. Генрих фон Скатен, начальник крепости, тогда был в отсутствии, и народ, который был в крепости, оказался без вождя. Приблизившись, Прибыслав сказал мужам, которые были в крепости: «Великое насилие, о мужи, учинено как мне, так и народу моему; мы изгнаны с земли, на которой родились, и лишены наследия отцов наших. Вы также приумножили

---

[1] Речь идет об огромном наводнении, от которого сильно пострадали прибрежные области.

[2] Мекленбург (в латинской форме Магнополис) — немецкое название большого славянского города, центра ободритской земли — Велеграда, который лежал севернее Зверина (теперешний Шверин).

эту несправедливость тем, что вторглись в наши пределы и завладели городами и селами, которые нам следуют по праву наследования.

Предлагаем вам выбирать между жизнью и смертью. Если хотите открыть нам крепость и отдать следуемую нам землю, то мы выведем вас мирно с женами и детьми и всем имуществом. Если кто-либо из славян унесет что-нибудь из того, что вам принадлежит, я возвращу вдвойне. Если же не захотите уйти и, напротив, будете упорно защищать этот город, то клянусь вам, если бог и победа будут благосклонны к нам, всех вас убью острием меча». В ответ на эти слова фламандцы начали бросать метательные копья и наносить раны. Войско же славян, бывшее сильнее как мужами, так и оружием, стремительным натиском захватило крепость и перебило всех мужчин, находившихся в ней. Не осталось ни одного человека из пришедшего народа [1]; жен их и детей увели в плен, а крепость предали огню.

После этого повернули свой фронт к крепости Илов, чтобы ее разрушить. Гунцелин же, вассал герцога [саксонского, т. е. Генриха Льва] и начальник над страною ободритов, узнавши от отряда разведчиков о выступлении славян, прибыл с небольшим числом воинов в Илов, чтобы защитить город. Опустошивши Мекленбург, Прибыслав с храбрейшими пошел впереди войска, стараясь скорее начать осаду, чтобы никто не смог скрыться. Когда Гунцелин это услышал, то сказал своим: «Выступим быстрее и сразимся с ними, пока не подойдет остальное войско. Они утомлены от битвы и кровопролития, которое совершили сегодня». И ответили ему верные его: «Неосторожно с нашей стороны выходить: тотчас же, как мы выйдем, славяне, которые находятся внутри города и которые только по видимости стоят за нас, закроют вслед за нами ворота, и мы окажемся исторгнутыми, и город очутится в руках славян». И была эта речь неприятной для Гунцелина и его воинов. Созвавши всех немцев, которые были в городе, сказал им в присутствии славян, которые находились в городе и со стороны которых опасались измены: «Мне донесено, что славяне, которые вместе с нами находятся по эту сторону городских ворот, поклялись Прибыславу выдать и нас и город. Так послушайте же, о мужи-соотечественники, предназначенные к смерти и изгнанию. Тотчас же, как заметите измену, бросайтесь к воротам, поджигайте дома в городе и сжигайте этих изменников вместе с женами и детьми. Пусть погибнут вместе с нами и никто из них не останется, чтобы не гордились нашим уничтожением». Услышавши это, славяне в душе устрашились и не отважились предпринять то, о чем думали. Вечером же все войско славян появилось перед крепостью Илов, и Прибыслав обратился с речью к славянам, находившимся в ней: «Всем

---

[1] Речь идет об иноземцах-колонистах, которые обосновывались на отнятых у славян землях.

вам известно, сколько бедствий и притеснений претерпел народ наш из-за насильственного властвования герцога, которое он проявляет по отношению к нам: он отнял у нас наследие наших отцов и собрал во всех этих пределах пришельцев, а именно: фламандцев и голландцев, саксов и вестфалов и другие народы. От этой несправедливости страдал мой отец вплоть до смерти, брат мой тоже за это самое держится заключенным в вечных оковах, и никого не осталось, кто бы мыслил о благе для нашего народа или хотел воспрепятствовать его гибели, — разве только я один. Так возвратитесь к рассудку, о мужи, принадлежащие к остаткам славянского племени, снова наберитесь смелости и передайте мне этот город и людей, которые несправедливо его захватили, чтобы я отомстил им так, как отомстил тем, которые завладели Мекленбургом».

[Прибыславу не удалось захватить Илов. Война продолжалась. Генрих Лев зверски повесил плененного Вартислава.

После длительных военных действий и удачного контрнаступления Прибыслава был заключен мир, по которому Прибыславу возвращались все ободритские земли, за исключением Зверина. Территория на запад от Зверина оставалась в руках Генриха Льва и его вассалов.]

4. ЗАВОЕВАНИЕ РУЯНЫ ДАТЧАНАМИ

Книга II, глава 12. В то время [т. е. в 1168 г.] собрал Вольдемар, король датчан, большое войско и много кораблей, чтобы вторгнуться в землю руян и подчинить их себе. И помогал ему Казимир и Богуслав, князья поморян, и Прибыслав, князь ободритов, потому что герцог приказал славянам оказывать помощь датскому королю повсюду, где дело идет о покорении чужих народов. Это предприятие в руках датского короля было успешным, и он захватил силой землю руян. И они дали ему в качестве откупа все, что он назначил... Руянская земля обильна плодами, рыбой и дичью. Главный город их страны называется Аркона.

5. ОБ АЛЬБЕРТЕ МЕДВЕДЕ

Книга I, глава 88. В то время восточной Славией владел маркграф Адальберт, по прозвищу Медведь[1]. Он подчинил своей власти всю землю бризанов, стодеранов[2] и многих других племен, обитавших между Гавелой и Лабой, и обуздал мятежи их. В конце концов, так как славян становилось все меньше и меньше, он послал [приглашения] ...в прирейнские местности, а

---

[1] Адальберт (или Альберт, или Альбрехт) Медведь считается основателем Бранденбургско-Прусского государства. Будучи родом из Швабии, он в 1134 г. получил от императора в лен так называемую «северную марку» (на средней Эльбе), привлек сюда немецких колонистов и захватил соседние славянские земли, в частности, город Бранибор. Умер Альбрехт Медведь в 1174 г.

[2] Названия славянских племен.

также к тем, кто обитал у океана и терпел от натиска моря... вывел оттуда множество народа и поселил его в славянских городах и местечках. Много также споспешествовал он приходу колонистов в епископства Бранденбургское и Гавельбергское, вследствие чего умножились церкви и очень возросли церковные десятины... Рассказывают, что в земле той раньше, именно во времена Оттонов, проживали саксы, как свидетельствуют о том древние насыпи, возведенные на берегах Лабы. Однако потом славяне, одолевши саксов, истребили их, и вся земля оставалась во владении славян до сего дня. Ныне же, так как господь даровал нашему герцогу и другим князьям благоденствие и победу, славяне везде поражены и подверглись изгнанию. И пришли от края океана сильные и многолюдные племена, которые захватили славянские земли, воздвигли города и церкви и возросли в богатстве превыше всякого чаяния.

6. ПОБОРЫ САКСОНСКИХ КНЯЗЕЙ

Описывается проповедь христианства епископом Герольдом в земле вагров, находившихся в зависимости от Генриха Льва и графа Адольфа Нордальбингского.

Книга I, глава 83. В следующее воскресенье весь народ этой области собрался на любекском рынке, и прибывший туда епископ увещал народ покинуть идолов и почитать единого бога, иже на небесах, и, приняв благодать крещения, отказаться от злодеяний, именно от грабительства и от убиения христиан. Когда он кончил, по поручению остальных Прибыслав сказал: «Слова твои, достопочтенный первосвященник, суть слова божьи и клонятся к нашему спасению. Но как нам ступить на этот путь, удрученным такими бедствиями? И чтобы ты мог понять наши мучения, выслушай терпеливо слова мои. Народ, который ты видишь, — твой народ, и справедливо, чтобы мы изложили тебе нужды наши. Твое же дело — нам сострадать. Князья набросились на нас с такой жестокостью, что из-за поборов и жесточайшего рабства смерть стала для нас лучше, чем жизнь. Вот в нынешнем году мы, жители такого небольшого уголка земли, заплатили тысячу марок герцогу, а графу сверх того еще несколько сотен, но недостаточно этого: нас ежедневно обирают и теснят до совершенного изнеможения. Каким же образом обратимся к этой новой религии, будем строить церкви, примем крещение мы, которым грозит изгнание, если бы по крайней мере было бы куда бежать. Перейти за Травену — и там такая же напасть, к Пене пойдем — не меньшая и там! Что же тогда остается, как не бросить землю и уйти в море!.. И разве наша вина, если изгнанные из отечества, мы будоражим море и берем добычу с датчан и купцов, которые плавают по морю. Разве вина в том не на князьях, которые нас изгоняют». На это госпо-

дин епископ ответил: «Что князья наши до сих пор плохо обращались с вашим народом, не удивительно: они не считают это большим грехом с язычниками и безбожниками, тем более вы должны прибегнуть к христианской вере и покориться создателю, перед которым преклоняются правящие миром. Ведь саксы и другие народы, носящие имя христиан, не живут ли спокойно, довольные законным порядком. Вы только единственные, отличающиеся культом от всех остальных, терпите от всех разграбление». И сказал Прибыслав: «Если угодно господину герцогу и тебе, чтобы у нас с графом нашим была одна и та же вера, то пусть дадут нам права, подобные тем, которые у саксов, на нашу недвижимость и наши доходы, и мы охотно станем христианами, построим церкви и будем давать нашу десятину».

7. МОРСКИЕ НАБЕГИ СЛАВЯН

Книга II, глава 13. Как только датчане стали возвращаться обратно [после набега на славянские земли], славяне тотчас же устремились им во вслед и, мстя вдесятеро, возместили причиненный ущерб. Дании, состоящей по большей части из островов, окруженных морем, нелегко уберечься от пиратских набегов, потому что там много заливов, в которых очень удобно скрываться славянам; тайком выходя оттуда, они убивают из засад неосторожных. Ведь вообще славяне особенно сильны своими неожиданными налетами, ...[они] в любой момент готовы к морским походам и нападениям, видя в своих кораблях единственную надежду и все свое богатство. Они не утруждают себя постройкой домов, а чаще сплетают из хвороста хижины, в которых можно укрыться в случае необходимости от непогоды и дождя. Как только раздастся боевая тревога, они весь обмолоченный хлеб, золото, серебро и все свои ценности прячут в ямы, жен и детей уводят или в укрепленные места, или по крайней мере в лес. Врагам ничего не оставляют на разграбление, кроме хижин, потерю которых они переносят легко. На набеги датчан не обращают внимания и даже считают удовольствием помериться с ними силами.

8. НАПАДЕНИЕ НА ДАНИЮ

Книга II, глава 13. Взломаны были запоры и отброшены были преграды, в которых заперто было море, и прорвалась погибель, несясь вперед, затопляя и повергая в ужас множество датских островов и прибрежных районов. И исправлены были корабли разбойников, и заняли славяне в датской земле обильные острова, и после долгого лишения насытились богатствами датчан, упивались ими, — говорю, — разжирели, расширились. Слышал я по рассказам, что в Мекленбурге в базарный день насчитывалось до 700 душ пленных датчан; всех их продавали — только бы хватало покупателей.

Б. Из «Датской истории» Саксона Грамматика

Саксон Грамматик, написавший свою «Датскую историю» между 1181—1208 гг., был писцом архиепископа Абсалона и лично принимал участие в походе на остров Руяну. XIV книга его «Датской истории» ярко отразила эти наблюдения участника и очевидца описываемых событий.

9. О ГОРОДЕ АРКОНЕ

Книга XIV, глава 822. Город Аркона расположен на самой вершине выдающегося вперед горного отрога: с востока, юга и севера он защищен не сделанными человеческими руками, а естественными укреплениями, которые вознеслись настолько высоко, что стрела, пущенная из метательного орудия, не может достигнуть их вершины. А внизу эта местность ограждена текущим вокруг морем. С запада же город защищен валом вышиной в 50 локтей; его нижняя часть состоит из земли, а верхняя — из двух рядов бревен, между которыми навалены глыбы почвы. В северной стороне бьет ключом обильный источник, к которому для удобства горожан вела специально построенная дорога... В центре города имелась площадь; на ней был виден храм очень тонкой работы; почитаемый причем не только по великолепию, но также и по величию бога, изображение которого там поставлено. Ограда, окружающая здание, кругом была украшена искусно вырезанными фигурами, покрытыми, впрочем, грубой и негладкой раскраской. В ограде был только один вход. Сам храм был окружен двойной оградой: внешняя состояла из толстых стен, покрытых пурпурной кровлей, внутренняя же — из четырех колонн, отделяясь от остальной части храма, вместо стен, богатыми коврами, опущенными до земли, и соединяясь с внешними стенами только поперечными балками и крышей... Весь храм был увешан пурпурной тканью, красивой, но изношенной, тут же находились рога зверей, удивлявшие не только своим естественным видом, но и отделкой. Тому же богу [т. е. Святовиту] были посвящены храмы и во многих других местах...

В. Из «Ливонской хроники» Генриха Латвийца

Хроника Генриха Латвийца, написанная в XII в., рассказывает о современных автору событиях и является очень важным источником по истории борьбы прибалтийских народов с немецкой агрессией. Несмотря на явно прогерманские настроения автора, в хронике содержится большое количество фактов, позволяющих уяснить истинное лицо немецких рыцарей, участников грабительских походов в Прибалтике.

10. ПРИБЫТИЕ МЕЙНАРДА В ЛИВОНИЮ (1186 г.)

Книга I, глава 1. В обители Зегебергской [1] был священник ордена блаженного Августина, Мейнард, человек достопочтенной

[1] Зегебергская обитель — в Гольштинии, в Германии.

жизни, убеленный почтенной сединой. Просто ради дела христова и только для проповеди прибыл он в Ливонию вместе с купцами: тевтонские купцы, сблизившись с ливами, часто ходили в Ливонию на судне по реке Двине[1]. Так вот, получив позволение, а вместе с тем и дары от короля полоцкого, Владимира[2], которому ливы, еще язычники, платили дань, названный священник смело приступил к божьему делу, начал проповедовать ливам и строить церковь в деревне Икесколе. Первые из этой деревни крестились Ило, отец Кулевены, и Виэцо, отец Ало, а за ними вслед и другие.

В ближайшую зиму литовцы, разорив Ливонию, весьма многих увели в рабство. Чтобы избежать их ярости, проповедник, вместе с икескольцами, укрылся в лесах; когда же они ушли, Мейнард стал обвинять ливов в неразумии за то, что у них нет никаких укреплений. Он обещал им выстроить замок, если они решат стать и быть детьми божьими. Это пришлось им по сердцу, они дали обещание и клятвенно подтвердили, что примут крещение. В ближайшее лето из Голландии привезли каменотесов, а между тем ливы вторично подтвердили свое искреннее желание принять христианство. Перед закладкой Икескольского замка часть народа крестилась, а все обещали (но лживо) креститься, когда замок будет окончен. Начали класть стены на фундаменте. Так как пятая часть замка строилась на средства проповедника, она поступала в его собственность, а землю для церкви он заготовил ранее. Как только замок был закончен, крещеные вновь возвратились к язычеству, а те, кто еще не крестились, отказались принять христианство. Мейнард, однако, не отступил от начатого дела. В это время соседние язычники семигаллы, услышав о постройке из камня и не зная, что камни скрепляются цементом, пришли с большими корабельными канатами, чтобы, как они думали в своем глупом расчете, стащить замок в Двину. Перераненные стрелками, они отступили с уроном. Соседние люди из Гольма подобными же обещаниями обошли Мейнарда и получили выгоду от этой хитрости: им также был выстроен замок. Сначала, однако, по каким-то причинам шестеро крестились, а имена их: Вилиенди, Ульденаго, Вадэ, Вальдеко, Герведер, Виэцо. Пока строились упомянутые замки, Мейнард был посвящен в епископы бременским митрополитом. Когда был окончен второй замок, нечестные люди, забыв клятвы, обманули Мейнарда, и не нашлось ни одного, кто бы принял христианство. Проповедник, конечно, смутился духом, особенно когда мало-помалу имущество его было расхищено, людей его избили, а самого его ливы решили изгнать из своих владений. Крещение, полученное в воде, они надеялись смыть, купаясь в Двине, и отправить назад в Тевтонию.

---

[1] Немецкие купцы (главным образом из Любека) через Западную Двину стали ходить с конца XII в. в русские города — Полоцк, Смоленск и Новгород.
[2] Речь идет о полоцком князе Владимире.

11. КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПРОТИВ ЛИВОВ (1198 г.)

Книга II, глава 2. Собрав людей, епископ прибыл с войском в Ливонию и подошел к замку Гольм, который расположен посредине реки. Отправив в лодке посла, он спрашивает, решили ли они принять христианство и сохранить его принявши. Те заявляют, что ни признавать, ни соблюдать не хотят. Епископ же не мог причинить им никакого вреда, так как корабли оставил позади. Поэтому он с войском возвратился на место Риги и стал совещаться со своими, что делать. Между тем против него собралась в боевой готовности масса ливов и устроила стоянку за рижской горой. Они все же послали к епископу гонца спросить, зачем он привел войско. Причина в том, ответил епископ, что они все возвращаются от христианства к язычеству. Тогда ливы говорят: «Мы эту причину устраним. Ты только отпусти войско, мирно возвращайся со своими в свою епископию и тех, кто приняли христианство, понуждай к соблюдению его, а других привлекай к принятию речами, а не мечами». Епископ потребовал у них в залог своей безопасности их сыновей, а они между собой решили не давать, а между тем, под предлогом сбора части заложников, предлагают и получают краткое перемирие, причем, по обычаю стороны, в знак мира пересылаются копьями. Во время этого перемирия они перебили много тевтонов, искавших корма для коней. Увидев это, епископ отослал им копье и прервал перемирие. Ливы вопят и шумят по обычаю язычников. Готовятся к бою и саксонские войска с другой стороны. Стремительно бросаются они на язычников, и ливы бегут. Епископ [1], не удержав коня, из-за его быстроты замешался в массу бегущих. Тут двое схватили его, третий, по имени Имаут, пронзил сзади копьем, а прочие растерзали на куски. Ливы бежали стремглав, боясь, что войско гонится за ними, так как видели тевтонский рыцарский шлем, который [на самом деле] надел себе на голову один лив, убив тевтона. Потеряв вождя, войско, конечно, пришло в волнение и стало на конях и с кораблей огнем и мечом опустошать ливские нивы. Увидев это, ливы во избежание больших бед, снова заключили мир, позвали к себе клириков, и в первый день в Гольме крестилось около 50 человек, а в следующий обращено было в Икесколе около 100. Они принимают по замкам священников и назначают на содержание каждого меру хлеба с плуга. Видя это, войско успокаивается и готовится к возвращению.

12. ПОСТРОЙКА РИГИ (1201 г.) И УЧРЕЖДЕНИЕ ОРДЕНА МЕЧЕНОСЦЕВ (1202 г.)

Книга III, глава 5. На третий день своего посвящения епископ [2], оставив заложников в Тевтонии, возвратился в Ливонию

[1] Здесь речь идет о епископе Бертольде, преемнике Мейнарда.
[2] Здесь уже преемник Бертольда — епископ Альберт.

с пилигримами, каких сумел собрать, и в то же лето был построен город Рига на обширном поле, при котором можно было устроить и корабельную гавань.

В это же время брат Теодорих, предвидя вероломство ливов и боясь, что иначе нельзя будет противостоять массе язычников, для увеличения числа верующих и сохранения церкви среди неверных, учредил некое братство рыцарей христовых, которому господин папа Иннокентий дал устав храмовников и знак для ношения на одежде — меч и крест, велев быть в подчинении своему епископу.

13. ПОЕЗДКА АЛЬБЕРТА В ГЕРМАНИЮ (1204 г.)

Книга III, глава 8. На шестой год епископ, боясь, что город, еще маленький и слабый, из-за малочисленности верующих может оказаться в опасности от козней язычников, вновь отправился в Тевтонию для набора пилигримов. Ревностно исполняя порученное ему дело обращения язычников и путешествуя то в Тевтонию, то обратно, в иные годы он нес большой и почти невыносимый труд.

14. НАПАДЕНИЕ ЛИВОВ НА ТЕВТОНОВ

Книга III, глава 9. Когда пилигримы возвращались своей дорогой, на них в густой заросли близ Мемекульской дороги жестоко напали ливы из двух городов, Леневардена и Икесколы, однако большой опасности тут не было, и пилигримы, выйдя из этой стычки, прибыли в Икесколу. Они увидели, что этот город, построенный некогда епископом Мейнардом, хорошо укреплен, так как они, правда, были крещены, но до сих пор оставались бунтовщиками и неверующими. Поэтому они ввели Конрада во владение бенефицием и оставили ему кое-кого из пилигримов, людей смелых и готовых к битвам. Чтобы также позаботиться и о хлебе для него — в запас, на случай войны, они сжали созревшие ливские нивы, кто серпом, кто мечом. Жали все при оружии, так как иначе не могли бы выдержать частых нападений язычников. Когда город был полон хлебом доверху, господин епископ, радуясь этому, поручил богу остающихся там, а с другой частью пилигримов ушел в Ригу. Спустя недолгое время после того, пилигримы из замка Икесколы вышли как-то для сбора хлеба, и семнадцать человек из них было перебито засевшими в лесу ливами, а некоторые из этого числа принесены были в жертву языческим богам и погибли в ужасных мучениях. И все же ни этими, ни подобными действиями враги не заглушили голоса христианской проповеди, слова божия, а наоборот, по распространению веры могли видеть, что христиане в боях и проповедании веры с каждым днем все более и более крепнут. Вот почему все жившие у Двины ливы, упав духом и придя в смущение, дали заложников и помирились с господином епископом и прочими тевто-

нами, а кто из них еще остался в язычестве, обещали креститься. Так, по призыву Христа, народ, непокорный и вполне преданный языческим обрядам, мало-помалу приведен был под иго господне и, оставив прежний мрак язычества в вере, увидел истинный свет, т. е. Христа. После этого им по заслугам разрешено было вновь владеть деревнями и всем, что они, казалось, потеряли не без основания; в укрепление, выстроенное близ Икесколы, они допущены не были; вернулись на свои места также жители Леневардена и Икесколы.

15. ПОХОД НА РИГУ ВЛАДИМИРА ПОЛОЦКОГО (1206 г.)

Книга III, глава 10. Позднее кое-кто из ливов, упорствуя в коварстве, известили короля полоцкого через гонцов об уроне, понесенном своими, и просили прийти на помощь им против тевтонов, пользуясь в особенности временем, пока в Риге оставалось немного людей, а другие уехали с епископом. Слушаясь их зова и советов, король собрал войско со всех концов своего королевства, а также от соседних королей, своих друзей, и с великой храбростью спустился вниз по Двине на кораблях. При высадке у Икесколы многие из них были ранены балистариями рыцаря Конрада. Заметив, что тевтоны находятся в замке, пошли дальше и, внезапно подойдя к замку Гольм, окружили его со всех сторон. Ливы же, не знавшие о приходе войска, одни побежали и скрылись в леса, другие присоединились к тевтонам и заперлись в замке, балистарии взошли и на валы и переранили множество врагов. Русские со своей стороны, не знавшие применения балисты, но опытные в стрельбе из лука, бились много дней и ранили многих на валах; они собрали большой костер из бревен и старались поджечь укрепления, но старания эти были напрасны, а при сборе леса многие из них пали раненные балистариями. Поэтому король послал гонцов к жителям Торейды, к лэттам и к окрестным язычникам, чтобы все они выступали в поход против рижан. Люди из Торейды тотчас же с радостью собрались к королю, и было поручено пришедшим единственное дело: собирать дрова для поджога замка, а так как защитного вооружения они не имели, то при собирании дров великое множество их было перебито неожиданными выстрелами. Лэтты же и сами не пришли и гонцов не прислали. Устроили русские и небольшую метательную машину по образцу тевтонских, но, не зная искусства метать камни, ранили многих у себя, попадая в тыл. Тевтоны, по своей малочисленности (их было всего 20 человек), боясь предательства со стороны ливов, которых много было с ними в замке, днем и ночью оставались на валах в полном вооружении, охраняя замок и от друзей внутри и от врагов извне. Ливы же ежедневно все искали с королем способа, как бы захватить их хитростью, предать в руки русским, и если бы продлились дни войны, то едва ли рижане и жители Гольма, при своей малочисленности, могли бы

защититься. В Риге боялись и за положение города, так как сооружения его еще не были крепки, боялись и за дела вне города, за своих, осажденных в Гольме. Между тем, к королю вернулись некоторые ливы-разведчики и сказали, что все поля и дороги вокруг Риги полны мелкими железными трехзубыми гвоздями; они показали королю несколько этих гвоздей и говорили, что такими шипами тяжко исколоты повсюду и ноги их коней и собственные их бока и спины. Испугавшись этого, король не пошел на Ригу, и спас господь надеявшихся на него... После ухода русского короля с войском, страх божий напал на ливов по всей Ливонии; жители Торейды и двинские ливы отправили послов в Ригу и просили о мире.

Епископ Альберт между тем обходил в Тевтонии каждый квартал, улицу и церковь, ища пилигримов. Пройдя Саксонию и Вестфалию, он прибыл, наконец, ко двору короля Филиппа, и так как он ожидал помощи не от самого короля, обратился к империи, и получил от империи Ливонию, после чего блаженной памяти король Филипп обещал давать ему каждый год пособие в 100 марок, но от обещаний никто богатым не бывает.

16. РАЗДЕЛ ЗЕМЛИ

Книга III, глава 9. В то же время господь с каждым днем все увеличивал дружину братьев рыцарства, и стали они думать, что, сообразно росту их числа и трудов, должны возрастать имущество и владения их так, чтобы те, кто на войне и в других непрерывных трудах несут на себе всю тяжесть дневных забот, получали вместе с тем и вознаграждение за свой труд, дневную плату. Поэтому они стали просить у господина епископа, ежедневно настаивая, третью часть всей Ливонии и других земель или окрестных народов, которые еще не были обращены, но впоследствии, через них и других рижан, будут приведены богом в христианскую веру; они хотели, таким образом подвергаясь большим расходам, пользоваться и большими доходами. Отечески заботясь о людях, которые днем и ночью стеной стояли за дом божий, и стремясь увеличить их число, епископ решил вознаградить их за труды и расходы и уступил им третью часть одной Ливонии; так как сам он получил Ливонию от императора со всеми правами господства, то их третью часть отдал им с полными правами и властью. Что же касается еще не приобретенных и не обращенных земель, то так как он не мог дарить того, чего не имеет, то вполне основательно отказал. Те, однако, всячески настаивали на своей просьбе, и она в конце концов была впоследствии доведена до сведения верховного первосвященника. Он же, поручив богу вопрос о землях, еще не приобретенных, утвердил за ними третью часть приобретенных, но оставил епископу четверть десятины с их долей в знак подчинения. Итак, по предложению епископа братья-рыцари разделили Ливонию на

три части и ему, как отцу, предоставили первому выбор. Он прежде всего взял область Каупо, т. е. Торейду, потом они выбрали себе область по ту сторону Койвы, а третья область Метсеполэ осталась епископу. За области или имения, уже ранее данные в бенефиций другим, братья-рыцари впоследствии получили полное вознаграждение в иных местах. После такого раздела Ливонии епископ послал священников в свои области, а братьям рыцарства предоставил заботиться об их областях.

17. ПОХОД В ПОМОРСКИЕ ОБЛАСТИ

Книга III, глава 14. Действительно, с приближением праздника рождества господня, когда усилился зимний холод, старейшины рижан послали известить по всей Ливонии и Лэттии и во все замки по Двине и Койве, чтобы все собирались и были готовы мстить эстонским племенам. Взяв заложников у ливов, считавшихся вероломными, продвинулись к морю и затем, идя днем и ночью прямым путем вдоль по берегу моря, пришли в первую область, называемую Зонтагана. Сторожевые на дорогах при виде войск убежали, чтобы известить своих, но те, кто в войске были быстрее других, вступили в деревни вместе с разведчиками и всех почти жителей нашли на месте — по деревням и в домах. И разделилось войско по всем дорогам и деревням, и перебили они повсюду много народа, и преследовали врагов по соседним областям, и захватили из них женщин и детей в плен, и наконец, сошлись вместе у замка. На следующий, на третий, день, обходя все кругом, разоряли и сжигали, что находили, а коней и бесчисленное множество скота угнали с собой. А было быков и коров четыре тысячи, не считая коней, прочего скота и пленных, которым числа не было. Многие язычники, спасшиеся бегством в леса или на морской лед, погибли, замерзли от холода. На четвертый день взяли и сожгли три замка и начали отступление из области со всей добычей, двигаясь с осторожностью, поровну разделили между собой захваченное и с радостью возвратились в Ливонию, единодушно благословляя господа, давшего им отомстить врагу.

18. РАЗОРЕНИЕ САККАЛЫ И УНГАВНИИ

Книга III, глава 15. И поднялись пилигримы с братьями-рыцарями и Теодорих, брат епископа, и Каупо со всеми ливами, и Бертольд венденский с лэттами, собрали большое войско и выступили в Метсеполэ к морю; шли три дня близ моря, а затем, повернув в направлении области Саккалы, в течение трех дней двигались лесами и болотами по самой дурной дороге, и ослабели кони их в пути и до ста их пало, но наконец, на седьмой день достигли деревень, и, разделившись отрядами по всей области, мужчин, каких нашли, перебили, всех детей и девушек взяли в плен, а коней и скот согнали в деревню Ламбита, где

была их майя, т. е. сборный пункт. На следующий день послали ливов и лэттов по темным лесным убежищам, где, прячась, спасались эсты; они нашли там множество мужчин и женщин и, выгнав их из лесу со всем имуществом, мужчин убили, а все прочее отправили к майе... На третий день храбрейшие в войске, перейдя реку Палу, опустошили всю ту область, что называется Нурменгундэ, сожгли все деревни, перебили мужчин, женщин, коней и скот захватили и дошли до самого Гервена. Вернувшись ночью и устроив военную игру, с большим криком и ударами щитов, на следующий день подожгли замок и пошли в обратный путь другой дорогой, добычу разделили поровну между собой и с радостью возвратились в Ливонию. И начался большой мор по всей Ливонии, стали люди болеть и умирать, и вымерла большая часть народа, начиная от Торейды, где трупы язычников лежали непогребенными, вплоть до Метсеполэ и по Идумее вплоть до лэттов и Вендена. Точно так же великая смертность была в Саккале, Унгавнии и в других областях Эстонии, и многие, спасшись бегством от острия меча, не могли избегнуть горькой гибели от мора.

Книга III, глава 19. ...И вступили они в Унгавнию, опустошили и предали огню все деревни, а мужчин, каких могли захватить, всех сожгли живыми, мстя за Талибальда. Сожгли все их замки, чтобы не было у них там убежища. Искали врагов и в темной чаще лесов, нигде от них нельзя было укрыться, и вытащив оттуда убивали. Женщин и детей уводили с собой в плен, захватили коней, скот, большую добычу и вернулись в землю свою. На возвратном пути встретились им другие лэтты; пошли и эти в Унгавнию и докончили оставленное: добрались до деревень и областей, куда не доходили те, и если кто до сих пор уцелел, не миновал гибели теперь. И захватили они многих, и перебили всех мужчин, и повлекли в плен женщин и детей, и увели скот, взяв большую добычу. Возвращаясь, по дороге встретили еще лэттов, собравшихся в поход в Унгавнию. Эти тоже стремились награбить добычи и отомстить убийствами за родителей и близких, умерщвленных эстами. И прошли они в Унгавнию, и грабили ее, и уводили в плен людей не меньше первых. Они захватывали тех, кто возвращался из лесу на поля и в деревни за пищей; одних сжигали на огне, кололи мечом; они истязали людей разными пытками до тех пор, пока те, наконец, не открыли им, где спрятаны деньги, пока не привели во все свои убежища в лесах, пока не передали в их руки женщин и детей. И снова собрались вместе Бертольд венденский со своими и Теодорих, брат епископа, с рыцарями и слугами, и сыновья Талибальда со своими лэттами, отправились с войском в Унгавнию, захватили эстов, уцелевших ранее от лэттов, и перебили их; деревни, какие еще оставались, сожгли и все, что прежде было недоделано, тщательно закончили... Не имели покоя и сами они, пока в то же лето девятью отрядами окончательно не разорили ту область, обратив

ее в пустыню, так что уже ни людей, ни съестного в ней не осталось. Ибо думали они либо воевать до тех пор, пока уцелевшие эсты не придут просить мира и крещения, либо истребить их совершенно. Дошло до того, что у сыновей Талибальда уже перевалило за сотню число врагов, которых они, мстя за отца, сожгли живыми или умертвили другими муками, не говоря о бесчисленном множестве других, кого истребили лэтты, тевтоны и ливы.

19. ИСТРЕБЛЕНИЕ ГАРИОНЦЕВ

Книга III, глава 23. ...Мы с добычей вернулись в Ливонию. Была же добыча ливов чрезвычайно велика, так как они обложили подземные пещеры гарионцев, куда те обыкновенно всегда спасались; зажгли огонь с дымом при входе в пещеры, и, дымя днем и ночью, удушили всех, и мужчин и женщин. Вытащив затем из пещер одних задыхающимися, других едва живыми, третьих мертвыми, живых перебили или увели в плен, а все имущество, деньги, одежду и всю большую добычу захватили. Было же всего задохнувшихся обоего пола во всех пещерах до тысячи душ. Потом ливы с тевтонами пошли обратно, благословляя бога за то, что он смирил гордые сердца и привел их к вере христианской.

II. ГАНЗЕЙСКИЙ СОЮЗ

20. ГАМБУРГ И ЛЮБЕК. ГРАМОТА О ДРУЖБЕ И ВЗАИМНОЙ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЕ (ОКОЛО 1230 г.)

Честным и мудрым мужам и возлюбленным друзьям своим — фогту, консулам и прочим любекским горожанам — фогт, консулы и община города Гамбурга шлют изъявления готовности к услугам и доброжелательства. Да ведает благоразумие ваше, что настоящую нашу взаимную дружбу и взаимную любовь мы всемерно и со всяким тщанием и впредь соблюдать желаем. Посему уведомляем вас, что наши права должны быть и вашими правами, и наоборот; вследствие этого горожане ваши и товары их, к нам беспрепятственно вывозимые, должны пользоваться тем же миром и тою же безопасностью, какими и наши горожане с их товарами пользуются. На то издаем настоящую нашу грамоту, скрепленную приложением нашей печати.

21. ЛЮБЕК И ГАМБУРГ. ДОГОВОР ОБ ОХРАНЕ ТОРГОВЛИ (1241 г.)

Фогт, совет и община города Любека... Мы и возлюбленные друзья наши, горожане Гамбурга, заключили взаимное соглашение о нижеследующем:

1. В случае, если против наших или их горожан поднимутся

разбойники и иные злые люди, начиная от места впадения в море реки, именуемой Травой [1], и до Гамбурга, а также по всей Эльбе до моря, и будут чинить на наших и на их горожан вражеские нападения, то мы с ними и они равным образом с нами на одинаковых началах должны будут участвовать в расходах и тратах на уничтожение и искоренение этих разбойников.

2. Далее, если кто из проживающих вне города кого-либо из горожан Гамбурга или Любека дерзким самосудом лишит жизни, ранит, изобьет палкою или каким-либо иным образом, чего да не будет, обидит, мы совместно с ними и они с нами сообща понесем расходы, какие потребуются для возмещения вреда и наказания. И если с их горожанами около их города или с нашими около нашего что-либо приключится, они со своими, а мы с нашими горожанами на общий счет накажем [виновных].

3. Кроме того, если над кем-либо из их горожан близ нашего города Любека или над нашими горожанами близ города Гамбурга будет учинено какое-либо насилие, мы их обидчика или обидчиков, а они нашего или наших на общий счет будем разыскивать для наложения на них взыскания и наказания по этому делу...

22. ЛЮБЕК, РОСТОК И ВИСМАР. ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПРЕСЛЕДОВАНИИ РАЗБОЙНИКОВ И ИХ УКРЫВАТЕЛЕЙ (1259 г.)

Всем во Христе верным... Общины городов Любека, Ростока и Висмара. Так как многие купцы, плавающие с товарами по морям, не могут из-за пиратов и разбойников пользоваться твердым миром и надежною безопасностью..., то вот мы общим советом постановили объявить настоящею грамотою во всеобщее сведение о нижеследующем: грабители купцов не могут пользоваться миром в церквах, на кладбищах, на воде и в полях, но все горожане и купцы будут считать их лишенными покровительства законов. А если разбойники явятся куда-нибудь с награбленной добычею, всякая область и всякий город, какие примут их добычу, будут считаться городами и всем купечеством виновными наравне с разбойниками и также лишенными покровительства законов...

23. ДОГОВОР МЕЖДУ НЕМЕЦКОЙ КОЛОНИЕЙ В ВИСБИ И ГОРОДОМ ЛЮБЕКОМ ОБ ОХРАНЕ ТОРГОВЫХ СНОШЕНИЙ ПО БАЛТИЙСКОМУ МОРЮ (1280 г.)

Всем, до кого дойдет настоящая запись, фогт, консулы и община немцев города Висби шлют привет во имя спасителя мира.

Хотим довести до всеобщего сведения, что мы и наши особенные друзья, все достопочтенные горожане и купцы — обитатели

[1] На этой реке, впадающей в бухту Балтийского моря, был расположен город Любек.

города Любека — взаимно договорились о нижеследующем. Если бы случилось — пусть этого не будет — что какие-нибудь лица как высшего, так и низшего звания причинят нам, или им, или же их, или нашим согражданам, или каким-либо другим, к ним искренне расположенным, немецким купцам какое бы то ни было утеснение, отягощение или убыток в гавани реки Травы или в Зундском проливе, или начиная от тех мест вплоть до Новгорода, или на всем протяжении Восточного[1] моря и во всех портах и на всех промежуточных станциях для судов, мы совместно с любекскими горожанами исправим это [зло] и отомстим общими усилиями и за общий счет, согласно нашей и их потребности в силах [для этой цели], поскольку так было условлено сообща между нами и ими.

Но так как указанный договор должен нерушимо соблюдаться нами и ими целиком в течение ближайших десяти лет, мы засвидетельствовали вышеписанное на данном листе своей подписью и прочно скрепили привешенной нашей печатью.

Дано в год от рождества христова 1280, в субботу перед рождеством богородицы.

24. ГАНЗА. ПЕРВЫЕ ОБЩИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ (1260—1264 гг.)

Желаем довести до вашего сведения о [нижеследующем] решении, принятом по тщательном обсуждении мудрыми и честными людьми на помощь всем купцам, которые пользуются и управляются Любекским правом.

1. Во-первых, каждый город пусть по мере возможности оберегает море от пиратов и иных злодеев, так чтобы морские торговцы свободно могли вести свою торговлю.

2. Далее, если кто подвергнется за свой проступок изгнанию из одного города, пусть ни в какой из них вновь не принимается.

3. Далее, если кто-либо из горожан будет захвачен в плен, его не должно выкупать никакими средствами, но следует послать ему его пояс и нож.

4. Далее, никакой купец не должен покупать другого, если тот будет захвачен в плен, или принимать его от кого-либо в уплату долгов. Если сделает это, потеряет жительство свое в том городе и во всех прочих, в каких действует Любекское право.

5. Далее, если кто за разбой и грабеж будет объявлен вне закона в одном городе, он будет числиться таковым и во всех [городах]

6. Далее, если кто из государей осадит один из городов, никакой другой город не будет оказывать ему в чем-либо помощи в ущерб первому[2], если только [государь этот] не сеньер его.

---

[1] То-есть Балтийского.

[2] То-есть подвергшемуся осаде.

7. Далее, если в стране будет война, ни один город не будет вредить телу или имуществу кого-либо из горожан этих городов, но искренно окажет ему помощь.

8. Далее, если кто возьмет жену в каком-нибудь из этих городов, но явится первая жена и потребует его и сможет через посредство правомочных свидетелей доказать, что он ее законный муж, он будет обезглавлен.

9. Далее, если кто из горожан выдаст за кого-либо свою дочь или внучку, а другой заявит, что она его законная жена, и не сможет доказать этого через посредство правомочных свидетелей, он будет обезглавлен.

Настоящее решение будет действовать в течение одного года, а о том, что определят после, город даст знать своими письмами.

Дано в день Иоанна крестителя в Висмаре.

25. ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЙ 1265 г.

2. Далее, мы должны собираться однажды в год, где постановим, для [совместного] обсуждения городских дел.

5. Далее, если на морях соберутся пираты, все города должны нести затраты для истребления их сообразно раскладке.

26. ГРАМОТА, ДАННАЯ АНГЛИЙСКИМ КОРОЛЕМ ЭДУАРДОМ II НЕМЕЦКИМ КУПЦАМ, ПРИНАДЛЕЖАЩИМ К СОСТАВУ НЕМЕЦКОГО ПОДВОРЬЯ В ЛОНДОНЕ (7 ДЕКАБРЯ 1317 г.)

Эдуард, божьей милостью король Англии... привет. Да будет вам ведомо, что славной памяти государь Генрих [1], покойный король Англии, наш дед, своей грамотой, пожалованной купцам немецкого королевства, именно тем, которые владеют подворьем в Лондоне, называемым в простонародье немецкий гильдейский двор, обещался поддерживать всех и каждого в отдельности и соблюдать по всему его королевству все те вольности и вольные обычаи, которыми они пользовались как в его правление, так и в правление его предков...

Желая оказать названным купцам еще большую милость, мы... пожаловали им именем нашим и наших наследников и данной нашей грамотой утвердили за ними и их преемниками — обладателями вышеназванного подворья на вечные времена в пределах нашего королевства и власти нижеследующие вольности:

1. Именно, чтобы ни сами они, ни их имущество, ни товары их в пределах указанного королевства и власти не подвергались аресту и не задерживались никем, кроме как их сотоварищами, ни за какой долг, в отношении которого отсутствовали бы пору-

[1] Генрих III (1216—1272).

чители или главные должники и ни за какой действительно совершенный или намеченный к совершению поступок.

2. И чтобы мы или наследники наши не облагали ни их самих, ни их имущество или товары новой, неположенной пошлиной, сохраняя за нами и наследниками нашими исстари существующие поборы.

3. И чтобы эти купцы по всему королевству на вечные времена были свободны от мостового, дорожного и городового[1] сборов.

27. СТАТУТЫ ГАНЗЕЙСКОЙ КОНТОРЫ В БРЮГГЕ

а) Приблизительно от 1348 г.

Во имя божие, аминь. Для пользы и блага всего купечества Римской империи германской нации определены и приняты с ведома и согласия всего вышеназванного купечества, пребывавшего в то время в Брюгге, писаные здесь статьи о нижеследующем:

1. Во-первых, вышеназванное купечество желает, что если кто нарушит постановления статей, содержащихся в наших привилегиях, учинивши тем вред господам и нарушивши договор, он повинен уплатить всему вышеназванному купечеству соответствующий штраф.

2. Далее, они желают, чтобы никто не должен был торговать товаром, который нельзя перепродать без убытка в Брюгге или вообще в области Фландрии; никто не должен также ссужать деньги под залог, письменное обязательство или на срок, чтобы нажить этим более денег или прибыли в пределах города или вышеназванной области. Желают также, что если кто-либо будет таким образом обманут вопреки справедливости и это сможет быть доказано через двух добрых купцов или маклеров, имеющих сведения по данному делу, он должен уплатить названным купцам по 5 шиллингов с каждого фунта всей суммы. И когда бы старшины ни пожелали, они могут всякого привести по своему усмотрению к присяге, чтобы он показал правду по этому делу.

3. Далее, никто не должен давать маклеру более того, что положено исстари, под угрозой штрафа в 5 шиллингов.

4. Далее, ни один купец не может вызвать другого в какой-либо суд, помимо нашего собственного суда, разве только кто-нибудь будет от суда уклоняться. И никто из наших людей не может наложить арест на чужое имущество иначе, как по нашему праву, разве только он сделает это из-за опасения того, что другой может предупредить его, действуя по фландрскому праву, или разве он сделает это с разрешения старшин. Штраф за это — марка золота.

5. Дальше, желают, чтобы если какой-либо человек, живущий не по нашему праву, учинит кому-либо из наших несправедли-

[1] Имеется в виду сбор на ремонт городских стен.

вость и не пожелает за это уплатить штраф сообразно учиненной несправедливости, тогда следует сделать о том представление перед старшинами. Старшины же должны просить всех купцов, чтобы они не давали этому человеку зарабатывать у них деньги до тех пор, пока он не внесет штраф. Далее, желают, чтобы, если кто-нибудь из наших людей это нарушит, повинен был уплатить шраф в размере одного фунта...

б) От 1354 г.

Эти нижеписанные статьи установлены с разрешения и согласия всего немецкого купечества... в Брюгге, в год [воплощения] нашего господа... 1354, в день 20-й апреля месяца.

7. Далее, постановлено... в названном году..., что если кто-либо заплатит за свой товар пошлину не в таком размере, как следовало бы заплатить по обычаям Фландрии, и будет в том уличен сборщиком пошлин, он должен внести купеческой общине столько же, на сколько он провинится перед сборщиком, да еще заплатить 10 шиллингов штрафа. И это не должно быть допускаемо.

8. Далее, если какой-нибудь своенравный человек в гордыне и гневе, без разрешения купечества, будет гнушаться немецким правом и отвергать его, такового не должно вновь принимать под покровительство купеческого права.. И если кто-либо имеет с вышеназванным человеком соглашение, именно относительно недвижимости или общей доли в купеческом корабле, таковому следует соглашение с ним разорвать в течение года и дня, под угрозой штрафа в размере марки золота.

в) Приблизительно от 1360 г.

9. Далее, ни один человек, пользующийся немецким правом, не должен входить в товарищество и владеть недвижимостью совместно с фламандцами, под угрозой штрафа в размере марки золота.

28. ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ГАНЗЕЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ В НОВГОРОДЕ (22 ФЕВРАЛЯ 1346 г.)

Да будет ведомо всем, кто увидит и услышит эту запись, что старшины и мудрейшие из немецких купцов, которые тогда были в Новгороде, в полном единодушии согласились, руководствуясь письмами и полученными через вестников указаниями городов вне страны и внутри ее, у моря, о нижеследующем:

1. Чтобы никто не совершал в Новгород более одной поездки в год, кто бы он ни был, и не привозил в Новгород товары более одного раза в течение года, будут ли эти товары его собственные, или компанейские, или какие-либо иные. Постановлено, что если

кто-либо будет застигнут с такого рода товарами, их подлежит считать конфискованными, вне или внутри страны, где бы то ни было, в пользу св. Петра [1].

2. Далее, всякий, кто приезжает сюда по санному пути, по санному должен и уехать обратно; и лишь в том случае, если кто-либо везет общий фрахт или если можно доказать, что у него есть какая-либо уважительная причина, он может ехать с первой водой. И если случится, что кто-либо воспользуется первой водой, он должен именоваться летним путешественником.

3. Далее, если кто приедет сюда водным путем, тот должен водным путем и выехать обратно; и лишь в случае, если он везет общий фрахт, ...может он ехать в зимнее время. И если случится, что кто-либо пропустит вышеназванную последнюю воду, таковой должен именоваться зимним путешественником. Это решение должно действовать до рождества, как оно действовало уже в течение трех лет, и его надо соблюдать честно.

4. Далее, никто не должен ездить с товаром по суше, будет ли то [путь] через Пруссию или Швецию, нельзя также ездить с повозками на Эзель или в Курляндию и вообще каким бы то ни было путем совершать поездки с повозками, под угрозой лишения свободы и конфискации имущества; разрешается ездить только на кораблях — в Ригу, в Ревель, или в Пернов. Если случится, что кто-либо нарушит это вышеназванное постановление, тот лишится свободы и имущества, и это не должно быть терпимо.

5. Далее... должны мы держаться следующих правил в отношении русских: по единодушному решению, для пользы всего купечества, после ближайшего праздника св. Михаила [2] нельзя покупать — ни в розницу, ни оптом — сукна, материи и изделия из пушнины русского производства, а также все прочее, что изготовлено вне домашнего хозяйства [русских]. Можно покупать лишь хлеб и тому подобные [сырые] продукты по их настоящей стоимости. Все вышеупомянутое никто не должен покупать после ближайшего дня св. Михаила ни в Новгороде, ни в Пскове, ни в Полоцке, ни в Риге, ни в Дерпте, ни в Ревеле, ни в Феллине, ни в Готланде, ни в ином каком-либо месте, куда обычно ездят русские... Все это не должен покупать ни один человек, который желает пользоваться купеческим правом, кто бы он ни был. А если кто нарушит это постановление, тот карается конфискацией имущества и платит штраф в 10 марок... в пользу св. Петра.

6. Далее, никто не должен иметь в Новгороде в год более тысячи марок [вложений] ни в товариществе, ни в своем собственном деле, ни как-нибудь по-иному. Если кто это нарушит, его товар должен быть конфискован в пользу подворья св. Петра...

---

[1] Имеется в виду церковь св. Петра, бывшая центром ганзейского подворья в Новгороде.

[2] См. примечание на стр. 72.

7. Далее, вменяется в обязанность старшинам св. Петра от каждого принимать клятву в том, что он с помощью бога, всех святых и св. Петра будет соблюдать по доброй воле и без всякого коварства содержащиеся в настоящей записи постановления..

8. Далее, ни один ученик старше 20 лет не может пользоваться в Новгороде купеческим правом, но всякий, кто желает жить по этому праву, должен пройти обучение здесь, кто бы он ни был.

Дано в 1346 г. в соборе св. Петра. Вам вменяется в обязанность... прибивать список этой записи на носу корабля. Будьте здоровы, милые друзья.

29. ОБЯЗАТЕЛЬСТВА БРЕМЕНА ПРИ ОБРАТНОМ ПРИЕМЕ ЕГО В НЕМЕЦКУЮ ГАНЗУ (3 АВГУСТА 1358 г.)

Мы, консулы и община города Бремена, выражаем безмерную благодарность почтенным мужам, консулам приморских городов, а также других городов и рядовым купцам немецкой Ганзы Священной Римской империи за то, что они вновь благосклонно приняли нас в свою среду и допустили пользоваться вольностями и привилегиями названных купцов, хотя мы и были лишены этих вольностей в течение некоторого времени [1]. Мы желаем довести до сведения всех и каждого, кто когда-либо пожелает лично выслушать или увидеть настоящий документ, и публично заявляем этим документом, что хотим нерушимо и твердо соблюдать все без исключения нижеписанные пункты и статьи, по которым договорились и пришли к соглашению в городе Любеке: от нашего имени и с нашей стороны достопочтенные мужи и господа Генрих, по прозванию Донельдей, и Бернард Деттенгузен, специально посланные нами для данной цели сочлены нашей консульской коллегии, а со стороны купцов вышеназванной Ганзы собравшиеся в Любеке достопочтенные мужи, господа консулы города Любека и других городов.

А именно, во-первых, когда бы и сколько бы раз ни потребовали нас господа консулы нижеписанных городов, т. е. Любека, Висмара, Ростока, Штральзунда и Грейфсвальда, для успеха и пользы всех вышеупомянутых купцов на помощь и для обороны гавани, именуемой Норзунд, мы должны охотно послать туда одно хорошее, вполне снаряженное судно с 50 вооруженными людьми и прочим военным снаряжением на наш счет и риск; и если бы бог дал нам и нашим помощникам, таким же защитникам названной гавани, победу над пиратами и прочими грабителями, то полученную при этом добычу мы должны быть готовы охотно разделить с названными нашими помощниками по количеству людей, т. е. по доле на каждого мужа.

---

[1] В течение какого именно времени в точности неизвестно. Есть основание думать, что это время было довольно продолжительным.

Затем, когда бы и сколько раз ни потребовали нас господа гамбургские консулы для обороны реки Эльбы, мы обязаны охотно послать для означенной обороны на Эльбу на судне сотню вооруженных мужей точно так же за наш счет и риск, и если бы мы и тут захватили добычу у грабителей, мы должны поделить ее поровну между нами и помощниками нашими, сообразно количеству и числу лиц так, как это выше сказано. А если окажется необходимым послать в вышеуказанные места не по одному, а по нескольку судов, мы должны это сделать без какого-либо возражения.

Равным образом мы хотим с признательностью выполнять и твердо соблюдать все пункты и пожелания, принятые и постановленные господами консулами вышеуказанных городов в качестве представителей всех вышеуказанных купцов; и если бы кто-либо из наших граждан безрассудно дерзнул поднять паруса и совершить со своими кораблями и товарами такие рейсы и посетить такие места, которые оказались бы под запретом со стороны вышеуказанных господ консулов и купцов, стало быть, нарушил бы соответствующие постановления и решения и не захотел соблюдать ни тех, ни других, у такого [нашего согражданина] надлежит конфисковать все его имущество, а самого лишить свободы, причем две части имущества, которое он имел при себе в том городе, где его поймали, должны отойти к вышеназванным купцам, а третья часть — господам консулам того города, где он был захвачен; все же остальное его имущество, которым он до той поры владел в нашем вышеуказанном городе и в других местах, должно быть сохранено в неприкосновенности для передачи в распоряжение его наследников и ближайших родственников.

Равным образом настоящим обещаем и даем твердое обязательство в том, что будем ограждать вышеназванных купцов от ущерба. В отношении же всех тех преимуществ и договоров, которые мы имели и которыми пользовались до сих пор с тех времен, когда мы были лишены тех вольностей, какими пользуются вышеназванные купцы, разумеется, мы всецело за то, что такие преимущества и договоры не должны быть убыточными и опасными для вышеназванных купцов, так как всякие лукавые и зловредные оговорки совершенно исключены всем вышеписанным.

Точно так же, если, боже упаси, нам или кому-либо из нас, или нашим согражданам, или кому-нибудь от нашего имени, с нашего ведома, отбросив в сторону всякие церемонии, довелось бы действовать или выступать против вышеписанного, в таком случае мы и преемники наши должны быть исключены на вечные времена из упомянутой Ганзы вышеназванных купцов и должны быть лишены всех прав вышеназванных купцов. В удостоверение всего вышеписанного к настоящему [документу] привешена печать нашего вышеназванного города...

III. РЕЙНСКИЙ СОЮЗ

30. СОБРАНИЕ В ВОРМСЕ (6 ОКТЯБРЯ 1254 г.)

Во имя господне, аминь. В 1254 г., в неделю св. Михаила, в городе Вормсе собрались воедино мы, связанные присягою, для охраны мира, города, как верхние, так и нижние, имели съезд и тщательно обсуждали то, что касается общего мира, во славу бога и матери нашей, святой церкви, а также и священной империи, во главе которой ныне стоит светлейший государь наш Вильгельм [1], король Римский...

1. Во-первых, мы постановляем, что не станем совершать никаких походов, иначе как по общему зрелому обсуждению всех городов, и притом прежде всего в такие места, где они наиболее необходимы, взаимно помогая друг другу по мере сил и равномерно неся все тяготы.

2. Также постановили мы, чтобы ни одному сеньеру, противнику заключенного нами на присяге мира, ни один город не доставлял припасов, ни один сеньер, связанный с нами договором, не доставлял оружия или другого вспоможения, никто, ни христиане, ни евреи.

3. Также, чтобы не оказывалось никакого кредита и не давалось никакого займа в городах наших тем, кто противник мира и наш.

4. Также мы постановили, чтобы никто из граждан ни в одном городе не имел с ними никакого общения ни советом, ни помощью, ни одолжением; так что если это станет известным и очевидным, а именно, можно будет доказать это его собственными словами, то виновный изгнан будет из города, а с движимого и недвижимого его имущества взыскано будет столько, чтобы другим впредь было неповадно.

5. Также, если кто-нибудь из рыцарей за пределами земель своего сеньера, враждебного нам, преследует нас или утесняет, помогая своему сеньеру против общего мира, то мы заприметим себе это лицо и поступки его, кто бы это ни был, дабы расплатиться с ними каким-нибудь способом. Если же он будет схвачен в каком-нибудь городе, то мы задержим его до надлежащего удовлетворения. Если же вилланы, для которых мы хотим быть охранителями и защитниками от обид, раз они будут жить с нами в мире, — выступят против нас, то мы восстанем на них с должным возмездием и, схватив их, накажем их в городе, как злодеев наших.

6. Также мы желаем, чтобы все города привлекли и притя-

---

[1] Вильгельм Голландский, числившийся королем Германии с 1248 по 1256 г.

нули к себе суда с ближайших переправ, чтобы не было ни одной переправы за пределами городов, вошедших в союз, чтобы противникам мира не оставалось ни одной переправы через Рейн и чтобы они, вследствие этого, не могли пользоваться удобствами.

7. Также постановляем, что если кто-нибудь из сеньеров или рыцарей поклянется стоять за наш мир, то он и будет охраняться миром в меру сил наших, а кто не заключит с нами мира, тот останется выключенным из общего мира.

11. Также запретили мы накрепко, под страхом наказания, чтобы никто из граждан никоим образом не объявлял файды[1] сеньерам, хотя бы они были и нашими противниками; этим мы вовсе не отказываемся от взыскания с них за обиды, однако сначала попробуем усовестить этих сеньеров, чтобы они прекратили обиды, не принуждая нас выступать против них.

13. Также обещали мы, чтобы в то место, где назначим мы съезд, — а в этом часто бывает нужда, — господа и города посылали тех самых четырех, которые предназначаются для этой цели, или часть их, согласно тому, как этого требует ход разбираемого дела; послы эти должны иметь все полномочия от своих городов для решения предстоящих дел и тут же сообщать своим городам постановления. Все же приехавшие с городскими послами или прибывающие к ним будут неприкосновенны, так что их нельзя подвергнуть никакому суду.

15. Также обещали мы накрепко, что если кто-либо из соучастников союза нарушит мир, то мы выступим против него скорее, чем против чужого, и принудим его к подлежащей расплате.

16. Также обещали мы честно предупреждать посредством грамот друг друга и состоящих с нами в союзе сеньеров обо всем, что мы разузнали про наших соперников, или про иных могущих нам повредить, для того чтобы своевременно предусмотреть все.

17. Также постановили мы, чтобы никто не смел насильственно проникать во дворы или дома церковных людей: всяких монахов и монахинь, серых, черных, белых и всяких других орденов, и не смел требовать от них, против их желания, приюта, съестных припасов или услуг или чего бы то ни было и никоим образом не смел вымогать. Буде же кто-нибудь нагло дерзнет сделать такую попытку, то будет сочтен за нарушителя мира и подвергнут суду.

18. Также постановили мы, чтобы каждый город требовал и добивался от всех тех своих соседей, которые еще не примкнули к союзу, чтобы они присоединялись. Если же те этого не сделают, они будут совершенно оторваны от мира, так что никто не станет считаться нарушителем мира по отношению к их личности или имуществу, если сделает что-нибудь против них.

---

[1] Файда — частная война.

IV. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ГЕРМАНИИ В XIII—XIV ВЕКАХ

31. ИЗБРАНИЕ РУДОЛЬФА ГАБСБУРГСКОГО. КНЯЗЬЯ ИЗВЕЩАЮТ ОБ ЭТОМ ИЗБРАНИИ ПАПУ (1273г.)

Так как несколько времени империя сиротствует, то чтобы не блуждать нам долее без головы, собрались мы в день, для сего нами всеми указанный и согласно принятый, во Франкфурте для заботы об империи; после долгого рассуждения о назначении будущего короля, призвав сперва благодать св. духа с должной и обычной торжественностью, сохранив во всем подходящие чин и порядок, все и каждый по общему согласию, единодушно, обратили наши взоры на славного мужа господина такого-то как на лицо, наиболее полезное и подходящее, и, имея особливое попечение о деле божьем и государственном, мы единодушно и единогласно избрали его по указанию всевышнего в короли римские и будущие императоры.

Когда это собрание было отпраздновано по правилам, или, лучше сказать, как бог велит, мы торжественно повели его с несказанной великой радостью, при рукоплесканиях всех знатных и в сопровождении ликующего народа, и с поздравлениями, воспевая хвалу всевышнему, в Ахенскую соборную церковь, которая полагает первую ступень возвышения и славы королевской. Здесь он — в день такой-то — нами, кельнским архиепископом, коему издревле надлежит сообщать королям благодать помазания, был коронован на престоле Великого Карла и помазан елеем священнейшего помазания.

Посему просим вас, святейший отец, примите благосклонно сего сына, в коем вы, без сомнения, найдете бестрепетного борца за матерь нашу церковь и непобедимого защитника веры православной. Действо же, столь мудро, столь верно, столь своевременно о нем совершенное, одобрите милостивым согласием и благосклонным утверждением и довершите дело божие, соблаговолив, когда угодно и удобно будет вашей святости, всемилостивейше призвать его к сиянию императорского венца, да ведает и уразумеет вселенная, что господь поставил вас светочем миру и что изволением вашим воссияет после мрака светлый день.

32. ЗОЛОТАЯ БУЛЛА 1356 г.

Золотая булла была издана Карлом IV. Она содержит в себе статьи об избрании императора, о правах курфюрстов, о порядке наследования князей, о рудниках, монетах и т. д. Золотая булла сохранилась в 4 экземплярах, при этом Майнцский, Гейдельбергский и Франкфуртский на Майне с золотой печатью, Нюрнбергский — с большой императорской восковой печатью.

Статьи 1—23 обнародованы в рейхстаге 9 января 1356 г. в Нюрнберге, статьи от 24-й до конца — 24 декабря 1356 г. в Меце.

Вступление

Во имя святой и нераздельной троицы. Аминь. Божьей милостью мы, Карл IV, император Римский, всеавгустейший и король Богемии, на вечную память.

Каждое государство, которое не сплочено внутри себя и в котором царит разногласие, безутешно.

Виновники такого разногласия — товарищи воров. Чтобы поэтому водворить единение между курфюрстами и ввести согласные выборы и воспрепятствовать вышеуказанному презренному разладу и всевозможным заблуждениям, вытекающим отсюда, — мы на общем собрании в Нюрнберге в присутствии всех духовных и светских курфюрстов и других князей, графов, баронов, дворян и депутатов от городов, на императорском троне, в облачении и короне, по предшествовавшем зрелом обсуждении, всесильной царской властью объявили, приказали и повелели, в 1356 г. 9 января в царствование наше десятое, в императорском сане — первое — исполнить следующее:

...Мы повелеваем и устанавливаем, чтобы архиепископ Майнцский, когда в епископстве станет известно о смерти короля или императора, в течение одного месяца со дня смерти сообщил об этом в открытых письмах каждому курфюрсту. Если же архиепископ будет медлить с этим извещением, пусть курфюрсты по собственному почину, в силу верности долгу, заботясь о святой империи, соберутся в течение трех месяцев во Франкфурте и изберут римского короля, как будущего императора. Вопрос о выборе должен решиться большинством голосов. Вновь избранный должен тотчас утвердить лены, привилегии, права и свободы курфюрстов. Курфюрсты по рангу занимают места в следующем порядке:

[Следует указание, в каком порядке, сидят курфюрсты в присутствии императора, а также очередность подачи голосов.]

...Во время рейхстага мирские князья должны распределиться по чинам так, что маркграф бранденбургский подает императору и римскому королю воду для рук, богемский король, если он того хочет, пусть подает первую рюмку, пфальцграф — кушанье, герцог же Саксонский пусть исполняет обязанности маршала.

Когда трон остается вакантным, регентство должен взять на себя — на юге пфальцграф, на севере — герцог Саксонский.

Чехия XII—XV веков

Введение

В разделе «Чехия XII—XV вв.» подобраны источники, относящиеся к важнейшему событию политической и культурной истории Чехии в этот период, — гуситским войнам. В начале раздела даны два публицистических произведения великого чешского патриота и реформатора — Яна Гуса, с именем которого связано начало национального движения против немецко-католического засилья в Чехии. Для понимания характера и мотивов этого движения на его начальной стадии особенно большое значение имеет первое из помещаемых произведений Гуса — его памфлет в защиту Кутногорского эдикта 1409 г. *(документ 1)*. Прежде чем ознакомить учащихся с этим памфлетом Гуса, необходимо коротко рассказать им о содержании Кутногорского эдикта и об обстоятельствах, вызвавших его издание.

Как известно, активная борьба чехов против немецкого засилья разгорелась прежде всего в стенах Пражского университета, профессором которого был Гус. Пражский университет, как и другие крупнейшие университеты средневековой Европы, пользовался широкими правами самоуправления, но во всех выборных административных органах университета руководящие должности были захвачены немцами.

Первичными органами университетского самоуправления были так называемые «нации» — объединения студентов и профессоров одной национальности. При выборах ректора и других общеуниверситетских органов, при комплектовании экзаменационных комиссий и при решении различных вопросов, касающихся жизни всего университета, каждая нация имела по одному голосу. В Пражском университете, по примеру Парижского, было 4 нации, но из них три немецких (точнее — две немецких и одна польская; но и в так называемой «польской» нации большинство принадлежало немцам; это подтверждает и эдикт, в котором все три иноземных нации называются тевтонскими), и только одна чешская. Таким образом всегда и всюду одному чешскому голосу противостояло три немецких, и следовательно, немцы могли распоряжаться всеми университетскими делами по своему усмотрению. Такое положение, при котором управление важнейшим культурным центром Чехии находилось в руках немцев, не могло не вызвать решительного протеста передовой чешской интеллигенции. Чешские профессора университета направили к королю Вацлаву IV делегацию во главе с Гусом, которая потребовала положить конец привилегированному положению немцев и предоставить чехам должную роль в управлении университета.

Король был вынужден уступить этому требованию и издать Кутногорский эдикт о реформе Пражского университета. Кутногорский эдикт установил соотношение голосов, обратное существовавшему раньше, а именно — чехам было предоставлено три голоса, а немцам — один голос. Утратив свое прежнее привилегированное положение, немецкие профессора покинули Пражский университет. Ректором реформированного университета стал Ян Гус.

Кутногорский эдикт вызвал, разумеется, ожесточенные нападки немцев. В своем памфлете Гус отражает эти нападки и отстаивает справедливость эдикта. Для правильной оценки всей борьбы Гуса за реформу Пражского университета необходимо, чтобы учащиеся поняли, что значение этой реформы выходило далеко за пределы внутриуниверситетских дел. Парижский

университет, основанный еще в 1348 г., был одним из наиболее крупных и авторитетных научных центров Европы. Немецкие богословы, заправлявшие в Пражском университете, старались поставить его научный авторитет на службу папству и превратить его в оплот католической реакции. После реформы Пражский университет стал основным центром и рассадником реформационных идей. Ян Гус и его единомышленники могли теперь беспрепятственно развивать и пропагандировать эти идеи в своих лекциях. Из стен университета эти идеи широко распространялись и находили отклик как в самой Чехии, так и в других европейских странах. Вместе с этим неизмеримо возросла роль Пражского университета в развитии чешской национальной культуры. Таким образом, реформа Пражского университета, означавшая первую крупную победу антинемецкого и антикатолического движения в Чехии, имела большое общенациональное и общеевропейское значение.

Содержание памфлета Гуса не исчерпывается защитой реформы университета. Гус уже в этом своем выступлении идет гораздо дальше. Привилегии немецких профессоров в университете он рассматривает лишь как одно из частных проявлений стремления немцев захватить в свои руки управление всей страной, «владеть первенством, первым местом, первым и большим голосом и вообще первенством в управлении чешской землей».

Цитируя слова Золотой буллы: «Пусть доморо́дные обыватели чешского королевства считают своею славою приглашать и иностранцев к участию в своей роскошной духовной трапезе», Гус пишет: «Ныне же, напротив, оказывается, что иностранцы приглашают самих хозяев — чехов — к этому участию, потому что захватили в свои руки некоторые важнейшие части управления, бенефиции (доходные статьи) и коллегии». «Чешское колено (народ), — говорит Гус, — в своей чешской земле должно спокойно управляться своими законами без помехи со стороны тевтонов».

Эти и аналогичные им места необходимо особо выделить при использовании данного документа, так как в них сформулированы патриотические взгляды Гуса, как борца за национальную независимость Чехии. Гус выступает здесь как мужественный «защитник национальных и народных прав» (Маркс).

В следующем документе — послании к польскому королю Владиславу — Гус обличает пороки католического духовенства и выступает против симонии, т. е. продажи церковных должностей.

Далее помещены документы, освещающие историю осуждения и казни Гуса. Охранная грамота, выданная Гусу (*документ 3*), изобличает вероломство императора Сигизмунда, который выдал Гусу эту грамоту, гарантировавшую его безопасность, только для того, чтобы заманить его в Констанцу. Когда же Гус, поверив императору, явился на собор, Сигизмунд, нарушив свое слово, заключил его под стражу, а потом подписал смертный приговор Гусу.

Причины осуждения Гуса очень отчетливо вскрывает следующий документ — отчет о прениях на Констанцском соборе по делу Гуса, принадлежащий перу выдающегося итальянского гуманиста Поджо Браччолини, который присутствовал на соборе в качестве секретаря папской курии. В выступлениях епископов люттихского, лондонского, констанцского и ряда других откровенно высказаны причины той бешеной ненависти, которую питало к Гусу католическое духовенство. Эти выступления с полной очевидностью показывают, что дело было не в догматических разногласиях и богословских тонкостях, а в демократической направленности проповеди Гуса и в его разоблачениях пороков католического духовенства. Католические попы не могли простить Гусу, что он, как говорит епископ лондонский, «обнажил духовенство, не оставив ему и клочка, чтобы прикрыть свою наготу», т. е. сорвал с него маску и показал подлинное лицо католического духовенства во главе с папой во всей его неприглядности. Еще более страшный грех усматривало духовенство в том, что Гус, требуя богослужения на понятном народу языке, выступая на этом языке и переводя на него религиозные книги, тем самым, по словам того же епископа, представил «народу право

самому судить о делах веры; между тем народу спасительнее ничего не знать и простодушно [слепо] верить».

Католическое духовенство ревниво охраняло свою монополию в вопросах вероучения, прекрасно понимая, что его авторитет покоится на темноте и невежестве народных масс. Распространение реформационных идей Гуса подрывало этот авторитет, а следовательно, угрожало господству католической церкви и привилегированному положению духовенства — и не только в Чехии, но и во всей Европе. «Если завтра не сожжем Гуса, то послезавтра народ сожжет всех нас, здесь пребывающих»,— заявил на соборе епископ констанцский. Этот панический страх реакционного духовенства перед идеями Гуса сам по себе может служить показателем роста их популярности и их революционизирующей роли.

Автор письма рисует также мужественное, исполненное достоинства поведение Гуса на соборе перед лицом своих заклятых врагов. Большой интерес представляет выступление на соборе представителя чешского дворянства Яна из Хлюма, показывающее негодование чехов против немецко-католического засилья и готовность их отомстить за Гуса.

Тому же автору — Поджо Браччолини — принадлежит и описание суда над ближайшим соратником Гуса — Иеронимом Пражским (*документ 5*). В этом описании главное внимание учителя должны привлечь факты, показывающие мужество Иеронима Пражского, убежденность в правоте своего дела и стойкое отстаивание своих взглядов.

Далее помещается отрывок из современной хроники, повествующий об образовании партии таборитов и начале гуситских войн. Автор хроники неизвестен, но из самого текста хроники видно, что он был ревностным католиком и ярым врагом таборитов, которых он презрительно называет «виклефитами» (т. е. последователями учения английского реформатора церкви Джона Виклефа). Это обстоятельство необходимо иметь в виду при использовании отрывка, ценность которого определяется содержащимся в нем фактическим материалом. Из хроники ясно видно, что инициатива и главная роль в организации всенародной борьбы против немецко-католического засилья в Чехии принадлежала революционной партии таборитов.

На первом этапе борьбы в ней приняла участие также городская буржуазия и значительная часть чешского дворянства, вплоть до военной знати. Но очень скоро классовые противоречия привели к расколу гуситского движения и переходу правого умеренного его крыла — так называемых «чашников», отражавших интересы бюргерства и дворянства, — на позиции компромисса, соглашения с католической церковью. Программа чашников была сформулирована ими в так называемых Пражских статьях, текст которых печатается ниже (*документ 7*). Пражские статьи были составлены в 1420 г. и предложены императору Сигизмунду как платформа для соглашения. Они были отвергнуты Сигизмундом, но впоследствии на их основе было выработано соглашение между чашниками и католической церковью (так называемые Пражские компактаты 1433 г.), по которому последняя вынуждена была признать произведенную секуляризацию церковных земель и допустить в Чехии свободу религиозной проповеди на чешском языке и причащение под обоими видами мирян, т. е. удовлетворить основные требования Пражских статей.

Основной социально-политический смысл Пражских статей заключался в требовании национальной церкви, отвечавшей интересам буржуазии и среднего дворянства. Буржуазия добивалась, по выражению Энгельса, дешевой церкви, содержание которой не требовало бы таких огромных расходов, как содержание католической церкви. Дворянство было заинтересовано главным образом в секуляризации церковных земель. Как буржуазия, так и дворянство стремились ограничить социальные привилегии и огромные доходы немецко-католического духовенства в Чехии. Этим задачам и подчинены все четыре пункта Пражских статей. Первый пункт требует свободы религиозной проповеди на национальном языке. Второй пункт — о причащении под обоими видами — нуждается в некоторых пояснениях. По католическому учению таинство причащения в полном объеме было до-

ступно только духовенству, наделенному якобы особой «благодатью», к которой миряне могли приобщиться только частично. Это различие находило свое выражение в том, что духовенство причащалось хлебом и вином, тогда как мирянам разрешалось причащаться только хлебом. В требовании чашников, чтобы и миряне причащались так же, как духовенство, выразилось их стремление стереть грань между мирянами и духовенством и тем самым ослабить привилегированное положение духовенства. От требования причастия вином из чаши произошло и самое название «чашники».

В третьем пункте Пражских статей сформулировано требование секуляризации церковных имуществ. Главным содержанием четвертого пункта является требование запрещения продажи церковных должностей и отмены денежных поборов духовенства на совершение религиозных обрядов.

После того как Сигизмунд отверг требования Пражских статей, чешский сейм принял решение о лишении Сигизмунда наследственных прав на чешскую корону и передаче власти сформированному сеймом национальному гуситскому правительству. Это, однако, не означало ликвидации монархии и установления в Чехии республиканского строя — как видно из текста постановления сейма *(документ 8):* указанное правительство получало власть только на время, до избрания нового короля.

Социально-политические и религиозные взгляды таборитов изложены в *документах 9* и *10*. Особенно важное значение имеет документ 9, представляющий собой отрывок из трактата магистра Пражского университета Яна Пржибрама, содержащий сжатое изложение социально-политических взглядов таборитов. Сам Пржибрам не разделял взглядов таборитов, больше того — он являлся их активным политическим противником, будучи видным деятелем партии чашников. Тем не менее, сущность учения таборитов передана им достаточно точно, а первые два абзаца являются, повидимому, дословными цитатами из какого-либо не дошедшего до нас произведения таборитов. Документ дает ясное представление о классовом характере и революционной сущности движения таборитов. Он показывает, что это движение было направлено не только против католической церкви, но против всего феодального строя. Оно явилось выражением социального протеста угнетенных крестьянско-плебейских масс против эксплоатации и их стремления к более справедливому общественному строю. Табориты требовали упразднения частной собственности, уничтожения государства, ликвидации всех сословных перегородок и вообще всякого социального неравенства. Таким образом, это была революционная программа уничтожения феодального строя. Разъясняя учащимся сущность социальной программы таборитов, необходимо в то же время показать ее утопичность, обусловленную низким уровнем развития производительных сил и отсутствием класса, способного осуществить это революционное переустройство общества.

Как и все социальные требования средневековья, программа таборитов была облечена в религиозную оболочку. Табориты придавали чрезвычайно важное значение вопросам, касавшимся церковного устройства, религиозных догм и обрядов. В этом отношении они также шли гораздо дальше чашников, как это показывает документ 10 — сводка религиозных требований таборитов, составленная из различных источников чешским историком Палацким. Табориты выступали против почитания святых, требовали отмены постов и заупокойных молитв, уничтожения икон и церковных облачений. Наиболее важное значение имели, во-первых, требование богослужения на народном языке (вместо латыни), и во-вторых, тезис, что следует верить только тому, что написано в «священном писании». Значение первого требования ясно — оно имело своей целью приблизить богослужение к народу и подорвать культурную монополию немецко-католического духовенства. Тезис о библии, как единственном источнике религиозной истины, также имел вполне реальный политический смысл. Ведь он означал, что вся веками выработанная догматика католической церкви, все постановления пап и церковных соборов не имеют никакой цены и им не следует подчиняться. Таким образом, этот тезис в корне подрывал религиозный авто-

ритет католической церкви, а следовательно, и ее господствующее положение. Этот тезис был направлен также против официальной схоластической науки, находившейся в руках духовенства и целиком служившей интересам католической церкви и господствующих классов.

Документы 11 и *12* представляют собой прокламации вождя таборитов Яна Жижки, призывающие чешский народ к борьбе с немцами. Большой интерес представляет *документ 13* — военный устав таборитов. Устав этот содержит главным образом постановления, направленные на поддержание высокой воинской дисциплины в армии таборитов. В нем предусмотрены суровые наказания за проявления распущенности и своеволия, объявлена беспощадная борьба с мародерством и дезертирством. Устав предусматривает сохранение строгого порядка и принятие необходимых мер обеспечения при движении войска и на стоянках. Благодаря этим мерам армия таборитов отличалась большой подвижностью и постоянной боевой готовностью.

Отрывок, озаглавленный «О военном деле у таборитов» (*документ 14*), которым заканчивается настоящая глава, взят из «Истории Чехии» известного итальянского гуманиста XV в. Энея Сильвия Пикколомини. Пикколомини хорошо описывает использование гуситами повозок в бою, подчеркивая, что это явилось важным тактическим новшеством, способствовавшим победам гуситов. В качестве дополнения и иллюстрации к этому тексту может быть использован имеющийся в учебнике рисунок «Гуситский лагерь, окруженный повозками».

* * *

Высказывания классиков марксизма по истории Чехии XII—XV вв.: К. Маркс, Хронологические выписки, т. I («Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 60—61, 74, 77, 95, 97, 104—105, 284—290, 294, 297—300) и т. II («Архив Маркса и Энгельса», т. VI, стр. 4—5, 33—34, 75—81, 141—153, 155—166, 210—220, 224—244, 246—248, 363—366, 376, 393); К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII (Крестьянская война в Германии), т. XXII (Письма от 5 и 7 марта 1856 г.).

* * *

Документы 1, 2, 4 взяты из книги «Послания магистра Иоанна Гуса», 1903 г. Документы 11, 12, 13 переведены Б. М. Руколь. Остальные документы переведены М. В. Берданосовым. Введение к разделу написано В. А. Немировским.

1. ЗАЩИТА КУТНОГОРСКОГО ЭДИКТА ЧЕШСКОГО КОРОЛЯ ВАЦЛАВА IV (1409 г.)

Прежний устав Пражского университета, основанного Карлом IV в 1348 г., доставлял «чешской нации», т е. чешским профессорам и студентам, лишь один голос при решении важных вопросов и при выборах в университете. В то же время три других голоса принадлежали «нациям»: саксонской, баварской и польской, т. е. иноземцам. Кутногорский эдикт гласил: «Определяем твердо и непреклонно, чтобы на будущее время чешский народ во всех совещаниях, судах, экзаменах, выборах, стипендиях и во всех других делах университета имел право трех голосов по примеру статута Парижского университета с теми преимуществами, которыми пользуются французы в своем университете».

Так как яснейший князь и господин, его королевское величество Вацлав король римский, распространитель империи, божиею милостью король чешский, имеет власть над чешским королевством, то сообразно с законом божиим, и церковными, и государственными законоположениями ему надлежит прежде всего и более всего заботиться о спокойствии и особых преимуществах коренных обывателей королевства, чем о чужестранном населении. Это вытекает прежде всего из закона божия, а потом и из закона человеческого. Отсюда следует, во-первых, то, что король Вацлав имеет правительственную власть в чешском королевстве и Пражском университете прежде всего и главным образом в установлении порядков, а для сохранения лучшего порядка в университете имеет власть принимать и увольнять как чехов, так и иностранцев, но непременно с условием заботиться более всего о чехах. Во-вторых, король Вацлав имел полное право даровать и действительно даровал обывателям своего королевства в Пражском университете три голоса, чем оказал им предпочтение пред чуждыми народностями, которых в эдикте он называет общим именем тевтонов, потому что иностранцы твердо объединились между собой (под тевтонским знаменем). В-третьих, совершенно неосновательно чужеземцы ропщут против вышеозначенного королевского эдикта, не желая в то же время повиноваться его королевскому величеству господину королю, наивысшему лицу в чешском королевстве... В-четвертых, обыватели чешского королевства настоящие чехи — как светские, так духовные лица — в силу королевского дара (эдикта) должны принять, владеть и пользоваться особыми привилегиями в совещаниях и управлении, в занятии первых мест и должностей для успеха и чести самого короля и его королевства. Это вполне ясно, ибо король имеет право дать своим передовым подданным такие привилегии. Отсюда (если основание правильно) вполне правильно и логическое заключение. В-пятых, король Вацлав имел полное право дать магистрам и студентам из своего чешского народа преимущество пред магистрами и студентами чужих народностей в советах, судах, экзаменах и во всевозможных суждениях и распоряжениях университета, как высказало об этом

его величество в своем всемилостивейшем и справедливейшем эдикте. В-шестых, чужие народности (иначе: тевтонский народ) должны покорно повиноваться его королевскому величеству в даровании им чешскому народу права трех голосов с опасением, в противном случае подвергнуться наказанию... В-седьмых, чешский народ должен быть передовым хозяином в Пражском университете по отношению к чужим народностям...

...Король чешский может и даже должен поставить свой чешский народ во главу, а не в хвост, так чтобы он всегда был выше и никогда не был ниже. Отсюда следует, что чешский народ, послушный своему королю, должен быть в чешской земле превознесенным над всеми другими народностями и должен стоять во главе, а не во хвосте, всегда вверху и никогда внизу; отсюда следует, что и в Пражском университете чешский народ должен быть хозяином над чужими народностями...

В-восьмых, по отношению к настоящему времени отсюда следует то, что тевтонский народ, стремясь удержать за собою первенство и свое управление в Пражском университете при помощи права трех голосов против одного голоса, желает стать выше чешского народа, хочет быть во главе, а не во хвосте, вверху, а не внизу, а своим неповиновением повелению короля противится как евангельскому примеру, так и эдикту короля, и потому никоим образом это желание тевтонского народа не может быть уважено.

В-девятых, всемогущий бог, под угрозою вечного осуждения, повелевает не пожелать имущества ближнего своего. Между тем владеть первенством, первым местом, первым и большим голосом и вообще первенством в управлении чешской землею — все это собственность ближнего, т. е. чехов, или чеха. Отсюда тевтонский народ, желая завладеть всем этим у чехов, противится вышеприведенной заповеди божией.

Далее, и естественный закон гласит: «чего не хочешь себе, того не делай и другим, а чего себе хочешь, то и им делай». Между тем народ тевтонский вовсе не желает того, чтобы чешский народ имел первенство в Вене или в Гейдельберге, чтобы стоять там во главе и всюду вверху; напротив, сам желает владеть там первенством над народом чешским. Отсюда, сообразно с первым положением, он не должен домогаться первенства в чешской земле и стать во главе и вверху, а сообразно с вторым положением должен желать, чтобы чешский народ в своей чешской земле был возвышен над остальными народностями и стоял во главе, а не во хвосте и всюду был вверху, а не внизу...

...Таким образом, если тевтоны хотят, чтобы чехи, живущие в тевтонской земле, не нарушали тевтонского порядка, не присваивали их голосов и привилегий и не усиливались стать вверху и во главе, то пусть и они так же относятся к чехам в чешской

земле. Затем, церковные и гражданские законы повелевают доморордцам [чехам] обладать чужими, распоряжаться ими и относиться к ним, как к рабам. Отсюда, чешский народ в своем чешском королевстве должен обладать чужими народами, распоряжаться ими и только терпеть их, как рабов по отношению к коренному населению, потому что чужие не наследники земли и им не может принадлежать права господства над коренными народами чешского королевства, связанными между собою узами [племенного] родства... Чешское колено в своей чешской земле должно спокойно управляться своими законами без помехи со стороны тевтонов, как некогда оно и управлялось. Потом [Золотая] булла непобедимого князя, блаженной памяти Карла IV, римского императора и чешского мудрейшего короля гласит следующее: «Особенным расположением души мы объемлем чешское королевство и, заботясь о возвышении его всеми нашими силами, мы задумали почтить его так, чтобы наши верноподданные обыватели этого королевства, непрестанно жаждущие плодов учения, не вынуждались попрошать о чужой милостыни в этом, но чтоб сами имели свою собственную богато приготовленную духовную трапезу наук, и люди, одаренные природным остроумием души и наиболее способные к советам (участию в управлении государством) стали бы истинно образованными вследствие знания наук», и т. д. Вот две цели яснейшего короля и ревностного чехофила: первая — чтобы обыватели чешского королевства не попрошали о науках в чужих землях, и вторая цель, чтобы стали истинно образованными и способными к участию в управлении, так как по своей природной склонности обыватели чешского королевства участвуют в советах своим князьям и тем вспомоществуют благу королевства. Дальнейшие слова Золотой буллы предупредительно прибавлены непобедимейшим королем из опасения пред тем, чтобы иностранцы не оторвали целого или только части чешского королевства: «пусть доморордные обыватели чешского королевства считают своею славою приглашать и иностранцев к участию в своей роскошной духовной трапезе». Вот король говорит: «приглашать иностранцев к участию». Ныне же, напротив, оказывается, что иностранцы приглашают самих хозяев — чехов — к этому участию, потому что захватили в свои руки некоторые важнейшие части управления, бенефиции (доходные статьи) и коллегии. Но чтобы в университете не происходило ссор и иностранцы не могли бы господствовать над обывателями чешского королевства, Карл IV в Золотой булле своей прибавил также следующее: «Мы устрояем и учреждаем все те льготы, какими обыкновенно пользуются доктора и студенты в Парижском и Боннском университетах, и достигнем того, чтобы все эти права сохранялись нерушимо». А так как в Парижском и Боннском университетах коренное население королевства владеет тремя голосами и само заведует главным управлением в этих университетах, то, в силу благочестивого и мудрого распоряжения яснейшего князя

и короля Вацлава, чешский народ ныне имеет получить в Пражском университете три голоса во всех университетских совещаниях, судах, экзаменах, выборах и всех других суждениях и распоряжениях.

Между тем, против этого дара яснейшего князя его королевского величества [короля Вацлава IV] строит свои нарекания тевтонская народность; во-первых, ссылаясь на то, что уже много лет в Пражском университете продолжается обычай владения тевтонской народности правом трех голосов и преобладания ее над чехами, и, следовательно, как утверждают тевтоны, яснейший король не имеет права изменять этого обычая; во-вторых, тевтонская народность ссылается на то, что никогда не было у чешского народа права на три голоса и, следовательно, будто не должно ему и ныне владеть тремя голосами...

Но поелику вышеприведенное положение: «чехи должны владеть правами и привилегиями над иностранцами и должны стоять во главе, а не во хвосте, в совещаниях, судах и остальных делах университета» — есть истина и вполне ясна, то, очевидно, этой истине должен уступить оный обычай, по коему иностранцы завладели правами чехов в чешском королевстве. Удержаться этому обычаю не поможет никакая давность, ибо, как говорит святой папа-мученик христов Киприан: «Неправый обычай — не что иное, как застарелое заблуждение; посему, оставив заблуждение, последуем истине!» Таким образом, этот святой папа повелел оставить старинные заблуждения и последовать истине. Но поелику передача иностранцам преимуществ пред своими обывателями королевства чешского в совещаниях и в остальном сказанном выше есть заблуждение, а правду составляет следующее: «чехи должны стоять во главе, а не в хвосте, должны сами управлять иностранцами, а не состоять под их управлением», то, оставив первое, как заблуждение, мы последуем второму. Теперь вполне ясно опровержение наше первого нарекания со стороны тевтонов. На второе нарекание тевтонов отвечаю указанием на отсутствие в нем последовательности. Ибо из того, что «никогда не было в обычае, чтобы чешский народ владел правом трех голосов», не следует, будто «непозволительно ему и в настоящее время владеть этим правом», — подобно тому, как из положения: «никогда не бывало, чтобы чешский народ отказывался от повиновения папе Григорию XII» — не следует вовсе, будто «и ныне невозможно ему отказаться от повиновения этому папе», на самом же деле это вполне возможно. В данном примере первая посылка противоположна второй, и заключение, конечно, ошибочное.

Далее тевтоны приводят следующее (третье) возражение: «В папской и королевской грамотах не сказано нарочито о том, чтобы чешский народ имел три голоса; а потому он не должен их иметь». Но в этом мудровании нет смысла, как например, и в следующем: «В грамотах папы и короля не говорится о том, что король Вацлав будет иметь в Чехии подданных трех народностей;

следовательно, он не должен иметь в чешской земле трех народностей». Первое положение здесь правильно, но заключение — ошибочное.

В-четвертых, Тевтонский орден приводит следующее возражение: «После наставшего согласия между чешским и тремя иностранными народами, каждый, вновь записываясь в университетскую книгу, приносит присягу в том, что ни один народ, ни несколько народов не будут начинать распри и ссоры против другого народа или народов ради какой-либо привилегии или чего другого, кроме тех случаев, когда имеет или имеют на то очевидное право, даруемое грамотами или привилегиями со стороны пап или королей». Действительно, в этой присяге особенно благоприятно для чехов условие: «Кроме тех случаев, когда имеет или имеют на то очевидное право, даруемое грамотами или привилегиями со стороны пап или королей». Чешский народ, принимая дар короля Вацлава, не нарушает этой присяги, ибо он вовсе не начал никакой распри против других народностей или против тевтонского народа, но, с благодарностью принимая дар яснейшего короля, желает по праву владеть тремя голосами. С другой стороны, буллою короля Карла IV народу чешскому, действительно, дается привилегия приглашать иностранцев к участию в своей роскошной ученой трапезе (духовной). В Золотой булле говорится так: «Пусть чехи считают своею славою приглашать иностранцев к... участию в этой роскоши (трапезы духовной). Отсюда, пусть иностранцы успокоятся и будут благодарными за то, что их столь любезно принял к себе чешский народ». Далее, народу чешскому в Золотой булле дается еще другая привилегия, о которой булла гласит следующее: «Дабы наши верноподданные обыватели чешского королевства, жаждущие плодов наук, не вынуждались попрошать у других о помощи, но чтобы сами имели в своем королевстве приготовленную духовную трапезу к духовному напитанию и те, кто наделен от природы особенною остротою духа, при помощи обучения наукам, стали наиболее способными к делам [государственного] управления». Вот две цели, о которых говорит славнейший князь и король Карл: первая — чтобы верноподданные обитатели королевства не попрошали о чужой помощи, и вторая — чтобы наука сделала их образованными и способными к совещаниям [о государственных делах]...

В-пятых, тевтонская народность приводит нарекания на чешский народ, будто последний впадает в грех клятвопреступления, если примет право трех голосов. Но тевтонский народ не может доказать основательности этого нарекания. Ибо каждый член Пражского университета присягал в споспешествовании благу университета, а благо университета и заключается в том, чтобы коренные обыватели королевства имели в своих руках управление университетом, как это доказано нами выше...

...Потом, Пражский университет не имеет права ничего утвердить против постановлений и планов короля, и если б постановил

что-либо подобное, то это было бы совершенно бесполезным, неправильным и напрасным. Между тем, вполне ясно, что намерением князя, славнейшего государя нашего, было — возвысить и почтить чешское королевство и его обитателей пред иностранцами, так как в своей булле он говорит следующее: «поелику снова и снова с особенным усердием мы заботимся,... о возвышении [чешского королевства], мы задумали почтить его». Но так как честь и благо принадлежит, конечно, не камням и дереву, а обывателям чешского королевства, то ясно, что государь имел в виду честь и благо [коренных] обывателей чешского королевства пред остальными временными обитателями его. Отсюда — Пражский университет не может и не мог по праву установить или утвердить ничего вопреки намерениям короля [Карла IV] и его буллы, изложенной выше. Но так как претензия тевтонов на то, чтоб «именно они имели три голоса над одним голосом чешского народа и стояли во главе чешского народа вверху, а не внизу», стоит в противоречии с возвышением и честью чешского королевства, чехов, — то Пражский университет не имел права постановить и утвердить претензии тевтонов вопреки намерениям короля [Карла IV].

В-шестых, Тевтонский орден ставит следующее возражение: «в первое время по основании Пражского университета верховная власть и управление в университете принадлежали тевтонским профессорам, и именно они распределили голоса по народностям, так, как хотели. Следовательно, и поныне мы имеем право делать то же самое, а народ чешский должен, подобно слуге, подчиняться тевтонской народности...»

Если чехи в начале учения и были самыми молодыми в науках и вследствие этого уподоблялись слугам тевтонов, то, будучи наследниками чешского королевства, оставались в таком служебном по отношению к тевтонам положении только до времени, установленного отцом, т. е. государем, который так говорил чехам: «Потерпите немного. Когда возрастете в науках, сами будете господами и истинными наследниками». Но так как ныне, с помощью божией, наступило исполнение времен, ибо чешские учители размножились более иностранных учителей и возвысились над ними познаниями в науках и своими способностями, то чехи теперь уже не слуги, но сыны, а как сыны, и — наследники, с помощью божией.

Отступите же вы, мнимые правители и хранители, заботящиеся только о собственной своей пользе среди наследников этого королевства! Пусть господствуют в своей земле сами наследники, коим принадлежит наследство, во веки веков! Аминь.

2. ПИСЬМО ЯНА ГУСА ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ ВЛАДИСЛАВУ[1]

Милость спасителя Иисуса Христа [да будет с вами] в управлении народом и достижении живота славы.

Наияснейший государь! Великую радость я почувствовал, услыхав о том, что ваша ясность, изволением всемогущего бога, заключила мирный договор с светлейшим государем, королем угорским Сигизмундом; и ныне вместе с народом [чешским] я молю бога о том, чтобы он удержал вас — обоих государей и подвластные вам народы — на пути правды. Но для этого, наияснейший государь, кажется мне, весьма нужным как для вашего величества, так и для его ясности короля Сигизмунда, равно как и для всех вообще князей, изгнать ересь святокупства [симонии] из ваших держав. Ибо невозможно надеяться на искоренение ее каким-либо другим способом, так как она влила свой яд всюду в такой мере, что трудно найти такое место, где бы можно было встретить духовенство и народ не пораженным ересью святокупства. Кто ныне рукополагает в сан епископский бескорыстно, ради славы божией и ради спасения своей души и народа? И кто ныне из чистых побуждений, ради этих трех добродетелей, принимает епископский сан, фару [приход] или какую-либо церковную бенефицию? Я желал бы видеть многих таких, которые бы принимали священный сан не ради самого сана или людской приязни; но едва ли уже не сбывается пророчество Иеремии: «От наименьшего до наибольшего все подвержены корыстолюбию; от пророка и до священника все вообще обманщики».

. . . .

Наияснейший государь! Наше симонийствующее, гордое, распутное и разнузданное духовенство обвиняет меня в ереси, дабы унизить меня в глазах народа и осудить. Но надлежит ли мне вследствие этого замолкнуть [прекратить проповедь евангелия]? Нет! Пусть это будет далеко от меня!

Горе мне, если буду молчать! Лучше умереть, чем остановиться на пути лукавствия, потому что этот путь сделал бы меня участником неправды, а затем — и ада. От чего да сохранит господь славы и ваше королевское величество, благочестно царствующее над своим народом. Писано в день св. Варнавы 1412 г. Магистр Иоанн Гус, недостойный священник христов.

---

[1] Это послание написано по поводу заключенного перемирия после войны польского короля Владислава II с королем угорским Сигизмундом. Выражая свою радость по поводу мира, магистр просит короля Владислава изгнать из Польши ересь симонии, столь распространенную в римско-католическом духовенстве Польши.

3. ОХРАННАЯ ГРАМОТА, ВЫДАННАЯ СИГИЗМУНДОМ ГУСУ

Сигизмунд, божьей милостью римский августейший король, Угорский, Далматский, Хорватский и т. д...

Почтенные, знаменитые, знатные и верные милые!

Достойного уважения магистра Иоанна Гуса, баккалавра святого богословия и магистра искусств, предъявителя настоящей грамоты, едущего в самом скором времени из королевства Чешского на вселенский собор в город Констанц, приняли мы под наше и Священной империи покровительство и охрану с полной приязнью вам всем и каждому из вас поручаем его, требуя, чтобы вы его, когда он к вам прибудет, по долгу изволили приветливо принять, ласково с ним обходиться, и в том, что касается скорости и безопасности его путешествия как по суше, так и по воде, оказали ему помощь и расположение, и чтобы вы предоставили ему с его слугами, конями и другими отдельными его вещами идти, останавливаться, пребывать и возвращаться через всякие дороги, пристани, мосты, земли, панства, судебные округа, города, местности, замки, деревни и всякие иные свои места без всяких платежей, сборов, пошлин и избавили его от всякого иного бремени платы и устранили вообще всякие препятствия и ему и его людям, когда будет нужно, по долгу изволили бы верных и надежных провожатых, ради чести и уважения к нашему величеству.

Дано в Шпейере, лета 1414, октября в 18 день...

4. ПРЕНИЯ НА КОНСТАНЦСКОМ СОБОРЕ ПО ДЕЛУ ЯНА ГУСА

Отрывок из письма-отчета итальянского гуманиста Поджо Браччолини

Автор письма был направлен в Прагу, чтобы передать там Гусу приглашение на Констанцский собор. Вместе с Гусом Поджо прибыл в Констанцу, где, присутствуя на заседаниях собора, был очевидцем бурных прений, которые предшествовали вынесению смертного приговора. Как явствует из выступления Поджо на соборе, он до знакомства с Гусом являлся его противником, а после знакомства превратился в горячего сторонника великого реформатора и мыслителя.

Поднялся [с своего места] председатель собора, несколько раз поклонился королю и собравшимся отцам и прочел имена всех, имевших право голосовать, с обозначением сана, местожительства каждого, а также с обозначением и обществ, давших уполномочия своим посланникам на собор: города, княжества, аббатства (монастыри). Он перекликал каждого, чтобы удостовериться в действительном присутствии в заседании собора. Всех имевших право голосования, кроме короля, оказалось 88 лиц...

Врагам чеха [Гуса] хотелось сегодня же непременно [без помехи] достигнуть своей цели, потому что дрова уже были приго-

товлены для костра и облиты смолой заботами Аммона Вейкля из Бунтенска, который особенно радовался случаю сделать приготовления к зрелищу иллюминации.

В строгом порядке по старшинству [сана и] лет, месяцев и даже дней возраста голосовали ответами «да» или «нет» на следующие три пункта:

1) Еретик или не еретик Иоанн Гус из Гусинца в своих учениях и новшествах?

2) Имеют ли право собравшиеся во имя папы и короля отцы собора присудить Гусу наказание? и

3) Какого именно наказания заслуживает Гус оскорблением папы и святейшего таинства (евхаристии)?

На первый вопрос отозвался 51 голос в положительном смысле [т. е. что Гус — еретик].

На второй вопрос столько же.

На третий вопрос: 30 голосов отозвались в том смысле, что Гус не заслуживает никакого наказания; 10 голосов — за наказание церковным покаянием и 45 отцов подало свой голос за осуждение Гуса на смерть, если он не отречется от всего, что говорил в течение многих лет (в частных беседах) и открыто учил против церковных установлений.

После этого председатель собора предложил Гусу отречься от всего этого; но тот Чех [Гус], поднявшись, громко возгласил: «Я не намерен отступать от своего учения и веры в евангелие Иисуса Христа; с помощью божиею останется во мне и сила его, если не докажете противоположного [моим убеждениям] словами священного писания. Если же докажете мне это, тогда я стану прославлять [римскую] церковь, насколько хватит сил у моих уст».

Также и Сигизмунд [император] настоятельно и строго предложил Чеху отречься от своего учения. Тогда Гус стал на колена..., громко взывая к богу с просьбой просветить его сердце и мысль, указать ему путь правды и исправить его, если заблуждается и идет по неправому пути.

И была эта молитва его столь пламенною, что таковой я еще никогда не слыхал. Между тем многие легкомысленно смеялись над ним и нетерпеливо требовали голосований. Молящийся поднялся и молчал, не делая никаких замечаний на показания свидетелей, снова вызванных к тому. Сигизмунд глубоко и часто вздыхал; и красное лицо его становилось бледным, как белая стена храма. Глаза Сигизмунда постоянно блуждали кругом собравшихся, как будто бы он искал кого-нибудь или же боялся последствий тяжкой правды.

Наступила тишина. Тогда Гус [снова] начал говорить следующее: «Я обращался к богу, — сказал он, — с мольбою просветить духом святым смятенную душу мою, и не изменил своего намерения после того: не могу отречься ни от одного положения, написанного мною или же проповеданного. Но я отметаю от себя все то, что лживо высказали и представили против меня все эти сви-

детели. Присяга их — основа всего зла; все высказанное ими не имеет и тени правды — знает бог! Впрочем, я утешаюсь вместе с иными сынами правды, тоже оклеветанными лжесвидетелями и осужденными не за то, что неправо судили о таинстве причащения, не за убеждения их... о причащении мирян под одним или обоими видами, не за то даже, что так или иначе проповедовали против развратного духовенства, но за то именно, что говорили и учили против римского епископа, утверждая ту истину, что по своему чину он совершенно равен остальным епископам. Именно за это они были замучены и умерщвлены, как и сам испытаю это на себе со стороны учителей еретичества и слепых ревнителей [папства], высылаемых Римом».

После того поднялся страшный крик: посыпались на Гуса проклятия и послышались требования голосований.

Голосование происходило следующим порядком: сначала голосовали курфюрсты и их представители; затем князья, архиепископы, епископы. Далее представители краев и городов...

Курфюрст Людовик. Хотя я лично и враг всех новаторов в церковных делах, с неудовольствием переношу их..., но Гуса должно наказывать не иначе, как не посягая на его свободу, честь и жизнь, потому что: во-первых, он добровольно прибыл на собор с охранною грамотою императора и полагаясь на честное немецкое слово и, во-вторых, потому, что на все вопросы он отвечал прямо и без лести, изъявляя свою готовность отказаться от своего учения, если б доказали ему на основании св. библии неправоту его учений. Показаний, принесенных против него свидетелями, он не принял, объявив о подкупе их. Поэтому и подаю свой голос за освобождение Гуса и свободное увольнение его домой ответом «Да!».

Эйнбеккен [представитель Саксонского курфюрства]... Здесь, в Констанце, выставлено всему миру такое зрелище, которого наш брат [священник] должен стыдиться. Мы видели, как угрожали священники и миряне смертоносным оружием этому хранимому [богом] человеку, который безоружным пустился в путь по чужой земле; затем, без всякого расследования дела, бесправно ввергнули его в заточение, как убийцу; молитву его о просвещении с неба осмеивали, чего не допускают и язычники... Никогда бы я не поверил этому, если бы не видел собственными глазами; буду считать это событие позором... Вместо того, чтобы представить проповеднику свободу высказать свое учение, ему заграждали уста шумом и криком, дабы не дать возможности никому понять его желаний и стремлений... Каждому я привожу на память, что допущенное нами великое бесправие и нарушение неприкосновенности личности чужестранца может навлечь на все наше духовенство тяжкое наказание и месть, несравненно большие, чем мы можем и помыслить. Голосую за свободу, честь и жизнь. «Да!»

Кенгель [посланник Могучского курфюрства]. Мой князь

и господин... считает отпавшего от Рима заблудшею овцой, которую любезным и ласковым обращением надлежит возвратить к стаду. Если же он не послушает, тогда следует постепенно, сначала песчинками, потом и твердыми глыбами наказаний возвратить его. Если бы и это не помогло, тогда нужно предать его сторожевым собакам, чтобы они сломили упорство заблудшего. Пусть сначала острыми зубами коснутся его ушей, а потом схватят и горло. Гус — заблудшая овца; поэтому наивысший пастырь римский сначала щадил его, потом угрожал ему и теперь, наконец, прибегнул к наказанию ради сохранения остального стада своего. Я не чувствую сострадания к нему: удавить его! «Нет!»

Курфюрст кельнский. Тот, кто не слушается угрозы, должен послушаться метлы. Если не помогают и оба эти средства, как этому Чеху, тогда он уподобляется тому несчастному, коего должна удавить петля на эшафоте. «Нет!»

Пан из Хлюма. ...Все [римско-католическое духовенство] представляет собою презренную толпу кутил, паскудников и глупцов, поставляющих своим богам брюхо, а в своей жизни наблюдающих над собою менее, чем свинья в зеркале. Долго мы сетовали на это пред наивысшим пастырем; но, вместо исправления, дела ухудшились, а распоряжений и требований о денежных платежах [в пользу Рима] прибывало. Из-за неправедной войны с неаполитанским королем римский наместник прислал даже целую армию сборщиков во все христианские земли, а также и в Чехию, с таким распоряжением, что каждый, кто бы ни помог ему деньгами... получил прощение грехов не только настоящих, но и будущих. Вследствие сего в разумном нашем народе возникло неудовольствие, индульгенции были сожжены, а сборщики денег прогнаны... В Рим был приглашен к ответу достойный священник — старец. Полагаясь на правду своего ходатайства, он отправился туда, но уже не возвратился назад: исчезнул из числа живых. Трем другим священникам, одинаково с ним мыслившим, архиепископ повелел отсечь голову, сжечь и пепел бросить в реку Влтаву... Тысячам было назначено позорное наказание. . Против этой бесчеловечной жестокости восстал Гус, вследствие чего и приглашен сюда, в Констанцу, но с обещанием дозволить ему свободу слова перед отцами собора...

Именем своего короля и всех чехов я клянусь в том, что чехи страшно отомстят на храмах, монастырях и попах в случае дальнейших терзаний или смерти Гуса, что все это беззаконие в тысячу раз жесточе будет отплачено, чего вполне заслуживают безумные враги Гуса. Нарушен мир перед богом и людьми, и в крови папистов чешский гусь вымоет свои крылья. Кто имеет уши слышать, пусть услышит. Жизнь и свободу Гусу. «Да!»

Архиепископ Намеги. ... Хотя и надлежало бы осторожнее раскрывать крышу с этого дома греха [Рима], тем не менее Гус не допустил в этом смертного греха; смертный грех

приняли на свои души те, кто постепенно залепляли и заделывали окна света. Да живет Гус. «Да!»

Архиепископ Цельц. Того, кто ищет на земле ангела, посылайте на небо. Гус ищет на земле ангела. Окажите ему в этом свою помощь и отправьте его туда, где нужно искать. Пусть сегодня же он умрет. «Нет!»

Архиепископ лондонский. Если бы у этого чеха было десять жизней, тогда я взял бы у него семь жизней за его речи о таинстве причащения. Но и остальных трех жизней я не оставил бы ему: во-первых, за то, что он унижал наместника христова; во-вторых, за то, что обнажил духовенство, не оставив ему и клочка для того, чтобы прикрыть свою наготу, и, в-третьих, за то, что он сбил с пути много народа, предоставив народу право самому судить о делах веры; между тем народу спасительнее ничего не знать и простодушно [слепо] верить. Пусть сгинет этот чех! «Нет!»

Епископ бриксенский. Гусю не причинится зла, если его ощипать и испечь. Мы уже ощипали его. Пусть печется и сегодня же. «Нет!»

Епископ базилейский. Око за око, зуб за зуб. Гусь пусть печется. «Нет!»

Епископ журский. Подаю голос за свободу, честь и жизнь [Гуса]. Какую пользу получите вы, если гусь будет испечен, а перья его крыльев распространят сильные бури во всех землях? Перья его уже и здесь иногда охотно [с любовью] собираются. Собиратели доселе мочили их в чернилах — для сочинений в защиту Гуса. Если же вы прольете кровь Гуса, то они будут в ней обмакивать перья и писать его кровью будут с большей охотой, чем золотом... а камень, который мы хотим ныне бросить вверх, может упасть на наши головы «Да!»

Епископ эйхштедтский. При нынешнем голосовании нужно обращать внимание на прошедшее, настоящее и будущее. Спрошу я: какую пользу оказали церкви все прежние кровавые суды над еретиками, раскольниками и язычниками с самого начала этих судов? Решительно никакой! Поэтому я голосую не за смерть, а за полное сохранение Гуса... «Да!»

Епископ люттихский. Кто коснется короны папы, чрева священника, тот — дерзок; кто же проповедует простому народу библию — мечет бисер перед свиньями, и тем грешит против святого духа. Поэтому я проклинаю Гуса и, если он не хочет собрать поверженного им бисера, то пусть будет сожжен. «Нет!»

Епископ пассауский. Кто гасит свет, тот желает тьмы и сна Я считаю Гуса светом, озаряющим долгие зимние ночи в нашей церкви, и, думается мне, не должно насильно гасить этого света, потому что мы все уже очень долго спали. Ради своей чести я голосую за жизнь и свободу Гуса. «Да!»

Епископ констанцский. Шесть раз совершило солнце свое круговое путешествие с того времени, как здесь был сож-

жен последний еретик. Если завтра не сожжем Гуса, то послезавтра народ сожжет всех нас, здесь пребывающих. Пусть он умрет! «Нет!»

Климент Роган [посланник Страсбургского епископа]. Кровавых следов осуждения на смерть Гуса не смоет с нашего духовенства и Рейн. Напротив, вода его разнесет позор нами содеянной неправды и в далекие заморские страны. Что наследуют от нас наши потомки, если мы так явно оскверним свою честь... Пусть осуждаемый отыдет с миром. Богу он повинуется больше, чем людям. «Да!»

. . . .

После 24 выступавших за осуждение Гуса наступила очередь голосовать и мне... Я высказал следующее: «Великим несчастием я считаю для себя, достопочтенные отцы, то, что был послан на суд над Гусом, которого первоначально, вследствие своего ослепления, я считал опасным и преследовал. Но, услыхав его слова, я познал в его словах правду; в страданиях, в темничном заключении — его мужество; и я почувствовал в своем сердце великое расположение к нему... Так как я не заметил в нем и малейшего колебания, то умываю свои руки не оскверненными праведнейшею кровью его, которую вы, вероятно, прольете ради своего успеха и ради того, чтобы не обнаруживались впредь пороки духовенства... Голосую за свободу, честь и жизнь. «Да!»

Винценто Феррери. Уже несколько дней я присутствую на [соборных] заседаниях, но из всего [вашего] шума и болтовни я не вынес ни одного показания против Гуса, которого бы он не опровергнул. Вследствие этого вы не имеете права заточать его, оскорблять и поносить, а тем более сжечь. Да покроется вечным позором ваше обращение с ним; с пренебрежением плюю на оное. Если вы столько неправды чините живому древу, то что же будете делать с сухой ветвью? Вы ослепленнее слепорожденных, упорнее язычников, и ужели думаете, что с сожжением Гуса погибнет святая почва его учения? Нет! — скажу вам! Если своим пламенем вы сожжете колосья, возопиют камни; если же и камни расплавите огнем, тогда выльется из них стекло, которое в тысячах отблесков подаст вам свет правды, провозглашенной Гусом... Скажу вам: целые потоки невинной крови будут пролиты за него, и именно потому, что грех и неправду вы любите больше, чем правду, справедливость, мир и добродетели. Горе нам, горе всем вам, ищущим в смердящей яме скалу Петрову! Во имя всего святого..., во имя международного права я требую свободы, чести и жизни обвиняемому. «Да!»

Речь Феррерия разгорячила противников Гуса, они еще более ядовито, чем прежде, стали голосовать за смерть Гуса. Когда пересчитали все голоса, то оказалось, что за смерть Гуса было 45 голосов, не считая при этом голоса римского легата и императора Сигизмунда, который, выслушав окончательный результат, побледнел и затрясся, как будто бы должен был произнести

приговор над самим собою: он знал, что от него зависела свобода и жизнь Гуса. Гробовое молчание воцарилось под сенью храма, когда отзвучала последняя речь, и Сигизмунда спросили: «Ваше величество, император! Каково будет ваше окончательное решение: за учение Гуса или против. Признаете ли его еретиком, заслуживающим смерти?..» Вопрошаемый взволнованным голосом ответил так: «Продолжаю утверждать, что Гус — еретик и по праву вполне заслуживает смерти сожжением, если не отречется. Будучи верным своей королевской присяге, я не могу освободить его от наказания...» Сказавши это, он встал и хотел удалиться. Крупный пот выступил на его челе. Но римский легат Михаил Ле-Санзия приблизился к Сигизмунду, прося его задержаться, пока будет составлен и написан приговор, дабы он утвердил его своей подписью.

Тогда Гус мужественно спросил: «Ваше императорское величество, ужели вы можете так поступить в унижение своей короны и немецкой чести? Ужели сами уничтожаете свою охранную грамоту, утвержденную вашей печатью и подписью, беря на свою голову преступление и вероломство? Не о моей жизни речь, но о вашем честном имени и действительном величии, которое вы хороните заживо из-за боязни противиться безбожным осудителям моим!»

«Я действительно обещал тебе, еретик, безопасный проезд, но только сюда, а это ты получил. Обратного же пути я не обещал, даже меня и не просили об этом. Твое требование не основательно. Тебя осудил собор большинством голосов». Так ответил Сигизмунд.

Когда же легат подал королю кровавый приговор, Хлюм обратился к королю: «Государь! Не подписывай! Этим вы опозорите себя, и имя своего народа, и взвалите на себя укоризну за плач бесчисленных христианских сердец. Прошу вас во имя святой троицы не подписывать! Государь, государь! Кровавою скверною станет ваша подпись...»

По прочтении приговора поднялся крик: с одной стороны кричали о насилии, с другой — о виновности Гуса. Особенно богохульно вел себя лондонский епископ, сказавший Сигизмунду: «Уста детей и младенцев будут вечно хвалить тебя, государь, за то, что ты сокрушишь врагов веры». Отзывались голоса и против папистов: «Фарисеи, кровожадные псы, порождение ехидны...» Все были столь разгорячены, что ломали столы и бросали обломками их. Во время этого шума государь удалился. Мог бы удалиться и Гус, если бы захотел. Он, однако, возвратился в свою тюрьму. Когда в храме никого уже не было, противники Гуса хватились его. Они распорядились ударить в набат и сторожить городские ворота, чтобы он не мог убежать из города. Однако, войдя в тюрьму, они нашли Гуса, стоящим на коленях и усердно молящимся. Стражи не заперли даже дверей тюрьмы и любовались благородством души Гуса.

5. ПИСЬМО УЧАСТНИКА КОНСТАНЦСКОГО СОБОРА ГУМАНИСТА ПОДЖО БРАЧЧОЛИНИ ЕГО ДРУГУ ИТАЛЬЯНСКОМУ ИСТОРИКУ ЛЕОНАРДО ИЗ АРЕЦЦО

Когда я возвратился в Констанцу, то начался процесс Иеронима Пражского, которого называют еретиком и притом всенародно. Признаюсь, никого никогда не видел я, кто бы в судебном деле, особенно же там, где дело идет о жизни, так приблизился к красноречию древних, как Иероним. Чудно было видеть, какими словами, какими доводами, с каким выражением, с каким лицом, с какой уверенностью он отвечал противникам, и потом защищал свое дело...

...Когда он был приведен на собор и получил приказание отвечать на обвинения, он заявил, что должен прежде защищать свое дело, а уже потом отвечать на проклятия противников. Он утверждал, что прежде надо выслушать его защиту, а затем рассмотреть клевету противников. Когда же ему в этом отказали, он произнес следующие слова:

«Что это за несправедливость, по которой вы в течение 340 дней, проведенных мною в темнице, в нечистотах, в мерзости, в оковах, в лишениях, постоянно слушали моих завистников и гонителей, а меня не хотите выслушать в течение одного часа? Ваш слух доступен им, они столь долго убеждали вас в том, что я еретик, а мне не даете возможности защищать себя. Ведь таким образом вы осуждаете меня, как злого человека прежде, чем узнаете, каков я в действительности, при этом вы люди, а не боги, гадать, заблуждаться вы можете. Говорят, что здесь собрались светила мира, умнейшие люди на всем земном шаре. Тем более должны вы заботиться, как бы не сделать чего-либо поспешно, неразумно и против правды. Я, о жизни которого идет речь, я человек ничтожный. Но мне кажется, что будет очень худо, если мудрость стольких мужей решит мое дело несправедливо, и это причинит вред не столько делом, сколько примером».

Когда он все это говорил, шум и ропот часто прерывали его слова. Было решено, чтобы он прежде отвечал на обвинения в заблуждениях, ему приписанных, а потом уже говорил, что ему захочется. Ему начали зачитывать обвинительный акт по статьям, которые подтверждались свидетелями. Невероятно сказать, как умно он отвечал и как доказывал. Ничего решительно не сказал он, чтобы не было достойно доброго человека... Когда один из монахов, проповедник, сильно на него нападал, он сказал ему: «Замолчи, лицемер!» Когда другой клялся против него совестью, он отвечал ему: «Это вернейшее средство обмануть!» Одного главного противника он иначе не называл, как ослом или псом. В тот день нельзя было ничего решить, и суд был отложен. Когда, несмотря на сопротивление многих, ему дано было слово, он начал с обращения к богу, прося дать ему разум и слово, а потом сказал: «Знаю, что многие добродетельные мужи, подавленные

лжесвидетелями, были осуждены самым несправедливым судом». Тут Иероним привел в пример людей, осужденных по навету лжесвидетелей, как-то: Сократа, Платона, Анаксагора, Зенона, Рутилия и Боэция, — это из язычников. Переходя к церкви, Иероним указал на судьбу Моисея, Иосифа, Исайи, Даниила и почти всех пророков, Иоанна крестителя, самого Христа и всех апостолов. «Несправедливо, — заметил Иероним, — если священник без вины осуждается священником. Но что всего беззаконнее, если собор духовных осуждает духовное лицо». И он доказал, что такие примеры были. И так как все обвинение опиралось на свидетелей, то он многими доводами доказал, что эти свидетели не заслуживают веры, так как они выступали против него не из любви к истине, но из ненависти, недоброжелательства и зависти. Умы всех были тронуты и расположены к сожалению. Он упомянул, что добровольно прибыл в Констанц, изложил свою жизнь и действия. Он сказал, что издавна укоренился обычай иметь различные понятия о различных вопросах веры, что способствует истине и не может принести ущерба вере. Отвергнув свои мнимые заблуждения, придуманные другими, Иероним стал хвалить Иоанна Гуса, осужденного на сожжение, называя его человеком добрым, справедливым, святым и не заслуживающим смерти. Он изъявил готовность идти на казнь с твердостью. Казалось, что, упорствуя в своем мнении, он призывал смерть. Хваля Гуса, Иероним сказал, что Гус ничего не мыслил против церкви, но действовал против злоупотреблений клира, против гордости, сребролюбия и суетности служителей церкви, так как церковные имения, которые должны предназначаться, прежде всего, для бедных, а затем для гостеприимства, использованы были ради пиров, лошадей, собак, пышных одежд. Вот против чего восстал добрый человек! Часто слова его прерывались шумом и язвительными замечаниями. Он не оставил ни одного из них без ответа, и, возражая, заставлял краснеть и замолкать противников. Неустрашимый и твердый духом, он ни разу не устрашился криков. Стоял он твердый, бесстрашный, не презирая, но желая смерти, так, что ты назвал бы его вторым Катоном. На покаяние и на размышление дано ему было два дня. Многие ученые мужи приходили убеждать его отказаться от своих мнений. Но так как он продолжал упорствовать, то и осужден собором за ересь и предан огню. С веселым и открытым лицом он шел на казнь. Его не устрашил ни огонь, ни род смерти. Когда он прибыл на место казни, то сам снял с себя одежды и, упав на колени, поклонился колу, к которому был привязан. Сначала мокрыми веревками, потом цепью он был связан и голый прикреплен к колу. Затем до самой груди обложили его дровами и накидали между ними соломы. Когда же показалось пламя, он начал петь один гимн, который едва прерван был дымом и огнем. Но величайшее доказательство его твердости заключалось в том, что когда палач хотел зажечь костер сзади, чтобы он не видел, Иероним сказал ему: «Поди сюда,

зажги костер здесь, перед моими глазами, потому что если бы я его боялся, я не находился бы здесь!» Так погиб муж во всех отношениях... великий. Я присутствовал при его кончине, я видел его действия... Вот подвиг, который подходит несколько к подвигам древних.

6. НАЧАЛО ВЫСТУПЛЕНИЯ ТАБОРИТОВ

(Из современной хроники)

1) Создание табора.

Итак, следует отметить, что король Чехии по настоятельной письменной просьбе короля римского [1] и по настоянию папского легата [2] приказал изгнать из города Праги некоего Яна Есениц [3], из-за которого над городом больше года тяготел церковный интердикт [4], а прогнанных приходских священников приказал вернуть в их приходы; таким образом была восстановлена божественная служба в пражской и в других церквах. По-моему, это было в 1419 г. Видя это, виклефиты стали придумывать, как бы им расстроить этот восстановленный порядок, чтобы их секта не погибла от немилости короля. Они собрались во время пасхальных праздников на одной горе, отстоявшей на 500 или несколько больше шагов от замка Вехин, каковую гору они назвали Табором, вследствие чего эти сектанты позднее и были прозваны таборитами. Сперва на этой горе, через восемь дней на другой горе, а еще через десять или четырнадцать дней опять на новой горе они собирались торжественно на свои сходбища, и на протяжении четверти года число их увеличилось настолько, что в их зловредном обществе насчитывалось до 50 000 чел., не считая женщин и детей. Сойдясь в субботу, в день святой Марии Магдалины [5], на вышеуказанной горе Табор, они единодушно согласились на том, что скорее готовы претерпеть смерть, чем вынести душевные терзания в случае, если бы они сошли с избранного ими пути.

2) Народное движение против немецко-католической церкви

В течение этого же 1419 г. и двух последующих лет табориты выступали во многих местах, опустошая города и местечки, монастыри, обители, странноприимные дома, разрушая церкви

---

[1] Таков был официальный титул Сигизмунда как главы Священной Римской империи до коронования его императорской короной.

[2] Уполномоченный римского папы при дворе какого-либо государя или вообще в какой-либо стране.

[3] Деятель гуситского движения, магистр свободных искусств и доктор прав Пражского университета.

[4] Запрет совершать церковные службы и религиозные обряды в месте пребывания того лица, из-за которого наложен интердикт. Одна из мер борьбы католической церкви со своими противниками.

[5] 22 июля.

и алтари, а некоторые из них и сжигая, и беспощадно убивая застигнутых там верных сынов католической церкви... Они разрушали до основания все богато обеспеченные королями и князьями обители и монастыри, расположенные как в сельских местностях, так и в городах Чехии, за исключением лишь двух. Я прохожу молчанием разрушение монастырей, расположенных в сельских местностях маркграфства Моравии.

В тех городах, предместьях и местечках, которые держат в своей власти виклефиты, они разгромили и сравняли с землей все обители нищенствующих монахов, за исключением одного лишь францисканского монастыря св. Иакова, который мучители не допустили громить, а превратили его в склад для хранения зерна и плодов.

Все, что здесь рассказывается о захвате городов и разгроме монастырей, происходило после смерти короля Чехии Венцеслава[1]. При его же жизни была разрушена одна единственная обитель нищенствующих монахов доминиканского ордена в предместье Глатова да в Пильзене, Саце, Луне шесть или семь обителей доминиканского и францисканского орденов.

3) Попытка вмешательства короля Сигизмунда

Король, принимая во внимание, что эти сектанты таборитского согласия множатся свыше меры, и опасаясь их заговора против своей жизни, так как они, несомненно, устроили бы его и давно убили бы короля, если бы подвернулся случай, — решил вступить в борьбу с их учениями; спохватившись, хотя и поздно, он расспрашивал и советовался насчет того, какими способами ему раздавить это ехидное, повсюду распространяющее свой змеиный яд содружество и очистить от вышеназванных сектантов подвластные ему земли. Советовался и расспрашивал он весьма настойчиво, но безуспешно; пока была возможность, он не хотел действовать, а когда захотел, то оказался лишенным возможности довести дело до конца. Среди своих советников он нашел немногих ему верных, не зараженных виклефитской ересью и не ставивших покровительство таборитскому обществу выше почтения к королю и исповедания католической веры. Полагаясь на поддержку этих своих верных, хотя и немногочисленных советников, король решил для усмирения и обуздания тех, кто в своем буйном своеволии поднялся против декретов святого Констанцского собора[2], провести такую меру сперва в Новом городе Праги, а в дальнейшем имел в виду сделать то же самое и в Старом городе и на Малой стороне Праги, назначил новых городских советников, мужей честных, справедливых и верных сынов католической церкви, надеясь, что они смо-

[1] Венцеслав, или Вацлав, сын императора Карла IV, король Чехии с 1378 по 1419 г. После его смерти чешская корона перешла к его брату, королю, потом императору Сигизмунду.

[2] Имеются в виду декреты собора против гуситской ереси.

гут достигнуть каких-либо хороших результатов в отношении сошедших с истинного пути, хотя эти последние, как говорит Соломон, с трудом поддаются исправлению. Таким образом, эти мужи, вступив в должность членов городского совета, стали работать с неослабной энергией над тем, как добиться прежде всего того, чтобы простой, неученый народ не прилеплялся впредь к своим учителям и вождям, вернее сказать, соблазнителям, а скорее пришел бы в повиновение королю и закону, обнародованному святым Констанцским собором. Благодаря верной службе королю новых советников король узнавал от них о всех тайных планах таборитов, принятых ими в вышеупомянутый день праздника Марии Магдалины на горе Табор, и получил предупреждение о выступлении, которое должно было произойти в ближайший праздник св. Венцеслава близ Нового замка в окрестностях Праги, так как в нем в это время постоянно проживал со своим двором король. Ведь эти советники имели своих разведчиков на названной горе, которые присоединялись к таборитам, прикидывались их собратьями по секте и таким образом старались разузнать то, что их интересовало. Ввиду того, что они предостерегали короля о грозящих ему опасностях, а также вследствие насильственного изгнания из церковно-приходских школ учившихся там до сих пор детей гуситов, через восемь дней после праздника Марии Магдалины бургомистр, три городских советника, судья с несколькими бывшими вместе с ними горожанами — все эти известные в городе лица, общим числом 13 или 14 были безжалостно убиты...

4) Начало гуситских войн

В воскресенье, 30 июля, некий Ян, бывший монах Цистерцианского ордена [1], говорил проповедь в этот день в одном пражском храме и этой проповедью возбудил слушавший его народ к мятежному выступлению против городских советников и всех их ревностных сторонников... По окончании этой злосчастной проповеди, так часу в третьем, этот Ян устроил процессию к церкви св. Стефана, что в Новом городе Праги, неся с собой в ковчеге тело христово в сопровождении многочисленной толпы, вооруженной мечами и палками... [2]

Толпа осадила ратушу Нового города, выломав двери, под-

---

[1] Этот Ян известен в истории под именем Яна Желивского, так как монастырь, в котором он раньше был монахом, был в городе Желиве. Цистерцианский орден, к которому принадлежал Ян Желивский, известен был, начиная с XII в., своей колонизаторской деятельностью за Эльбой.

[2] Момент начала вспышки замалчивается автором анонимной хроники. Судя по данным хроник Лаврентия из Бржезовы и Николая Пильгржимова, собранным у Ф. Палацкого (в конце ч. I, т. III его «Истории Чехии»), этот момент рисуется в таком виде: когда процессия во главе с Яном Желивским проходила мимо ратуши Нового города, члены городского совета вместе с их слугами загородили дальнейший проход и подвергли участников процессии

нялась наверх в ратушу и выбросила из окон сверху на землю бургомистра Николая Подвинского с тремя советниками, судьей, тоже по имени Николай, и несколькими горожанами, причем некоторых из выброшенных предварительно рассекали мечами и пронзали копьями.

После того как это дьявольское и злосчастное избиение стало известно королю, последний пришел в сильное замешательство, что же касается города Праги, то не весь он был смущен этим событием вместе с королем. Ведь очень многие радовались этому печальному кровопролитию и ликовали от этого весьма дурного дела, в особенности городские советники Старого города Праги, за исключением пятерых из них... Что же касается советников Малой стороны города Праги, то как будто все они без исключения, а также многие другие обитатели и окрестные жители всех трех городов [1] и большая часть придворных короля и королевы явились соучастниками этого достойного проклятья человекоубийства, так как они и подавали советы и оказывали помощь убийцам.

По этой причине непосредственным исполнителям убийства было позволено остаться безнаказанными и гулять на свободе, в то время как согласно требованиям правосудия они за совершение этих злодеяний должны были без всякого промедления понести заслуженное суровое наказание. И, наконец, народ в Новом городе, опираясь на поддержку таборитов, самочинно выбрал в городской совет новых советников, или скабинов [2], а во главе их поставили в качестве бургомистра некоего известного еретика из мирян, по имени Петр и по прозвищу Гус.

7. ЧЕТЫРЕ ПУНКТА, ИЗ-ЗА КОТОРЫХ ЧЕХИ ОКАЗАЛИ СОПРОТИВЛЕНИЕ КОРОЛЮ

Во-первых, пусть слово божие проповедуется священниками свободно и беспрепятственно, как подобает согласно слову спасителя: «Идите по всему миру и проповедуйте евангелие всей твари». И никто не должен запрещать употребление любого языка для проповеди в церкви божией.

Во-вторых, пусть таинство божественной евхаристии [3] сво-

насмешкам и оскорблениям. Говорили также, будто из окон ратуши бросали камнями в Яна Желивского. Участники процессии, очевидно, дали знать своим единомышленникам, и те вооруженными отрядами поспешили на выручку с разных сторон. Эти отряды под предводительством рыцаря Яна Жижки и бросились на штурм ратуши Нового города.

[1] В XV в. термин «город Прага» был собирательным именем для обозначения трех самостоятельных городских общин (Старый город, Новый город и Малая сторона), в разное время возникших и пользовавшихся каждая специальными правами и вольностями.

[2] Собственно, это заседатели городского суда, в данном случае, видимо, было соединение в одном лице двух должностей.

[3] То-есть таинство причащения.

бодно преподносится под обоими видами, а именно — под видом хлеба и вина всем верным Христу, не отягощенным никаким смертным грехом, согласно изречению и наставлению спасителя, который сказал: «Примите и вкушайте, сие есть тело мое; и пейте ее все, сия есть кровь моя нового завета, за многих изливаемая».

В-третьих, пусть отнимется и упразднится у духовенства право собственности на мирские богатства и блага, которым оно обладает вопреки наставлению Христа, во вред своему служению и к ущербу для светской власти; и пусть само духовенство возвратится к той апостольской жизни по евангелию, которою жили Христос со своими апостолами, согласно слову спасителя: «И, призвавши 12 апостолов, послал их с таким предписанием и словами: не обладайте ни золотом, ни серебром, ни деньгами в местах вашей деятельности» (евангелие от Матфея, X глава). «Будем довольствоваться, если есть у нас пища и есть чем тело прикрыть» (из посланий апостола Павла: послание к Тимофею, гл. VI).

В-четвертых, пусть все смертные грехи, особенно вызывающие общественный соблазн и другие непорядки, противные закону божию и совершенные представителями какого бы то ни было сословия, подавляются и искореняются подобающим образом теми, кому это ведать надлежит. Достойны смерти не только совершающие эти грехи, но и потакающие им, а грехи эти среди мирян следующие: блуд, чревоугодие, воровство, человекоубийство, ложь, клятвопреступление, занятие промыслами с мошенническими и надувательскими целями, занятие волшебством, корыстолюбие, ростовщичество и прочие тому подобные [грехи]. Среди духовенства же такими грехами будут ересь, именуемая симонией, денежные поборы за совершение таинства крещения, за конфирмацию[1], за исповедь, за совершение таинства причащения, за елеeосвящение, за венчание, денежные таксы за заказные обедни, за заупокойные обедни, за молебны, за помин в годовой день смерти и пр., за погребение и изгнание бесов, за освящение церквей, алтарей, часовен, за получение пребенд и бенефициев[2], за получение духовных званий как высших, так и низших, денежные поборы при куплепродаже индульгенций и все бесчисленные, возникающие отсюда и оскверняющие церковь христову ереси. Нечестивые и неправедные обычаи, как-то: бесстыдные сожительства, дающие незаконнорожденных сыновей и дочерей, и другие мерзости, гнев, ссоры, пререкания, вздорное и произвольное сутяжничество с простыми людьми, терзающее и разоряющее этих по-

[1] Так называется первое причастие, которое в римско-католической церкви дается лишь подросткам.

[2] Пребенды — доходы с церковных имуществ, шедшие на содержание духовенства; бенефиции — церковные имущества, главным образом земли, приписанные к той или иной церковной должности.

следних, ненасытное взимание платежей, выпрашивание пожертвований и бесчисленные вымогательства у простых людей путем лживых обещаний. Все это вместе и по отдельности взятое пусть каждый преданный Христу раб божий и верный сын матери своей церкви обязуется преследовать и в себе самом и в других и как самого дьявола ненавидеть и клеймить, однако не нарушая ни в чем порядка и не роняя своего звания. Если же кто-либо приписал бы нам помимо этого нашего благочестивого и святого намерения какое-либо безнравственное и чрезмерное стремление, пусть того считают верующие во Христа за лживого и несправедливого свидетеля, так как в сердце нашем нет другого желания, кроме как из всех сил и при всякой возможности угождать господу Иисусу Христу и верно следовать и выполнять его закон и заповеди и эти 4 католические статьи.

Защищая евангельскую истину по долгу каждого доброго христианина, мы с помощью предоставленной нам светской власти должны как жесточайшему тирану и антихристу оказать решительное сопротивление всякому дурному противнику и кому бы то ни было, кто вздумал бы нападать на нас за это и вопреки богу отвращать нас от такого доброго намерения и преследовать нас за него. А если бы из-за преступления кого-либо из нашей среды произошло что-либо дурное или скандальное, то мы заранее заявляем, что это случилось бы безусловно помимо нашей воли; ведь мы стоим за то, чтобы искоренить всякого рода преступления. А если бы в отношении какого-либо лица или церкви причинен был с нашей стороны имущественный ущерб или телесное повреждение, это значит, что мы вынуждены были к этому или крайней необходимостью, или защитой закона божия и себя против тиранического насилия. Однако же мы заявляем, что если кто-либо будет считать, что мы поступаем неправильно, мы изъявляем полнейшую готовность исправиться, выслушав поучение из священного писания.

8. НИЗЛОЖЕНИЕ КОРОЛЯ СИГИЗМУНДА И ОРГАНИЗАЦИЯ ГУСИТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Мы... открыто признаем этим самым, что после того как мы осознали многие и разнообразные крупные бедствия — бури, опустошения и пожары, насилия и прочие неурядицы, которые были вызваны в нашем чешском королевстве отсутствием единства воли, разума и ревности к истинам, ясно провозглашенным священным писанием, и которые приковывают к себе все наше внимание, — наш долг требует превратить этот непорядок в порядок, а бури в тишину и согласие и тем самым восстановить и поддерживать всеобщее благо этого королевства. Поэтому мы и созвали общий сейм чешской земли, на котором мы обязались быть в согласии, и единодушно обсудили и за-

ключили настоящий договор, в силу коего мы устанавливаем и решаем следующее.

Прежде всего мы хотим охранять и оборонять нижеуказанные божеские истины с единодушием и полным рвением против всякого, кто вздумал бы препятствовать или вредить нам в их осуществлении или захотел бы насильно вырвать их у нас; мы хотим их исповедовать совместно с нашими подданными и защищать их на деле, за исключением того случая, если бы мы еще лучше того были научены священным писанием, против чего возразить были бы не в состоянии ни пражские магистры[1], ни священники. Содержание этих истин выражается в следующем. [Далее следует сокращенное изложение знаменитых 4 пражских статей, полный текст которых приведен выше.]

В-пятых, венгерский король Сигизмунд, который со своими пособниками больше всего причиняет нам вреда, — ведь от его несправедливости и жестокости все чешское королевство потерпело большой урон, — не должен считаться или приниматься нами, пока мы живы или он, как король или как наследник чешской короны, носить которую он стал недостоин вследствие своего недостойного поведения; разве только на то была бы божья воля и дали бы на то свое согласие пражские магистры, чешские бароны, таборитские общины[2], рыцари, рядовые воины, города и прочие чешские общины, которые приняли или примут истины, в вышеуказанных статьях содержащиеся. Ведь король этот известен своим презрительным отношением к этим святым истинам, о которых часто упоминается и которые ясно доказываются священным писанием. В случае, если бароны, дворяне, города или какие-либо общины пожелали бы все-таки отколоться от баронов и дворян, преданных сказанным божественным истинам, и перешли бы на сторону короля и оказали бы ему помощь советом или делом без согласия на то пражской общины, баронов, дворян и других вышеназванных общин и если они после добросовестно доказанных увещаний как письменных, так и через специальных посланцев все-таки не пожелали бы немедленно покинуть короля, на них налагается... наказание.

В-шестых, мы сообща и единогласно наметили из нашего круга 20 мудрых, стойких и верных людей [следует перечень лиц, выдвинутых для управления Чехией[3]] для управления и

---

[1] То-есть ученые Пражского университета.

[2] Эти общины в ходе войны должны были приспособиться к задачам этой последней. Они разделились на двоякого рода общины: полевые (военные) общины и домашние общины. Последние оставались дома, занимались ремеслом и сельским хозяйством, работая на себя и на полевые общины. Полевые же общины были заняты исключительно военным делом. Они всегда стояли под оружием.

[3] В этом списке 4 лица являются представителями города Праги, 5 — представителями баронов, 2 — таборитских общин, 5 — рыцарства, 4 — представителями остальных городов и прочих чешских общин.

руководства верховными делами чешского королевства. Этим должностным лицам, правителям и директорам всем вместе дали мы и даем в силу этого полную власть и права для управления, умиротворения и для всяческого успокоения чешской земли, для прекращения споров, разногласий и непорядков всякого рода, возникших и возникающих в чешском королевстве среди общин и отдельных лиц, и обещаем исполнить с несокрушимой верностью, без всякого злого коварства, все то, что вышеназванные директора и правители решили бы сообща и единогласно или, по крайней мере, большинством голосов обеих сторон[1] принять, сделать или высказать, или если бы они приказали кому-либо из нас честно и без промедления взяться за дело, вести его и выполнить до конца; в особенности обязуемся повиноваться им в том случае, когда от нас всех или от некоторых из нас потребовалась бы спешная помощь и защита отечества и других стран; при этом мы обещаем в первую очередь лично за себя быть в готовности со всеми нашими силами и выполнять все их распоряжения там, где будет приказано нам находиться.

К этому каждый из нас обязывается, за исключением того случая, когда имеется серьезное основание для невыполнения, и оно было бы принято во внимание теми правителями; но эта власть должна рассматриваться всегда как исходящая от нас, как нами руководимая и получающая от нас директивы. Согласились также на том, что если бы кто-нибудь захотел уклониться от присоединения к этому договору и к благословенным, вышеозначенным статьям, его должно принудить к этому решением вышеуказанных правителей, а если бы некоторым из этих последних довелось вызвать неудовольствие избравшей его общины, эта община может избрать другого на его место. Точно так же директора во всех тяжелых случаях, которые они не были бы в состоянии или не сумели бы решить ни сами, ни по предписанию закона божия, должны пригласить к себе 2 духовных лиц: магистра Яна Пржибрама[2] и священника Яна, пражского проповедника[3], выслушать их добрый и правильный совет и воздавать каждому по праву и справедливости. Было прибавлено далее, что правители и директора не должны вверенную им вышеуказанным порядком власть удерживать долее, чем до ближайшего праздника св. Венцеслава, за исключением того случая, если бы мы в течение этого времени получили с божьей помощью короля. Каждое вышеуказанное сословие должно поэтому оставаться при своих учреждениях и вольно-

---

[1] Повидимому, здесь разумеются, с одной стороны, представители баронов и Праги (т. е. чашники), с другой — представители рыцарства и прочих городов и общины (табориты).

[2] Видный гуситский богослов, один из известных «чашников».

[3] Это Ян Желивский, известный нам по той роли, которую он сыграл в Пражском восстании 1419 г. (см. «Начало выступления таборитов»).

стях, но так, чтобы каждый придерживался вышеприведенных четырех статей, разве только вышеназванные общины единогласно выскажутся специально по данному поводу и на основании этого захотят принять другое решение.

9. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ТАБОРИТОВ

В это время[1] не будет на земле ни королей, ни властителей, ни подданных, исчезнут все подати и налоги, никто никого не будет принуждать к чему-либо, ведь все одинаково будут братьями и сестрами.

Как в городе Таборе нет «моего» и «твоего», но все общее, так и всегда должно все быть общим для всех и никто не должен иметь отдельной собственности, а кто таковую имеет, повинен в смертном грехе.

Сообразно с этим они находят нужным учить, что не подобает впредь ни иметь короля, ни выбирать себе такового, но что теперь сам бог хочет быть королем над людьми, и правление должно быть передано в руки народа; что всех господ, дворян и рыцарей следует ниспровергнуть и уничтожить, как неправильно растущие деревья в лесу; что должны быть уничтожены теперь подати, налоги и платежи вместе со всякой княжеской властью и светским владычеством; что должны быть отменены все княжеские, земские, городские и крестьянские права как выдумки людей, а не дело божие; и что даже прежний закон божий во многих его разделах, например, в разделах о терпении, о повиновении королям и господам, а также о податях и т. д., должен быть признан недействительным, так как каждый будет иметь закон божий написанным в своем сердце.

10. РЕЛИГИОЗНОЕ УЧЕНИЕ ТАБОРИТОВ

Тому, о чем ясно не сказано и не написано в библии, христиане не должны верить и за то не должны держаться, и кроме библии не следует никогда читать для поучения и проповеди никаких сочинений святых докторов или каких-либо магистров и светских мудрецов: ведь это люди, которые могли ошибаться; поэтому кто изучает семь свободных искусств, или добивается стать магистром этих искусств, или же допускает, чтобы его величали магистром семи свободных искусств, тот подражает язычникам, является суетным человеком и впадает в смертный грех против учения Христа.

Обедню не следует петь ни по-латыни, ни на каком-либо другом языке, кроме народного языка, и следует совершать ее

---

[1] То-есть во время «второго пришествия» Христа на землю, в которое горячо верили наиболее экзальтированные религиозные мечтатели из таборитов.

в обычном платье и во всякое время, выпуская все прочее, кроме благословляющих слов, так как их произнес сам Христос, так, а не иначе, должна совершаться обедня.

Каждая церковь, каждая часовня и каждый алтарь, выстроенные не во имя бога, а во имя какого-либо святого, должны быть разрушены или сожжены как места идолослужения.

Никто не должен ни изготовлять, ни иметь, ни почитать изображений небесных или земных предметов или какую-либо картину, ведь это было бы идолопоклонством [1].

Никто не должен молить и призывать святых на небе о помощи или заступничестве у бога, ведь это было бы идолослужением.

Мощи и останки святых не следует ни хранить в церквах их имени, ни почитать их, как священную память об этих святых.

После телесной смерти души христиан не имеют ни времени, ни места для их очищения, и не следует верить ни в какое чистилище.

Бесполезно и неразумно молиться, поститься и подавать милостыню за упокой душ умерших, и таким образом не должно быть никаких заупокойных обеден и всенощных.

Сорокадневный пост, посты в равноденствие, всенощные по пятницам и другие всенощные бдения не должны соблюдаться, как установления антихриста, но в эти дни всякому надлежит есть мясо или что ему заблагорассудится.

Священники, не возведенные в епископский сан, могут, если того пожелают, выбрать или поставить священника своим епископом, а этот последний может посвящать во священники дьяконов или мирян.

Ни один священник, который впал бы в смертный грех или какую-либо ересь, не имеет права благословлять тело и кровь Иисуса Христа или крестить или отпускать грехи.

11. ПИСЬМО ЯНА ЖИЖКИ ЗНАМЕНИТЫМ ХРАБРЫМ БРАТЬЯМ БАРТОШУ И БЕРНАРТУ ИЗ МЕНЬШЕГО ТАБОРА В ВАЛЕЧЕВЕ

(26 марта 1423 г. из Вилемова)

Erben Výbor z literatury česke, т. II, стр. 181—182. Archiv česky, т. III, 1944 г. стр. 302.

Да сподобит вас с нами пребывать в милости духа святого и просветить сердца и разум наш ради сына всемогущего. Возлюбленнейшие братья в господе боге! Даю вам знать, что ныне

[1] Впрочем, в других пунктах своего учения табориты, по словам Палацкого, допускали изображения на монетах, печатях и знаменах, а также картины светского содержания.

[нахожусь] в Вилемове и прошу приехать ко мне одного из вас, чтобы вместе побеседовать о чистоте и милости нашего господа, бога всемогущего. И даю вам знать, что я [действую] с таборскими как один человек, и они добровольно согласились подчиняться мне везде, и я приказал собирать поле и сопротивляться. И в ваши города посылаю, чтобы все верные были ныне с великой ночи в среду или крайний срок в четверг у Немецкого Брода. Чтобы покаяться в чем согрешили, и по совету божьему и его святому закону и советам бедных и богатых в правде отца нашего, бога всемогущего, стоять как один человек против неверных лицемеров своих и чужеземцев. Также даю вам знать, что князья выехали прочь из страны. И чтобы не заключали перемирия с господином Ченеком, хотя бы имели [перемирие] с другими соседями возле тебя. Об этих делах, бог даст, поговорим. Дано в Вилемове в шестой праздничный день после возвещения Марии девы славы.

Ян Жижка из Калиха.

12. ПИСЬМО ЯНА ЖИЖКИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ ГЕТМАНАМ И ОБЩИНЕ ГОРОДА ДОМАЖЛИЦ

(Без даты)

Erben Výbor z literatury české, т. II, стр. 279—280.

Дай бог, возвратиться к первоначальной любви, снова совершать достойные поступки. Возлюбленные братья в боге! Просим вас во имя господа бога, чтобы вы возлюбленнейшие сыновья его, пребывали в страхе божьем, не сетуя на наказания от него и помня о распространении веры нашей господа Иисуса Христа, злу, которое совершается немцами, храбро сопротивлялись, не исключая старых чехов, если только они не могут, клонясь к земле, не только в божьем состязании, но и за себя биться. А мы, любимые братья, заботясь о добром законе божьем и общинном, должны проявить больше рвения, чтобы каждый человек поднялся и взял в руки дубину. А поэтому, милые братья, даю вам знать, чтобы собирали людей со всех сторон против врагов божьих и губителей земли Чешской; поэтому вы накажите священникам, чтобы на проповеди поднимали народ на борьбу против антихриста, и сами на рынках призывайте, чтобы все, которые могут, старые и молодые, были готовы подняться каждый час. А мы к вам, бог даст, скоро придем, только имейте хлеб, пиво, корм для коней приготовленный и все воинское оружие; ибо настало время [борьбы] не только против внутренних [врагов], но и против чужеземцев. Поэтому, надеясь на бога, будьте готовы. Господь бог сподобит усилить вас.

Ян Жижка из Калиха, правитель народа таборского

13. ВОИНСКИЙ УСТАВ ЯНА ЖИЖКИ И ЕГО СТОРОННИКОВ

Erben Výbor z literatury české, т. II, стр. 271—278.

Милостью и даром отца и господа бога всемогущего, принимая и сохраняя освящение истинное, неизменное, провозглашенное и обоснованное правдой и законом божьим: во-первых, чтобы слову божьему всюду дали свободу проповеди, не исключая никакого места, и слово его, в своих сердцах с любовью принимая, действительно исполняли и держали, а потом и других к нему вели и учили. Во-вторых, чтобы тело и кровь господа нашего Иисуса Христа, бога всемогущего, все принимали с страхом, с благочестием, с благоговением, не меньше как раз в неделю, старые и молодые, дети тотчас же после крещения и затем все дети, никого не исключая, чтобы их к тому лучше принуждали и побуждали. В-третьих, чтобы священники жили по заповедям сына божьего, господа Иисуса Христа и по правилам апостольским, а дары их и имущество, приобретенное симонией, уничтожали и портили с помощью божьей. В-четвертых, чтобы сами в себе прежде всего уничтожили, вывели и прекратили грехи смертные и простые, а затем в королях, в князьях, в панах, в мещанах, в ремесленниках, в барщинниках и во всех людях мужского и женского пола всех поколений, никого не исключая, ни старых, ни молодых, и все с помощью господа бога всемогущего. А кто бы эти статьи вышенаписанные держать и их действительно вести и исполнять, им помогать, защищать и оборонять не захотел, того, никого не исключая, не хотим терпеть среди себя; и в войске, с божьей помощью, и в замках, в крепостях, в городах, в огороженных и открытых местечках, в деревнях и во дворах, никакого места не минуя, не исключая, всюду напоминать, советовать, побуждать, подгонять к тому доброму с помощью господа бога нашего. А поэтому движение, преисполненное доброго духа, ведите и разумейте, что все вещи этого света являются преходящими и исчезающими, а правда господа Иисуса Христа, бога всемогущего, остается навеки.

Мы, брат Ян Жижка из Калиха, Ян Рогач из Дубы... и др. [следует перечисление ряда имен], гетманы, паны, рыцари, паноши, пуркмистры, консулы и все общины панские, рыцарские, паношские, городские, никого не исключая и не оговаривая, мы все выше названные [обращаемся] ко всем и всех просим, чтобы было законное повиновение, ибо из-за неповиновения и незаконных действий мы имели большие потери в братьях и в имуществах и часто терпели бесчестие от врагов божьих и наших; дабы с помощью божьей и вашей и всех верных не имели потерь предостерегшись этими правилами.

Во-первых, если нужно выступить из какого-либо города или двинуться из какого-либо места, чтобы расположиться лагерем в поле, пусть никто впредь... не совершает поездки, выбирая сам

себе место и делая по собственному произволу остановки по дороге и нигде в поле не располагается без разрешения и приказа относительно места, со стороны старших гетманов, которые на то выделены и назначены будут.

А если же кто выступит и расположится по-иному или остановится без приказа старших, то пусть он будет казнен и пусть будет учинена расправа и над его имуществом и над его жизнью, как над неподчинившимся, кто бы он ни был, какого бы ни был он звания без исключения... Затем до того как двинуться с места, прежде чем приказывать и совершать какие-либо дела, нужно прежде всего помолиться богу, преклонить колена перед телом божьим и перед иконой божьей... дабы господь бог всемогущий позаботился дать свою помощь и предстоящую брань привести к святой своей хвале и к умножению добра, а верным к спасению и помощи. После этого пусть люди готовят или строят каждую роту под своей хоругвью, пусть дается пароль и пусть затем каждая рота начинает движение и выступает так, чтобы роте, которая будет в тот день назначена идти во главе отряда, другие роты не мешали и не препятствовали, и двигались бы все вместе, не отставая. А если, чего не дай бог, в походе из-за неосторожности или мешканья, на караулах, в поле или среди стражей, где кому было поручено и доверено старшими или общиной, будет понесен какой-либо урон, пусть гетманы и все общины, то видя, казнят (повешением) и накажут конфискацией имущества виновных, будь то священник, пан или какой-либо другой человек, кто бы он ни был без исключения. А если же господь бог даст врагов превозмочь и поразить, городами, замками, крепостями овладеть, либо в поле какую-либо добычу взять, чтобы те доходы и добыча, будь то много или мало, были собраны, свезены и в кучу сложены, куда будет старшими указано. А для этого нужно выделить и избрать старших из всех общин, панских, рыцарских, городских и барщинных, чтобы правильно и справедливо произвели раздачу и раздел тех вещей среди бедных и богатых, по заслугам, чтобы никто сам себе не брал и никто ничего не прятал. Но если же кто взял что-нибудь или спрятал и это добросовестно засвидетельствовано, с тем следует расправиться и с его жизнью и с имуществом как с вором бога и общины, кто бы ни был, никаких лиц не исключая, будь то священник, пан, рыцарь или панош, горожанин, ремесленник или крестьянин. Чтобы никаких ссор, криков и драк в войске [не было]. Если же кто кого ранил, сделал хромым или убил, пусть накажут его по закону божьему, как повелевает господь бог, никого не исключая, невзирая на лица. Далее, если кто-нибудь, какого бы ни был он возраста, когда мы были в походе или стояли в поле, спрятался или ушел, или уехал из войска без разрешения старших, и не будет иметь пароля, и если будет схвачен, то постановляем расправиться с его жизнью и имуществом, как с неверным вором. Также не хотим терпеть среди себя неверных, непослушных, лгунов, воров, игро-

ков в кости, разбойников, грабителей, пьяниц, сквернословов, распутных, прелюбодеев, распутниц и прелюбодеек, и всех явных грешников и грешниц; таких всех хотим мы гнать от себя и преследовать и расправляться с ними с помощью святой троицы по закону божьему. Полагает также брат Жижка и другие паны гетманы, рыцари, паноши, мещане, ремесленники и барщинники, выше поименованные и все общины с помощью божьей всех таких негодных людей наказывать и убивать, с наказанием изгонять, бичевать; резать и убивать, преследовать, вешать, топить, жечь и всеми мщениями, которые подобают для злых по закону божьему, мстить, никаких лиц всех состояний, мужского и женского пола не исключая. А если мы будем так поступать, сохранять и исполнять вышеупомянутые спасительные правила, господь бог будет с нами со своей святой благодатью и помощью; ибо, борясь за дело божье, хорошо так поступать, по-христиански: в страхе божьем жить, свои желания, потребности и надежды господу богу непоколебимо без сомнения отдавать, ожидая от него вечной награды. И просим вас, любимые общины, и всех князей, панов, рыцарей, паношей, мещан, ремесленников, барщинников, крестьян и людей всех состояний и особенно и прежде всего верных чехов, чтобы с этими хорошими правилами согласились и нам в том советовали и помогали. А мы хотим за вас опять также стоять, действовать и мстить, за господа бога, за его святое мученичество, за освобождение правды закона божьего, за святых и их прославление, и в помощь верным святой церкви и особенно языку чешскому и славянскому и всему христианству, к возвышению верных и к поруганию упорных и явных еретиков, лицемеров, преступников, дабы господь бог всемогущий нам и вам удостоил дать свою помощь победить врагов своих и наших и [пожелал] за нас с вами бороться своей властью и не оставлять нас своей святой милостью. Аминь.

14. О ВОЕННОМ ДЕЛЕ У ТАБОРИТОВ

Они располагались с находившимися при войске женщинами и детьми на поле, так как у них имелось множество повозок, которыми они имели возможность огородить себя и укрепить, наподобие вала и стены. Когда они шли в бой, то выстраивали повозки в два ряда, между которыми помещали пехотинцев; конников же они ставили снаружи перед повозками, не на далеком расстоянии от них. Перед началом боя, по данному командиром сигналу, быстро окружали какую-либо намеченную часть неприятельского войска; после окружения повозки снова смыкались, и, таким образом, враги, стесненные и зажатые между повозками, не имея возможности получить от других своих отрядов помощь и защиту, либо падали под ударом мечей пехотинцев, либо их поражали пулями и пиками мужчины и женщины на повозках. Конники сражались перед повозками; если

враги делали на них мощный натиск, они медленно отступали за свои повозки и оборонялись там, как в укрепленном стенами городе, и таким способом они выигрывали много битв и одерживали победу. Ведь соседние народы не знали этого способа ведения войны, а чешская земля с ее обширными ровными полями по природе своей давала достаточно возможностей выстраивать рядами телеги и повозки, пускаться с ними врассыпную по полю и вновь соединять их.

Польша X—XV веков

Введение

Раздел открывается документом, относящимся к начальному периоду формирования польского государства. Это известие современника о князе Мешко — первом исторически известном польском князе и его дружине. Здесь заслуживает внимания как свидетельство о многочисленности дружины, так и очень характерное описание взаимоотношений между князем и дружиной, основанных еще полностью на началах персональной связи и носящих своеобразный патриархальный характер. Эти отношения отражают первоначальную, зародышевую стадию процесса выделения служилой знати. Свидетельством дальнейшего быстро прогрессирующего классового расслоения общества, превращения прежних дружинников князя в крупных землевладельцев и развития классовой борьбы в феодализирующемся обществе является *документ 2,* содержащий летописный рассказ о крестьянском восстании в Польше в 30-х годах XI в. Восстание это было вызвано закрепощением крестьян крупными землевладельцами-феодалами и ростом феодальной эксплоатации. Необходимо обратить внимание на имеющиеся в обоих летописных источниках сведения об антикатолическом характере восстания. В Польше, как и в других славянских странах, насильственное насаждение католицизма шло рука об руку с развитием феодальных отношений и было одним из важнейших факторов закрепощения крестьянства. Сами католические епископства и монастыри были крупнейшими феодальными землевладельцами, эксплоатировавшими тысячи крепостных крестьян. Неудивительно, что ярость народных масс была обращена прежде всего против католического духовенства.

Документ 3 свидетельствует о том, что феодалы добивались от польских государей иммунитетов, т. е. права суда над населением своих владений. Таким образом власть феодалов над крепостными все увеличивалась.

Документ 4 — локационная грамота XIII в. — показывает одну из форм проникновения в Польшу немцев, которым вследствие близорукой и своекорыстной политики польских королей и магнатов легко удавалось добиться здесь привилегированного положения. Польские феодалы, стремясь повысить свои доходы, не только охотно предоставляли немцам земли для поселения, но и специально привлекали на свои земли немецких колонистов, обещая им различного рода льготы. Важнейшими из этих льгот были: предоставление земли в вечное пользование, освобождение от повинностей на первые несколько лет после поселения и предоставление права судиться по немецким, а не польским законам. Устройство такого поселения феодал обычно поручал одному человеку, которому он передавал всю предназначенную для поселения землю и который уже сам в качестве уполномоченного землевладельцем лица делил эту землю на участки и раздавал их колонистам. Этому основателю колонии, так называемому осадчику, или солтысу, как это видно из грамоты, феодал уступает также свои административные и судебные права над поселенцами, вплоть до права «рубить голову и члены тех, кои в упомянутой деревне провинились бы». Сам же солтыс мог быть судим только равными ему, т. е. другими солтысами. К этому нужно еще прибавить наследственность должности солтыса. Разумеется, все это приводило к усилению немецкого влияния и расшатывало государственную независимость Польши.

Летописный рассказ о татарском нашествии на Польшу (*документ 5*) не требует комментариев. За ним следуют два отрывка из повествовательных источников (*документы 6* и *7*), описывающие деятельность польского короля Казимира III. Первый отрывок рассказывает о строительстве городов и замков при Казимире III, второй — о его политике по отношению к крестьянству, за которую недовольные паны прозвали его «мужицким королем». При использовании этого документа необходимо разъяснить, в чем заключались подлинные мотивы и сущность этой политики. Казимир III старался ограничить произвол помещиков по отношению к крепостным крестьянам и часто выступал в роли защитника крестьян от их помещиков. Но он это делал не в силу своей справедливости и гуманности, как это изображает автор хроники. Казимир III не в меньшей степени, чем другие короли, был представителем господствующего класса феодалов и правил в интересах этого класса. При Казимире III, так же как и при его предшественниках и преемниках, польское государство было орудием классового господства феодалов над эксплоатируемым крестьянством. Но Казимир III старался не допустить полного разорения крестьянства, понимая, что это в корне подорвало бы основы финансовой и военной мощи государства. Этими соображениями и была обусловлена «мужицкая» политика Казимира.

Далее следует группа документов, связанных с борьбой польского народа против немецкой агрессии в XIV—XV вв. Как известно, агрессия Тевтонского ордена, угрожавшая в равной степени независимости Польши и Литвы, была главной причиной, вызвавшей польско-литовскую унию. В хрестоматии даны отрывки из текста Кревской унии 1385 г.

Согласно условиям Кревской унии, великое княжество Литовское должно было быть присоединено к Польше и стать ее составной частью. Но благодаря позиции литовских бояр, возглавляемых великим князем литовским Витовтом, инкорпорация не была проведена в жизнь. Литва сохранила свою независимость, и союз принял характер династической унии (*документ 8*).

Следующий документ (*9*) содержит описание того, как в 1410 г. соединенные силы русских, поляков и литовцев одерживают решительную победу над Тевтонским орденом у Грюнвальда.

Нам думается, что преподаватель поступит правильно, если перед рассказом об этом сражении напомнит учащимся историю постепенного проникновения в Польшу немцев, начиная с 1226 г. (в этом году немцы были приглашены польским удельным князем Конрадом Мазовецким для борьбы с пруссами). Как этапы постепенной колонизации и подчинения Польши и Литвы следует назвать такие факты, как, например, захват в 1309 г. польского Поморья с Гданьском (Данцигом), угроза независимости Литвы. Попутно следует указать на тот факт, что открытие сухопутного доступа немцам в Прибалтику и к русским землям также было результатом предательской политики Конрада Мазовецкого.

Далее следует рассказ о растущих стремлениях поляков и литовцев к объединению, — отсюда уния 1385 г. И, наконец, битва при Грюнвальде.

Описание битвы, данное Длугошем, дает возможность учителю составить яркий и образный рассказ. Очень хорошо передает Длугош то нетерпение, которым были охвачены славянско-литовские ополчения[1] перед боем.

Следует использовать эпизод с появлением перед польским королем двух герольдов магистра фон Юнинского. Можно процитировать речь одного из герольдов, обращенную к польскому королю, произнесенную при вручении мечей от магистра ордена.

Далее следует описание битвы, которое учитель легко может использовать при изложении в классе событий, связанных с Грюнвальдом. При рассказе о Грюнвальдской битве неплохо было бы продемонстрировать схему этого сражения. Схему эту можно найти в очень распространенной

---

[1] В битве против немцев принимали участие русские, поляки, чехи, литовцы.

брошюре Лапина и Турчинского «Грюнвальдская битва» (Воениздат, 1939, стр. 32).

Если учитель достаточно хорошо продумал и понял эту схему, основной ее смысл (без деталей) легко воспроизвести на доске во время рассказа. Можно также схему приготовить заранее.

При описании разгрома рыцарей обязательно следует указать, что от окончательного разгрома рыцарей спасла нерешительность польско-литовских руководителей войска. Это продлило несколько существование Немецкого ордена.

Очень важно отметить роль русских хоругвей в победоносном походе Грюнвальдского боя.

Они одни, как свидетельствует Длугош, в этот день в войске Витовта стяжали славу за храбрость и геройство в сражении *(см. документ 10)*.

Последний документ — послание Яна Гуса королю Владиславу по поводу победы при Грюнвальде — должен быть использован учителем как яркое свидетельство солидарности славянских народов в борьбе против немецкой агрессии.

* * *

Высказывания классиков марксизма по истории Польши X — XV вв.

Маркс, Хронологические выписки, т. I («Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 74, 77, 95, 97, 104—105, 345—348) и т. II («Архив Маркса и Энгельса», т. VI, стр. 129, 196—200, 246—247, 376, 393). Маркс и Энгельс, Соч., т. VI (Прения по польскому вопросу во Франкфурте, очерк I).

* * *

Введение к разделу написано В. А. Немировским.

1. ИБРАГИМ ИБН-ЯКУБ О ПОЛЬШЕ X в.

(Rocznik Towarzyctwa Przyjaciól Nauk, Poznán, 1887)

Ибрагим Ибн-Якуб—испанский еврей, купец-путешественник (mercator cursorius), живший в X в., рассказывает о польском князе Мешке I (960—992).

Донесение Ибрагима помещено в «Книге путешествий и стран», испанско-арабского ученого Аль-Бекри (XII в.).

§ 2. 1. А имеет он [Мешко] 3 тыс. дзра[1], а это воины, одна сотня которых равна десяти сотням других. И он этим людям дает одежду и коней, и оружие, и все, что им надо.

2. А когда у кого-нибудь из них родится ребенок, то он [Мешко I] сразу же после рождения ребенка назначает ему содержание, независимо от того, мужского или женского рода ребенок. А когда он становится совершеннолетним, то женит его, если он мужского пола, и платит за него свадебный подарок отцу невесты...

5. А брак происходит по воле их князя, а не по их выбору. И князь заботится о их расходах и покрывает свадебные расходы. И является он как бы заботливым отцом по отношению к своим подданным[2].

2. ВОССТАНИЕ КРЕСТЬЯН В ПОЛЬШЕ XI в.

(Летопись так называемого Галля, книга 1, § 19)

Эксплоатация масс феодалами вызывает восстание этих масс. От польского летописца Галля-анонима (начало XII в.) мы узнаем о крестьянском восстании в Польше в 30-х годах XI в.

...Рабы восстали против своих господ, освобожденные невольники против благородных мужей, забирали их жен... и преступно захватывали высокие [государственные] должности. Кроме того, покидая католическую веру, о чем мы не можем говорить без плача и рыдания, они подняли бунт против епископов и священников; некоторых из них подвергли якобы лучшей смерти, убивши мечом, других, якобы достойных худшей смерти, убили камнями.

Русский летописец Нестор говорит о вышеприведенных событиях следующее:

...И было большое волнение в ляхской земле; люди, восстав, убивали епископов и попов, и бояр своих, и было у них волнение.

---

[1] Дзра, вероятно, значит дружинник.

[2] Речь идет, конечно, только о дружинниках князя.

3. ИММУНИТЕТНАЯ ГРАМОТА

О судебных правах Топорчиков и Старжов

(Kodeks dyplomatyczny Wielkopolski, т. II, стр. 667)

В XII в. в Польше, раздробленной на феодальные поместья, растет значение духовных и светских вельмож. Они добиваются от князей иммунитетов. Такие иммунитеты получали церкви, монастыри, епископы, вельможи в течение XII, XIII и XIV вв.

Приводим отрывок привилегии, в которой король Казимир III подтверждает двум польским родам Топорчиков и Старжов права, полученные ими при прежних государях.

...Господин Ян Плаза предстал [пред нами] и просил наше королевское величество, чтобы мы соизволили подтвердить их [т. е. Топорчиков и Старжов] право, которое они давно имели от своих предков, что он теперь и доказал при помощи достоверных свидетелей. Поэтому мы... даем и подтверждаем всем Топорчикам и Старжам и их законным наследникам названное право во всех их поместьях, где они их теперь имеют или в будущем могут иметь, в том, что ни сам король, ни судья, ни подсудок, ни какой-либо судебный чин не должны судить ни крестьян, ни слуг названных господ, а только они сами, а именно Топорчики и Старжи и их законные преемники должны судить их крестьян и слуг, а именно — казнить, вешать, пытать огнем и т. д.

4. ЛОКАЦИЯ ДЕРЕВНИ «НА НЕМЕЦКОМ ПРАВЕ»

(Kodeks dyplomatyczny Wielkopolski, т. II, стр. 46)

В XIII в. в Польше (а также в Чехии и Венгрии) идет немецкая колонизация. Монастыри, церкви, вельможи и сами князья польские, располагая огромным количеством земли, приглашают из Западной Европы колонистов (главным образом из Фландрии и Германии) и предоставляют им землю. Землевладельцы заключают с колонистами в лице солтыса (основателя деревни, на латинском языке — scultetus, по-немецки — Schultheis) договор, в котором определялись их права и обязанности. Колонисты получали в вечное пользование землю, обыкновенно по одному лану на хозяйство. Вначале землевладелец обязывал солтыса не принимать в свою деревню польских крестьян. Но так как труд лично свободных колонистов был более производителен, нежели труд крепостных, польские феодалы сочли выгодным наделять и польские деревни «немецким правом». Приводим документ для иллюстрации прав и обязанностей крестьян, пользовавшихся «немецким правом».

...Мы, граф Ян, сын Чехослава из Галева, вместе с братом нашим Войцехом желаем, дабы дошло до сведения каждого из современных и будущих, которые увидят эту грамоту, что наше поместье, называемое повсюду Радлино, мы отдаем Мартину, именуемому «из Станева», и его законным наследникам для локации на немецком праве, на том именно праве, которым пользуются горожане и город Новый Тарг; согласно договору жители названной деревни должны будут платить ежегодно с каж-

дого малого лана[1] 2 меры пшеницы, 4 меры ржи, 6 мер овса по пыздрской мере, вярдунек серебра, имеющий хождение, и этот чинш они будут обязаны привозить на наш ближайший двор. И чтобы те, которые обрабатывают [землю] в названной деревне, могли выплатить это, все они получают 9 лет, свободных от всяких даней и платежей. Упомянутый же М[артин], солтыс, и его наследники будут по праву локации свободно владеть седьмым ланом со всем правом и властью, какие мы имеем в наших [имениях]. Солтыс и его потомство получают в названной деревне в свою пользу 2 сада со всем чиншем и доходом и третью деньгу[2] с каждого судебного дела. А кроме того, дали мы упомянутому М[артину], солтысу, и его наследникам право совершенно свободно строить в этом поместье мельницы, сколько найдут нужным; они могут свободно владеть харчевней, мясной лавкой, прудом, а тоже продавать сукно. Даем М[артину], солтысу, право судить, рубить голову и члены тех, кои в упомянутой деревне провинились бы. Притом, если бы нам кто-нибудь подал жалобу на солтыса, он не будет иначе отвечать, как только перед другим солтысом по немецкому закону. Кроме того, мы желаем, чтобы упомянутый М[артин], солтыс, и его наследники могли беспрепятственно охотиться на зайцев, куропаток, фазанов, ловить рыбу в водах упомянутого поместья, в любой части. Наконец, упомянутые крестьяне должны нам доставлять воз с двумя лошадьми для похода. Церкви же тоже даем два свободных лана. А дабы кто-либо из потомков наших не осмелился легкомысленно нарушить нашу дарственную запись, законно составленную, мы сию грамоту нашей печатью подтвердили.

Дано в Козминке 1291 г.

5. ВЕЛИКОПОЛЬСКАЯ ЛЕТОПИСЬ О ТАТАРСКИХ НАБЕГАХ

(Из «Monum Polon. hist.», т. II, стр. 561)

71. О первом нашествии татар на Польшу и Венгрию.

Года господня 1241 Батый, татарский король, с ордой татар, диким и неисчислимым племенем, шел через Русь с намерением напасть на Венгрию. Но прежде чем достичь венгерской границы, он направил часть татар на Польшу. И разорили они дотла город Сандомир и Сандомирскую землю, и убивали они народ, не щадя ни пола, ни возраста. Потом через Вислицу они напали на Краков, учинив великое опустошение. Загородили им [дорогу] под Ополем Владислав, опольский князь, и Болеслав, сандомирский князь, и сражались с ними. Но по воле божьей, не будучи в состоянии противостоять силе вражеской, обратились они

---

[1] Большой или франкский лан равняется 45 моргенам, малый или фландрский лан равняется 30 моргенам; морген — около 1/2 *га*.

[2] Третью часть дохода.

в бегство. Затем эта татарская орда, ограбив Серадз, Ленчицу и Куявы, дошла до Силезии. Тут, при городе Лигнице, Генрих, сын Генриха Бородатого, князя Силезии, Кракова и Великой Польши, во главе многих тысяч рыцарей крепко загородил им дорогу и смело сразился с ними, уповая на божескую помощь. Но волею господа, который часто карает верных за грехи, достопочтенный сей князь потерял 4 тыс. рыцарей и сам погиб. Погиб тогда и князь Болеслав, называемый Шепеткой. Самому же Батыю, татарскому королю, как только он вторгся в Венгрию, загородили [дорогу] венгерские короли, два брата Коломан и Бела, но, потеряв в битве много своих, бежали. И шел Батый, опустошая Венгрию, убивая людей, знатных и простых, не щадя ни пола, ни возраста, и переправился за реку Дунай. Сидел он в этом королевстве больше года, производя над народом ужасные насилия и жестокий грабеж городов.

6. КАМЕННАЯ ПОЛЬША

(Janko z Czarnkowa, стр. 628)

О короле Казимире III (1333—1370) говорили, что он застал Польшу деревянной, а оставил ее каменной.

Приводим отрывок из мемуаров современника Казимира Янко из Чарнкова, который рассказывает о строительстве городов и замков в Польше при Казимире.

Этот король правил государством лучше всех польских князей, ибо он, как второй Соломон, отличился тем, что строил города, дома и замки. Прежде всего он украсил краковский замок удивительными постройками, башнями, скульптурами, картинами и дивно прекрасными крышами. Напротив же краковского замка, за Вислой, около церкви, которая называется Скалка, он построил город, который от своего имени назвал Казимиром. Он построил еще много других городов, как Величку, Скавину и Ланцкорону, замок Олькуш, Бендзин и Лелев, город Чорштын с замком, замки в Неполомицах, Ойцове, в Кшепицах; в Сандомирской земле замок и сам город Сандомир, Вислицу, Шидлов, Радом, Опочно, Вавельницу, город Люблин, город и замок Сецехов, Солец, замки в Завихосте и в новом Корчине; в Великой Польше — города Калиш, Пыздры, Ставишын, замок и город Конин, замки в Накле, Велюне, Мендзыжече, Остшехове, город Велюнь, замок Болеславец; в Куявской земле — Крушвицу, Злоторыю, Пшедеч и Быдгошч; в Серадзкой земле — сильный замок в Петрокове, город и замок в Иновлоде; в Мазовии — город Плоцк, а тамошний замок, который имел одну лишь стену, окружил еще второй; в русской земле — город Лямбургу, или Львов, и два его замка, замок Перемышль, замок и город Санок, город Кросно и замки в Любачове, Трембовле, Галиче и Тустане. Все эти города и замки он снабдил очень сильными стенами, строениями и высокими башнями, глубокими рвами и

иными укреплениями для украшения королевства и для защиты и безопасности польского народа.

За время царствования этого короля появилось в лесах, рощах и на выкорчеванных землях почти такое же количество городов и деревень, сколько их прежде было в польском королевстве.

7. КАЗИМИР III — «МУЖИЦКИЙ КОРОЛЬ»

(Dlugosz, Dzieje, стр. 325)

[Казимир заботился о том], чтобы крестьяне и деревенские колонисты не были притесняемы шляхтой и рыцарством. Поэтому упомянутые крестьяне и колонисты, жившие под властью рыцарства и шляхты, когда их господа и помещики обижали их, обращались к королю, а он разбирал их обиды и с суровой справедливостью вступал на их защиту. Поэтому ни один из панов, даже самых могущественных и обладающих огромными поместьями, не осмеливался самовольно расправляться со своими крестьянами, чинить над ними насилие и несправедливость, ибо король Казимир за каждое беззаконие и злоупотребление назначал суровое наказание. В этом он шляхте казался слишком надоедливым и неприятным, поэтому он не избегнул осуждения и того, что шляхта и рыцарство называли его мужицким королем. Но король, терпеливо перенося такую насмешку, не переставал выступать в защиту сирот, вдов и пришельцев, чинить над каждым правосудие, наказывать мошенников, воров, грабителей и правонарушителей с одинаковой всегда справедливостью для убогого и для богача.

8. ИЗ КРЕВСКОЙ УНИИ (1385 г.)

Опасность, угрожавшая независимости Литвы со стороны Тевтонского ордена, стремление Польши к получению обратно земель, захваченных орденом (Поморье), а также желание польских панов расширить свою колонизацию за счет белорусских и украинских земель — вот главные причины, которые привели к так называемой Кревской унии (1385). Приводим отдельные отрывки («Codex epistolaris saeculi XV», t. I, 4—5 «Teksty zródlowe», № 22, стр. 31—32).

...Его [т. е. великого князя литовского] послы, князь Борис и виленский староста Ганко... г-же королеве Венгрии[1] таким образом представили дело и говорили: «...Пусть ваше величество примет великого князя Ягайло в качестве сына, и пусть он женится на пресветлейшей княжне Ядвиге, дражайшей вашей дочери, королеве Польши. Мы считаем, что это принесет хвалу богу, душам избавление, людям почет, государству усиление.

Как только то, что обещано, состоится, пан Ягайло, великий князь, со всеми своими братьями, еще не крещенными, родственниками, дворянами, помещиками, с высшими и наинизшими

[1] Елизавета Венгерская была вдовой польско-венгерского короля Людовика и матерью польской королевы Ядвиги.

имеет желание и намерение принять веру святой римской церкви...

Великий князь Ягайло обещает и обязуется все отторженные земли Польского королевства, захваченные кем-либо, получить обратно своими собственными усилиями и за свой счет.

Затем упомянутый здесь князь Ягайло обещает, кроме этого, включить свои страны — Литву и Русь — на вечные времена в корону польского королевства» [1].

9. БИТВА ПРИ ГРЮНВАЛЬДЕ

Dlugosz Opera XIII v. Cracoviae 1877, v. IV, 35

Во вторник..., 15 июля Владислав [2], король польский, решил на заре выслушать святую обедню... Пройдя две мили, откуда видны были пылающие вокруг поместья неприятеля, он остановился на полях Танненберга и Грюнвальда, которым предстояло в этот день прославиться битвой, и приказал разбить шатры между рощами и чащами леса, которые со всех сторон закрывали это место; походную же часовню [велел] поставить на возвышенности над озером Любно, для того чтобы, пока войско будет занимать свои позиции, он мог выслушать богослужение.

Уже магистр Прусского ордена Ульрих из Юнгингена прибыл в деревню Грюнвальд, которую ему предстояло увековечить своим поражением, и остановился со своим войском около нее.

Король Владислав, никак не смутившись от столь внезапного и неожиданного прибытия неприятеля, счел самым главным, прежде чем начать войну, отдать сначала должное богу: поэтому он направился в походную часовню, где с большой набожностью выслушал две обедни [3]; [в то время, когда он] слушал обедню, королевское войско под руководством Зындрама из Машковиц краковского мечника [4], литовское же под командой великого князя Александра [5], построенные в регулярные колонны и хоругви [6], с удивительной быстротой выступили в пол-

---

[1] В результате борьбы литовских бояр, во главе с великим князем литовским Витовтом, польской шляхте пришлось согласиться на союз «свободных со свободными, равных с равными», т. е. отступить от мысли об инкорпорации и пойти на федерацию. Городельская уния (1413) распространила на литовскую шляхту католического вероисповедания привилегии польской шляхты, литовские дворяне обязывались не выбирать себе великого князя без согласования этого вопроса с польской шляхтой и польская шляхта — не выбирать себе короля без согласия литовской шляхты.

[2] Владислав Ягайло, первый представитель династии Ягеллонов на польском троне. Даты его царствования в Польше 1386—1434 гг.

[3] Крестоносцы вели захватническую борьбу против литовцев под предлогом обращения их в христианство; после обращения литовцев в христианство (1387) тевтонские рыцари начали утверждать, что литовцы только для виду приняли католичество, на самом же деле являются тайными язычниками. Длугош поэтому подчеркивает набожность Владислава.

[4] Мечник — сановник, носящий королевский меч.

[5] Александр — христианское имя великого князя Витовта.

[6] Отряды.

ном порядке и расположились в вооружении против неприятеля: поляки — на левом крыле, литовцы — на правом.

Когда Владислав, король польский, окончил совсем свои молитвы, [в ответ] на настойчивые просьбы и призывы не только Александра, великого князя литовского, но и своих рыцарей, которые торопили его к битве, привстал и, облачившись оружием, покрылся с головы до ног замечательными воинскими доспехами. В то время как рыцари опять начали взывать и настаивать, чтобы [король] поскорее дал знак к битве, и король одевал уже на голову шлем, имея намерение начать битву, довели до его сведения, что от крестоносцев прибыли два герольда, из которых у одного на щите был герб римского короля, т. е. черный орел на золотом фоне, у второго же герб штеттинского князя, гриф [1] на белом фоне, и что они держали в руках два меча наголо, без ножен, требуя, чтобы их допустили к королю, к которому их и привели польские рыцари, стоявшие в дозоре.

Те, приветствуя короля, едва изъявляя перед ним знаки уважения, изложили свое посольство следующими словами...: «Пресветлейший король! Великий магистр Прусского ордена Ульрих шлет тебе и твоему брату [2] через нас, своих герольдов, два меча для предстоящей битвы, чтобы ты с их помощью и с оружием твоего народа с большей решительностью и с большим мужеством, чем ты проявляешь, приступил к битве, и чтобы ты не прятался в этих рощах и чащах, а выступил бы бороться в открытом поле. Если же ты полагаешь, что у тебя слишком мало места для движения твоих отрядов, то магистр Прусского ордена Ульрих уступит тебе то поле, которое он занял своим войском, сколько захочешь, лишь бы он мог вытащить тебя на борьбу; или же, наконец, выбери себе сам место, на котором хочешь бороться, лишь бы не откладывал битву». Так королю говорили герольды. Было заметно, что в то время, как они выполняли свое поручение, войско крестоносцев заняло позиции на более широком поле, желая этим как бы подтвердить то, о чем магистр ордена предупреждал.

...Владислав же, король польский, выслушав столь высокомерное и полное надменности посольство, принял из рук герольдов оба меча, и, без проявления по отношению к ним гнева или какого-либо презрения, спокойно ответил: «Хотя в моем войске достаточно оружия и я не нуждаюсь в том, чтобы получить его от врагов, но для большего усиления безопасности защиты верного моего дела я принимаю во имя бога эти два меча от врагов, алчущих крови моей и моего народа...»

Когда раздался боевой сигнал, все королевское войско... с приподнятыми копьями бросилось в битву...

Когда они сошлись в бою, поднялся столь ужасный шум и

[1] Сказочная птица.

[2] Послы имеют в виду Витовта, двоюродного брата Владислава Ягайлы; послы не называют ни его имени, ни титула великого князя.

треск от ударов копий, бряцания оружия и лязга мечей, что он слышен был на несколько миль в окружности. Витязь шел на витязя, оружие ломалось с треском, попадали в лицо направленные друг против друга острия стрел...

...Так оба войска[1] сражались почти целый час с равным успехом, и так как одно другому не уступало поля битвы, мужественно добиваясь победы, трудно было предвидеть, кто победит. Крестоносцы, заметив, что на левом крыле, где было польское войско, было им трудно и опасно бороться, так как передние отряды уже подались назад, они направили оружие на правое крыло, состоящее из литовцев, которых они надеялись легче разбить, потому что они шли менее густыми колоннами, имели более слабых лошадей и худшее вооружение. Их намерением было, разбив литовцев, приняться за поляков. Но им не совсем удалось исполнить их намерение. Когда закипела битва с литовцами, русскими[2] и татарами, литовские отряды, не будучи в состоянии выдержать натиска врагов, начали колебаться и отступили. Тем смелее стали на них наступать крестоносцы, а тесня их все сильнее, заставили бежать...

...После бегства литовцев, когда пыль, которая мешала сражающимся узнавать друг друга, благодаря мелкому дождю немного улеглась, началась между поляками и рыцарями во многих местах ожесточенная и упорная битва. Наступали крестоносцы, упорно добиваясь победы, и в общей свалке большое знамя польского короля Владислава со знаком белого орла... упало на землю, но более смелые и испытанные в боях польские рыцари, которые боролись под этим знаменем, заметив это, подняли знамя и отнесли куда следует. Польское рыцарство, желая смыть с себя эту обиду, ударило с яростью на врага, разбило его наголову и заставило бежать... те отряды, которые с ними сражались. Тем временем прибыли те крестоносцы, которые возвращались с погони за литовцами и русскими, ведя с торжеством и триумфом к своему лагерю большое количество пленных. Но, заметив, что дела складываются неблагоприятно для них, они оставили пленных и обозы и бросились скорее в битву, чтобы поддержать своих, которые уже слабо сопротивлялись победителям. После прибытия свежего подкрепления отчаянная схватка закипела с новой силой. С обеих сторон непрестанно падали мертвые. Крестоносцы в смятении и беспорядке, терпя большой урон в людях и потеряв вождей, кажется, уже собирались удариться в бегство, когда чешское[3] и немецкое рыцарство поддер-

---

[1] Войско крестоносцев состояло из 20 000 человек (52 хоругви), войско поляков насчитывало около 16 000 человек (51 хоругвь), войско Витовта — около 10 000 (состояло из литовских, русских и татарских отрядов).

[2] Речь идет в данном случае о смоленских полках в войске Витовта.

[3] Чешский король в это время поддерживал орден; несколько же добровольческих отрядов чехов, которыми командовал Ян Жижка, будущий вождь таборитов, сражались на стороне поляков.

жало их... и, хотя крестоносцы некоторое время выдерживали наступление, в конце концов, однако, окруженные со всех сторон подавляющими силами королевских войск, они были разбиты наголову... Погибли также великий магистр Прусского ордена Ульрих, маршалки, комтуры, рыцари и самые знаменитые в прусском войске погибли, остальные пустились в бегство... Неприятельские лагери с большой добычей, возы и весь обоз магистра ордена и прусского рыцарства захватили и обобрали польские воины. Было также найдено в лагере крестоносцев несколько возов, нагруженных оковами, которые крестоносцы, уверенные в победе, приготовили для того, чтобы вязать поляков...

Кроме того, было найдено в лагере и на подводах крестоносцев много бочек вина, к которым солдаты после разгрома врага, усталые от битвы и от летней жары, бросились было с поспешностью, чтобы утолить жажду: одни колпаками, другие перчатками, третьи башмаками черпали вино и пили. Но Владислав, король польский, опасаясь, чтобы войско, опьяненное вином, не было обессилено..., приказал разбить все бочки и вылить вино на землю...

Ограбив возы и лагери неприятеля, королевское войско взобралось на возвышенность, на которой раньше занимали позицию тевтонские рыцари, и оттуда оно увидело толпы и многочисленные отряды бегущих врагов со сверкающими на солнце латами, которыми были покрыты почти все рыцари. Преследуя затем врага, поляки очутились у какого-то болота и трясины и насели на пруссаков; немногие из них осмеливались оказать сопротивление, поэтому их легко одолели; остатки войска, которые были пощажены по приказанию короля, были взяты в плен. Отсюда Владислав, король польский, велел преследовать бегущих пруссаков дальше, но он наставлял рыцарей, чтобы они воздержались от убийств. Врага преследовали на протяжении от 10 до 20 миль. Немногим из тех, которые раньше удрали с поля битвы, удалось спастись бегством. Значительная часть рыцарства попала в плен, а когда [пленников] привели в лагерь, победители обращались с ними милостиво... Многие утонули в пруду, находящемся в двух милях от побоища, вследствие большой давки и натиска. Наступившая ночь помешала продолжать погоню. Пало в этой битве пятьдесят тысяч врагов, а сорок тысяч взято в плен [1]. Знамен было захвачено, как говорят, пятьдесят одно. Победоносное войско получило богатую добычу. Так ли велико было, однако, количество убитых, утверждать с уверенностью не осмелюсь. Но на несколько миль дорога была устлана трупами, а земля была пропитана кровью; в воздухе раздавались крики и стоны умирающих.

[1] Числа сильно преувеличенные: войско крестоносцев до битвы насчитывало около 20 000.

10. РУССКИЕ ПОЛКИ В СРАЖЕНИИ ПРИ ГРЮНВАЛЬДЕ

Johannis Dlugossii Historiae Polonicae libri XII, Liber undecimus A. D. 1410, pp. 54—55. Dlugosz Opera XIII v. Cracoviae 1877.

Польский летописец Иоанн Длугош особенно подчеркнул героическую борьбу русских смоленских полков, стойкость которых в решающий момент спасла положение и обеспечила победу.

В этом сражении лишь одни русские витязи из Смоленской земли, построенные тремя отдельными полками, стойко бились с врагами, и они одни не приняли участия во всеобщем бегстве. Тем заслужили они бессмертную славу. И если один из полков был жестоко изрублен, и даже склонилось до земли его знамя, то два других полка, отважно сражаясь, одерживали верх над всеми мужами и рыцарями, с какими сходились врукопашную, пока не соединились с отрядами поляков. Из всего войска Витовта только они одни стяжали себе в этот день славу отважных героев.

11. ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ ВЛАДИСЛАВУ

1410 г. вскоре после 15 июля (или 1411 г. после 1 февраля)

Спасение и милость, мир и победа от бога отца и господа Иисуса Христа!

Наияснейший князь и превознесенный король! Когда Онеш [Андрей] из Горки, посланник вашего величества, принес сведения о победе согласия [единства, т. е. соединенных сил русских, поляков, литовцев и чехов], достойного всякой похвалы, то этим он доставил великую радость моему сердцу, так что и перо мое не может описать, ни мой язык выразить ее по достоинству. То и другое ныне исполнилось. Где ныне два меча[1] ваших противников? Воистину они поражены своими же мечами, при помощи которых покушались поработить смиренных. Вот двое поднялись и встали друг против друга: смирение и гордость, — и уничтожили много тысяч людей! Где теперь немецкие мечи? Где покрытые железом кони? Где то вооружение, на которое надеялись? Где деньги и сокровища? Конечно, все это уничтожено. Да поможет вам всемогущий бог ради спасителя нашего — посредника между богом и людьми Иисуса Христа. Аминь.

---

[1] Указание на особенности одежд меченосцев, соединившихся с крестоносцами; одежда их была белого цвета с нашивными мечами, расположенными крестом.

Болгария VII—XV веков

Введение

Изучение истории болгар имеет в наши дни исключительно важное политическое значение. Каждому советскому человеку нужно знать историю тех стран, которые теперь, с переходом их к строю народной демократии, являются нашими естественными союзниками в великом переустройстве мира на началах коммунизма и ликвидации классовой эксплоатации.

Из двух главных южнославянских народов болгары первыми перешли к самостоятельному государственному существованию Велико также значение болгарской культуры для древней Киевской и Московской Руси. Вся так называемая церковнославянская литература есть литература на одном из диалектов древнеболгарского языка. Приводимые в настоящем разделе хрестоматии документы различны и по характеру и по трудности, но все они важны для расширения знаний учителя истории и в той или иной степени доступны для учеников. Краткие выдержки из глосс к хроникам можно использовать на уроках. Весь остальной материал подходит скорее к работе в кружке или может быть использован для самостоятельной работы учащихся с последующим докладом в классе.

Документация по истории Болгарии открывается заметками (глоссами) неизвестного болгарского переводчика XIV в. к византийской хронике Манассия. Они очень кратки, но чрезвычайно интересны. Они дополняют византийскую хронику и дают освещение событий болгарской истории с болгарской точки зрения. Содержащиеся в глоссах сведения не представляют для читателя трудностей, но так как они очень сжаты, пришлось снабдить их подробными объяснениями. В глоссах мы находим болгарские сведения о времени появления болгар к югу от Дуная *(документ 1 а, б)*, об участии болгар в отражении арабского нашествия на Византию *(документ 1 в)*, о первых болгарских князьях *(документ 1 г, д, е)*, об участии болгар в подавлении известного восстания Фомы Славянина в 820—823 гг. *(документ 1 з)* и т д. Обращают на себя внимание некоторые данные о киевском князе Святославе *(документ 1 п, р)*. Глоссы кончаются сообщением о поражении болгар императором Василием II, прозванным Болгаробойцей *(документ 1 с)*, поражении, которое знаменовало собой конец первого болгарского царства и начало временного подчинения болгар Византии (1018—1186).

Документ 2 представляет собой выдержки из беседы Козмы пресвитера против богомилов. Это один из немногих важных источников, рассказывающих нам об этом замечательном движении закрепощаемого крестьянства, направленном против феодалов и всего феодального строя. Еретики отвергали так называемые таинства христианской церкви, не признавали церковной иерархии, учили, что весь телесный мир сотворен дьяволом, а не богом, но в основе всего этого лежала ненависть болгарских и сербских крестьян к своим поработителям и эксплоататорам.

Говоря о господстве богословия в мировоззрении средних веков, Энгельс замечал: «... при этих условиях всеобщие нападки на феодализм, и прежде всего нападки на церковь, все революционные, социальные и политические учения должны были представлять из себя одновременно и богословские ереси»[1]. Движение богомилов на Балканах и их учение — яркая

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 128.

иллюстрация этих слов одного из основоположников марксизма. «Они (богомилы) — говорит Козма, — учили своих не повиноваться властям своим, осуждают богатых, царя ненавидят, поносят старейшин, укоряют бояр, работающих на царя считают презренными и не велят рабам работать на господина своего».

Документ 3 представляет собой чин отлучения от церкви и предания богомилов анафеме, совершавшийся обычно всенародно в церквах в первое воскресенье так называемого великого поста. Церковь, роль которой всегда заключалась в том, чтобы охранять существующий социальный порядок и существующую систему эксплоатации, была, конечно, против богомилов, преследовала их и благословляла кровавую расправу, чинимую над ними господствующим классом (см. документ 3 следующего раздела «Сербия в XII—XV вв»).

Документы 4—5 посвящены городу-республике Дубровнику и торговым связям его с Болгарией Огромное экономическое и политическое значение этого города хорошо иллюстрируется договором царя болгарского Михаила Асеня с Дубровником *(документ 5)*, договором, направленным против короля сербского Уроша, который намеревался в это время (1252 г., отомстить дубровчанским купцам за захваты сербских земель[1].

Документ 6 дает представление о торговых связях Болгарии с Венецианской республикой в XIV в. *Документ 7* — отрывок из «Безыменной болгарской летописи» — дает описание последних дней второго Болгарского царства. В нем имеется также упоминание о битве на Косовом поле[2].

Все эти документы рассчитаны в первую очередь на учителя.

* * *

Высказывания классиков марксизма по истории Болгарии XII—XV вв.:

К. Маркс, Хронологические выписки, т I («Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 189, 192, 193), т. II («Архив Маркса и Энгельса», т. VI, стр. 174, 175, 176, 178, 179, 180, 184).

* * *

Приведенные в этом разделе документы подобраны, переведены и комментированы А. А. Никольской. Введение написано С. Д. Сказкиным.

---

[1] О Дубровнике см. следующий раздел хрестоматии «Сербия в XII—XV вв.».

[2] См. документы 7—9 из раздела «Сербия в XII—XV вв.».

1. ЛЕТОПИСНЫЕ ЗАМЕТКИ (ГЛОССЫ) БОЛГАРСКОГО ПЕРЕПИСЧИКА НА ПОЛЯХ ЕГО РУКОПИСИ-ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРНОЙ ВИЗАНТИЙСКОЙ ХРОНИКИ КОНСТАНТИНА МАНАССИЯ [1]

Йордан Иванов. «Български летописни бележки в българския превод на Манасиевата хроника». (В хрестоматии Иванова И. «Български старини из Македония». София, 1931.)

а) [*При описании царствования императора Анастасия, 491—518 гг.* [2]] При Анастасии царе начали болгары [славяне] занимать землю эту, перейдя у Бдина, и прежде начали занимать нижнюю землю Охридскую [3], а потом эту всю.

От выхода же болгар до нынешнего времени прошло 870 лет [4].

б) [*При описании царствования императора Константина Бородатого, 668—685 гг.*] При этом Константине царе пришли болгары [тюрки] через Дунай и, разбив греков, отняли землю эту, в ней же живут и доныне [5]. Прежде же земля эта называлась Мизией [6]. Будучи бесчисленны, они заняли и эту сторону Дуная и ту — до Драча [7] и далее, ибо влахи, и сербы, и прочие — все они едины [8].

в) [*При описании царствования императора Льва Иконоборца, 717—741 гг.*] При этом царе Льве арабы напали на Царьград [9] и на всю землю, но потонули в море, разбитые греками, а остальных всех истребили болгары [10].

г) [*При описании царствования императора Льва, сына Константина, 775—780 гг.*] При этом Льве был князем болгар Кардам.

---

[1] Византийский хронист Константин Манассия (2-я половина XII в.) написал в стихотворной форме хронику от Адама до 1081 г. Судя по количеству рукописей, она была очень распространена. В середине XIV в. (около 1345—1350 гг.) хроника Манассия была переведена неизвестным болгарином на болгарский язык, как полагают, для болгарского царя Иоанна Александра На полях своей рукописи болгарский летописец написал замечания из истории болгар от заселения славянами Балканского полуострова (конец V в.) до падения первого Болгарского царства (1018 г.). Этот памятник содержит много сведений о взаимоотношениях болгарских правителей с Византийской империей.

[2] В конце V и начале VI в. нападения славян (в тексте памятника они названы «болгарами») на Византийскую империю стали столь часты и приняли такой угрожающий характер, что император Анастасий приказал построить для защиты Константинополя длинную стену от Мраморного моря до Черного, явившуюся свидетельством его бессилия сдержать могучий натиск свободных воинственных славянских племен.

Переправившись через Дунай «у Бдина», т. е. возле города Видина (см. карты Балканского полуострова в IV т. Большой Советской Энциклопедии и IV т. Энциклопедии Брокгауза и Эфрона), они «начали занимать землю эту», т. е. территорию современной переводчику Болгарии.

[3] Охридская земля — местность в Македонии. Город Охрид расположен у Охридского озера.

[4] Если хроника Манассия, как предполагают, была переведена на бол-

д) [*При описании царствования императора Никифора, 802—811 гг.*] Этот Никифор царь отправился в поход на Болгарскую землю при князе Круме и сначала победил его и похитил его богатства. Потом же Крум собрался со своими, оставшимися от поражения, напал ночью на царя и не только разбил греков, но и самому царю отрубил голову и оковал ее в серебро, и наливал в нее вино, давая болгарам пить [11].

е) [*При описании царствования императора Михаила Рангави, 811—813 гг.*] При этом царе князь Крум продолжал битву под Одрином [12] и разбил его, и сам царь едва спасся бегством. Болгары же взяли все богатства царя и греков.

ж) [*При описании царствования Льва Арменина Иконоборца, 813—820.*] С этим царем Крум снова сражался во Фракии. Сперва болгары победили, но преследовали греков беспорядочно. Они возвратились, разбили их, и сам Крум [13] едва не был пленен, так как его конь упал под ним.

з) [*При описании царствования императора Михаила, 820—829 гг.*] При этом царе восстал некий грек по имени Фома и собрал многочисленное войско, желая отнять царство у Михаила. Но вышел болгарский князь Муртаг [14], разбил его и победил, так как великую любовь имел с Михаилом.

и) [*При описании царствования императора Михаила, сына Феофилова, 842—867 гг.*] При этом Михаиле царе и при матери его крестились болгары [15]. Некогда, не знаю как, сестра болгар-

---

гарский язык в 1345—1350 гг., то следует считать, что первые набеги славян на Балканский полуостров относятся к концу V в., к 475—480 гг.

[5] После смерти хана Куврата (667) созданное им объединение болгарских племен, кочевавших в южнорусских степях, распалось. Одно из болгарских племен во главе с ханом Аспарухом, сыном Куврата, теснимое хазарами, пришло к устьям Дуная и здесь расположилось. Византийский император Константин IV Погонат заключил в 679 г. договор с Аспарухом, установивший территорию болгарского ханства.

[6] Мизия — название римской провинции, расположенной между нижним течением Дуная и Балканами.

[7] Драч (Диррахий, Дурацо) — город на берегу Адриатического моря. Автор болгарских заметок жил в середине XIV в., когда Болгарское государство занимало большую территорию.

[8] Болгарское племя, поселившееся среди более многочисленных славян, к IX в. совсем ославянилось. У болгарского автора добавлений к греческому тексту Манассия, писавшего в XIV в., совершенно стерлись следы различия между болгарами и славянами, государство которых называлось, как и теперь, Болгарией.

[9] Царьград — г. Константинополь.

[10] Подчеркивается, что болгары оказали Византии военную помощь против напавших на нее арабов.

[11] Крум — болгарский хан, называемый в памятнике «князь», вел непрерывные оборонительные и наступательные войны с Византией, доходя со своим войском до Константинополя и предпринимая его осаду. В 809 г. он занял Софию (крепость Сердику). Попытки византийского императора Никифора отбить ее у болгар были неудачны, сам император и его войско погибли.

Из черепа побежденного врага Крум приказал сделать кубок, из которого

ского князя была взята в плен греками и передана в царский дворец, и была крещена и научена читать. В царствование же этих царей, так как был великий мир между греками и болгарами, она была обменена на одного боярина Феодора Куфару.

Вернувшись же на родину, она не переставала наставлять брата своего в вере христовой, пока не крестила его. Против него же, крестившегося, восстали болгары, желая убить его за то, что веру их оставил. Но он, выйдя на брань, победил их и с тех пор крестил одних добровольно, а других силою.

к) [*При описании царствования императора Василия Македонянина, 867—886 гг.*] При этом Василии царе крестились руссы [16].

л) [*При описании царствования Льва Премудрого сына Василия Македонянина, 886—911 гг.*]

Этот Лев царь из неприязни к Симеону, царю болгар, неоднократно наносившему поражения войску его, призвал мадьяр, которые разбили его и взяли в плен болгар, а он [Симеон] заперся в Доростоле [17]. Симеон же снова воевал с мадьярами, взял землю их, а самих разбил и, возвратившись оттуда, вел войну против греков и победил их [18].

м) [*В царствование императора Константина VII, 911—959 гг.*] При этом Константине царе Симеон, царь болгарский, вошел с миром в Царьград и получил благословение от патриарха, и обедал с царем и с ним. Выйдя оттуда, он начал покорять и в войне дважды победил греков [19].

н) [*При описании царствования императора Романа Лакапина, 920—944 гг.*] При этом царе Романе болгарский царь Симеон много раз доходил со своим войском до Царьграда, зажег

пил на пиршествах. Обыкновение употреблять вместо чаш черепа неприятельских военачальников, убитых в сражениях, принесено было в Европу кочевниками. То же самое сделали печенеги из черепа киевского князя Святослава

[12] Одрин — славянское название города на р. Марице. Греческое название Адрианополь, турецкое Эдирне.

[13] В 814 г во время подготовки новой осады Константинополя Крум умер.

[14] Любопытное упоминание о том, что болгарский хан Омортаг, поддерживая мирные отношения с Византией, пришел на помощь ей в подавлении восстания Фомы Славянина (820—823 гг.). См. т. I хрестоматии, стр. 188—190. Омортаг основал новый город с чисто славянским названием Преслава, который сделал своей столицей.

[15] Борис, которого болгары называли ханом, а славяне князем, крестился в 865 г., получив христианское имя Михаила. После принятия христианства Борис принял титул царя. Принятие христианства из Византии было окутано многими легендами, одну из которых сообщает автор.

[16] Любопытно отметить, что болгарский летописец счел нужным записать о крещении Руси, хотя и ошибся в датировке его на целое столетие. Киевский князь Владимир Святославич принял христианство в 983 г. Возможно, однако, что летописец упомянул здесь о принятии христианства отдельными группами восточных славян Руси.

[17] Доростол — крепость Силистрия на правом берегу реки Дуная.

[18] Болгарский царь Симеон (893—927), принявший титул «царя болгар и греков», весьма образованный по тому времени человек (он получил воспита-

даже царский дворец, овладел Одрином и при этом царе умер [20] Внучка этого царя [Романа] стала женой царя болгарского Петра.

о) [*При описании царствования Романа, сына Константина Багрянородного, 959—963 гг.*] При этом царе Романе Петр, царь болгарский, умер. Сыновья же его Борис и Роман, бывшие заложниками в Царьграде, отпущены были на свою родину [21].

п) [*При описании царствования императора Никифора Фоки, 963—969 гг.*] При этом Никифоре царе завоевали руссы Болгарскую землю два раза в два года, так как царь Никифор просил Святослава [пойти] на них [болгар] [22].

р) [*При описании царствования императора Иоанна Цимисхия, 969—975 гг.*] Этот Цимисхий царь, заняв Преславу, отнял все знаки царского достоинства, а самого Бориса отвел в Царьград, снял там с него царские одежды и назначил его магистром [23], что есть высокий сан у греков.

Овладев Преславой, Цимисхий с большим войском пошел на Святослава, князя русского, покорившего Болгарскую землю и находившегося в Доростоле, победил его и отпустил, и он [Святослав], придя к печенегам, там погиб со всеми своими [24].

с) [*При описании царствования императора Василия II, сына императора Романа, 975—1025 гг.*] Этот Василий царь разбил

ние в Константинополе), был отличным дипломатом и искусным полководцем Отстаивая интересы болгарских торговцев, он вел войну против Византии и одержал победу. Тогда византийский император прибег к излюбленному средству и натравил на болгар мадьяр, которые, переправившись на византийских судах через Дунай, совершили неожиданный набег на Болгарию и в нескольких стычках нанесли поражение Симеону; последний укрылся с войском в Силистрии. Разграбив страну, мадьяры удалились, захватив много пленных. Однако Симеон расстроил план императора, направившего против Болгарии сухопутное войско и морской флот, и в новых битвах разбил мадьяр.

[19] Через 10 лет (в 913 г.) военные действия между Византией и Болгарией возобновились, и хотя по предложению Симеона велись мирные переговоры, однако мир не был заключен и военные действия продолжались.

[20] Симеон завоевал много византийских земель. Почти вся Фракия и Македония были в руках болгар. Множество византийских городов сдались и в их числе Адрианополь (924). Помыслы же болгарского царя были направлены к тому, чтобы овладеть Константинополем, хотя ему не удалось осуществить их.

[21] Описываемые события относятся к более позднему времени. См. примечание 25.

[22] Преемником царя Симеона был его сын Петр (927—968), женившийся на дочери византийского императора Христофора, сына Романа. До 966 г. между Византией и Болгарией царил мир. Но Византия опасалась быстрого роста Болгарского государства. Никифор II Фока разработал план покорения Болгарии, желая использовать для этой цели киевского князя Святослава. Призванный Никифором Святослав овладел многими болгарскими городами на Дунае.

[23] Магистр — один из высших чинов военного и финансового ведомств в Византии.

[24] Сын Петра Борис начал свое царствование войной со Святославом.

Успехи святославова войска, стоявшего уже на границе Болгарии и Византии, устрашили византийского императора Иоанна Цимисхия, тем более

Самуила, царя болгарского[25], дважды и занял Бдин, и Плиску[26] и Великую Преславу и Малую, и многие другие города. Также и Скоплье[27] было передано ему Романом, сыном царя Петра, который владел им по повелению царя Самуила, потому что царство болгар простиралось до Ахрида, и до Драча, и далее.

Этот царь Василий нанес болгарам тяжелые поражения. Победив царя Самуила, он ослепил 15 тысяч болгар, оставив на каждые сто человек по одному человеку с одним глазом, и отправил их к Самуилу. Увидев их, он умер от яда.

С этого Василия Болгарское царство находилось под властью греческой даже и до Асеня, первого царя болгар.

что Святослав не выражал желания покинуть занятые им земли. Началась упорная борьба Святослава с Иоанном Цимисхием. В 972 г. Святослав принужден был заключить мир. Во время возвращения в Киев князь Святослав был убит печенегами около Днепровских порогов.

После окончания войны со Святославом, Цимисхий, вопреки своим прежним лживым обещаниям о помощи болгарам, объявил взятые его войсками области (болгарские, которые ранее были завоеваны Святославом) владениями империи, уничтожил болгарское патриаршество, учрежденное Симеоном и признанное Византией при Петре, а всю болгарскую царскую семью увез с собой в Константинополь.

[25] Подчинение Болгарии Византии продолжалось до смерти Иоанна Цимисхия, когда политические волнения в Константинополе создали благоприятную обстановку для восстания болгар, во главе которых стоял Самуил; последний на время восстановил могущество Болгарского царства. Именно в 976 г., когда в Византии начались смуты, болгарские царевичи Борис и Роман, сыновья Петра Симеоновича, жившие в заключении во дворце Иоанна Цимисхия, бежали на родину.

В 981 г. византийский император Василий предпринял поход на Болгарию. Ожесточенная борьба продолжалась с переменным успехом до 1014 г., когда в крупном сражении у Веласицы, в междуречье Вардара и Струма, византийцы нанесли тяжелое поражение болгарскому войску. С пленными византийский император поступил крайне жестоко, выколов глаза у 15 000 человек и отпустив их домой с несколькими провожатыми, которых он ослепил на один глаз. Вскоре после этого болгарский царь Самуил умер (14 сентября 1014 г.). По неизвестной причине летописец упоминает, что царь Самуил умер якобы от яда. Император Василий получил прозвище «Болгаробойца». Еще 4 года болгары продолжали войну с Византией, а в 1018 г. первое Болгарское царство перестало существовать до 1186 г., когда во главе болгарского восстания встали два брата Петр и Асень, упоминаемые нашим летописцем.

[26] Плиска — древняя столица Болгарского царства.

[27] Скоплье — город в Македонии.

2. НЕДОСТОЙНОГО КОЗМЫ ПРЕСВИТЕРА[1] БЕСЕДА[2] НА НОВОЯВЛЕННУЮ ЕРЕСЬ БОГУМИЛА (X—XI в.)

Дуйчев Иван. «Из беседата на пресвитер Козма» (из хрестоматии Дуйчева И. «Стара българска книжнина», София, 1943, кн. I, стр. 103—117).

...В годы православного царя Петра[3] появился в Болгарской земле поп по имени Богумил, а по истине богу не мил, который впервые начал проповедовать ересь в земле Болгарской, о которой скажем позднее... Начав изобличать их [богомилов] учение и дела, кажется мне, что и воздух оскверняется от их дел и проповеди; но ради христолюбивого народа я раскрою лукавые речи их, чтобы никто не попал в их сети, но, уразумев обман их, уклонился бы от учения их...

По внешности еретики как овцы: кротки, смиренны, молчаливы и бледны, будто бы от лицемерного поста, праздного слова не скажут, не смеются громко, не проявляют излишнего любопытства, хоронятся от нескромного взгляда и на вид делают все так, что нельзя отличить их от православных христиан, но внутри они волки и хищники[4].

Люди, видя такое их смирение и считая их правоверными, приближаются к ним и спрашивают их о спасении души; они же подобны волку, хотящему схватить ягненка, сперва притворяются издыхающими и со смирением отвечают... а где увидят простого и неученого человека, там сеют плевелы[5] учения своего, хуля предания и установления святых церквей, о чем скажу дальше...

Никто из вас да не будет им другом... Ибо много соблазна и много неправды утвердится на земле, если в лености живущим не уклониться от них... Познавайте их от плода их, т. е. по лицемерию их, высокомерию их, по порицаниях их, и, познав, избегайте их, чтобы не быть осужденными с ними. Ибо, если кто будет врагом земного царя, то он недостоин жизни, но умирает с врагами его...

Но что говорят еретики: «Мы больше вас бога молим, бодрствуем и молимся, а не живем в лености, как вы»... Мы же им

---

[1] О Козме пресвитере биографических данных не имеется. Время его жизни определяется лишь делаемым им указанием, что живы еще те, которые помнят Иоанна Экзарха, принадлежащего к числу писателей века царя Симеона, т. е. к X в.

В своей беседе Козма пресвитер в качестве представителя государственной религии и господствующего класса старается «разоблачить» учение богомилов. Никаких памятников богомильского учения, принадлежащих перу самих богомилов, до нас не дошло. Они беспощадно уничтожались. И о воззрениях богомилов известно только из сочинений их врагов и, прежде всего, из беседы Козмы пресвитера.

[2] Беседа — церковное поучение.

[3] Петр — болгарский царь, 927—968 гг.

[4] Даже такие качества, как кротость и смирение, приводят Козму в негодование, причина которого кроется, повидимому, в том, что богомилы были популярны среди «простых и неученых» людей, т. е. угнетенного класса.

[5] Плевелы — сорная трава.

отвечаем: «Что вы хвалитесь, высокоумные еретики?..» И как, стреляя в мрамор[1], не только не прострелите его, но и отскочившая стрела ударит сзади стоящего, так и уча еретика, не только не научить его, но и кого-либо из неразумных развратить...

Еретики же разрубают кресты и делают из них орудия... Еретики не поклоняются иконам, но называют их кумирами... Еретики же насмехаются над костями праведников и смеются над нами, поклоняющимися им... Ибо что говорят [еретики]? Что бог не сотворил ни неба, ни земли, ни всего видимого. . О кресте же господне так, пустословя, говорят: «Как ему поклоняться?»... Учат своих ненавидеть его, а не кланяться... Но кто не возрадуется, видя кресты на высоких местах, где прежде приносили в жертву бесам людей, закалывая своих сынов и дочерей[2]. Что говорят о святом причастии? Что причастие делается не божиим повелением... но как и всякая простая пища...

И вы [богомилы] осуждаете священнослужителя и все чины церковные, называя православных попов безрассудными фарисеями[3] и лая на них, как собаки на всадника.. Они же отвечают, говоря: «...почему не живете, как вам повелено?... попы напиваются, грабят и иное зло втайне творят и никто не воспрещает им этих злых дел». Еретики не почитают преславную богоматерь, но много пустословят о ней, их же речи и дерзости нельзя описать в этой книге...

Еретики называют дьявола творцом человека и всех созданий божиих... и не только земное, но и небесное, говоря, что все существующее — от дьявола: небо, солнце, звезды, воздух, земля, человек, церкви, кресты... и просто — все движущееся на земле, одушевленное и неодушевленное, считают дьявольским творением.

Еретики не признают святого крещения, презирая крещеных детей... называют их... богачами...

Они же учат своих не повиноваться властям своим, осуждая богатых, царя ненавидят, поносят старейшин, укоряют бояр, работающих на царя считают презренными и всякому рабу не велят работать на господина своего.

О мятущихся[4] монахах и о хотящих уйти в монахи[5]... если говорить: «невозможно живущим в этом мире спастись, так как с трудом нужно заботиться о жене и детях,

---

[1] Интересное сравнение, характеризующее время и место происходивших событий.

[2] Ценные сведения о человеческих жертвах, приносившихся болгарами-язычниками.

[3] Фарисеи — лицемеры.

[4] Мятущийся. — беспокойный, непоседливый.

[5] Под одним заглавием — «Беседа Козмы пресвитера на богомилов» объединено несколько бесед, посвященных различным вопросам, и в том числе «О мятущихся монахах» и «О хотящих уйти в монахи» В них автор порицает богатых, говорящих, что богатство им мешает спастись, но главным образом

еще выполнять работы земных владык, терпеть всякое зло от дружины и насилья от старейшин», то послушай, я скажу тебе... если днем ты должен работать на господина... не жалуйся, но лучше выполняй порученную тебе работу...

Видите ли, богатство не есть зло... Если же кто, убегая от нищеты и непосильной заботы о детях, уходит в монастырь, то они ищут там отдыха... Если ты беден, то, своими руками делая свой хлеб, кормись и корми им своих, избегая воровства и всякого зла.

3. ИЗ СИНОДИКА[1] БОЛГАРСКОЙ ЦЕРКВИ (начало XIII в.)

Дуйчев Иван. «Стара българска книжнина», кн. II, София.

. . . .

38. Так как вселукавый наш враг рассеял по всей болгарской земле манихейскую ересь, смешав ее с масалианской, тем, кто является начинателями этой ереси, анафема[2].

39. Попу Богомилу, который при болгарском царе Петре воспринял эту манихейскую ересь и распространил ее в Болгарской земле..., его прошлым и существующим ныне ученикам, называемым апостолами, анафема.

40. И всем, кто поддерживает эту ересь, их обычаи, их ночные собрания, и таинства[3], и бесполезное их учение, как и тем, которые ходят с ними, анафема.

41. Тем, которые имеют дружбу с ними, и по единодушию едят и пьют с ними, и получают дары от них, как их единомышленники, анафема.

. . . .

79. Всем еретикам анафема.

. . . .

99. Тем, которые пытаются переданные благоверными царями и богобоязненными христианами святым церквам, епископствам, монастырям и подтвержденные златопечатными и простыми грамотами достояния нарушить или отнять что-либо из того, что посвящено богу, анафема трижды.

103. Всем боярам малым и великим, священникам и монахам

бедных, едва влачащих свое тяжелое существование, которые сначала уходят в монастыри а потом, не найдя в них удовлетворения, бегут из них и странствуют по всей Болгарии без дела и без пристанища. В стране развивалось бродяжничество, социальные противоречия обострялись.

[1] Синодик — церковная книга, в которую вписываются имена умерших для чтения (поминовения) их во время церковной службы.

[2] Анафема — церковное отлучение. См. примечание 1 на стр. 266.

[3] Таинство — священнодействие.

и всему народу, которые с покорностью хранят чистую и правую любовь к царю и архиереям, вечная им память [1].

104. Всем ворам, убийцам, разбойникам и тем, кто им помогает, анафема.

4. ГРАМОТА ЦАРЯ ИОАННА АСЕНЯ II [2] ДУБРОВНИКУ [3] (после 1230 г.)

Дуйчев Иван. «Дубровнишка грамота на цар Иван Асень II». (Из хрестоматии Дуйчева И. «Стара българска книжнина», кн. II, София, стр. 42—43).

Мое царское величество дает это повеление Дубровницкой стране, любезным и всеверным гостям моего царского величества, да ходят по всей стране моего царского величества — с каким бы то ни было товаром, да ввозят или вывозят, или какой-либо товар перевозят, и любую землю или область да привозят в Бдин [4] ли

---

[1] Умершие члены династий, патриархи, епископы и т. п. перечисляются далее и поминаются поименно.

[2] Иоанн Асень II — болгарский царь 1218—1241 гг., преемник царя Борила (Бориса). Подобно царю Симеону, он был носителем идей великого Болгарского царства. При вступлении Иоанна Асеня на престол Болгария была урезана территориально и находилась под постоянной угрозой внешних нападений. Обострение социально-экономических противоречий внутри страны вызывало усиление богомильского движения, ответом на которое явился церковный собор 1211 г., провозгласивший гонения на богомилов.

Иоанн Асень II, победив Феодора Комнена, эпирского деспота, в битве у села Клокотницы (во Фракии) в 1230 г., сильно расширил пределы Болгарского царства; он занял Одрин, почти всю Македонию, значительную часть Албании. Вскоре после Клокотницкой битвы и была дана Иоанном Асенем грамота дубровницким купцам, в которой болгарский царь перечисляет области, входившие в состав второго Болгарского царства.

[3] Дубровник, который называют Славянской Венецией, — славянское название главного города в области того же наименования, расположенного на берегу Адриатического моря. Первоначально он назывался Рагузою (латинское Ragusium). Дубровник всегда оставался фактически независимой торговой городской республикой, хотя в разные периоды своего существования признавал над собой политическую власть Византии, протекторат Венеции, Венгрии и Турции. Особенно высокого развития торговли и мореплавания Дубровник достиг в XIII—XV вв.

Экономические интересы его купцов были сосредоточены главным образом на Балканском полуострове. Дубровницкая республика вела не только посредническую торговлю, но вывозила также продукты своей собственной промышленности, главным образом ткани шерстяные и шелковые, ювелирные изделия и др. Кроме того, дубровчане издавна занимались добычей и вывозом в большом количестве соли.

Вся политическая власть в Дубровницкой республике принадлежала небольшой группе владельцев торговых и промышленных предприятий Одни только патриции имели право избирать князя и заседать в вече.

Согласно грамоте Иоанна Асеня II дубровницкие купцы получали право в Болгарии свободного ввоза и вывоза товаров, а также транзитной торговли. Они освобождались от всяких таможенных сборов

[4] Географические названия в порядке их упоминания в грамоте: Бдин — гор. Видин на Дунае. Браничево — близ Пожаревца, у устья р. Млавы. Тырново — древняя столица Восточно-Болгарского царства. Загорье — древняя Мизия. Область «за горами». Преслава — столица первого Болгарского цар-

или Браничево и Белград приходят; или в Тырново и по всему Загорью ходят, или в Преславу и Карвунскую область приходят, или в Крынскую область, или Боруйскую; или идут в Одрин и в Димотику, или в Скопскую область, или Прилепскую, или в Девольскую область, или в землю Арбанаскую, или в Солунь — повсюду да покупают и продают свободно, без всякого убытка, да не имеют запрета во всех областях, городах и горных проходах [1] моего царства, но да ходят и покупают, и продают без заботы, как и все верные и любезные гости моего царства.

Если же кто причинит им в чем-либо зло в горном проходе или на базаре, или еще где-нибудь, вопреки таможенному уставу, то пусть знает, что он есть враг моего царского величества и получит не милость, а великий гнев потерпит от моего царского величества.

Асень царь болгарам и грекам.

5. ДОГОВОР ЦАРЯ МИХАИЛА АСЕНЯ [2] С ДУБРОВНИКОМ (1253 г.)

Дуйчев Иван. «Договор на царь Михаил Асень с дубровничаните от юний 1253 г. (Из хрестоматии Дуйчева И. «Стара българска книжнина» кн. II, София, 46—54 стр.)

Во имя господа бога нашего Иисуса Христа, аминь. В лето 1253 г. — месяца июня в день святого Вита [3], индикт 11.

Да будет чистая приязнь и любовь, как то было изначала между святым и преславным царем всей земли болгарской и греческой Иоанном Асенем и общиною славного города нашего Дубровника, которые жили в правде, любви и истине, чего давно желаем и тебе, святому и верному во Христа бога самодержцу всей болгарской земли господину Михаилу Асеню, рожденному от благоверных и святых царей.

Я, Марсилий Георгий, повелением славного дожа венецианского [4] князь города Дубровника и все великие и малые судьи

ства. Карвунская область — местность близ Балчика, к северу от Варны. Крынская область — у истоков р. Тунджи, на западе долины Казанлыка. Боруйская область — район гор. Старой Загоры. Одрин — гор. Адрианополь, Скопская область — главный город Скоплье, турецкий Ускоб в Македонии. Прилепская область — в западной Македонии. Девольская область — местность, лежащая к западу от Охрида по течению реки Девол в средней Албании. Албанская земля — Албания. Солунь — гор Салоники.

[1] В тексте памятника — «клисурах». Греческое слово «клисура» сохранилось и в современном болгарском языке и обозначает — ущелье, теснина, горный проход. Погодин А. Л. перевел его «крепость» («История Болгарии», 88 стр.). Возможно, что в средневековой Болгарии в горных проходах были устроены таможни.

[2] Михаил Асень — болгарский царь, 1246—1257 гг.

[3] День св. Вита — 15 июня.

[4] В эти годы Дубровник находился под протекторатом Венеции.

и советники, вся община преславного города нашего Дубровники, верные друзья твоего святого царского величества, желая издавна иметь приязнь твоего царского величества, клянемся богом, святым божием евангелием... и обещаем твоему великому святому царскому величеству быть против неверного короля Уроша[1], и против его брата, и рода его, и против всех живущих в его земле, и против имеющих власть во владениях его, если они будут неверными и врагами твоего святого царского величества, также да будут неверными и врагами города нашего Дубровника. Если же они, или кто-либо из них, поддадутся твоему святому царскому величеству и преславное твое царское величество будет считать их за друзей, то и нам они будут друзьями.

Если же Урош или кто-либо из сказанных из его рода будет врагом нашего города Дубровника, то да будет он врагом и твоему царскому величеству. Но если кто-нибудь из них будет другом города Дубровника, то и твоему высокому царскому величеству да будет он другом.

И если бог помогает твоему святому царскому величеству изгнать твоего и нашего врага Уроша, брата его Владислава, их род и других владетелей из сербских земель, и они прибегут в город Дубровник, то мы не должны принять их и даже слушать их речи, но стараться вредить им, сколько можем. Святое же твое царское величество пусть не заключает без нашего ведома мира с Урошем и не оставляет нас без [заключения] мира с ним, и еще более мы будем содействовать святому твоему царскому величеству против Уроша, твоего и нашего врага, против всего его рода и того, кто будет после него на его престоле, и сообща войну вести против них или жить в мире с ними в течение жизни твоего святого царского величества и нашей. Мы дадим помощь твоему святому царскому величеству в соответствии с нашими силами на побережье, на море и на суше.

И если с божьей помощью ты завладеешь Рашской[2] страною со всеми ее землями, а нам бог поможет занять все прибрежные города и крепости, принадлежащие рашскому престолу, то мы должны верно, по доброй воле, без всякого вреда передать их твоему святому царскому величеству или тому, кого твое святое царское величество назначит.

Получив известие о том, что твое святое царское величество вступил в Сербскую землю, мы со всеми нашими силами должны приготовиться в продолжение двух недель после дошедшего до нас слуха и выступить морем против приморских городов и земель [неприятеля] с теми людьми, которые будут тогда находиться в городе Дубровнике, оставив, однако, в нем необходимое для его страны количество людей.

---

[1] Стефан Урош — сербский король (краль), (1243—1276 гг.).
[2] Рашская страна — Сербия.

Если бы Урош, или его брат Владислав, или кто другой из его рода, или владетель, пожелал нанести нам обиду, или бы нанес ее, то твое святое царское величество да поможет нам по мере своих сил и да причинит им вред.

Если прибудут в наш город Дубровник люди и купцы от твоего святого царского величества и от севастократора[1], зятя святого твоего царского величества, то да будут они и имущество их хранимы и покровительствуемы в Дубровнике и в его пределах, подобно самим дубровчанам, и да проживают они в Дубровнике по своей воле, и да устроят свой рынок, продавая и покупая без всякой пошлины и без всякого убытка, и не взимать с них никакой пошлины ни у ворот, ни на постах, ни на переправах, ни на дорогах. Но пусть они покупают всякий товар, какой им нужен: золото, серебро, одежды, золотые ткани или что другое им нужно, кроме пшеницы, которая не должна вывозиться из города Дубровника без повеления князя, который будет в это время в Дубровницком княжестве.

Точно так же и люди и купцы преславного города Дубровника, прибыв в землю святого твоего царского величества и в землю зятя святого твоего царского величества севастократора Петра, да покупают и продают без убытка свободно, по своей воле всякий товар в сказанных землях, и да не взимается с них пошлина или какая-нибудь дань ни в городах, ни в торговых селах, ни на мостах, ни на реках, ни на дорогах; но да будут свободны на всяком месте и проживают, и ходят по своей воле, и возвращаются, и да будут хранимы и защищаемы как лично сами, так и их имущество.

В случае смерти в княжестве Дубровницком какого-нибудь жителя или купца твоего царского величества, или жителя либо купца высокого севастократора Петра, который бы оставил завещание, или бы не имел такового, ни даже товарищей, — должна быть сделана опись всего имущества этого покойника, которое должно сохраняться в целости до того времени, пока твое святое царское величество пошлет для получения его свое письменное требование Точно так же если случится смерть дубровницким жителям и купцам во владениях твоего святого царского величества или во владениях высокого севастократора господина Петра, оставившим завещание или не оставившим, и при них не будет товарищей, то имущество такового умершего должно быть хранимо твоим святым царским величеством и передано тому, кто будет послан за имуществом сказанного умершего с письмом от господина дубровницкого князя.

Если люди твоего святого царского величества или Петра высокого севастократора предъявят какую-либо претензию к кому-нибудь жителю Дубровницкого княжества, то мы обязуемся

---

[1] Севастократор — один из первых высших чинов византийской иерархии после деспота. Деспот — звание, присваиваемое членам династии.

рассмотреть дело в суде без судебных издержек и пошлин и в соответствии с нашим законом вынести справедливое решение.

Точно так же да будет справедливое судебное решение без всякой пошлины и судебных издержек в соответствии с законами твоего святого царского величества и высокого севастократора Петра. Да не будет никакого взыскания между твоим святым царским величеством и нами, пока не будет дело рассмотрено в суде и не вынесено решение по справедливости.

Если бог поможет твоему святому царскому величеству завладеть Сербской землей, то да сохраним мы и тогда те старые законы, какие имел город Дубровник, которыми и будем мы управляться со всеми землями и городами приморскими Сербии, как то было при сербском правлении тому уже 15 лет.

И если бог поможет твоему святому царскому величеству стать господином всей Сербской земли, то никакие злые люди да не создадут неприязни между святым твоим царским величеством и нашим городом, но да будет все большая любовь.

. . . .

Существующий договор о пошлине на соль между сербским кралем и городом Дубровником должен быть сохранен и твоим святым царским величеством, а именно: половину прибыли от всей соли, продаваемой жителям Рашки, да получает твое святое царское величество, а другую половину — община Дубровника, как то было в старом законе..., а именно: от реки Дрин до Неретвы [1]. Пошлина на соль да не взимается в другом месте, кроме Дубровника.

Это обещание и это писание, чтобы оно получило большее подтверждение, имеет печать общины и славного Марсилия Георгия, князя нашего города Дубровника.

. . . .

[Следуют подписи судей, вечников, казначеев и других.]

6. ДАРСТВЕННАЯ ГРАМОТА ЦАРЯ ИОАННА АЛЕКСАНДРА[2] ВЕНЕЦИАНЦАМ (1352 г.)

Дуйчев Иван. «Из старата българска книжнина», т. II, София.

Мое царское величество дает это повеление моим друзьям и братьям франкам венецианцам и клянется мое царское величество богом отцом и девой Марией... и моей душой, что все венецианские купцы могут передвигаться со своими кораблями и товарами по всему нашему царству здравы и беззаботны. Они должны платить за торговлю 3% пошлины. Не может нести наказания ни сын за отца, ни отец за сына. Если к несчастию случится погибнуть какому-нибудь кораблю, то спасать имущество и людей. За

[1] Реки Дрин и Неретва впадают в Адриатическое море. Одна южнее, другая севернее Дубровника.

[2] Болгарский царь Иоанн Александр вступил на престол в 1331 г.

груз [стоимостью] в 100 перперов[1] да платят 4 гроша[2]. За взвешивание товара на весах — 1 аспра[3] и четверть; за прибывший большой корабль [платится] 2 перпера; за малый — 1 перпер. Если товары не продадутся, то [купцы] да уходят, как им нравится — по суше или по морю, и да не платят ничего. Ни один венецианец не может быть подвергнут наказанию прежде, чем он не был на суде. Также если умрет какой-нибудь венецианец, не оставив завещания, никто не может распорядиться его имуществом, кроме самих венецианцев. Они также могут покупать и строить церкви и магазины, где им нравится в землях, и никто не может им противиться по этому повелению. Если кто дерзнет противиться, тогда будет он предателем моего царского величества.

7. БЕЗЫМЕННАЯ БОЛГАРСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Дуйчев Иван. «Из старата българска книжнина», II, София.

Мурад[4] поднялся снова на бой или против болгар, или против Углеши. Когда Углеша и краль Вукашин[5] узнали это, собралось множество сербского войска, а также из Далмации и из Требинье. Тогда пришло и множество турок вместе с Мурадом, разразился великий бой и случилось страшное кровопролитие на реке Марице. Турки убили у реки Марицы Углешу и краля Вукашина. Оба они погибли в 6879 [1371] году на 26-й день месяца сентября.

Перед этим сражением умер тырновский царь Александр[6]... На престол вступил царь Шишман, сын Александра.

В то время в Царьграде царствовал Калоян Палеолог, турки тогда нарушили клятвы, которые дали грекам, и заняли город Галлиполи и окрестные села, взяли Македонию и начали воевать так, как им угодно. На переправе поставили свою стражу, отослав греков по домам.

Царь Калоян после 35-летнего царствования умер в 6880 [1372] году, и на престол вступил его сын Мануил Палеолог. Тогда собралось великое множество турок, и они начали завоевывать и полонить земли и города... Они взяли Драч, даже [область]

---

[1] Пе́рпер — староболгарская золотая монета, содержавшая $16^2/_3$ карата (карат = $^1/_5$ грамма) золота. 1 перпер равнялся 6 грошам и 5 аспрам.

[2] Грош — наиболее распространенная серебряная монета средневековой Болгарии. Царь Иоанн Асень начал чеканить медные гроши. 1 грош равнялся 6 аспрам.

[3] Аспра — самая мелкая серебряная монета, равная $^1/_6$ гроша.

[4] Мурад — турецкий султан.

[5] Два брата, деспот Углеша и краль Вукашин (правитель Македонии), объединились с другими сербскими государями и заключили союз с боснийским баном Твртко и болгарским царем Иоанном Шишманом для борьбы против турок.

[6] По данным болгарских историков Дуйчева и Пастухова, Александр умер в 1371 г.

до Далмации, овладели и всей Арбанаской землей, так как христианские государства были немощны и не было кому им сопротивляться.

Через несколько лет они [турки] отправились против Сербской земли, и там разразилась брань, в коей из них [сербов] было погублено превеликое множество — бесчисленное воинство — и настало кровопролитие... Тогда один из воинов по имени Милош, будучи очень храбр,... пронзил [копьем] нечестивого Мурада, выбросил копьем все его внутренности и его прескверную душу. Турки убили сербского князя [краля] Лазаря в 6897 [1389] году, в июне месяце. Баязид взял царство своего отца Мурада, покорил под свою власть и Сербскую землю, принудил их [сербов] давать ему дань, посылать ему войска и ходить [на войну]с ним, а деспота Стефана [1] поставил владеть отцовским престолом над сербами.

После немногих дней снова поднялось превеликое множество турок, отправились они против валахов на Мирчо-воеводу, и разразился великий бой, так что среди турок пало много избранных из сильных, так же как и из христианских владетелей... Такое бесчисленное множество копий было поломано, что нельзя было видеть воздух от множества стрел. Там протекла кровавая река от множества человеческих трупов, так что и сам Баязид устрашился и побежал. Он поставил, однако, одного из властелинов управлять этой страной, так как Мирчо убежал в мадьярскую землю. Да и сам Баязид бросился в бегство, желая переправиться через Дунай. Он поставил стражу по всей переправе через Дунай.

Он захватил болгарского царя Шишмана и погубил его в 6903 [1395] году на 3-й день месяца июня, овладев также и Болгарской землей [2], и поставил своих правителей там, по всей Болгарской земле.

---

[1] Деспот Стефан был сыном сербского краля Лазаря, погибшего в Косовой битве 1389 г.

[2] Войско турецкого султана Баязида осадило столицу Болгарского царства Тырново. Осажденные мужественно защищались, более 3 месяцев выдерживая осаду. Наконец, город был взят турками и предан разрушению и разграблению (17 июля 1393 г.). Один из свидетелей последних дней жизни древней болгарской столицы говорит, что если бы он взялся описывать подробно виденное им, то он бы потопил своих соотечественников в скорби и слезах, и потому он не дал такого описания. Позднее погиб болгарский царь Иоанн Шишман, 1395 г.

Сербия XII—XV веков

Введение

Приводимые здесь документы относятся к истории Сербии XII—XV вв., т. е. ко времени существования Сербии как самостоятельного государства. Документы эти в большинстве случаев трудны для понимания и предназначены для учителя, а не для ученика, но они чрезвычайно важны, дополняя скудный по необходимости материал учебника для средней школы. Первые два документа (1 и 2) дают общее описание Сербии, свидетельствующее о богатстве страны, о независимости и храбрости ее жителей, с оружием в руках отстаивающих свободу от Византии (об этом, хотя и тенденциозно, свидетельствует *документ 1*), в *документе 2* характерна жадность, с какой западный наблюдатель, доминиканский монах Буркард, смотрит на богатства этой страны. *Документ 3* говорит о той жестокости, с какой сербские короли, возглавлявшие в это время уже создавшийся в Сербии класс крупных землевладельцев-феодалов, расправлялись с ересью богомилов, распространявшейся среди закрепощаемых крестьян в Сербии. Более подробные сведения о них см. в отделе «Болгария в VII—XV вв.».

Документы 4 и *5* посвящены истории южного славянского города Дубровника, который часто называют Славянской Венецией. Основанный, вероятно, еще в VII в. греками, он стал мало-помалу славянским городом и изменил свое прежнее название Рагузы на Дубровник. Расположенный на берегу Адриатического моря, он уже в IX в. стал играть крупную роль в средиземноморской торговле, в X в. конкурировал с Венецией. Наибольшего расцвета он достиг в XIII—XV вв. Номинально до 1204 г. он был подчинен Византии, затем был под протекторатом Венеции (до 1358 г.) и Венгрии (до начала XVI в.). В действительности, Дубровник был самостоятельной республикой, напоминавшей по своему устройству итальянские города или русский Новгород. Торговля его в XIV в. была очень обширна. Дубровчане занимались не только транзитной торговлей, но и вывозили продукты своей собственной промышленности: шерстяные, льняные, шелковые ткани, изделия из золота и серебра, разработку которых они же вели в соседней Боснии и Сербии, посуду, обувь, стекло, свечи, мыло и т. д. Население этого города-республики доходило до 150 тыс. человек, что для того времени было очень велико. Особое значение имел вывоз соли, о которой говорит документ 5. Богатством купцов Дубровника объясняются также и финансовые операции Дубровника, произведенные им с имуществом сербского деспота Юрия Бранковича *(документ 5)*. О Дубровнике см. также документы в отделе «Болгария VII—XV вв.».

Важнейшим из приводимых в данном разделе хрестоматии документов является «Законник царя Стефана Душана», один из самых значительных источников наших знаний о социальном и политическом строе Сербского государства в XIV в. *(документ 6)*. Ввиду его трудности он приведен в сокращенном виде и снабжен подстрочным примечанием и комментариями.

Законник состоит из двух частей: первая, утвержденная собранием сербских феодалов 1349 г., вторая — дополнения к ней, принятые собранием 1354 г.

Душанов Законник — важнейший памятник сербского средневекового права, сводящий воедино действовавшее в славянских странах Балканского полуострова византийское право с выработавшимися жизнью нормами серб-

ского права, до тех пор отражавшимися лишь в хрисовулах кралей. Однако, рожденный в шуме классовых битв XIV в., Законник не был просто опытом кодификации. Он является боевым актом феодально-властельской верхушки, господствовавшей в Сербии того времени, актом, вызванным различными проявлениями крестьянского недовольства — развитием богомильства, которое было не только ересью, но и учением, выступавшим на борьбу против феодального строя, а также крестьянскими волнениями и мятежами. Если эти классовые моменты видны уже в первой части, то вторая почти целиком посвящена им. Законник не только подводил итоги, но вводил и новое; он значительно ухудшил положение крестьян, закрепостив их окончательно и прикрепив к земле.

Документы 7, 8, 9 и *10* говорят о трагическом событии в жизни сербского народа, разгроме их турками на Косовом поле в 1389 г. и конце их государственной самостоятельности. Это горестное событие в жизни сербской истории нашло свое отражение в великолепном сербском эпосе, в сказаниях и песнях о Косовой битве *(документ 10)*. Весь этот материал доступен пониманию учащихся и может быть в выдержках зачитан на уроке.

* * *

Высказывания классиков марксизма по истории Сербии XII—XV вв.: К. Маркс, Хронологические выписки, т. I («Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 189, 190), т. II («Архив Маркса и Энгельса», т. VI, стр. 174, 175, 176, 178, 179, 180, 181, 184, 186, 188, 189, 192. 195, 196, 197, 199, 200, 203, 204, 208, 364).

* * *

Документы 4, 5, 6 подобраны и снабжены примечаниями С. А. Никитиным. Остальные документы заимствованы из книги А. Погодина «История Сербии» и из Хрестоматии по истории средних веков П. Виноградова, т. III. Введение написано С. Д. Сказкиным и С. А. Никитиным.

1. СЕРБИЯ В XII В. ПО СВИДЕТЕЛЬСТВУ ТРИРСКОГО АРХИДИАКОНА ВИЛЬГЕЛЬМА

(Погодин, История Сербии, стр. 34)

В это время [1168 г.] император Мануил находился в Сербии. Это — гористая и поросшая лесами, трудно доступная страна, лежащая посредине между Далмацией, Угрией и Иллириком. Сербы возмутились, надеясь на теснины путей, ведущих к ним, и на непроходимость своей страны. Это народ необразованный, без всякой дисциплины, обитатель гор и лесов, незнакомый с земледелием; сербы богаты стадами домашнего и вьючного скота, молоком, сыром, маслом, мясом разных животных, медом и воском. Они имеют правителей, называемых жупанами, иногда служат императору, а иногда, выходя из гор и лесов, опустошают всю окрестную страну. Именно вследствие того, что их соседям не стало от них житья, император пошел на них с большой храбростью, взяв с собой многочисленное войско.

2. СЕРБИЯ К СЕРЕДИНЕ XIV В. В ОПИСАНИИ БУРКАРДА

(Из его сочинения «Directorium ad passagium ultramare». Погодин, История Сербии, стр. 65)

В Сербии нет укрепленных городов, окруженных рвами и стенами; дома и дворцы короля и бояр выстроены из дерева. Это государство изобилует хлебом, вином и скотом, богато потоками, ключами и реками; в нем есть и леса, и горы, и равнины, и долины; вообще все, все, что там есть, все прекрасно, особенно в стране, прилегающей к морю. В Сербии пять золотых рудников и столько же серебряных, и в них непрестанно работают рудокопы: кроме того, есть смешанные золото-серебряные рудники в различных местах. Леса также превосходны. Кто овладеет этой землей, тот приобретет драгоценнейшее сокровище нынешнего века.

3. СЕРБСКИЙ КОРОЛЬ СТЕФАН НЕМАНЯ ПРОТИВ БОГОМИЛОВ

Одних он сжег, других наказал иными способами, третьих изгнал совсем из своей страны; собрав все их дома и имущество, он роздал их прокаженным и нищим. Учителю же и начальнику богомилов за то, что он отрицал божественность Христа, он отрезал в гортани язык, книги его нечестивые сжег, а самого отправил в изгнание, запретив даже упоминать его проклятое имя.

4. ЗАПИСЬ О ПРИЕМЕ ДУБРОВНИКОМ НА ХРАНЕНИЕ ИМУЩЕСТВА ДЕСПОТА ЮРИЯ БРАНКОВИЧА[1] (1441 г.)

Я, князь, властели и вся община правящего города Дубровника приняли от славного господина деспота Георгия господаря Сербской земли... на хранение нижепоименованное имущество.

А прежде всего дукатов[2] золотых 10 мешков, а в каждом мешке 5 тыс... [следует число монет в каждом мешке].

...Сумма 50 тыс., а из них венецианских 43 тыс. 5 сот и 53 дуката и венгерских 613 дукатов, и турецких 313.

И золота в цепочках 6 мешков: 1 — цепей 65, весом 101 литр 10 унций и 4 аксаги[3]... [следует перечисление веса каждого мешка]... Сумма золота шестьсот и одиннадцать литров и унция, 2 аксаги.

И серебра смешанного с золотом два мешка... Сумма 343 литра 6 унций 4 аксаги. А вышеуказанные 2 мешка оставлены запечатанным печатью... митрополита.

И серебра белого 29 мешков... [следует перечисление веса каждого]... Сумма 2 тыс. и 9 сот и 27 литров 6 унций 3 аксаги.

И аспер[4] 32 мешка, из них 20 мешков — в каждом по 30 тыс. аспер, 6 мешков — в каждом по 40 тыс. аспер, 2 мешка — в каждом по 35 тыс. аспер, 2 мешка — в каждом по 25 тыс. аспер, 2 мешка — в каждом по 20 тыс. аспер. Сумма тысяча тысяч аспер, которые весят 3 тыс. и 5 сот литров и 2 унции 3 аксаги.

И вещей серебряных — 9 чаш весом 99 литров и 2 унции, два шандала больших весят 24 литра 9 унций, два шандала малых весят 14 литров 2 унции, один подсвечник весит 6 литров 8 унций... один рукомойник весит 15 литров 4 унции...

---

[1] Юрий Бранкович — сербский князь (1427—1456), носивший титул деспота, признанный за сербскими повелителями византийским императором и обычно носимый византийскими правителями областей (наместниками). Бранкович был одним из последних сербских государей; он находился уже в вассальной зависимости от турецкого султана и был обязан платить ему дань и помогать в войнах. Его дочь была взята султаном в свой гарем. Теснимый турками, а от Дуная венграми, он с трудом отстаивал призрачную независимость своей страны. Как раз в 1441 г. после разгрома, нанесенного ему турками за два года до того, Бранкович готовился к новому столкновению с Турцией. Ему для этого была нужна безопасность и свобода распоряжаться своими средствами, что он и находил в Дубровнике. Богатства его сослужили свою службу, и в 1433 г. соединенные силы Бранковича и польско-венгерской рати, призванной им на помощь, нанесли туркам поражение.

[2] Дукат — золотая монета.

[3] Сербская система мер веса была заимствована из Византии. Основной единицей веса был литр, составлявший единицу, близкую по весу к римскому фунту: он делился на 12 унций, а унция — на 6 аксаг. Весовая величина литра не была одинакова. В частности, в Дубровнике применялось два литра: тяжелый — для взвешивания обычных предметов и легкий — для определения веса драгоценных металлов и бисера. Последний, а о нем, повидимому, и идет речь в документе, весил около 330 граммов.

[4] Аспер — мелкая турецкая монета (см. примечание 3 к документу 6 в разделе «Болгария», стр. 192).

2 ведра весом 1 литр 8 унций, 50 чаш с надписями и позолоченные, все весом 53 литра 6 унций. Сумма вещей 348 литров 4 унции.

А по этой вышенаписанной сохранной выписи приняли мы, пока жив господин деспот Юрий, он волен взять вышеуказанное по своему желанию и что скажет с ней сделать. А по его смерти — его жена, госпожа Ирина, а по Ирининой смерти — трем сыновьям его — или им все сразу взять, или каждому свою часть. А если бы захотели взять данное на сохранение, не может взять того, что не внесено в эту запись и лист верющий с печатью, который нам представили посланники господина деспота.

А это написано в выборной палате и думе боголюбимого города нашего Дубровника в лето от рождества христова 1441 г., месяца января в 25 день. И повелели запечатать этот лист нашей обычной великой вислой печатью дубровнической. А написал наш логофет Никша Звездич по повелению властей Дубровника и переписал в великой общине слово в слово. Боже, помилуй его.

5. ДОГОВОР КОРОЛЯ СТЕФАНА УРОША С ДУБРОВНИКОМ (1254 г.)

Я, Стефан Урош, с помощью божией краль всей сербской земли и Поморья[1], обещаю находящемуся здесь князю дубровническому Злату Андрею и всем властелям дубровническим и всей общине градской...

1) Как держали земли и виноградники до смерти господина отца моего[2], так и держите. А что окажется засаженным виноградом, или какие земли занятые после [его смерти], то должно быть исправлено судом, и что суд найдет принадлежащим моему королевскому величеству, будет мое, а что скажет ваше — то вам.

2) Суд пусть собирается от Михайлова дня до Георгиева дня[3], где будет нужно, и собирается пусть там, где и прежде, в дни отца моего.

3) Оба судьи пусть приносят присягу, что будут судить по правде.

5) И если где-либо случится преступление между людьми моего королевства и вашими людьми — пусть судом установлена будет правда.

6) Если войска мои где-либо встретятся с вашими людьми, — будут ли они с товарами или без товаров, — да не чинят им никакого зла.

7) Это я сделал, чтобы жили по закону, как в дни господина отца моего.

---

[1] Поморье — часть побережья Адриатического моря, принадлежащая Сербии.

[2] Стефан Первовенчанный (1196—1228) — король сербский.

[3] Михайлов день — 8 ноября, Георгиев день — 26 ноября ст. стиля.

10) И вы уважайте мое королевское величество, как уважали господина отца моего.

12) Торговцы ваши пусть идут на Бресково[1] и, уплативши там десятину с соли, после того пусть проходят через всю землю моего королевства свободно.

И как хочет все это сохранить мое королевское величество, так бог да сохранит меня в сем веке и будущем.

В лето 6762[2] индиктион 12[3] месяца августа 23 утверждено мое это обещание перед архиепископом и перед князем Георгием и перед жупаном Стефаном.

Стефан Урош, с помощью божией краль всей Рашской земли и Поморья.

6. ЗАКОННИК ЦАРЯ СТЕФАНА ДУШАНА (1349 г.)[4]

1

Закон благоверного царя Стефана

В лето 6857[5] индикта 2, в праздник вознесенья господня, месяца мая 21 день. Этот Законник составлен православным собором нашим — преосвященным патриархом кир-Иоанникием и всеми архиереями, и духовенством, малым и великим, и мною, благоверным царем Стефаном, и всеми властелями моего царства, малыми же и великими.

Этих законов положения были:

9. И если окажется еретик, женившийся на христианке, если захочет, пусть окрестится в христианство; если же не окрестится — пусть возьмут у него жену и детей, и он им пусть дает часть от дома, а сам будет изгнан.

10. И если окажется живущий среди христиан еретик, пусть будет заклеймен и изгнан; так же должен быть заклеймен тот, кто будет его укрывать[6].

---

[1] Бресково — самый старый торговый пункт средневековой Сербии; играл большую роль в сербо-дубровнических торговых сношениях.

[2] 1254 г. нашей эры.

[3] Индикт (или индиктион). В Византии существовал счет времени по пятнадцатилетиям. Порядковый номер в пятнадцатилетии назывался индиктом.

[4] Царь сербский Стефан Душан (1331—1355) — первый из сербских владетелей, присвоивший себе титул царя. На короткий срок он собрал в своих руках не только сербские земли, но и завоевал ряд византийских областей. Однако могущество его было непрочно. Сила сербских феодалов не была сломлена. Уже сам Душан разделил Сербию на 16 областей, раздав их в управление своим родственникам и вельможам, многие из которых после смерти Душана объявили себя независимыми. Сербия вновь распалась на ряд феодальных княжеств

[5] 6857 г. соответствует 1349 г. нашей эры.

[6] Выражением «заклеймен» мы передаем стоящее в подлиннике выражение «пусть будет жжен по лицу». Это и предыдущее правило направлены не против иноверцев-иностранцев, а против сербских еретиков и в первую очередь — против богомилов.

21. И кто продаст христианина в иную — неверную — веру, пусть у него будет отсечена [рука] и отрезан язык [1].

22. И властельские люди, которые сидят по церковным селам и катунам [2], пусть всякий возвратится к своему господину [3].

26. Церкви все, какие находятся на земле моего царства, освобождаются от всех работ, малых и великих [4].

33. Церковные люди [5] по всякой тяжбе пусть судятся у своих митрополитов и у епископов и игуменов. Если оба принадлежат к одной церкви, пусть судятся у своей церкви. Если же тяжущиеся из двух церквей, их должны судить обе церкви.

34. И какие есть меропские [6] села в моем царстве — в Загорье [7] и в других местах — церковные люди пусть не ходят на меропщину [барщину] — ни на сенокос, ни на пашню, ни на виноградники, ни на какие другие малые и великие работы. Я — царь — освободил их от всех работ, чтобы работали только церкви. Кто же погонит [церковных людей] на меропщину и нарушит царский закон, то у того начальника пусть будет конфисковано имущество и [сам он] наказан.

35. И передал я — царь — игуменам церкви, чтобы владели всяким домом, кобылами и конями, и овцами, и всем прочим, и чтобы во всем они были свободны, как следует по закону и по правде и как написано в хрисовулах [8] святых основателей.

38. Отныне и впредь мои царские жеребята и кони пусть не отдаются на прокормление [9] ни церквам, ни церковным селам.

---

[1] Имеется в виду продажа в рабство. Торговля рабами сохранялась в Сербии до XV в. Помимо пленных, обращавшихся в рабство, положение отроков приближалось к состоянию рабов.

[2] Катун — горная местность, где расположены пастбища.

[3] Разные группы феодалов средневековой Сербии имели разные права. Владения церкви были освобождены от воинской повинности. Это привлекало крестьян, бежавших от своих владельцев, на церковные земли.

[4] Работа — повинность. Крестьяне в Сербии были обязаны пахать землю и сеять, обрабатывать виноградники и хмельники, косить сено, строить города и укрепления и т. д. Совокупность этих повинностей, выполнявшихся личным трудом и скотом крестьян, носила название великих и малых работ.

[5] Церковные люди — население земель, принадлежащих церковным организациям.

[6] Меропскими селами называли все те поселения — царские, церковные или принадлежавшие отдельным феодалам — властелям, — жители которых отбывали повинность на землевладельцев. Они обычно назывались меропхами (крепостными).

[7] Загорье — в данном случае то же, что Сербия, в отличие от завоеванных византийских земель.

[8] Хрисовулами называли грамоты (или указы) сербских королей и царей. Обычно при учреждении нового монастыря или пожалования каких-либо земель церкви это пожалование сопровождалось изданием хрисовула, в котором перечислялись пожалованные владения, а также права и льготы, предоставляемые новому владельцу. Самое слово «хрисовул» заимствовано из греческого языка и в переводе значит «златопечатанное слово».

[9] Одна из обязанностей землевладельцев, от чего теперь освобождалась церковь.

39. Властели и властеличичи [1] — сербы и греки, находящиеся в государстве моего царского величества, получившие баштины [2] по хрисовулам от меня и все, чем они владеют до этого собора, пусть те баштины будут тверды [3].

40. И все хрисовулы и указы, данные моим царским величеством, и те, которые будут даны, и те баштины, что даны первыми правоверными царями, да будут тверды. И пусть ими свободно располагают — [хотят] ли дать церкви, или на помин души, или продать кому-либо.

41. Если властель был бездетным, или если дети были, но умерли, после его смерти баштина пуста, пока в его роду не найдется [потомок] до третьего племянника, — пусть он и получит его баштину.

42. Все баштины свободны от всяких работ и податей, исключая сока [4] и воинской службы по закону.

43. Ни господин царь, ни краль [5], ни госпожа царица не могут ни у кого взять баштину насильно, ни купить, ни выменять, если ее владелец сам не захочет.

44. И отроки [6], которых имеют властели, пусть будут им баштиной [7] и детям их в баштину вечную; но в приданое отрок даваться не должен.

46. И отроки, кто их имеет, пусть будут им в баштину. Освободить их могут только властель, или его жена, или сын, и никто другой освободить их не может.

49. Если какие-либо чужие войска перейдут границу, пограбят землю царскую и возвратятся тем же путем, то пограничные властели [8], через землю которых прошли иноземцы, должны за все заплатить.

50. Властель, выбранивший и осрамивший властеличича,

---

[1] Властели и властеличичи — название сербских землевладельцев-феодалов, обязанных военной службой по призыву царя (краля). Властель — крупный феодал-землевладелец, властеличич — более мелкий.

[2] В средневековой Сербии, а также и в Болгарии различались два вида земельного держания: баштина и прония. Первая из них была наследственным владением, сходным с тем, что на Руси называлось вотчиной. В одном документе о пожаловании земли в баштину говорится, что она предоставляется «им и их детям после них в баштину, навсегда». Прония была условным, временным владением, дававшимся за выполнение определенной службы. Бывали случаи, когда пронии в дальнейшем переходили в баштины.

[3] Законник подтверждает прочность баштинного владения.

[4] Сок — подать на землю, поступавшая натурой государю.

[5] Краль — в этом месте значит наследник царского престола.

[6] Отрок — несвободный человек, близкий по положению к рабу.

[7] В данном месте баштином называется наследственная собственность на отрока.

[8] Основной обязанностью властелей пограничных областей была охрана границ государства.

пусть платит 100 перперов[1], а властеличич, выбранивший властеля, — 100 перперов, и пусть будет бит палками[2].

55. И если себр[3] выбранит властеля — платит 100 перперов и будет заклеймен. Если же властель или властеличич выбранит себра — платит 100 перперов.

59. Никто не может ни продать пронию, ни купить, если не владеет баштиной. Из прониарской земли никто не может отдавать церкви, если же отдает, пусть не будет твердо [т. е. может быть отнято][4].

60. Всякий должен везти царя, когда он едет куда-либо — город до жупы[5], жупа до жупы и опять жупа до города.

67. Отроки и меропхи, живущие вместе в одном селе, всякую плату, приходящуюся [на них], пусть платят по количеству душ. Как плату платят и работу работают, так пусть и землю держат.

68. Меропхам закон по всей земле. В неделю пусть два дня работают прониару и дают ему в год царский перпер, и пусть косят ему один день сено все могущие работать и также работают день в винограднике, если же кто не имеет виноградника, то пусть один день выполняют ему другие работы. И все, что наработает меропх, все они приобретают, а иного ничего сверх закона пусть у них не отнимается[6].

69. Себры не могут собираться на сбор. Если кто будет собирать их — у такого отрезать уши и выжечь ресницы[7].

72. Если кто из несвободных придет на царский двор, вся-

---

[1] Перпер — золотая монета.

[2] Этой статьей устанавливается обычное для феодального общества неравенство наказаний за преступления, совершенные против лиц различного социального положения.

[3] Себр — свободный человек, но не принадлежавший ни к духовенству, ни к властелям. Иногда понятие себр употреблялось как общее для свободных и крепостных — меропхов.

[4] О пронии см. прим. 2 на стр. 202. — Эта статья имеет в виду помешать превращению пронии, обязанной службой, в свободную от повинностей баштину.

[5] Жупа — сельский округ.

[6] Эта статья говорит о повинностях крепостного меропха прониару. При чтении ее следует иметь в виду 139-ю статью Законника, устанавливающую право меропха судиться с господином. Что же касается повинностей меропха баштанникам, то о них говорят многочисленные хрисовулы. В хрисовуле Душана Призренскому Архангельскому монастырю (1348) устанавливаются два рабочих дня в неделю. Очень подробно перечисляются повинности крестьян-меропхов в хрисовуле краля Милутина (ок. 1313—1318). Там устанавливается площадь земли, обрабатываемой меропхом под озимые, яровые и другие посевы. Так же, как в 68-й статье Законника, меропх обязывается работать в винограднике и косить сено, а также выполнять другие работы (см. А. Соловjев, «Одобрани споменици српског права», Б. 1926, стр. 135, 92—95).

[7] Усиление феодального гнета в Сербии XIV в. нашло себе яркое выражение в этой статье Законника. Законодатель стремится обезопасить себя от крестьянских волнений и запрещает сельские сходы (соборы). Право совместного обсуждения тех или иных вопросов (т. е. право собираться на собор) остается привилегией феодальной верхушки — властелей и духовенства.

кому пусть будет оказана правда за исключением властельского отрока [1].

73. Село с селом пусть пасет, где одно село, там и другое, исключая законных заповедных лесов и лугов. В них никто не должен пасти [2].

82. Когда в селе остановится влах или албанец [3], то другой, идущий за ним, пусть не останавливается в том же селе. Если же остановится насильно, пусть платит штраф и за потравленное.

85. Кто скажет бабунское слово [4], то если он властель — платит 100 перперов [штрафа], если же не властель [5] — 12 перперов, и пусть будет побит палками.

86. Если убийство совершено непреднамеренно и без насилия, убийца платит 300 перперов; если же убийство преднамеренное — отрубить [убийце] обе руки.

93. Кто проводит чужого человека в чужую землю, обязать доставить хозяину семерых [6].

94. Если властель убьет себра в городе или жупе, или катуне — платит 1 000 перперов, если себр убьет властеля — отрубить ему обе руки, и пусть платит 300 перперов.

96. Кто окажется убийцей отца или матери, или брата, или своего ребенка — пусть будет такой убийца сожжен на огне.

97. Кто вырвет бороду у властеля или доброго человека — отрубить ему обе руки [7].

98. Если два себра друг у друга вырвут бороду — штраф за это 6 перперов.

99. Если кто подожжет дом или гумно, или солому, или сено —

---

[1] При сопоставлении этого пункта Законника со 112-й статьей его выясняется, что отрок не мог найти не только суда, но и не находил убежища от своего хозяина (см. ст. 112).

[2] Эта статья говорит об общинных пастбищах, находившихся в руках жуп. Каждая жупа была обязана наблюдать за своим скотом, чтобы он не заходил на пастбище другой жупы. Для предупреждения этого были установлены штрафы за потраву. Если на территории жупы оказывалось властельское или царское село, оно пользовалось правом пасти свой скот на жупном пастбище.

[3] Наряду с оседлым сельским населением в Сербии были скотоводы румыны (влахи) и албанцы. Так как они со своими стадами переходили с места на место, то случаи потрав бывали часто.

[4] Бабунами называли богомилов.

[5] Некоторые списки Законника говорят в этом месте о себрах.

[6] Речь идет о способствовании к бегству несвободного человека от одного землевладельца к другому, что свидетельствует о росте потребности в рабочих руках.

[7] Борода считалась знаком чести, а повреждение ее — нанесением человеку бесчестия. Точный смысл термина «добрый человек» неясен. Некоторые исследователи считают его относящимся ко всякому честному и почтенному себру. Вряд ли эти предположения удачны. Общий тон сербского законодательства, ставящий себров во всех отношениях ниже властелей, заставляет в этом сомневаться.

село обязано выдать поджигателя. Если же не выдаст — платит все, что обязан был платить и претерпеть поджигатель [1].

103. Отроки должны судиться по всем своим проступкам у своих господ, а по царевым, т. е. за кровь [2], вражду [3], за воровство, разбойничество и прием [беглых] людей — у судей.

106. Если какое-либо зло учинит властельский дворянин [4], то если он прониаревич, оправдывает его отцовская дружина поротою [5], если же себр, то испытывается котлом [6].

111. Кто осрамит судью, то если он властель — у него все отнимается, если же село — пусть будет разграблено и разорено.

112. Кто, — будь то мой царский человек, церковный или властельский, — убежит из темницы, пусть будет свободен со всем тем, с чем придет [7].

115. Кто принял принадлежащего кому-либо человека из чужой земли [8], а он бежал от суда своего господина, если беглый представит милостивую царскую грамоту [9], она не должна признаваться недействительною. Если же не представит милости — возвращается ему [т. е. господину].

---

[1] Эта и некоторые другие статьи Законника устанавливают коллективную ответственность села за невыдачу преступников. Это были остатки разрушаемого феодалами общинного самоуправления, о котором Энгельс применительно к Германии говорил: «Общинники первоначально в равной степени участвовали в законодательстве, управлении и судопроизводстве в пределах марки» (Ф. Энгельс, Марка. Партиздат, 1933, стр. 10).

[2] Кровь — убийство.

[3] Вражда — название одного из видов штрафа, взимавшегося за различные преступления. Некоторые думают, что в данном случае речь идет о случайном убийстве. Это подтверждается одним более поздним документом, где говорится: «за убийство и вражду» (Соловьев, 210). Однако встречаются и другие случаи, где этот термин имеет иное значение, например: «если человек обкрадет церковь и вражду учинит» (там же, 104). Повидимому, вернее предполагать, что речь идет о всей совокупности караемых этим штрафом преступлений.

[4] Властели и церковные землевладельцы имели состоявших у них на службе людей — дворян; как видно из данной статьи, они могли происходить из правящего феодального класса (прониаревич) и из себров.

[5] Прониаревич — сын прониара, т. е. человек властельского происхождения, так как владели прониями и несли службу лишь властели. Порота — клятва свидетелей.

[6] Испытание котлом состояло в следующем: подозреваемый в краже или другом преступлении ставился около большого котла с кипятком. В котел бросали кусок раскаленного железа или накаленный камень, подозреваемый засучивал рукава и обеими руками должен был это железо или камень вытащить. Если раны долго не заживали — это было знаком его виновности.

[7] Эта статья Законника и другая, какую мы не приводим, устанавливают право убежища для убежавших из темницы и пленных, явившихся на двор царя или патриарха. Существенно, что в ней подчеркнуто бегство из тюрьмы. В позднейшем добавлении к Законнику имеются статьи, запрещающие неосновательное заключение властелями в тюрьму. Очевидно, это было одним из способов расправы феодалов с крепостными. Бегство крестьянина непосредственно от владельца не давало ему свободы.

[8] Чужая земля — владение другого властеля.

[9] Эту грамоту он мог получить, очевидно, в случае неправильного суда.

118. Купцов, ходящих по царской земле, не волен никто из властелей или других людей задерживать насильно или распаковывать их товар и навязывать им силой деньги. Кто же силой будет разгружать или распаковывать товар — платит 500 перперов.

120. Царский царинник [1] не вправе принуждать или задерживать кого-либо [2], чтобы он продавал ему товар за бесценок. Пусть всякий свободно ходит по торгам со своим товаром.

123... Где рубили саксы [3] лес до настоящего собора, пусть той землей и владеют. Если у кого-либо из властелей они несправедливо отняли землю, пусть судятся с ними по закону святого краля [4]. Впредь пусть сакс не рубит [лес], а где рубит, там пусть не пашет и не селит людей, пусть земля остается пустой и растет лес...

124. Греческие города [5], которые взял господин царь и выдал им хрисовулы и указы, что они имеют и чем владеют до этого собора, тем пусть и владеют; пусть это будет твердо и ничто не отнимается у них.

126. За все, что будет ограблено или украдено на городской земле вблизи от города, платит округа.

127. Где разрушится городское укрепление или башня, их поправляют жители того города [и жупа, являющаяся округой этого города].

128. Когда господин царь будет женить сына или крестить и будет нужно ему строить двор и дом, пусть помогает всякий, и малый, и великий.

129. Во всяком войске воеводы имеют власть, равную царской. Всему, что они прикажут, пусть повинуются. Если кто-нибудь их ослушается в чем-либо — им такое же осуждение, как ослушникам царя. И суды, малые и великие, бывающие в войске, пусть судятся воеводами и никем другим.

II

139. Меропхам в земле моего царства не вправе господин ничего учинить противное закону. Только то, что написал царь в Законнике, обязаны они делать и давать. Если же [господин]

---

[1] Царинник — сборщик пошлин.

[2] «Кого-либо» — Законник имеет в виду купца. Другой статьей Законника устанавливается штраф за задержку купцов в 300 перперов.

[3] С XIII в. горное производство Сербии было в руках немцев, которых звали саксами. Они добывали руду, плавили металл.

[4] Святой краль — краль Милутин (1282—1321). Он установил, что споры этого рода (о владении землей) должны решаться смешанным судом на основании клятвенных показаний свидетелей.

[5] В войнах с Византией (1331—1334 и 1341—1352) Стефан Душан захватил значительную часть византийских владений на Балканском полуострове. Ко времени издания Законника он завладел Македонией, Албанией, Эпиром, Фессалией и некоторыми другими областями.

сделает ему что-либо вопреки закону, царское мое повеление, чтобы всякий меропх мог судиться со своим господином: будь то мое царское величество или госпожа царица, или церковь, или властели моего царства и кто бы то ни было другой. Никто не властен удерживать его от суда, но пусть судят его судьи по правде. И если меропх выиграет дело, пусть судья моего царства отдаст его на поруки, что господин все заплатит меропху в срок, и после того не вправе господин причинять зло меропху [1].

142. Если кто из властелей и властеличичей, которым царем даны земли и города, насильственно завладеет селами и людьми или чем-либо другим, нарушит закон царский, установленный мною на сборе, то отнимется у него земля, а тот, кто устроил [этот захват], пусть платит все со своего дома, и будет наказан, как перебежчик [2].

145. Повелевает мое царское величество во всех землях [3] и городах, и жупах и по окраинам, чтобы не было разбойника и вора ни в чьем владении. И таким образом укротится воровство и разбой: в каком селе будет обнаружен вор или разбойник, то село пусть будет разграблено, а разбойник повешен головой вниз, вор же ослеплен, а господин того села — приведен связанным к моему царскому величеству, и платит за все, что с самого начала причинил разбойник или вор, и кроме того, наказан, как вор и разбойник [4].

---

[1] Эта и помещаемые ниже статьи входят в состав дополнения Законника, изданного в 1354 г. По мнению одного из исследователей, издание этого дополнения было вызвано крестьянскими волнениями, последовавшими после издания Законника. Они явились реакцией сербской деревни на окончательное юридическое оформление крепостного права и усиление феодального гнета. Но эти выступления крестьян не привели к улучшению их положения. Хотя 139-я статья и носит видимость соблюдения законности, однако нововведения, какие устанавливает грамота 1354 г., лишь отягощают крепостную зависимость. Достаточно указать на то зверское калечение, какое вводится для бежавших от господина меропхов, — клеймение и распарывание носа, и те жестокие меры против разбоев, под именем которых скрывались в значительной степени крестьянские бунты. Недаром и здесь сохраняется ответственность сельской общины.

[2] Уже 44-я статья Законника свидетельствует о погоне властелей за крепостными рабочими руками. Этот процесс за несколько лет, протекших после издания Законника, повидимому, принял особенно широкие размеры. Соперничество феодалов, стремившихся к наибольшему усилению, было очень значительно. В погоне за крестьянами выигрывали наиболее сильные властели, своими захватами разорявшие хозяйство мелких владельцев.

[3] Земля — область.

[4] Эта статья о разбоях устанавливает ответственность землевладельца за разбои, совершенные его людьми. Душан стремится привлечь феодалов к более решительной борьбе с грабежами. Другая статья, которую мы не приводим, привлекает к ней. сельских старшин, чиновников, старейшин скотоводческого населения. Все они при нахождении разбойников в их владениях отвечают как соучастники. Очевидно, явления стихийного протеста крестьянских масс, выражавшиеся в действии небольших отрядов удальцов-гайдуков, приняли настолько широкий характер, что только такими угрозами можно было заставить сельские власти выполнять полицейские функции.

163. Все судьи, когда судят, пусть записывают судебные решения и хранят у себя, а другой список, переписавши, дают оправданному по суду...

166. Если пьяница... нападет на кого, ударит и окровавит, но не до смерти, у такого пьяницы выкалывать глаза и отсекать руку. Если пьяный будет задевать кого-либо или собьет шапку, или иначе оскорбит, но не окровавит, дать ему 100 палок и бросить в темницу, а выведя из темницы — бить его еще и отпустить.

169. Если в каком-либо селе, вне городов и торгов, будет обнаружен золотых дел мастер, пусть будет то село разграблено, а сам он сожжен [1].

171. Еще повелевает мое царское величество. Если мое царское величество напишет грамоту по злобе на кого-либо или по любви и милости, и эта грамота отменяет Законник... судьи не должны верить такой грамоте, но судить и решать дела по правде.

174. Землевладельцы, имеющие наследственные земли, виноградники и купленные земли, могут свои виноградники и земли отдавать в приданое или дарить церкви [или продать], но при этом работники остаются на том же месте, за тем господином, где будет село. [Если же на том месте, у того господина, чье село, не будет работника], он может эти виноградники [и нивы] взять себе [2].

190. Если в жупе родятся жолуди, то половина их — царю, а половина — властелину, чья земля [3].

201. Если меропх убежит куда-либо от своего господина в другую землю [4] или в царскую, где его найдет господин, пусть заклеймит его и распорет ему нос и даст на поруки, чтобы был опять его, а другого ничего не возьмет с него.

---

[1] Закон стремится вести борьбу не с ювелирным промыслом, а с незаконной чеканкой монеты, которая была, повидимому, распространена довольно широко. В Сербии XIV в. не было единой государственной монеты. Некоторые из сербских феодалов продолжали чеканить свою монету, но Душан их старался подчинить некоторому контролю, устанавливая пункты, где могла выпускаться монета.

[2] В этой статье говорится о наследственном крестьянском держании земли, обязанной повинностями в пользу господина. Земли, оставшиеся без работника, — вымороченные, и земли беглых переходят к господину.

[3] В сельском хозяйстве Сербии большое значение имело скотоводство и в частности разведение свиней. Короли неоднократно и до Душана устанавливали различные привилегии в пользу своего скотоводческого хозяйства. Так, Милутин запрещал на торгах (базарах) покупать мясо у других торговцев, «пока не продастся кралево». Душан имел огромные стада свиней, на откорм которых и шли жолуди, упоминаемые в Законнике. За сохранность королевских стад отвечали окрестные крестьяне, платившие за украденных свиней.

[4] Другая земля — земля другого землевладельца. Статья эта дополняет другие, закрепляющие крестьян.

7. О БИТВЕ НА КОСОВОМ ПОЛЕ

Из описания дьякона Игнатия, сопровождавшего в конце XIV столетия московского митрополита Пимена в Константинополь.

Царь Мурат пошел с войском на сербского князя Лазаря, и, как слышно, оба пали на поле битвы. Сначала обманом убил Мурата верный слуга Лазарев Милош, тогда турки выбрали царем Баязета, одержали верх над сербами, Лазаря захватили живым в плен, а с ним и многих его бояр, одних убили, других захватили живыми. По приказанию султана, Лазарь был усекнут мечом. Битва происходила на Косовом поле.

8. БИТВА НА КОСОВОМ ПОЛЕ И ГИБЕЛЬ МУРАТА

Когда дойдет до вас настоящий фирман, да будет известно, что после победы, одержанной волей божьей на Косове, мой отец султан Мурат, которого жизнь была счастлива, а смерть мученическая, несмотря на то, что после виденного им сна он молил всевышнего даровать ему мученическую кончину, цел и невредим вернулся с поля битвы, в шатер, высоко поднимавшийся к небу; и в то время, как мы испытывали величайшую радость, смотря, как отрубленные головы банов валялись под конскими копытами, как одни стоят со связанными руками, а другие с пробитыми мышцами, — вдруг совершенно неожиданно некто, по имени Милош Кобилич, с лукавством и притворством сказал, что он принял ислам, умоляя принять его в ряды победоносного войска. И когда был допущен поцеловать ногу светлого государя, вместо того чтобы это исполнить, неустрашимо направил он в славное тело пресветлого царя отравленный нож, спрятанный в рукаве, и, нанесши им тяжкую рану, напоил его мученическим шербетом. После того как сказанный Милош это дело исполнил, он бежал перед воинами, которые блистали, как на небе ясные звезды, но был настигнут воинами и на куски изрублен. Услыхав о случившемся, я направился к одру мученика, но застал его мертвым; в то же время случилось, что брат мой Якуб-бек отправился в вечность. С надежными людьми отправил я носилки с телом моего отца, чтобы предать его погребению в Бруссе. Когда прибудет тело, вы его предадите погребению, никому не сказав о случившемся, напротив, покажете перед народом знаки победы, чтобы неприятели не могли ничего заметить.

9. О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ СТЕФАНА — СЫНА ЛАЗАРЯ

...Стефан, поставленный по воле Баязета господарем Сербской земли, свято хранил данную ему клятву верности, и, спасая свою личную честь, губил отечество. Милица правила за него

Сербией, а он терял цвет сербского народа, сражаясь с христианами и неверными в рядах турецкого войска и в пользу Турции.

10. ИЗ СЕРБСКОГО ЭПОСА

Царь Лазарь и царица Милица

И как утром утро засияло,
Ворона два черных прилетали [1],
Прилетали от Косова поля
И на царском тереме уселись,
А на белу башню они пали.
Черный ворон говорит другому:
«Это ль терем Лазаря [2] владыки?»
В терему никто это не слышал,
Только лишь царица услыхала,
Из своей светлицы выходила,
Воронам двум черным говорила:
«Ради бога, птицы, расскажите,
Вы откуда утром прилетели?
Не летите ль от Косова поля [3]?
Не видали ль там два сильных войска?
Между ними не было ли битвы?
Чье же войско в битве победило?»
Отвечают вороны Милице [4]:
«Слава богу, царица Милица,
Мы сегодня от Косова поля,
Там сошлися сильные два войска,
Рать на рать ударила, сразились,
У обеих их цари погибли [5].
Кое-что осталося от турок,
А от сербов если и осталось —
Раненые, мертвые остались».
Не успели речь окончить птицы,

---

[1] Ворон считался вещей птицей.

[2] Лазарь — сербский князь, правивший южной Сербией (1370—1389), погиб 15 июня 1389 г. на Косовом поле, где войско турецкого султана разгромило соединенную сербскую армию.

[3] Косово поле — долина р. Ситницы, близ гор. Приштины. На нем разыгралась битва сербов и турок. После некоторого успеха сербов турки их потеснили. Это вызвало отступление отрядов Вуковича и Вука Бранковича, которые за это были заклеймены как изменники. Лазарь и другие воеводы попали в плен и были казнены сыном Мурата Баязетом.

[4] Милица — жена Лазаря. После его смерти правила Сербией, став вассалом Турции. Умерла в 1405 г.

[5] Во время Косовой битвы один из приближенных Лазаря — Милош Обилич — пробился к султану Мурату и смертельно ранил его кинжалом. Сам он был зарублен турками. Мурат умер от этой раны еще до поражения сербов. См. документ 8.

Подъезжает тут слуга Милутин [1].
В левой держит правую он руку,
И на нем семнадцать ран зияют;
Даже конь облит юнацкой кровью.
Говорит Милутину царица:
«Что, ты болен, мой слуга Милутин?
Уж не выдал ли царя ты в битве?»
Отвечает ей слуга Милутин:
«Помоги мне слезть с коня, царица,
Освежи меня водой студеной,
И умой вином больные раны.
Я от тяжких ран изнемогаю».
Помогла Милутину царица,
И водой она его умыла,
И вином ему отерла раны.
Как вернулись к Милутину силы,
Начала расспрашивать Милица:
«Что случилось на Косовом поле?
Где погиб супруг мой, царь наш Лазарь?
Где погиб и Юг-Богдан, отец мой [2]?
Где погибли Юговичей девять [3]?
Где погиб наш воевода Милош [4]?
Где погиб, скажи мне, Вук Бранкович [5]?
Где погиб и Банович Страхиня [6]?
Отвечает ей слуга Милутин:
«Все они на Косове остались,
Где погиб наш славный князь-царь Лазарь,
Много копий там разбито в щепки,
Там разбито сербских и турецких,
И турецких, — только сербских больше.
Там ломали копья свои сербы,
Защищали государя-князя,
Старый Юг убит в начале битвы,
В первой схватке Юговичей восемь —
Восемь братьев — все убиты вместе,
Брат не выдал брата дорогого,
Храбрый Бошко был убит последним:
Он носился с знаменем по полю,

---

[1] Милутин — вымышленное имя.

[2] Юг-Богдан — один из сербских князей. Достоверность его исторического существования неясна.

[3] Юговичи — сыновья Юг-Богдана.

[4] Милош Обилич — см. прим. 5 на стр. 210.

[5] Вук-Бранкович — один из сербских феодалов, вождь противной Лазарю партии. Гибель Лазаря в битве с турками привела к его идеализации. Отступление Вука создало легенду об его измене, хотя Бранкович все время боролся с турками и умер в тюрьме.

[6] Банович Страхиня — воевода. Историческая достоверность его сомнительна.

Разгонял один он силу турок,
Будто сокол голубей гоняет.
Где стояло крови по колени,
Там убит был Банович Страхиня;
Был убит наш воевода Милош
У Ситницы, у воды студеной,
Где немало перебил он турок:
Погубил султана он Мурата
И еще двенадцать тысяч турок.
Бог простит грехи его, а вместе
И его родителей: оставил
О себе он память, долго будут
В песнях петь о Милоше, доколе
Будут сербы и Косово поле,
Что ж сказать о Вуке? Будь он проклят
И с отцом и с матерью своею!
Будь он проклят с родом всем вовеки!
Изменил на Косове он сербам [1]
И увел с собой двенадцать тысяч
Конной силы, госпожа Милица».

---

[1] См. прим. 5 на стр. 211.

Италия XI—XV веков

Введение

Собранные в настоящем разделе хрестоматии тексты распадаются на две отдельные группы. В одну из них входят источники из истории торговых и отчасти политических сношений средневековых итальянских городов со странами восточной части Средиземноморского бассейна (*документы 1—7*, подразделенные на две главы), в другую — источники из истории классовой борьбы во Флоренции XIII—XV вв. (*документы 8—12* — третья глава).

ТОРГОВЛЯ ИТАЛЬЯНСКИХ ГОРОДОВ

Торговля средневековой Италии со странами Леванта[1], Византией и Причерноморьем сыграла огромную роль в развитии Италии. Именно на основе этой торговли выросли богатство и военно-политическая мощь таких прославленных в свое время городских республик, как Амальфи и Пизы, Венеции и Генуи. Понятно поэтому, что при прохождении в школе истории средневековой Италии необходимо самое серьезное внимание уделить изучению ее торговых и неразрывно с ними связанных политических взаимоотношений со всеми этими странами. Без такого изучения для учащихся останутся неясными как причины расцвета итальянских городов, так и причины их упадка. Необходимый для этого материал первоисточников и дается нами ниже.

Документ 1 характеризует то особое привилегированное положение, которое обеспечили себе итальянские города — в данном случае Венеция — в завоеванных крестоносцами странах Востока. Он показывает, что венецианцы добились в этих последних целого ряда очень важных торговых привилегий и получили в них наделенные правом экстерриториальности владения (кварталы во всех городах Иерусалимского королевства).

Из других источников мы знаем, что итальянское купечество эксплоатировало в своих коммерческих целях население этих своих сирийских владений, заставляя его доставлять себе в виде оброка столь ценимые в средневековой Европе изделия восточного ремесла и южного земледелия (например, сахар). Преподаватель должен особо подчеркнуть роль такой основанной на военном захвате и политических привилегиях эксплоатации местного населения в развитии левантийской торговли.

Три следующих документа рисуют картину экономического и политического проникновения Венеции и Генуи в Византийскую империю.

Документ 2—хрисовул (т. е. особая императорская грамота с золотой печатью) императора Алексея Комнина от 1082 г.—показывает привилегии, полученные Венецией в трудный для Византийской империи момент и обеспечивавшие Венеции полную свободу торговли в пределах империи. В то время Византия, только что потерявшая в борьбе с турками-сельджуками почти всю Малую Азию (после битвы при Манцикерте в 1071 г.), должна была защищаться на западе от нападения норманнов, которые, захватив византийские владения на юге Италии и образовав там свои княжества, под начальством Роберта Гюискара переправились через Адриатическое море и попытались завоевать также и балканские провинции империи. Венецианцы

---

[1] Левант по итальянски значит Восток. Под этим термином в средние века подразумевались Египет, Палестина, Сирия и частично Малая Азия.

прислали на помощь Алексею Комнину свой флот, за что и получили оговоренные в хрисовуле торговые привилегии.

Документ 3, в котором приводится договор генуэзцев с императором Мануилом от 1169 г., отражает уже другую стадию борьбы итальянских городов за торговое преобладание в Византийской империи. К XII в. положение Византии несколько упрочивается, и ее императоры из династии Комнинов стремятся освободиться от тягостной опеки Венеции, с оружием в руках противящейся всякой попытке лишить ее полученных ею торговых привилегий. Утратившая свое былое могущество Византия не имеет, однако, сил (особенно морских сил) для самостоятельной борьбы с Венецией и принуждена искать помощи у других итальянских городов и прежде всего у постоянной ее соперницы—Генуи. Предоставляемые в договоре этой последней привилегии и являются своего рода компенсацией за такую помощь. Этот документ особенно интересен в том отношении, что показывает, насколько прочно уже в XII в. устанавливается в Византии торговое и морское господство итальянских городов. Она даже не пытается полностью освободиться от их влияния, но ограничивается лишь политикой маневрирования между ними, опираясь на один итальянский город для борьбы с другими. Однако и эта политика маневрирования не дает желанных результатов. Борьба византийских императоров с Венецией приводит в конце концов к трагической развязке четвертого крестового похода, закончившегося, как известно, разгромом Константинополя и основанием Латинской империи, в которой венецианцы хозяйничают уже совершенно свободно.

Документ 4 показывает те совершенно исключительные права, которые приобрела Генуя в восстановленной после 1261 г. Византийской империи. В момент заключения приводимого в настоящем документе договора (март 1261 г.) никейский император Михаил Палеолог еще не овладел Константинополем. Остро нуждаясь в помощи Генуи для завершения восстановления Византии и для борьбы со стоящей на пути этого объединения Венецией, он и принужден был принять крайне обременительные для империи условия этого договора.

Как видно из его текста, генуэзцы не только приобретали право совершенно свободной торговли в империи, но вместе с тем получали фактически в свое полное владение целый ряд весьма важных в торговом отношении пунктов ее территории, где они имели право жить под властью своей собственной администрации и по своим законам (т. е. пользовались правом экстерриториальности).

Документ 5—отрывок из книги Франческо Пеголотти «Торговое дело»—один из самых интересных во всем разделе. Он показывает, как далеко проникали итальянские купцы из своих черноморских факторий в глубь Азии (в среднеазиатские страны и Китай), какие товары они туда ввозили, и какие оттуда вывозили. Документ этот представляет несомненный интерес и с точки зрения истории нашей родины, так как позволяет по карте проследить караванные маршруты, соединявшие Причерноморье со Средней Азией и Китаем.

Следующие два документа характеризуют морскую и торговую мощь и богатство Венеции в период ее расцвета.

Документ 6 содержит конкретные данные о размерах и составе венецианского флота, о количестве матросов в нем, о торговых оборотах Венеции и ее денежных доходах, о чеканке монеты и т. д. Данные эти с успехом могут быть использованы на уроке истории для того, чтобы дать учащимся более наглядное представление о первенствующем положении Венеции того времени в области мореплавания и торговли. Они могут быть привлечены также для характеристики внутренней структуры хозяйства Венеции, так как наглядно показывают, какую громадную роль играла в нем морская торговля.

Документ 7 относится уже к эпохе великих географических открытий и характеризует те катастрофические последствия, которые они имели для экономики Венеции. Вместе с тем, однако, он может быть с успехом использован и при изучении предшествующего периода ее истории, охватывае-

мого хронологическими рамками настоящего тома хрестоматии. Дневник Джироламо Приули интересен, прежде всего, как чрезвычайно красноречивое свидетельство той громадной роли, которую играла торговля пряностями в жизни Венеции эпохи ее расцвета до великих географических открытий. Далее, в нем приводятся конкретные подробности этой торговли пряностями с тропическими странами при посредстве арабских купцов. Мы особенно обращаем внимание читателя на очень интересное сообщение Джироламо Приули о том, что египетский султан был настолько заинтересован в этой торговле, что намеревался предпринять решительные шаги против установления прямых сношений португальцев с Индией. Это сообщение очень наглядно показывает важность торговли пряностями также и для стран Востока и ее влияние на международные отношения в очень обширном районе. Нужно отметить, что египетский султан действительно через несколько лет отправил свой флот к берегам Индии для борьбы с португальцами, который, правда, был разбит этими последними. Наконец дневник Джироламо Приули интересен также и тем, что показывает налаженность и широту действий коммерческой агентуры венецианцев, доставлявшей необходимую для них информацию из самых различных стран Западной Европы и Средиземноморья.

ФЛОРЕНЦИЯ XIII—XV ВЕКОВ

Флоренция являлась одним из самых крупных и вместе с тем далеко зашедших в своем развитии городов средневековой Италии. В первую очередь именно к ней должны быть отнесены слова Маркса, сказанные им в знаменитой 24-й главе первого тома «Капитала» о том, что «...первые зачатки капиталистического производства спорадически встречаются в отдельных городах по Средиземному морю уже в XIV и XV столетиях»[1]. Вследствие этого во Флоренции с особой силой и остротой сказывалась та внутренняя социальная борьба, которая была характерна для последней стадии развития средневекового города. Описанию этой социальной борьбы, нашедшей свое высшее проявление в восстании чомпи, и посвящены нижеследующие документы.

Первый из них *(документ 8)* является как бы введением к текстам, посвященным восстанию чомпи, и характеризует последний этап той борьбы населения Флоренции с дворянством, в результате которой в ней окончательно упрочился политический строй, в своих основных чертах продержавшийся до времени этого восстания. Для облегчения понимания настоящего документа, представляющего собой рассказ современника об обстоятельствах издания и содержании так называемых «Уставов правосудия» 1293 г., нужно напомнить некоторые факты истории Флоренции XIII в. В Италии, в отличие от большинства других стран феодальной Европы, феодалы очень часто постоянно жили в городах, в окрестностях которых были расположены их владения, причем имели в них свои собственные укрепленные, наподобие настоящих замков, дома. Так обстояло дело и во Флоренции. В ней жили окрестные феодалы-землевладельцы, которые, постепенно смешиваясь с верхушкой патрициата, образовали высший слой городского населения. Нарождающаяся буржуазия Флоренции, при поддержке низов городского населения, вела в течение всего XIII в. упорную борьбу с жившими в стенах их города дворянами, которая в конце концов и увенчалась успехом. С 1282 г. реальная власть в городе принадлежит Синьерии, состоящей из представителей старших цехов. (В XIV в. 6 членов Синьерии и гонфалоньер правосудия выбираются старшими цехами, а 2 члена Синьерии — младшими). Однако дворянская партия и после этого не оставила попыток защищать свое привилегированное положение, что и привело к событиям, закончившимся изданием «Уставов правосудия», в которых предусматривались самые суровые репрессивные меры для полного устранения дворянства от участия в общественной жизни города.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 784.

Документы 9 и *10*, в которых приведены выдержки из «Истории Флоренции» Макиавелли и из «Флорентинской хроники» Маркионне Стефани, посвящены одной и той же теме — восстанию чомпи 1378 г. Это восстание происходит совсем на иной стадии развития Флоренции, чем движение, приведшее к изданию «Уставов правосудия». Во Флоренции XIV в. наблюдается уже явственное развитие зачаточных форм капиталистических отношений и расслоение совместно выступавшего ранее против феодалов городского населения на капиталистов-предпринимателей, с одной стороны, и эксплоатируемых ими наемных рабочих и беднейших слоев ремесленников — с другой.

Восстание чомпи и было столкновением этих социальных группировок — формирующейся буржуазии и формирующегося пролетариата.

Большой принципиальный интерес, который представляют настоящие документы, состоит в том, что в них приводится красочный и полный конкретных подробностей материал об одном из самых ранних самостоятельных выступлений тех элементов средневекового городского плебса, которые уже представляют пролетариат в его зачаточной форме и начинают осознавать свои классовые интересы. В этом отношении очень характерна, например, та речь (представляющая собой, правда, литературную композицию), которую Макиавелли вкладывает в уста анонимного чомпи, хотя он, несомненно, и извращает в ней соответственно своим собственным социальным симпатиям и антипатиям подлинную идеологию вождей восставшего народа. Понимание содержания этих документов крайне затруднительно без предварительного ознакомления с основными чертами социального и политического строя Флоренции второй половины XIV в. Для такого ознакомления можно рекомендовать, помимо учебных пособий по истории средних веков, прочесть последнюю главу из популярной книги Н. П. Грацианского «Крестьянские и рабочие движения в средние века».

Документ 11 дополняет два предшествующих текста, посвященные рассказу о ходе восстания чомпи. В первом из приведенных в нем постановлений флорентийской Синьерии (от 21 июля 1378 г.) нужно обратить особое внимание на решение создать и обеспечить помещением и необходимыми средствами новый цех для «неимущего народа» (для чернорабочих), во втором (от 11 сентября того же года) — на то обстоятельство, что после подавления восстания Синьерия все же была принуждена сохранить некоторые проведенные во время него реформы (создание двух новых цехов).

Документ 12 дает подробное описание гибели Савонаролы. Он показывает заключительный этап борьбы Савонаролы с римским папой, обнаруживая при этом внутреннюю непоследовательность его позиций, выражавшуюся в неспособности до конца порвать с католицизмом. Настоящий отрывок интересен также содержащимся в нем бытовым материалом, очень наглядно характеризующим, в частности, суеверия и предрассудки того времени. В этом отношении особенно показателен рассказ о том, как два монаха, один из которых был сторонником Савонаролы, а другой его противником, собирались доказать истинность своих взглядов посредством испытания огнем.

* * *

Высказывания классиков марксизма по истории Италии XI—XV вв. К. Маркс, Хронологические выписки, т. I («Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 83—90, 96—101, 132—149, 174—177, 186—188, 241—274), т. II («Архив Маркса и Энгельса», т. VI, стр. 5—11, 15—27, 34—43, 84—91, 126—141, 153—169, 259—275, 283—302) и т. III («Архив Маркса и Энгельса, т. VII, стр. 33—52, 68—84); К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII (Крестьянская война в Германии), т. XII, ч. 2 (Сицилия и сицилийцы; т. XVII (Капитал, гл. 24); т. XXV (Письмо от 11 сентября 1851 г.).

* * *

Документы 1 и 2 переведены М. П. Лесниковым. Документы 9 и 10 переведены М. В. Берданосовым. Весь остальной материал подобран С. Д. Сказкиным. Введение к разделу написано Ю. А. Корховым.

I. ТОРГОВЛЯ ИТАЛЬЯНСКИХ ГОРОДОВ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО БАССЕЙНА

1. ИЗ ДОГОВОРА ВАРМУНДА, ПАТРИАРХА ИЕРУСАЛИМСКОГО, С ВЕНЕЦИАНЦАМИ (1123 г.)

... Так как Балдуин II Иерусалимский... со многими другими находится в плену, то мы, Вармунд, божьей милостью патриарх св. города Иерусалима (вместе с высшими должностными лицами и рыцарством Иерусалимского королевства)..., собравшись в Акконе в церкви св. креста, утверждаем обещания короля Балдуина согласно его письмам и заявлениям, которые король через своих послов, отправленных в Венецию, сделал венецианскому дожу, и... ниженаписанные условия соглашения.

Во всех городах, находящихся под властью упомянутого короля или его преемников, а также его баронов, венецианцы пусть имеют церковь, улицу, торговую площадь, баню и печь, владея ими вечно и наследственно и так же свободно от всяких поборов, как [свободна] собственность короля. В Иерусалиме, на торговой площади, пусть они имеют столько же, сколько и король.

Если же венецианцы пожелают устроить в Акконе, в своем квартале печь, мельницу, баню, весы, меры и чаны для меры вина, масла или меда, то всем живущим там, кто бы ни пожелал, пусть будет дозволено беспрепятственно печь, молоть, мыться так же свободно, как у самого короля; пользоваться же мерами, весами и чанами разрешается следующим образом: когда венецианцы ведут торг между собой и собственными товарами, то они должны мерить венецианскими мерами, когда же венецианцы продают свои товары иноземцам, то должны продавать на свою меру, а когда венецианцы совершают сделки, приобретая что-либо от иноземцев, не-венецианцев, то пусть при покупке пользуются за установленную плату королевскими мерами.

Венецианцы не должны уплачивать каких-либо сборов, установленных обычаем или как-либо иначе, а именно: ни при въезде, остановке, продаже, покупке, пребывании или выезде, ни вообще по какой-либо иной причине. Только когда они приходят или уходят со своими кораблями, везя паломников, то по обычаю королевства должны отдавать королю третью часть.

Со своей стороны, король Иерусалимский и мы все должны по условию займа [1] уплачивать дожу венецианскому из королевской доли доходов с рынка в Тире в день Петра и Павла [29 июня] по 300 сарацинских бизантиев [2]...

С иноземцев, ведущих торговлю с вами, мы не будем взимать

[1] Помимо оказания военной помощи, венецианцы дали иерусалимскому патриарху ссуду в 100 тыс. бизантиев. Сирийский бизантий — золотая монета с содержанием чистого золота около 3,12 грамма.

[2] Сарацинский бизантий — золотая монета с содержанием золота около 2,5 граммов.

больше того, что они до сих пор платили, и не больше, чем с тех, которые ведут торговлю с другими народами.

Если венецианец будет иметь какую-либо тяжбу или спор по какому-либо делу с венецианцем, то пусть это разбирается в курии венецианцев. Если кто имеет жалобу или иск к венецианцу, то пусть дело разбирается в венецианской курии. Если венецианец подаст жалобу на кого-либо не-венецианца, то дело рассматривается в королевской курии.

Если умрет венецианец, сделав предсмертное распоряжение или без него, что мы называем без языка, то его имущество передается в распоряжение венецианцев.

Если венецианец погибнет во время крушения, то оставшееся имущество возвращается его наследникам или другим венецианцам [1].

Над горожанами всякой нации [т. е. не-венецианцами по происхождению и потому не обладающими их правами], живущими в квартале и домах венецианцев, пусть венецианцы имеют те же податные и судебные права, что и король над своими горожанами.

Наконец, когда венецианцы получат навсегда третью часть двух городов Тира и Аскалона со всем относящимся к ней и с третьей частью принадлежащих к ним земель, если святому духу угодно будет с божьей помощью и их подмогой... передать во власть христиан один или оба эти города, находящиеся... еще в рабстве у сарацин, а не в руках франков, то пусть венецианцы владеют этой третью свободно и с теми же самыми правами, что король над остальными двумя третями...

Вышесказанные условия мы, патриарх Иерусалима Вармунд, заставим самого короля, если он с божьей помощью когда-либо выйдет из плена, утвердить на святом евангелии. Если же кто другой прибудет в Иерусалимское королевство для избрания в короли, то также до его провозглашения заставим подтвердить вышеустановленные обещания, в противном случае никоим образом не дадим согласия на его вступление на престол.

2. ИЗ ХРИСОВУЛА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСЕЯ I (1082 г.)

В вознаграждение заслуг венецианцев [имеется в виду военная помощь против норманнов] мое императорство соблаговолило настоящей златопечатной грамотой постановить, чтобы венецианцы получали ежегодно почетный дар в 20 ливров... [2] Почтили

---

[1] В этой статье Вармунд в виде льготы венецианцам отказывается от общераспространенного в средние века так называемого берегового права, по которому судно, потерпевшее крушение, и все находящееся на нем имущество становились собственностью владельца побережья, близ которого произошла катастрофа.

[2] Ливр (венецианский) — денежная единица, считался равным двум бизантиям. Бизантий (константинопольский), или иперпер, — монета с содержанием золота около 3,5 грамма. Может быть, тут имеется в виду «ливр иперперов», равный 72 иперперам, тогда получается огромная сумма в 1 440 иперперов.

мы также и благородного дожа почетным званием протосеваста с полным причитающимся ему жалованьем. Эта честь должна переходить и его преемникам.

Сверх того даем мы венецианцам лавки с их верхними этажами, находящиеся по проезду в Перу [один из городских районов Константинополя], имеющие с него вход и выход на всем пространстве от еврейского квартала до Виглы, как жилые, так и нежилые, как занятые венецианцами, так и занятые греками. Даем им три морские пристани, находящиеся в этих пределах. Жалуем также святому Акиндину[1] пекарню, которая находится у стены этой церкви.

Император жалует свободу торговать всякими товарами... не платя решительно ничего за какую-либо сделку во всех частях Романии... и в самом великом городе [т. е. Константинополе] и вообще во всех областях, находящихся под властью императора.

3. ИЗ ДОГОВОРА ГЕНУЭЗЦЕВ С ИМПЕРАТОРОМ МАНУИЛОМ (1169 г.)

За услуги и доброе расположение к империи император обещает дать Генуэзской республике квартал, пристань и церковь вне Константинополя, в так называемом Оркосе... Также дарит каждый год республике по 500 иперперов и по 2 куска парчи, архиепископу же генуэзскому по 60 иперперов и 1 куску парчи. Торговые пошлины они будут уплачивать в Константинополе по 4 со 100, в остальных же областях государства так же, как и остальные латиняне, уплачивающие пошлину.

Во всех областях личность и имущество генуэзцев будут неприкосновенны, если же генуэзцам будет кем-либо нанесен ущерб, то они найдут суд и управу у императора, как установлено. Если генуэзцы хотят принести жалобу на кого-либо из греков или иностранцев [т. е. не-генуэзцев], то они найдут управу в императорском суде.

Корабли генуэзцев могут плавать повсюду, кроме Росии и Матрахии[2], если императором не будет дано на последнее особого разрешения...

Если генуэзский корабль потерпит у берегов империи крушение и что-либо из его груза будет кем-либо присвоено, то император прикажет взыскать и вернуть отнятое.

Если генуэзец в чем-либо провинится, то он не будет судим кем-либо из иноземцев, но дело его будет разбираться в императорском суде... и виновный не будет заключен в тюрьму до суда, если даст поручителя...

---

[1] Церковь венецианцев в Константинополе.

[2] Росия — поселение русских, по данным позднейших источников, — в устье Дона, на левом его берегу. Матрахия — на Таманском полуострове, у входа в Азовское море, может быть, древняя Тмутаракань, о которой говорят русские летописи. С Азовского моря византийцы очень выгодно получали огромные количества рыбы.

4. ДОГОВОР МЕЖДУ ВИЗАНТИЙСКИМ ИМПЕРАТОРОМ МИХАИЛОМ ПАЛЕОЛОГОМ И ГЕНУЭЗСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В НИМФЕУМЕ в 1261 г. 13 МАРТА

...Во-первых, отныне и впредь наше императорство и его преемник будут иметь вечную любовь и будут вести войну с республикой Венецианской и со всеми венецианцами, нашими врагами, и не будут заключать мира с означенной республикой, а также перемирия или соглашения без ведома и желания Генуэзской республики, а Генуэзская республика не будет заключать мира, перемирия или соглашения с означенной Венецианской республикой без ведома и желания нашего императорства.

...Все генуэзцы и из генуэзской области и признающиеся за генуэзцев вольны, свободны и изъяты по всей нашей империи от всяких таможенных пошлин, налогов и сборов при въезде в нашу империю и при выезде, во время пребывания и при передвижении из одной области в другую морем или сушей, с товарами или без них, туда привезенными или там купленными для вывоза как они лично, так их товары...

...[Император пожаловал] в нижеперечисленных землях и во всем, что к ним принадлежит, в полное право собственности и владения: в Анее [1], Смирне, Андрамите [2], и, божьим милосердием, в Константинополе [3] и в области Салоник в Касандрии, а также в нижепоименованных островах, а именно: Митилене, Хиосе и, божьим милосердием, на Крите и Негропонте [4] торговые помещения, дворец [5], церковь, баню, печь, сад и достаточно домов для поселения купцов, которые будут там вести торговые дела, и за все это не должно взиматься или взыскиваться никакой арендной платы. Во всех означенных землях и островах генуэзцы должны иметь и могут иметь по своему желанию консулов, курию и полную юрисдикцию во всех гражданских и уголовных делах над всеми генуэзцами или из области Генуи и теми, кто признается за генуэзца.

Во всей нашей империи и владениях, которые божьим милосердием будут приобретены, никто из генуэзцев не будет задержан... за деяния или преступления другого как лично, так и его имущество, но виновники понесут сами наказание, так что остальные не потерпят никакого убытка или ущерба за долги, проступок или грабеж других лиц.

...Не будет допущено во всех землях и островах нашей империи... снаряжение какого-либо флота, который предназначался

---

[1] Город на западном берегу Малой Азии, против острова Самоса.

[2] В северной части западного побережья Малой Азии.

[3] Константинополь еще не находился во власти императора, его предстояло еще взять, для чего и заключался договор с генуэзцами.

[4] Эти острова находились еще под властью венецианцев.

[5] Общественное здание, где жил глава колонии — подеста или консул.

бы для действий против республики Генуэзской или генуэзцев и области генуэзской.

...Врагам Генуэзской республики [император] не предоставит какого-либо рынка, за исключением пизанцев, которые являются верными людьми в нашей империи, а также он изгонит из всей нашей империи всех пиратов [действующих] против Генуэзской республики, и будет преследовать их и виновных карать по закону...

...[Если удастся овладеть Константинополем, то император обещает подтвердить все льготы генуэзцев, которыми они там пользовались], а также он даст Генуэзской республике дворец, жилые помещения и сверх того окажет милость республике, а именно даст ей церковь святой Марии, которой сейчас владеют венецианцы, с торговыми помещениями, находящимися вокруг церкви, и кладбище, а также участок земли, занимаемой замком венецианцев, находящимся в этом городе, — это если республика быстро и решительно пришлет галеры для взятия этого города.

Также [император] дал и уступил в полное право собственности и владения с полной юрисдикцией город Смирну и ее порт с подчиненными городу владениями и областью и населением и доходами от въезда и выезда по морю и суше... Означенный город очень удобен для купцов и имеет хорошую гавань, и сюда притекают всевозможные товары.

Император обещал, что не будет чинить республике Генуэзской во всей означенной империи какого-либо запрета... на какие-либо товары, продовольствие или зерно, но будет разрешать означенные товары, продовольствие и зерно вывозить из всей империи всем и каждому генуэзцу...

Император обещал, что он не разрешит впредь вести торговлю в пределах Великого [т. е. Черного] моря кому-либо из латинян, за исключением генуэзцев и пизанцев и тех, кто везет деньги или предметы для императорского обихода. Генуэзцам же не будет чиниться препятствий к входу в Великое море и выходу оттуда с товарами или без товаров, но они смогут свободно без уплаты какой-либо пошлины входить туда и выходить.

5. ТОРГОВЛЯ СО СРЕДНЕЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИЕЙ В XIV в. ВЕЛИКИЙ ТОРГОВЫЙ ПУТЬ ИЗ ТАНЫ В КИТАЙ

(Из книги Франческо Пеголотти «Торговое дело»).

Книга Франческо Болдучи Пеголотти «Торговое дело» (Practica della Mercatura) является одним из самых старинных и подробных практических руководств и справочников в этой области и очень ценна, как исторический источник, обилием сообщаемых там сведений.

Жизнь Пеголотти неизвестна нам во всех подробностях, но то, что мы знаем о ней, показывает, что Пеголотти должен был быть очень хорошо осведомлен в торговых делах. Он флорентинец по происхождению. В 1311 г. как посол Флоренции он ведет переговоры с соседним городом Сиеной отно-

сительно заключения торгового соглашения. Затем мы видим его на службе большого флорентинского банкирского дома Барди. По делам Барди он несколько лет провел в Нидерландах, а потом (с 1317 по 1320 г.) в Англии. В этих странах он хорошо мог ознакомиться с западноевропейской торговлей. С 1324 по 1327 г., а затем в 1335 г. Пеголотти вел дела Барди на острове Кипре.

Кипр тогда был одним из важнейших торговых центров на Востоке, через который проходила масса самых разнообразных товаров. В своей книге Пеголотти дал подробное описание их. Пеголотти сообщает очень много данных о мерах, весах, ценах на различные товары во множестве торговых пунктов.

Повидимому, сам Пеголотти не делал путешествий в глубь Азии, но, наверное, слышал неоднократно подробные рассказы об этих путях от купцов, побывавших там.

1) Указания для путешествия в Китай[1] через Тану и для возвращения оттуда с товарами.

От Таны до Джинтархана[2] пути на волах 25 дней, а на лошадях только 10—12 дней. По пути встречается много мокколей, т. е. вооруженных людей. И от Джинтархана до Сары[3] 1 день в пути водой по реке, и от Сары до Сараканко[4] 8 дней пути водой. Туда можно пройти и сухим путем, но отправляются обычно водой вследствие более дешевой перевозки товаров. От Сараканко до Органчи[5] 20 дней в повозке на верблюдах. Кто отправляется с товарами, тому следует пройти в Органчи, так как там идет бойкая торговля. От Органчи до Ольтраро[6] от 35 до 40 дней пути в повозке на верблюдах. Кто из Сараканко идет прямо на Ольтраро, тот доходит туда в 50 дней, и у кого нет товаров, для того этот путь лучше, чем идти на Ургенч. Из Ольтраро до Армалекко[7] 45 дней пути на ослах. Каждый день там можно встретить мокколей. Из Армалекко до Камексу[8] 70 дней пути на ослах и от Камексу до реки, которая называется[9], 45 дней пути

---

[1] В тексте всюду стоит «Китай» (*Kathay*), как называли тогда западноевропейские путешественники Северный Китай.

[2] Джинтархан — Астрахань. Старый город Астрахань, разрушенный Тамерланом, был расположен на левом берегу Волги, в 8—10 километрах к северу от нынешней Астрахани.

[3] Сара, Сарай — столица ханов Золотой Орды на Ахтубе. Очень оживленный торговый пункт, где особенно бойко велась торговля рабами.

[4] Сараканко, Сарайчик — нынешняя станица Сарайчиковская на р. Урале, на расстоянии около 60 километров от устья реки.

[5] Органча — Ургенч, на Аму-Дарье, в 40 километрах от Хивы.

[6] Ольтраро, Отрар — древний Фараб.

[7] Армалекко — предполагают, что город, носивший это название (Армалеха, Армалит, Алимали), находился в районе плодородной и населенной долины реки Или, в нынешней Кульдже. Но существует также мнение, что Армалекко — это нынешняя Алма-Ата.

[8] Камексу — город Канчу, у западного конца Великой Китайской стены.

[9] В единственном сохранившемся экземпляре рукописи книги Пеголотти название реки случайно пропущено. Предполагают, что Пеголотти имел в виду реку Танхо — приток Желтой реки.

на лошадях. От этой реки можно отправиться в Кассай[1] и там продать все взятые с собой серебряные слитки, так как это очень торговый город, а от Кассая ехать уже с деньгами, полученными в обмен на проданное серебро. Это бумажные деньги, и называются они «бабисчи»[2], и четыре бабисчи равны по ценности в странах Китая одному «слитку серебра», а от Кассая до Гамалекко[3], который является главным городом страны Китай, пути 30 дней.

2) Что необходимо купцам, желающим совершить вышесказанное путешествие в Китай

Прежде всего нужно отпустить бороду и не бриться. В Тане нужно нанять переводчика... и по меньшей мере двух хороших слуг, которые хорошо бы знали куманский язык... От Таны до Джинтархана нужно взять припасов на 25 дней, а именно: муки и соленой рыбы, так как мясо можно найти в достаточном количестве повсюду в пути. Также и во всех местах нужно запасаться мукой и соленой рыбой на столько дней пути, сколько было указано выше. Все же остальное, в особенности мясо, можно найти. Путь из Таны в Китай, по словам купцов, свершивших это путешествие, вполне безопасен и днем и ночью, только если купец по дороге туда и обратно умрет, все его имущество перейдет к государю страны, в которой он умер, и будет взято его чиновниками. То же самое случится, если он умрет в Китае, но если вместе с ним там окажется его брат или близкий друг, который скажет, что он — брат умершего, то ему и будет отдано имущество умершего, и оно таким образом будет сохранено.

Есть еще и другая опасность: когда умирает государь страны, то в промежуток времени, пока не будет выбран новый правитель, чинятся притеснения франкам (так называются все христиане в странах, начиная от Романии и дальше на восток), тогда дороги становятся не безопасны.

Один купец с одним переводчиком и двумя слугами, имея с собой товары на 2 500 флоринов[4], истратит на путешествие в Китай от 60 до 80 слитков серебра... А на весь обратный путь все расходы, считая пропитание, жалованье слугам, составят около 5 слитков на каждый вьюк; слиток стоит около 5 флоринов.

Повозку может вести один бык, груз ее — от 10 генуэзских кантаров[5]. В воз запрягают трех верблюдов, груз 30 кантаров. Повозка, запряженная одной лошадью, поднимает 6,5 кантаров.

---

[1] Кассай, вероятно, китайский город.

[2] Бабисчи — или балисчи — не общее обозначение бумажных денег, как пишет Пеголотти, а определенные денежные суммы, безразлично — в золоте или в серебре, или в бумажных знаках.

[3] Гамалекко — Пекин.

[4] Флорентийская золотая монета с содержанием золота около 3,9 грамма.

[5] Генуэзский кантар равняется 47,25 килограмма.

От Таны до Сары дорога менее безопасна, чем весь остальной путь. Но если соберется человек 60, когда по дороге неспокойно, то они будут путешествовать в такой же полной безопасности, как если б они шли по собственному дому...

Кто хочет отправиться из Генуи или Венеции в эти места и в путешествие в Китай, тот пусть везет к себе ткани и идет в Органчи, а в Органчи купит на них серебро и идет дальше, не вкладывая его в какие-либо товары, разве только если у него было несколько тюков самых тонких тканей, которые занимают мало места и не требуют для перевозки больше расходов, чем более грубые ткани. Купцы могут ехать верхом на лошадях или на ослах или на чем им угодно. Все серебро, которое купцы взяли с собой, государь Китая отбирает от них и складывает в свою казну, а купцам выдает бумажные деньги, т. е. листы желтого цвета с печатью государя. Эти деньги называются «бабисчи», и на них можно купить шелк, и всякие другие товары и какие угодно вещи. И все жители страны обязаны принимать их, а так как это бумажные деньги, то цены на товары не возрастают[1]. Эти деньги трех родов — один дороже другого. Ценность их устанавливается государем...

В Китае можно получить 19—20 генуэзских фунтов шелка-сырца за один слиток серебра весом в 8,5 генуэзских унций пробы 11 унций[2] 17 динаров чистого металла на фунт сплава. В Китае за один слиток можно купить 3—3,5 штуки камчатного шелка и от 3,5 до 5 штук шелковой золотой парчи.

II. МОРСКОЕ И ТОРГОВОЕ МОГУЩЕСТВО ВЕНЕЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВЕКА.

6. «ЗАВЕЩАНИЕ» ДОЖА ТОМАЗО МОЧЕНИГО

Речи венецианского дожа Томазо Мочениго (время его правления 1414—1423 гг.), дошедшие до нас в изложении венецианских летописцев, были произнесены в 1421 г., и одна, приводимая ниже, в 1423 г., незадолго до смерти дожа. Она поэтому называется иногда «Завещанием Томазо Мочениго».

Для оценки данных, приводимых Мочениго, надо сравнить их с цифрами, относящимися к другим государствам, и тут окажется, что Венецианская республика занимала среди них по своему могуществу одно из первых мест. Государственные доходы Венеции, составлявшие около миллиона дукатов, были равны доходам Франции Они превосходили доходы таких государств, как Испания, Англия, Бургундия (900 тыс. дукатов), и далеко оставляли позади такие итальянские города, как Милан, Флоренция и даже папскую курию.

---

[1] Пеголотти намекает на широко применяемую в Европе порчу монеты. Выпускали в обращение монету неполновесную или низшей пробы, т. е. с большей примесью неблагородных металлов, чем было объявлено, сохраняя, однако, ее номинальную стоимость. Порчу эту скоро открывали, деньги падали в цене, т. е. цены на товары повышались.

[2] В одном фунте — 12 унций, в одной унции — 20 динаров.

Наш город вложил 10 млн. дукатов[1] капитала в торговлю во всем мире и на своих нефах[2], галерах[3] и прочих судах ведет ее так, что прибыль от вывоза достигает 2 млн. дукатов и от ввоза в Венецию тоже 2 млн. дукатов. От вывоза и ввоза скапливается 4 млн. дукатов.

Вы знаете, что в нашем флоте имеется 3 тыс. мелких судов размером от 10 до 200 амфор[4] и 17 тыс. моряков. Мы имеем 300 нефов с 8 тыс. матросов. Каждый год у нас плавает 46 больших и малых галер, на которых 11 тыс. матросов. У нас имеется 3 тыс. корабельных плотников, 3 тыс. конопатчиков, у нас 16 тыс. ткачей по шелку, льну и фустанее[5]. Стоимость домов составляет 7 млн. 50 тыс. дукатов, а аренда их дает 500 тыс. дукатов. Тысяча благородных имеет доход от 700 до 4 тыс. дукатов в год.

Вы знаете, что доходы Венеции составляют 774 тыс. дукатов, доходы с Терра-фермы[6] — 464 тыс. дукатов, доходы с моря[7] — 376 тыс. дукатов.

[Мочениго далее настойчиво советует избегать войн и вести мирную политику...]

Если последуете моему совету, то увидите, что будете господами золота христиан и весь мир вас будет бояться и чтить вас...

Война с турками создала доблестных людей, опытных в морском деле и испытанных во всяких обстоятельствах как уменьем управлять, так и своим мужеством... Вы имеете семь капитанов[8], могущих командовать флотом в 60 галер и больше, и на кораблях среди арбалетчиков у вас есть рыцари, которые могли бы быть хорошими командирами галер и могли бы управлять ими. У вас сотни человек штурманов, годных управлять вооруженными галерами, очень опытных, чтобы выполнить какое-нибудь предприятие. У вас имеется опытных и надежных экипажей на сотню галер и опытных гребцов на сотню галер. Таково положение, созданное войной с турками, так что весь свет говорит: «Венецианцы — они господа над капитанами матросов и гребных команд на галерах».

---

[1] Дукат, или цехин (от цекка — монетный двор) — золотая монета, которую начали чеканить в Венеции с 1284 г., с содержанием около 3,56 грамма чистого золота (золотой рубль содержит 0,77 грамма чистого золота). Дукат делился на 100 сольди.

[2] Неф — широкое тяжелое судно, главным образом торговое, идущее под парусами.

[3] Галера — быстроходное гребное судно. Галеры служили преимущественно для военных целей и для перевозки ценных грузов.

[4] Амфора — мера объема, равная 0,6 тонны.

[5] Фустанея — смешанная ткань с льняной основой и хлопчатобумажным утком.

[6] Терра-ферма — твердая земля, континент, венецианское владение на континенте. Сама Венеция, как известно, расположена на острове.

[7] С заморских колоний.

[8] Капитан — командующий эскадрой.

Вы знаете, что наш город чеканит ежегодно золотой монеты на 1 млн. 200 тыс. дукатов, а серебряной в виде мецанини [«половинок», т. е. полугроссо], гроссо[1] и сольди на 800 тыс. дукатов, из коих 5 тыс. марок[2] в год идет в Египет и в Сирию, а в ваши владения в Италии идет ежегодно на 100 тыс. дукатов и мецанини и сольди, а в ваши заморские владения уходит ежегодно гроссет [грошиков] и сольди на 50 тыс. дукатов. В Англию ежегодно уходит сольди на 100 тыс. дукатов. Остальная монета остается в Венеции.

Вы знаете, что флорентинцы вывозят к нам ежегодно 16 тыс. штук сукна тончайших, тонких и средних сортов. И мы вывозим их в Апулию [южная область Италии], в королевство Неаполитанское, Киликию, Каталонию, Испанию, Берберию [север Африки], Египет, Сирию, Кипр, Родос, Романию, Кандию, Морею, Лиссабон, и каждую неделю означенные флорентинцы привозят еще разного рода товаров на 7 тыс. дукатов и покупают у нас шерсть французскую, каталонскую, кармазин, кошениль, шелк, воск, золотую и серебряную нить, сахар, серебро и всякие специи крупные и тонкие, квасцы, индиго, кожи, драгоценные камни, и все это к великой прибыли нашей страны.

7. ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИРОЛАМО ПРИУЛИ

Венецианский купец и банкир XV—XVI вв. Джироламо Приули оставил интересный дневник, в котором он изо дня в день записывал свои впечатления о событиях, имевших мировое значение и чрезвычайно тягостных для итальянской торговли: об открытии португальского морского пути на Восток. Взятие Константинополя турками в 1453 г. и открытие морского пути на Восток португальцами было началом конца итальянской торговли и итальянских городов-республик.

1501 г., июль, 24 числа пришли письма из Португалии от посланника венецианской Синьерии, отправленного туда для того, чтобы тщательно разузнать правду о путешествии в Индию[3], затеянном португальским королем... так как это предприятие имеет для венецианского государства больше значения, чем война с турками и всякая другая война, какая бы ни случилась. Посланник этот пишет от 6 июня следующее:

«Светлейший государь и пр.

...Король Португалии отправил корабли в Индию, которые в настоящее время вернулись, но из 13 кораблей 7 погибло в пути.

...Пока прибыл лишь один корабль в 300 тонн, остальные, по

---

[1] Гроссо (буквально «толстяк») — серебряная монета, введенная в Венеции около 1200 г. вместо прежних тонких обесцененных серебряных динаров. По ценности гроссо составлял около $^1/_{24}$—$^1/_{25}$ дуката.

[2] Марка — мера веса для драгоценных металлов; венецианская марка была равна приблизительно 200 граммам.

[3] Здесь дело идет о второй экспедиции в Индию под командой Кабраля. Эскадра из 13 каравелл вышла из Лиссабона 9 марта 1500 г, вернулась 24 июня 1501 г.

словам прибывших, находятся недалеко..., корабль этот принадлежит флорентинцу Бартоломео Маркионе, равно как и груз, который состоит из 300 приблизительно кантаров[1] перца, 120 кантаров корицы, от 50 до 60 кантаров камеди, 15 кантаров росного ладана; гвоздики не привезли, так как мавры ее всю забрали, также и имбиря, так как его нет там, где португальцы принимали груз, но он родится в Каликуте[2]. Дешевых пряностей они не привезли вовсе...»

Вот письмо, написанное венецианскому сенату лицом, заслуживающим доверия; однако я предоставляю мудрому читателю судить о нем, как ему угодно, ибо в этом письме заключаются вещи крайне удивительные для нашего времени, прямо-таки невероятные..., но со временем истина выяснится лучше. Сообщают, что как сам король, так и другие купцы отправили с этими кораблями в это путешествие в Индию кораллов и всяких тканей на сумму до 60 тыс. дукатов. Но какая от этого прибыль — судить невозможно, так как все пряности были привезены в Португалию. Правда, погибло 7 кораблей, но остальные 6 привезли столько товаров[3] и на такую сумму денег, что даже трудно оценить... И если это путешествие повторится, а это, мне кажется, легко может случиться, король Португалии сможет называться королем денег, так как все съедутся в его страну, чтобы купить пряности, а деньги останутся в Португалии вместе с той прибылью, которая будет получаться каждый год от такого путешествия. Когда пришло в Венецию это известие, оно вызвало большую досаду во всем городе, каждый был поражен, что в наше время найден путь, о котором никогда ни в древние времена, ни при наших предках не слышали и не ведали. И сенаторы признали, что эта весть — худшее, что Венецианская республика когда-либо могла получить, кроме разве потери самой свободы: и войны и труды, которые сейчас или в иное время могли бы случиться, имеют чрезвычайно мало значения по сравнению с этим известием. И это потому, что нет никакого сомнения, что Венецианское государство достигло такой известности и славы только благодаря морю, непрерывной торговле и плаваниям, которые производятся тут, и ежегодным рейсам, с которыми каждый год венецианцы на своих галерах и кораблях привозят большое количество специй; с прекращением всего этого можно ожидать всего наихудшего. И все с деньгами съезжались в Венецию покупать пряности и другие товары и привозили также свои товары. Отсюда — от пребывания иностранцев, от покупки и продажи и от постоянной, каждый год и во всякое время, торговли Венецианское государство достигло того блеска, в котором оно

---

[1] Кантар — 150 «больших» венецианских фунтов, равных 72 килограммам.

[2] Каликут — на западном, Малабарском, берегу Индостана.

[3] Было привезено из Индии 2 000 кантаров перца, 800 кантаров корицы, 400 кантаров имбиря и т. д.

сейчас стоит, и это только торговыми экспедициями и морской торговлей... Теперь же, когда найден этот новый путь из Португалии, португальский король будет свозить все пряности в Лиссабон, и, несомненно, венгерцы, немцы, фландрцы, французы и все загорные народы, которые приезжали в Венецию закупать пряности, теперь обратятся в Лиссабон, который ближе ко всем этим странам, и туда легче ездить, и там они все будут иметь дешевле, а это важнее всего. И это потому, что пряности, прибывающие в Венецию, проходят через всю Сирию и через все страны султана и повсюду платят огромнейшие поборы и равным образом в Венеции платят невыносимые пошлины. Вследствие этого при провозе через страну султана в Венецию расходы так велики, что то, что стоило один дукат, возрастает в цене до 60 и даже до 100 дукатов. Король же Португалии, найдя путь с другой, обратной, стороны, несет лишь расходы на каравеллы, что составляет очень немного по сравнению с вышеуказанными тратами, и поэтому он может продавать пряности гораздо дешевле венецианских купцов. Далее, если он захочет везти товар во Фландрию, Венгрию, Англию, Францию и в другие места, то будет дешевле доставить их из Португалии и вывезти их из Лиссабона, нежели из Венеции. Отсюда я заключаю, что если это путешествие из Лиссабона в Каликут установится так, как оно началось, то венецианским галерам и венецианским купцам не будет хватать пряностей, а если иссякнет эта торговля в Венеции, то можно считать это все равно, что иссякли пища и молоко для младенца. И я ясно вижу разорение Венецианского государства, ибо если не будет торговли, не будет и денег, от которых произошла и слава и известность Венеции. Многие полагали еще, что это — неверное известие, другие говорили, что король Португалии не сможет продолжать эти экспедиции в Каликут, так как ведь из 13 каравелл, отправленных в Индию, вернулись невредимыми только 6 и что отсюда будет больше убытка, чем пользы; не найдется также людей, желающих отправиться туда, рискуя жизнью. Другие подбодряли себя, говоря, что государь-султан[1] примет меры против этого, так как если пряности не будут привозиться в Сирию и в Александрию, то он потеряет большой доход, который он извлекал отсюда...

Одно только — и самое важное: от этого известия пряности всех сортов сильно упали в цене в Венеции, так как обычные покупатели, услыша эту новость, стали очень сдержанны в покупках. Я прошу читателя извинить меня за то, что написал все это вперемежку и нескладно: это вещь новая и огромного значения для нашей родины. Она слишком взволновала меня, и я несколько увлекся пером больше, нежели это подобает.

1504 г., февраль, 5 числа прибыли в Венецию три галеры из

---

[1] Египетский султан, под властью которого находилось сирийское побережье.

Александрии... Они пришли пустыми, без груза пряностей. Никогда еще ни на чьей памяти не было видано, чтобы галеры из плавания возвращались без груза пряностей...

Прибывшие из Александрии купцы говорили, что султан [египетский] предпринимает решительные меры, чтобы добиться того, чтобы португальцев не принимали в Индии, в Каликуте. В Александрии говорили, что каравеллы не были приняты в Каликуте, а что пряности, которые они везут в Лиссабон, награблены с мавританских кораблей, но все же это со слов мавров, которые не знали об этой экспедиции.

1506 г., июнь. В письмах из Генуи, прибывших самым быстрым образом, сообщалось, что в Лиссабон 24 мая прибыли каравеллы, груженные пряностями, вернувшиеся из путешествия в Индию, с грузом в 25 тыс. кантаров перца и сандала. То же самое известие пришло и в письмах из Антверпена во Фландрии, посланных с величайшей поспешностью... В них подтверждалась эта новость, а кроме того добавлялось, что в Лиссабон пришло 5 каравелл из Каликута с вышеуказанным грузом, за ними идут еще десять, которые скоро прибудут. Эта новость доставила всему городу большое огорчение, так как этим наносится большой ущерб [венецианскому] мореплаванию. И теперь все убедились и всем стало ясно, что отныне это путешествие в Индию установилось и что каждый год будут прибывать оттуда португальские каравеллы, венецианские же купцы не смогут плавать в Сирию, так как они не в состоянии будут закупать там пряности, ибо все они будут, с другой стороны, скупаться в Индии португальцами.

III. ФЛОРЕНЦИЯ XIII—XV ВЕКОВ

Политическая борьба во Флоренции в XIII в.

8. «УСТАВЫ ПРАВОСУДИЯ»[1]

После возвращения армии Флоренция в течение нескольких лет переживала период величия и мощи. Но знатные и богатые, полные надменности, постоянно задевали простых людей, нападая на них и нанося им тысячи оскорблений. Тогда несколько добрых граждан, ремесленников и торговцев, заключили между собой союз; с ними был один великий и могущественный гражданин по имени Джано делла-Белла, отличавшийся умом, мужеством и добрым сердцем. Несмотря на свое благородное происхождение, он порицал заносчивость знати; поэтому он сделался

---

[1] Dino Campagni, La Cronica fiorentina (русский перевод взят из книги Розенталя «История Европы в эпоху торгового капитала», 1927, стр. 183—184).

вождем и руководителем народной партии[1], которая поддержала его на выборах в Синьерию 15 февраля 1292 г. К обычному числу приоров тогда был присоединен еще один, названный знаменосцем [гонфалоньером] правосудия. Первым занял эту должность Бальдо Руффоли из квартала Порто-Дуомо. Он принял из рук народа знамя — красный крест на белом поле — и получил в свое распоряжение тысячу вооруженных пехотинцев, носивших такие же значки и обязанных находиться в постоянной готовности выступить по первому зову знаменосца, будь то на городской площади или где бы они ни понадобились. Изданные тогда законы получили в то время название Уставов правосудия; они были направлены против насилий, чинимых знатными над простым народом. Уставы вводили круговую ответственность членов семьи. Для обвинения было достаточно показания двух свидетелей, пользующихся хорошей репутацией, или просто народной молвы. Каждая фамилия, имеющая в своих рядах людей рыцарского звания, считалась принадлежащей к знати и в силу этого отстранялась от участия в общественной деятельности; ее члены не могли входить в состав Синьерии, быть знаменосцами правосудия или их товарищами. Таким путем было поражено в правах много фамилий (тридцать три или даже тридцать семь). Приоры, вместе со специально выбранными лицами, назначили новую Синьерию. Двадцать один цех связались между собой клятвой, укрепив этим власть своих консулов.

Члены цеха судей и нотариусов, полные злых умыслов, начали возражать против уставов, составленных мессером Донато ди-Альберто Ристори, мессером Убертино делла-Строцца и мессером Бальдо Агульони. Возражавшие говорили, что если эти уставы будут введены в действие, то они нанесут большой ущерб многим невинным людям, вследствие чего правители не решатся их применять; что если оскорбленное лицо и судья окажутся оба гибеллинами или оба гвельфами[2] то не будет никакой справедливости; наконец, что члены знатных фамилий никогда не выдадут своих родственников, чтобы самим не подвергнуться той же участи. Однако знатным удалось скрыть лишь немногие из совершенных ими преступлений, так как на них доносили их противники; большая часть этих преступлений была обнаружена и наказана соответственно законам. Первыми понесли кару Галлигаи. Один из них имел столкновение во Франции с двумя сыновьями почтенного купца Уголино Венивьени. Между ними произошла ссора, в результате которой один из двух братьев был

[1] «Народная» партия, или «пополаны» — чаще всего партия купцов и ремесленников в противоположность патрициям и феодалам.

[2] Гвельфы — партия, защищавшая самостоятельность городов от притязаний императоров и действовавшая в союзе с папой; гибеллины—противоположная партия феодалов в союзе с императором. В XIV в. названия гвельфы и гиббелины часто теряют свой первоначальный смысл и обозначают различные по своему социальному составу группировки в итальянских городах.

ранен Галлиган и вскоре умер. Я сам, Дино Кампани, будучи в 1293 г. знаменосцем правосудия, приказал, согласно закону, разрушить их дома, а также дома их родственников.

Этот пример явился тяжелым уроком для следующих знаменосцев: когда им приходилось разрушать дома, народ упрекал их в слабости, если они делали это недостаточно основательно. Многие из них из страха перед народом даже заходили дальше, чем требовалось правосудием. Однажды был разрушен дом мессера Буондельмонте, не совершившего убийства...

Народное возбуждение было так велико, что правителю нельзя было бы ждать для себя оправдания и защиты, если бы обвиняемые остались без наказания, ввиду этого ни один подсудимый не бывал оправдан. Знатные горько жаловались на законы и говорили о них: «Лошадь пробежит и заденет хвостом по лицу простолюдина, в суматохе нечаянно толкнешь кого-нибудь локтем или маленькие дети подерутся между собой, — сейчас же пойдут жалобы! И за такие пустяки нужно разрушать дома?»

9. ИЗ «ИСТОРИИ ФЛОРЕНЦИИ» МАКИАВЕЛЛИ

1) Рост недовольства низов

. . . .

XII. Пока дела таким образом налаживались, разразился новый мятеж, потрясший республику гораздо больше, чем первый. Большая часть поджогов и грабежей, случившихся в эти дни, учинялась городскими низами; те, кто показали себя смелее других, боялись, что когда наступит спокойствие и важнейшие споры разрешатся, они будут наказаны за свои преступления и, как всегда бывает, покинуты теми, кто подстрекал их на злодейство. К этому прибавлялась ненависть неимущего народа к богатым гражданам и главарям цехов, ибо народ находил, что он за свой труд не удовлетворен так, как по справедливости этого заслуживал. Дело в том, что когда город во времена Карла I разделился на цехи, то каждому цеху даны были старшины и свое управление, причем устанавливалось, что члены каждого цеха по делам гражданским судятся своими цеховыми властями. Цехов этих... было вначале двенадцать; с течением времени число их так увеличилось, что дошло до двадцати одного, и они стали так могущественны, что в несколько лет захватили в свои руки все управление городом. Так как одни цехи почитались важнее других, они разделились на старшие и младшие, причем семь цехов было объявлено старшими, а четырнадцать младшими. Это разделение и другие обстоятельства, о которых мы говорили выше, были главной причиной надменности капитанов партии[1],

[1] Капитаны партии гвельфов — первоначально чисто партийные должностные лица, учрежденные в 1267 г. для распоряжения имуществом, конфискованным у гибеллинов. Впоследствии капитаны партии приобретают власть, далеко выходящую за пределы партийной организации.

ибо должность эта всегда предоставлялась гражданам, издавна бывшим гвельфами, а они покровительствовали пополанам старших цехов и преследовали пополанов младших, а также защитников их. Отсюда — бесконечные мятежи против них, о которых мы уже говорили. При учреждении цехов многие ремесла, которыми живут неимущий народ и городские низы, не получили собственного цехового устройства, а были включены в различные цехи, близкие к ним по роду промысла; когда работники их не получали плату за свой труд или вообще подвергались преследованиям мастеров, им оставалось только обращаться к властям высшего цеха, эти последние, повидимому, не оказывали им той справедливости, на которую они считали себя вправе притязать; из всех цехов больше всего таких подвластных людей было и есть сейчас в цехе суконщиков, который прокармливал и прокармливает своим ремеслом большую часть городских низов и неимущего народа; цех этот самый могущественный и первенствует среди всех.

XIII. Низы, равно как и те, кто подчинялся цеху суконщиков и другим цехам, были по причинам, о которых уже говорилось, страшно озлоблены, а кроме того, они боялись кары за поджоги и грабежи; поэтому они не расходились по ночам, чтобы обсудить происшедшие события, и указывали друг другу на угрожающую опасность. Один из участников собрания, самый ярый и бывалый, сказал для воодушевления других следующую речь[1]:

«Если бы нам предстояло обсудить, следует ли сейчас браться за оружие, жечь и грабить дома граждан и обкрадывать церкви, я был бы в числе тех, кто считает, что над такого рода решением надо очень и очень подумать, и, может быть, предпочел бы беспечную бедность опасной наживе. Однако теперь, когда уже сделано много зла и оружие обнажено, следует, по-моему, обсудить, какие у нас есть средства не выпускать его из рук и как мы можем спастись от последствий содеянного зла. Я твердо верю, что если нас этому не научили другие, то теперь нас научит необходимость. Вы знаете, что во всем городе стоит стон, что нас ненавидят, что граждане сплачиваются, а Синьерия непрерывно заседает с властями. Верьте, что нам готовят петлю и хотят обрушить новые силы на наши головы. Нам надо поэтому добиваться двух вещей и стремиться достигнуть своими решениями двух целей: первая — это найти способы избежать наказания за дела последних дней, вторая — получить возможность жить свободнее и обеспеченнее, чем прежде. По-моему, если мы хотим, чтобы нам простили старые преступления, мы должны натворить новые, удвоить злодейства, жечь и грабить как можно больше и постараться иметь много соучастников. Когда грешат многие, не отвечает никто, и вообще караются только мелкие преступления, большие же вознаграждаются. Когда страдают многие,

[1] Речь эта, конечно, не исторический факт, а литературная композиция.

мало кто хочет отомстить, ибо всеобщие обиды сносятся терпеливее частных. Умножая зло, мы легче добьемся прощения, и это откроет нам путь к целям, желанным для нашей свободы. Я считаю, что мы идем к верному выигрышу, ибо те, кто мог бы нам помешать, разъединены и богаты; разъединенность их дает нам победу, а богатства их помогут нам ее удержать, когда попадут в наши руки. Пусть не страшит вас древность их крови, о которой нам укоризненно напоминают. Люди все одного происхождения, и потому все они одинаково древнего рода и сотворены природой по единому образцу· Разденьте всех догола, и вы увидите, что все мы похожи друг на друга: дайте нам их одежды, оденьте их в наши, и мы, без сомнения, будем выглядеть как дворяне, а они покажутся простонародием, ибо неравенство между нами создано только бедностью и богатством. Мне жаль, что многие из вас в душе раскаиваются в своих поступках и хотят воздержаться от новых злодеяний. Если это верно, то вы, конечно, не те люди, за которых я вас принимал, ибо ни совесть, ни бесчестие не должны вас пугать; победители, какими бы средствами они ни победили, никогда не знают позора. С совестью нам считаться нечего, ибо тот, кто подобно нам живет в страхе голода и тюрьмы, тот не может и не должен бояться ада. Если вы взглянете на образ действий людей, вы увидите, что все, достигшие великого богатства и могущества, получили его силой или вероломством; захваченное обманом или насилием они прикрашивают потом лживым словом «заработанное», чтобы только скрыть гнусность приобретений. Те же, кто по неопытности или глупости избегают этих способов, всегда задыхаются в рабстве и нищете. Верные рабы всегда остаются рабами, а праведники всегда бедны; освобождаются от рабства только предатели и смельчаки, а от бедности — только хищники и обманщики. Бог и природа предоставили блага мира всем людям, но достаются они больше грабежом, чем трудом, больше злом, чем добром. От этого и происходит, что люди пожирают друг друга, и маленькому человеку живется все хуже и хуже. Поэтому, когда есть возможность, надо брать силой, а более счастливого случая судьба нам не даст никогда, ибо граждане разъединены, Синьерия колеблется, власти напуганы; раньше чем они объединятся и на что-нибудь решатся, их легко можно захватить. Тогда мы или останемся единственными властителями города, или получим такое участие в правлении, что не только будут прощены наши старые грехи, но мы всегда сможем угрожать новыми насилиями. Я признаю, что решение это смело и опасно, но когда нас вынуждает необходимость, смелость должна считаться благоразумием, а с опасностью мужественные люди в таких больших делах никогда не считались: предприятия, опасные в начале, вознаграждают себя в конце, и опасности можно избежать только через опасность; наконец, я считаю, что раз нам готовятся тюрьмы, пытки и казни, то надо скорее бояться бездействия, чем попыток

себя обезопасить, ибо в первом случае бедствия очевидны, а во втором они сомнительны... Сколько раз я слышал ваши жалобы на жадность ваших хозяев и на несправедливость цеховых властей! Теперь настало время не только избавиться от них, но скрутить их так, чтобы уже им приходилось жаловаться и бояться вас, а не вам их. Случай дан нам удобный, но он крылат, и если мы его упустим, то напрасно будем стараться поймать его снова. Вы видите приготовления ваших противников; предупредим их намерения, и тот, кто первым возмется за оружие, без сомнения окажется победителем на гибель врагу и на прославление себя; многих из нас ожидает почет, а безопасность будет для всех».

Речь эта сильно воодушевила умы, и без того уже возбужденные ко злу; решено было взяться за оружие, как только удастся привлечь больше соучастников, и все поклялись помогать друг другу, если случится, что кто-нибудь из заговорщиков будет захвачен властями.

2) Начало восстания

XIV. Пока эти люди готовились захватить власть в республике, слух об их замыслах дошел до Синьерии; на площади был задержан некий Симоне, который раскрыл весь заговор и сообщил, что восстание должно начаться на следующий день. Ввиду этой опасности Синьерия созвала Коллегии и граждан, которые вместе с синдиками должны были поддерживать в городе единение. Однако вечер наступил раньше, чем они сошлись, и названные граждане посоветовали Синьерии призвать консулов цехов, которые в один голос дали совет вызвать во Флоренцию всех солдат и на следующее утро послать на площадь знаменосцев [гонфалоньеров] во главе вооруженных отрядов. Пока пытали Симоне и граждане спешили на собрания, некто Никколо из Сан-Фриано чинил дворцовые часы; он понял, в чем дело, и, вернувшись домой, поднял тревогу среди всех своих соседей, так что в одно мгновение на площадь Сан-Спирито сбежалось больше тысячи вооруженных людей. Шум этот дошел до других заговорщиков, и церкви Сан-Пьеро Маджоре и Сан-Лоренцо, назначенные местом сбора, наполнились вооруженными людьми.

Наступил день двадцать первого июля, и на площадь для защиты Синьерии явилось не больше восьмидесяти солдат; из знаменосцев [гонфалоньеров] не было никого, так как они боялись выходить из дому, зная, что весь город вооружился. Первым пришел на площадь простой народ, собравшийся в церкви Сан-Пьеро Маджоре, солдаты при появлении его не двинулись. Затем показалась остальная толпа, которая, не видя сопротивления, с ужасающим криком потребовала от Синьерии освобождения заключенных; когда в ответ на угрозы их все-таки не выпустили, она, чтобы вырвать их силой, подожгла дома Луиджи Гвиччардини; Синьерия, опасаясь худшего, освободила заключенных. Вернув их в свою среду, толпа, выхватив знамя правосудия у

экзекутора и шествуя с ним, подожгла дома многих граждан, преследуя тех, кого ненавидела по причинам общественным или частным. Многие граждане, мстя за личные обиды, натравляли толпу на дома своих врагов; для этого было достаточно, чтобы из толпы раздался хотя бы один голос: «К дому такого-то», или чтобы в эту сторону направился знаменосец. Сожжены были все бумаги цеха суконщиков. Натворив много зла, толпа, чтобы совершить какое-нибудь похвальное дело, произвела в рыцари Сальвестро Медичи и множество других граждан, в общем до семидесяти четырех [человек], в числе пожалованных были Бенедетто и Антонио Альберти, Томмазо Строцци и другие близкие к ним люди; многие из них были вынуждены принять это пожалование насильно. В этих событиях всего замечательнее то, что можно было видеть, как множество людей поджигало дома тех самых граждан, которых они же немного спустя, в тот же день (так недалеко от благодеяния до угнетения), производили в рыцари; так было со знаменосцем правосудия Луиджи Гвиччардини. Члены Синьерии, видя, что их в самый разгар мятежа покинули солдаты, главари цехов и знаменосцы, растерялись, так как никто по данному приказу к ним на помощь не пришел; из шестнадцати знамен явились только гербы Золотого Льва и Белки, которых несли Джовенко делла-Стуфа и Джованни Камби. Они тоже пробыли на площади недолго и ушли, так как никто за ними не последовал. С другой стороны, граждане, видя ярость обезумевшей толпы и зная, что дворец брошен, частью сидели по домам, частью пошли за вооруженной толпой, потому что, смешавшись с ней, они могли лучше защищать свои дома и жилища своих друзей. Таким образом сила мятежников росла, а власть Синьерии постепенно исчезла. Мятеж этот продолжался целый день, а когда настала ночь, восставшие остановились у дворца мессера Стефано, позади церкви Сан-Барнаба. Число их превышало шесть тысяч; еще до рассвета они угрозами заставили цеховые власти передать им их знамена. Утром они подступили к дворцу подеста со знаменем правосудия и со знаменами цехов, и, когда подеста отказался передать им дворец, они ворвались силой.

XV. Желая сделать попытку столковаться с ними миром, так как не видно было способов подавить восстание силой, Синьерия призвала четырех своих сочленов и отправила их ко дворцу подеста, чтобы осведомиться о намерениях восставших; посланные узнали, что главари толпы вместе с синдиками цехов и некоторыми гражданами уже приняли решение о требованиях, с которыми они хотят обратиться к Синьерии.

Они вернулись к Синьерии вместе с четырьмя[1] посланцами от восставших, предъявившими следующие требования: цех су-

[1] Макиавелли излагает содержание петиции восставших, поданной 21 июля 1378 г., неточно, не делая различия между петицией чомпи и петицией синдиков цеха, поданной в тот же день.

конщиков не должен впредь приглашать судью из другого города; должны быть образованы три новых цеха: один для чесальщиков шерсти и красильщиков, другой для цырюльников, жилетников, портных и других швейных промыслов, третий для неимущего народа; два члена Синьерии всегда должны выбираться этими тремя новыми цехами, а другие три — четырнадцатью младшими цехами; Синьерия должна позаботиться о том, чтобы у этих новых цехов были здания, где они могли бы собираться; ни один человек, записанный в эти цехи, не может быть в течение двух лет принужден к уплате долга, если он меньше пятидесяти дукатов; ломбард не взыскивает процентов, и возвращается только ссуженный капитал; осужденные и высланные должны быть прощены; всем подвергшимся аммониции[1] должны быть возвращены права на занятие должностей. Они требовали, кроме того, много всяких других преимуществ для зачинщиков движения и, наоборот, настаивали на изгнании своих врагов и на применении к ним аммониции. Требования эти были позорны и тяжелы для республики, но Синьерия, Коллегия Восьми и Совет народа сейчас же согласились на них, опасаясь худшего. Однако для того, чтобы они вступили в силу, требовалось согласие Совета коммуны, но его пришлось отложить до следующего дня, так как в один и тот же день нельзя было созывать два Совета. Тем не менее цехи и толпа, казалось, были довольны и обещали, что все волнения прекратятся, как только закон вступит в силу.

На следующее утро, пока дело обсуждалось в Совете коммуны, нетерпеливая и изменчивая толпа пришла со своими знаменами на площадь и подняла такой дикий и страшный крик, что весь Совет и Синьерия пришли в ужас. Один из членов Синьерии, Гуэрриანте Мариньолли, в котором страх превозмог все другие страсти, покинул заседание под предлогом охраны нижних дверей и убежал домой. Когда он вышел на улицу, то при всем старании не мог скрыться от толпы, которая его узнала, но никакого зла ему не сделала, а только, увидев его, подняла крик и потребовала, чтобы члены Синьерии оставили дворец, в противном случае она грозила убить их детей и поджечь их дома. Тем временем закон был принят, и синьеры разошлись по своим комнатам, члены же Совета спустились вниз, но не выходили на улицу, а стояли в лоджии и во дворе, отчаиваясь в спасении города при виде такого бесстыдства толпы и такой злобы и трусости тех, кто мог бы ее обуздать или усмирить. Синьеры

---

[1] Аммониция — институт флорентинского государственного права, введенный в 1358 г. и явившийся в руках крупной флорентийской буржуазии, выступавшей под знаменем гвельфов, сильнейшим орудием подавления ее политических противников. Всякий флорентийский гражданин, официально признанный гибеллином, обязывался, под страхом жестокого наказания, не выставлять своей кандидатуры ни на какую общественную должность. Аммониция явилась, таким образом, своеобразной системой лишения избирательных прав в порядке принудительного самоустранения нежелательных кандидатов.

были также в смущении и сомневались в спасении отечества, видя, что они покинуты своим сочленом и что ни один гражданин не поддержал их не только помощью, но даже советом. Пока они пребывали в нерешительности, как им можно и должно поступить, мессер Томмазо Строцци и мессер Бенедетто Альберти, побуждаемые личным честолюбием и желанием остаться хозяевами дворца, а может быть, искренно думая, что это будет правильно, убедили их уступить народному натиску и вернуться к себе домой уже в качестве частных людей. Этот совет, данный главарями восстания, вывел из себя двух членов Синьории, Аламанно Аччайоли и Никколо дель-Бене; оба они, несмотря на то, что остальные уступали, почувствовали в себе какой-то прилив мужества и заявили, что не могут помешать другим уйти, но сами не сложат власти, пока не истечет законный срок, и уступят ее только вместе с жизнью. Спор этот усилил страх Синьории и гнев народа; дошло до того, что знаменосец [правосудия], готовый скорее закончить свое пребывание в должности с позором, чем идти на опасность, отдался под покровительство мессера Томмазо Строцци, который вывел его из дворца и проводил до дому. Другие члены Синьории ушли таким же образом один за другим, а Аламанно и Никколо не захотели прослыть за людей более мужественных, чем благоразумных, и, видя, что они одни, в конце концов тоже ушли; дворец остался в руках толпы и военной Коллегии Восьми, не сложившей еще своих полномочий.

3) Измена Микеле ди-Ландо

XVI. Когда толпа входила во дворец, знамя знаменосца правосудия нес некто Микеле ди-Ландо [1], чесальщик шерсти. Босой, одетый в лохмотья, он поднялся по лестнице, сопровождаемый всей городской чернью, и, дойдя до приемной Синьории, остановился и сказал, обращаясь к толпе: «Вы видите, что дворец этот ваш и город в ваших руках. Что, по-вашему, надо теперь делать?» В ответ на это все закричали, что хотят иметь его знаменосцем и пусть он управляет ими и городом как находит нужным. Микеле принял власть, и, будучи человеком умным и осторожным, больше взысканным природой, чем счастьем, решил успокоить город и прекратить беспорядки; чтобы отвлечь народ и выиграть время на подготовку, он распорядился сыскать некоего сера Нуто, которого мессер Лапо да-Кастильонкио назначил начальником стражи; большинство окружавших его отправилось исполнять это поручение. Чтобы осуществлять по справедливости власть, доставшуюся ему благодаря народному расположению, он приказал всенародно объявить, что никто не смеет

[1] Макиавелли, верный своей основной идее индивидуального исторического героя, ведущего за собой толпу, видит такого героя в Микеле Ландо и излагает его роль в восстании чомпи совершенно произвольно, сообразуясь не столько с фактами, сколько со своей теорией власти.

ничего жечь или грабить. Для устрашения он велел поставить на площади виселицы. Преобразование городского строя он начал с того, что уволил синдиков цехов и назначил новых, отрешил членов Синьерии и Коллегий и велел сжечь мешки с именами кандидатов на государственные должности. Тем временем толпа приволокла на площадь сера Нуто и вздернула его на виселицу за ногу; все рвали его на части, и от него в одно мгновение ничего, кроме ноги, не осталось. Члены военной Коллегии Восьми, со своей стороны, назначили новых членов Синьерии, считая, что с уходом старой Синьерии они остались властителями города. Узнав об этом, Микеле послал им сказать, чтобы они сейчас же уходили из дворца, так как он хотел показать всем, что сумеет управлять Флоренцией без их советов. Затем он велел созвать синдиков цехов и выбрать новую Синьерию, в которую вошли четыре члена от рабочих и по два от старших и младших цехов; кроме того, он произвел новые выборы по жребию, разделил всех полноправных граждан, избирающих Синьерию, на три части, причем одну треть членов Синьерии выбирали новые цехи, другую — младшие и третью — старшие. Мессеру Сальвестро Медичи он отдал доходы от лавок на Старом мосту, взял для себя должность подеста в Эмполи; многим другим гражданам, стоявшим за простой народ, он оказал большие милости, имея в виду не столько вознаградить их за то, что они сделали, сколько найти в них людей, готовых в любую минуту защищать его от всех, кто будет ему завидовать.

XVII. Простой народ находил, что Микеле в своих преобразованиях государства слишком покровительствовал высшему слою пополанов; неимущим казалось, что они не получили такого участия в управлении, которое было им необходимо, чтобы удержать власть и защищаться; поэтому толпа с обычной своей смелостью вновь взялась за оружие, шумно повалила со знаменами на площадь и потребовала, чтобы синьеры вышли на ораторскую трибуну и обсудили новые меры, обеспечивающие низам безопасность и благополучие. Видя их наглость и не желая раздражать их еще больше, Микеле, не выслушивая требований, осудил форму, в которой они были предъявлены, и убедил толпу сложить оружие, ибо тогда ей будут сделаны все уступки, которые Синьерия, не теряя своего достоинства, не может сделать под угрозой насилия. Разгневанная поведением находящихся во дворце, толпа пошла к церкви Санта-Мария Новелла; там она выбрала из своей среды восемь главарей, назначила им слуг и все прочее необходимое, чтобы создать им влияние и почет; таким образом, власти заседали в двух местах и город управлялся двумя разными правительствами. Главари простонародья постановили, что восемь человек, избранных от их цехов, должны постоянно жить вместе с членами Синьерии во дворце и утверждать все ее решения. Они отняли у мессера Сальвестро Медичи и Микеле ди-Ландо все, что им было предоставлено их преж-

ними постановлениями; многим из своих они дали должности и денежные пособия, чтобы они могли с достоинством занимать свои места. Когда все эти постановления были вынесены, чомпи, чтобы сообщить им законную силу, отправили двух человек из своей среды в Синьерию и поручили им требовать утверждения их Советами, пригрозив при этом, что если народ не добьется своего добром, то будет действовать силой. Посланцы с большой самоуверенностью и еще большей дерзостью изложили то, что им было поручено, и упрекали знаменосца за то, что, получив от них это достоинство и всякие почести, он показал по отношению к ним такую неблагодарность и так мало с ними считался. Когда они, наконец, перешли от упреков к угрозам, Микеле не мог вынести такой наглости и, думая больше о своей высокой должности, чем о низком происхождении, решил наказать их необычным способом за невероятную дерзость: он выхватил меч, которым был опоясан, и сначала тяжело их ранил, а затем велел их связать и бросить в тюрьму.

Когда об этом стало известно, толпа разгневалась; в полной уверенности, что, вооружившись, она достигнет того, что не удалось ей мирным путем, она с шумом и яростью схватилась за оружие и двинулась, чтобы силой заставить Синьерию покориться. Микеле, со своей стороны, предвидел события и решил их предупредить, полагая, что для славы его лучше быть нападающим, чем дожидаться врага, сидя за стеной, и потом бежать из дворца со срамом и бесчестьем, подобно своим предшественникам. Он собрал вокруг себя множество граждан, которые уже начинали раскаиваться в своих заблуждениях, сел на коня и, сопровождаемый многими вооруженными людьми, отправился к церкви Санта-Мария Новелла с намерением вступить в бой. Толпа, как мы уже говорили выше, пришла к такому же решению почти одновременно с тем, как Микеле выступил, и сама двинулась на площадь, но по воле случая обе стороны шли разными улицами. По дороге, повернув обратно, Микеле увидал, что площадь занята, что у дворца дерутся, сам кинулся в схватку, разбил противников и частью выгнал их из города, частью заставил их бросить оружие и скрыться. После такого успеха волнения улеглись, и это произошло исключительно благодаря мужеству знаменосца[1]. Своей храбростью, мудростью и великодушием он превзошел в то время всех граждан Флоренции и должен быть причислен к редким людям, облагодетельствовавшим свое отечество. Если бы замыслы его были коварны и честолюбивы, со свободой республики было бы кончено, и в ней установилась бы худшая тирания, чем при герцоге Афинском. Великодушие Микеле не допустило даже и мысли о чем-либо, противном

---

[1] Оценка роли Микеле Ландо отражает только точку зрения Макиавелли, резко расходящуюся в данном случае с реальной исторической правдой.

общему благу; благодаря своей мудрости он повел дела так, что многие его сторонники ему уступили, а остальных он сумел укротить оружием. Такой поворот дел устрашил толпу и заставил лучших ремесленников опомниться и подумать о том, какой срам для людей, сломивших гордость знати, выносить господство смрадной городской черни.

4) Подавление восстания

XVIII. К тому времени, когда Микеле восторжествовал над простонародьем, новая Синьерия уже собралась; двое из ее членов были столь низкого и презренного состояния, что граждане чувствовали все более и более сильное желание избавиться от такого срама. Первого сентября, когда новая Синьерия вступала в должность, площадь была переполнена вооруженным народом, и как только старые синьеры вышли из дворца, вооруженные ряды заволновались и кто-то закричал, что они не позволят никому из низших сословий заседать среди членов Синьерии; чтобы удовлетворить их, Синьерия исключила обоих названных членов, одного из которых звали Триа, а другого Бароччо, и выбрала вместо них мессера Джорджо Скали и Франческо Микеле. Кроме того, она упразднила цехи неимущего народа и лишила права занимать должности всех приписанных к ним, кроме Микеле Ландо, Лоренцо Пуччо и нескольких других, занимавших более высокое положение; высшие должности разделены были на два разряда, причем одни представлялись старшим цехам, а другие младшим. Установили, что пять членов Синьерии будут всегда выбираться от младших цехов, четыре от старших, а знаменосец должен принадлежать попеременно то к тем, то к другим. Когда этот государственный порядок вступил в силу, город на время успокоился. Хотя власть в республике была вырвана из рук рабочих, однако менее зажиточные ремесленники стали отныне более влиятельны, чем высший слой пополанов, который вынужден был уступить цехам и удовлетворить их, чтобы лишить простой народ их покровительства. Способствовали этому все желавшие умаления тех, кто так грубо оскорблял столь многих граждан, прикрываясь именем партии гвельфов. Утверждению нового образа правления содействовали, между прочим, мессер Джорджо Скали и мессер Бенедетто Альберти, мессер Сальвестро Медичи и мессер Томмазо Строцци, которые, таким образом, как бы сделались властителями города. Это преобразование и осуществление его закрепило рознь между знатными пополанами и мелкими ремесленниками, начало которой было положено соперничеством Риччи и Альбицци; так как из-за этого в разные времена произошли важнейшие события и нам много раз придется об этой распре упоминать, то одну из образовавшихся партий мы будем называть партией пополанов, а другую — партией простонародья. Такое состояние длилось три года,

и время это ознаменовано изгнаниями и казнями, так как правящие, окруженные недовольными во-вне и внутри, относились ко всем с величайшим подозрением. Недовольные, жившие в городе, каждый день пытались произвести переворот, так о них по крайней мере говорили. Недовольные, жившие вне города, вообще не считали нужным себя сдерживать и при помощи любого князя или республики сеяли раздоры то в одной, то в другой партии.

10. ФЛОРЕНТИНСКАЯ ХРОНИКА МАРКИОННЕ СТЕФАНИ

Маркионне ди-Коппо Стефани — флорентийский деятель и хронист. Известия о нем начинаются с 1366 г. Член Коллегии десяти защитников свободы (1372). Занимал видные государственные должности, был приором в 1379 г., а впоследствии послом Умер в 1403 г. Автор хроники, доведенной до 1385 г. Его рассказ о восстании — это свидетельство лица, далекого от сочувствия восставшим как по положению, так и по своим взглядам умеренного гвельфа, сторонника правящей буржуазии. Рассказ написан весьма примитивно и в литературном отношении не может выдержать никакого сравнения с блестящей историко-политической импровизацией Макиавелли. Однако историческая ценность рассказа Маркионне не подлежит сомнению. Это свидетельство очевидца, выдержанное в сравнительно спокойном тоне; он излагает события почти день за днем, фиксирует важнейшие моменты развертывавшейся борьбы и дает много бытовых подробностей. Как одно из немногих дошедших до нас показаний современников хроника Маркионне Стефани имеет всю ценность источника.

Приводится отрывок из «Флорентинской хроники» Маркионне ди Коппо Стефани (рубрики 795—806, за 1378 г.).

1) 795. О том, как народ поднялся на восстание

В двадцатый день того же июля месяца 1378 г. четырнадцать младших цехов просили приоров о том, чтобы от этих четырнадцати младших цехов избирался еще один приор, чтобы от семи цехов выбиралось одним приором меньше, так как семь старших цехов посылали в Синьерию семь приоров, а четырнадцать младших только двух; получив отказ, они соединились с частью простонародья: чесальщиками шерсти, шерстобитами, рабочими, мелкими торговцами и другими; они взбунтовали их и уговаривали явиться во вторник с оружием на площадь и требовать, чтобы им позволено было образовать цех и выбрать своих консулов; так и было сделано. Проведав об этом, приоры захватили четырех главарей... и подвергли их пытке веревкой. Как только об этом стало известно, люди из простонародья сейчас же взялись за оружие, выставили знамя, ...на котором изображен был ангел, и назвали себя «чомпи»... Подойдя к площади, толпа начала расти, потому что к ней примкнули все мальчики из лавок [fattori] младших цехов и многие из старших. Приоры вызвали на площадь знаменосцев, но никто не пошел, кроме Джовани Камби, знаменосца Белки... [пробел] и знаменосца Льва. Толпа все увеличивалась и кричала, чтобы ей отдали заключенных; так как требование это не было выполнено сейчас же, она бросилась к

дому знаменосца правосудия, Луиджи Гвиччардини, сына мессера Пьеро, подожгла его, уничтожила много добра, в нем хранившегося... Дабы нельзя было говорить, что они грабят, люди эти действовали так: подойдя к какому-нибудь дому, чтобы поджечь его, они хватали вещи, выносившиеся оттуда другими, — сукна, жемчуга, серебро, кровати — и жгли все это на кострах. Когда жгли дом Микеле ди-Ванни Кастеллани, один человек ни за что не хотел выпустить из рук петуха и кусок соленого мяса; я сам видел, как его ударили сзади пикой, а петуха выхватили, обломали ему ноги и бросили в огонь. Так жгли они во второй раз, но не грабили. При этом погибло много домов, загоревшихся от соседних или стоящих напротив, а несколько домов было частью разрушено ломами, чтобы спасти от пожара те, что находились рядом. Владельцы всех этих сожженных или разрушенных домов, а также братья и родственники их были отстранены от должностей с запрещением занимать их впредь. Затем восставшие выбрали некоторых граждан и насильно произвели их в рыцари; многие подчинились этому из страха, что иначе их подожгут или ограбят... Между прочим, сделаны были рыцарями два человека, принадлежавших к младшим цехам, т. е. к неимущему народу: один был мессер Гвидо Бандьера, чесальщик шерсти, которому назначено было 2 000 золотых флоринов, но он получил всего 50, а другой был булочник мессер Мео де-Грассо; некоторые из новых рыцарей дорожили этим достоинством, а другие старались от него отделаться; позднее, как мы скажем дальше, было вынесено особое постановление о тех, кто пожелал сохранить за собой пожалованное достоинство. На следующий день чомпи снова собирались жечь дома, но пошел невероятный дождь страшной силы; пробыв всю ночь под оружием, они устали, промокли и решили отдыхать; тогда приоры из боязни, как бы они не натворили еще больших бед, послали посредников, которые должны были вступить с восставшими в переговоры и узнать их желания; цехи, бывшие с восставшими заодно, начинали теперь раскаиваться, так как все мальчишки из лавок смешались с толпой и кричали: «Да здравствует неимущий народ!» Восставшие раньше требовали себе консулов, а теперь стали требовать не только консулов, но и приоров и многое другое. Между прочим, они настаивали на том, чтобы из их среды выбиралось двое приоров, которые сейчас же получили бы доступ во дворец, а двое из заседавших там приоров должны были удалиться; затем они требовали, чтобы их освободили от подчинения иногороднему смотрителю шерстяного или какого-либо иного цеха; все это изложено было в нескольких статьях... Затем толпа пошла на приступ дворца подеста и в конце концов взяла его...

2) 800. О том, как восстал неимущий народ и какие великие перемены он произвел

В том же году 29 августа восстали названные чомпи, вооружились и вышли на площадь; с ними шли все арбалетчики, нанятые приорами и синдиками; они были в большом возбуждении и кричали: «Да здравствует неимущий народ!» Пришли они все скопом и установили свои законы, которые и представили приорам и синдикам; прежде всего этими законами отрешены были синдики, все постановления их отменялись и полномочия их прекращались. Затем они установили, что ни один рыцарь не может занимать должностей, что у мессера Сальвестро отнимаются доходы лавок на Старом мосту, а у мессера Джованни ди-Моне — доходы от лавок на Старом рынке, что по преступлениям, совершенным до этого дня, следствия не ведется...

3) 802. Как неимущий народ учредил свои власти и установил свои законы

...восставшие провели вечер и всю ночь в церкви Санта Мария Новелла... Затем выяснилось, со слов их уполномоченных, что накануне постановлено было выбрать восемь человек, которые составили бы Коллегию, названную Коллегией Восьми из Санта Мария Новелла и имевшую над всеми настоящую власть. К этому все приступили сообща и выбрали восемь человек... Затем они постановили, что Коллегия Восьми не может обойтись без Совета, и выбрали шестнадцать человек из неимущего народа по одному от каждого отряда... Утром же они установили свои законы, которых было много, но самые важные постановления были таковы: члены Коллегии Восьми и другие, которые будут выбраны от одного приората до другого, должны заседать во дворце приоров и без участия их не может быть принято ни одно решение, касающееся дел города; лишь по принятии его приорами и Коллегией Восьми оно может быть передано в Коллегии и Советы; они установили еще многое, относящееся к их состоянию, о чем мы сейчас упоминать не будем...

4) 803. О том, как были избраны новые приоры и как Коллегия Восьми из Санта Мария Новелла передала во дворец свои постановления и заставила приоров, новых и старых, им присягнуть

В воскресенье 29 числа того же месяца того же 1378 г. из избирательных мешков вынуты были записки с именами новых приоров и знаменосца. Чомпи стояли на площади и кричали: «Такого-то не хотим: рвите записку; хорошо, хорошо!» Все записки, которые им не нравились, были разорваны...

Затем восемь уполномоченных из Санта Мария Новелла пере-

дали во дворец свои постановления и потребовали, чтобы приоры созвали под звон колоколов общенародное собрание и утвердили все, ими совершенное. Приоры видели, что чомпи располагают как бы всем Приоратом и ничего сделать нельзя, как это уже сказано в предыдущей главе; еще больше задевало их за живое то, что некоторые из их же среды, пользуясь властью, присвоили себе то одно, то другое; между прочим, знаменосец правосудия Микеле ди-Ландо заставил предоставить себе на год должность подеста в Барберино и отпущено было 100 флоринов на покупку ему коня, знамени и щита. Постановления чомпи лишили Приорат всего, что у него было; во дворце не оставалось ни слуг, ни секретарей, ни нотариуса Канцелярии преобразований; приоры поэтому дали следующий ответ: они-де готовы исполнить все решения уполномоченных и не упустят ничего для этого необходимого, но утвердят все постановления зараз в среду, когда весь народ соберется при звоне колоколов по случаю вступления в должность вновь избранных приоров. Надо думать, что они так бы и поступили, если бы их не удержала мысль о том, что они этим отнимают у Микеле ди-Ландо всякую власть. Микеле был человек смелый, и за ним шли ремесленники и другие люди, ибо он охранял в свое время мир в городе и приобрел расположение самых различных людей. Ответ был передан Коллегии Восьми уполномоченных народа божьего церкви Санта Мария Новелла. Обдумав его, они решили посовещаться и, тем не менее, послали во дворец из своей среды вместе с нотариусом сер Аньоло Латини; посланцы должны были заставить старых и новых приоров поклясться, что они в среду внесут названные постановления в народное собрание и добьются утверждения того, что уже сделано, и того, что еще будет принято. Приоры ответили, что они посоветуются и дадут ответ потом; оба уполномоченных и нотариус не пожелали удалиться и вели себя так, точно они хозяева, а приоры их рабы. Разгневанные приоры тихо говорили друг другу: «Не будем уступать: это самая страшная опасность на свете; того и гляди, они захотят отдать город во власть какого-нибудь государя». Кончили они тем, что решили принести клятву; правда, некоторые ушли и не хотели присутствовать, но другие поклялись, а ушедшие в конце концов вернулись и клятву принесли все, в том числе и те из вновь избранных приоров, которые были во дворце, ибо некоторые туда еще не пришли. Микеле ди-Ландо вступил в переговоры и настаивал на том, чтобы ему оставили или должность, или подарки. Чомпи не согласились ни на что; тогда он стал настаивать на том, чтобы ему оставили только знамя, и сказал, что ничего другого не хочет. Они в этом отказали, понимая, что если отнять у него знамя, то власть останется в их руках. Понимая, что противники не хотят оставить им ничего, приоры все вместе удалились в капеллу и поклялись на распятии, что будут хранить втайне свои решения, так чтобы ни один чомпи ничего не узнал.

5) 804. О том, как составился заговор против Коллегии Восьми из Санта Мария Новелла и против неимущего народа и как чомпи были разбиты

В тот же вечер, когда приоры принесли клятву, они сообщили мессеру Бенедетто Альберти, который был в их распоряжении, чтобы он отдал приказание запереть в ночь с вторника на среду ворота Флоренции, разослав в то же время воззвания синьеров о помощи, которая должна непременно прибыть во Флоренцию в среду на рассвете. На состоятельных людей рассчитывать было трудно, так как все они убежали в окрестности или в укрепленные поселения и заперли свои дома. Торговцы переправили свои товары: кто в укрепленные места, кто в Пизу, кто в Болонью. В понедельник, подготовив все в округе, приоры через верных ремесленников и торговцев распространили слухи, что Коллегия Восьми уполномоченных народа божьего грабит город и каждый день готова пустить в ход оружие; сообщили они и о клятве, которую их заставили дать, а также о том, что чомпи должны получить треть должностей и что с них этого вполне довольно; приоры прибавили, что надо быть настороже́. Торговцам и ремесленникам не нравились заведенные порядки, хотя они ничего не делали и никто, кроме разве простого народа, им о делах не напоминал.

Между прочим, среди постановлений, принятых восставшими, было и такое, по которому их консулы вместе с десятью советниками, избранными по новому порядку, могли лишать общественных и цеховых должностей всякого, кого им заблагорассудится. Делалось это для того, чтобы хозяевами стали ученики и служащие, а не мастера; консулы почти все были из учеников, ибо когда сожгли мешки с избирательными записками, по которым производились выборы приоров и других властей, то так же поступили и с мешками, по которым выбирали консулов, а когда эта должность была преобразована, то в консулы попали почти сплошь цеховые ученики, а не мастера. Приоры растолковали теперь добропорядочным ремесленникам, что чомпи намерены выбрать своим главарем мессере Бартоломео ди-Смидуччо Сан-Северино. Это показалось довольно правдоподобным, так как чомпи принимали его с почетом; кроме того, говорили, — не знаю, правда ли это, — будто чомпи собирались пройти по всему городу грабить, гнать и убивать всех богатых и лучших людей, замуровать и огородить все выходы улиц и сильно сократить городскую черту; ...в этом малом квартале они намерены были укрепиться с награбленным добром, а затем продать город тому, кто даст больше, уйти с добычей в Сьену и устроиться там со своими богатствами. Ремесленники всю ночь переговаривались в великой тревоге, и, видимо, слухи распространились. Той же ночью Коллегия Восьми из Санта Мария Новелла призвала своих к оружию; вооружившись, они послали к приорам, чтобы

снова потребовать от них клятвы и заставить поклясться тех из них, кто этого еще не сделал, а также Коллегии. Двое уполномоченных со своим нотариусом явились во дворец и сейчас же вызвали приоров, как выбывающих, так и вновь избранных, и произошло это во вторник утром, в последний день августа 1378 г. Собравшись, они начали их звать, и, так как не все сразу откликнулись, они кричали отсутствующим: «Где ты?», с такой наглостью, точно они уже были хозяевами. Когда собрались все приоры, как выбывающие, так и новые, от них потребовали клятвы, но знаменосец правосудия Микеле ди-Ландо сказал: «Подождите немного, я сейчас вернусь»; выбежав в комнату, где было оружие, он сейчас же вернулся и громко крикнул: «Где изменники?» С обнаженным мечом в руке он бросился на посланцев, догнал их у лестницы и нанес одному из них в голову удар, от которого тот покатился по ступенькам, налетел с размаху на какого-то беднягу монаха, поднимавшего наверх бочку вина, и так расшиб его, что тот опрокинулся и умер на месте, второго Микеле тоже ударил мечом и, казалось, пронзил ему бок, но в действительности ранил в руку. Прибежавшим за ним слугам его еле-еле удалось помешать ему убить обоих собственными руками. Их подняли и заперли где-то под лестницей, а весть о случившемся быстро дошла до Санта Марии Новелла. Толпа, понимавшая, что не суждено сбыться ее чаяниям, начала бить в колокол церкви Сан-Паоло; колокола Сан-Фриано, Сан-Джорджо, Сан-Николло́, Беллетри, Сан-Амброджо[1] отвечали, и в конце концов восставшие собрались у Сан-Фриано. Приоры, узнав об этом, разослали гонцов в цеха и к знаменосцам и велели бить в набат, площадь мгновенно наполнилась народом, и появились цехи со своими знаменами. Знаменосец [правосудия], думая застигнуть толпу в Санта Мария Новелла, двинулся туда со знаменем правосудия, между тем как чомпи пошли на площадь со знаменем Ангела и с криком «Да здравствуют народ и цехи!» Цехи же расположились у ворот дворца в сторону Кондотты; там они сосредоточились и все ждали приказа из дворца начинать дело. Приорам не хотелось начинать в этот день, так как для полной уверенности в успехе они поджидали людей из окрестностей, которые должны были прибыть во Флоренцию утром. Все устали стоять при оружии; отряды со знаменами заперли выходы с площади, многие из арбалетчиков городского войска вполне теперь убедились, что обязаны повиноваться приорам, и стояли со своими знаменами. Знаменосец [правосудия] повернул и направился в Ольтрарно, рассчитывая найти там чомпи, а те, как уже сказано, явились на площадь. Тогда знаменосец остановился и дал своим людям отдохнуть. Когда он явился на площадь, ...приоры сообщили всем цехам повеление принести

---

[1] Название флорентинских церквей.

свои знамена, так как они должны быть во дворце. Цехи сейчас же послали знамена, и приоры с почетом выставили их в окнах. Получив знамена цехов, приоры послали за знаменем чомпи, т. е. за знаменем Ангела, но те не захотели его отдать. Тогда Лиончино — один из приоров — два знаменосца и два члена Коллегии Двенадцати спустились вниз и потребовали у чомпи знамя, причем заявили, что благородные цехи и все прочие подчинились приказу приоров. Чомпи показалось слишком обидным, что ни один цех не поставлен с ними вровень, и они грубо отказали. Приорам хотелось сначала отобрать у чомпи знамена, а затем утром докончить свои приготовления. Около дома Антеллези стоял герб Золотого Льва, прикрытый щитом. Около Кондотты виднелись гербы Ключей и Белки, другие были наготове около Порта де-Синьори, у Сан-Пьеро Скераджо стоял Черный Лев, у входа на улицу Вакерегга поставлены гербы Бича и Раковин, у Санто-Ромоло расположились гербы Ехидны и Единорога. Один арбалетчик увидел, будто сверху из дворца летит камень, насторожился и выстрелил по дворцу. Другой стрелок из отряда Золотого Льва натянул лук, чтобы пустить стрелу в того, кто стрелял по дворцу, а чомпи, увидав это, в свою очередь натянули свои луки. Народ стал тесниться у дворца и забрасывать камнями чомпи, которые стояли у Рингьеры и под напором толпы начали теперь отступать по улице Магалотти. Слуги экзекутора стали тащить камни; толпа дрогнула и остановилась у дома Магалотти. Отряд Золотого Льва, понимая, что чомпи разбиты, двинулся вниз от Сан-Пьеро, от таможен и от дома Леони. Когда чомпи увидели, что на них наседают, они побежали... Некоторые из них, засевшие во дворце капитана, благополучно оттуда выбрались и смешались с толпой. Вообще тем, кто не сопротивлялся, ничего дурного не сделали. Воинские части, прибывшие на площадь еще до полудня, скакали по городу вместе с знаменосцами народных отрядов и в поисках чомпи обшаривали улицы, но те разбежались по полям и домам, а кое-кто успел даже перебраться через Арно; так произошло их поражение и убито было в схватке, может быть, шесть человек, а ранено восемнадцать. Толпа расположилась отдыхать, и ужинать, солдаты оставались на площади всю ночь, а знамена отрядов были доставлены в дома знаменосцев, ибо говорили, что чомпи около 4 часов снова попытаются собраться. Чтобы разогнать их, приоры сейчас же приказали бить во все колокола, в том числе и в церквах, дабы всякий бодрствовал эту ночь. Толпы обыскивали весь город, и кто только мог бежать, постарался как можно скорее ночью удрать из Флоренции и ее окрестностей. Утром солдаты и народные отряды со знаменами вышли на поиски за город, но не нашли ничего, кроме виноградников, тянувшихся на целую милю за воротами, и собирали виноград так усердно, что очень мало бочек осталось пустыми.

6) 805. О том, как новые приоры вступили в должность и о дальнейшем ходе дел

В том же 1378 г. в первый день сентября вступили в должность названные выше приоры: трое от семи старших цехов и от граждан, не занимающихся ремеслами, трое от четырнадцати младших цехов и трое от трех цехов неимущего народа, который неистовым ревом своим заставил взять из среды его знаменосца правосудия. Утром Микеле ди-Ландо с товарищами сделал ошибку, заявив, что они дали клятву передать должность тому, кого облекут властью синдики, и что они хотят поступить именно так. Вместо того, чтобы отправиться в обычное место на Рингьеру, вручили знамя знаменосцу чомпи в зале заседаний, а когда выбывающие приоры приняли от новых клятву и уходили из дворца, они говорили им: «Вас шестеро, а этих трое, сумейте же сделать так, чтобы ваша взяла». Когда народ увидел, что Микеле ди-Ландо и другие приоры ушли из дворца, где остались чомпи, поднялся крик: «К оружию, к оружию, долой чомпи, долой их!» Площадь переполнена, и шум стоял великий; приоры послали приказ о том, чтобы ремесленные старшины, в числе 21, собрались в Сан-Пьеро Скераджо и обсудили, что надлежит делать; собрание постановило, что ни один чомпи к должностям города не допускается, но сохраняются два цеха, именно цех красильщиков и прочих и цех жилетников и прочих; пять приоров выбираются от этих шестнадцати цехов, четверо от семи старших цехов и граждан, не занимающихся ремеслами, а знаменосец [правосудия] выбирается по очереди то от пяти приоров, то от четырех; на этот раз знаменосец [правосудия] будет выбран от пяти приоров младших цехов, а нынешний знаменосец и приор от уничтоженного цеха отрешаются. Из шестнадцати знаменосцев отрядов девять должны быть от шестнадцати цехов, а семь от семи старших и от граждан, не занятых в ремеслах, а в Коллегии двенадцати лучших людей семь должны быть от младших цехов, а пять от старших и от граждан, не работающих в ремеслах. Обо всех этих решениях было сообщено во дворец в знак согласия цехов. Старшие цехи нашли, правда, что их обидели, но не настаивали, чтобы не возбуждать новых несвоевременных споров.

7) 806. О том, как граждане были призваны для выборов приоров

В тот же год, месяц и день, когда 21 старшина вынесли названное постановление, Коллегии обсуждали это дело и другие. Народ сейчас же поднял крик: «Долой, долой!» Знаменосцу правосудия, Бартоло ди-Якопо, прозванному Бароччо, было объявлено, что народ не хочет ни его, ни других. Сам по себе Бартоло был человек достаточного состояния, чесальщик шерсти; из дворца он ушел здрав и невредим, так же, как и другой приор чомпи, чесальщик Джованни ди-Доменико, прозванный Триа. Под

звон колоколов собрался весь народ и утвердил все вынесенные постановления, как эти, так и другие. По образцу этого всенародного собрания были созваны и другие: все решалось под острием меча, и ни одно постановление собрания не выносилось как должно, а только по насилию. Спрашивали: «Согласны ли вы на это?» Каждый отвечал «да», и никто под страхом смерти не осмелился бы сказать «нет». Вернувшись во дворец, синьеры произвели, как полагалось, выборы по жребию на свободные большие должности и викариаты, а также выборы подеста больших городов, в частности в Пистойю; для выборов на большие должности в мешки было положено столько же записок с именами кандидатов шестнадцати цехов, сколько от семи старших и неработающих граждан; тот, на кого падал жребий, вступал в должность, и кажется, что на долю шестнадцати выпадали викариаты; с другими должностями обстояло иначе: если кто-нибудь из семи старших цехов оставался на должности шесть месяцев, то на другие шесть месяцев выбирался кто-нибудь из шестнадцати цехов. Вместо исключенных приоров и знаменосцев выбраны были прочие граждане.

11. ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ФЛОРЕНТИНСКОЙ СИНЬЕРИИ, ПОЯВИВШИХСЯ ВО ВРЕМЯ ВОССТАНИЯ ЧОМПИ И ВСЛЕД ЗА ЕГО ПОДАВЛЕНИЕМ

Приводимые ниже отрывки из двух постановлений Синьерии: а) от 21 июля и б) от 11 сентября 1878 г. — характеризуют преобразовательную работу флорентинского правительства, проходившую под давлением восставших чомпи. Постановление от 21 июля, появившееся в самый разгар восстания, санкционирует одну из трех поданных восставшими петиций, именно петицию младших цехов.

Второе постановление, принятое вскоре после подавления восстания чомпи, несмотря на ликвидацию многих важных уступок, вырванных у правящих классов Флоренции восставшими массами (как, например, образование особого цеха чомпи), тем не менее вынуждено признать происшедшие в результате восстания общественные и политические сдвиги.

Постановление Синьерии от 21 июля 1378 г.

Синдиками и старшинами цехов и ремесленников [1] города Флоренции вам, господам приорам цехов и знаменосцу правосудия флорентинского народа и Флорентинской коммуны, подается петиция о том, чтобы вы соблаговолили ради общественного блага и спокойствия вышеназванного народа и Коммуны постановить, утвердить и подобающим образом осуществить все нижеследующие преобразования...

...Всякий, кто до сих пор, начиная с 1357 г., добровольно или по предписанию господ капитанов гвельфской партии города

[1] Имеются в виду младшие цехи и их сочлены.

Флоренции отказался от занятия должностей во Флорентинской коммуне или гвельфской партии, или в каком-либо из цехов или корпораций, или же вследствие упомянутого отказа оказался неправоспособным для занятия этих самых должностей, или какой-нибудь из них, — пусть будет восстановлен в этих должностях и вновь приобретет правоспособность для занятия их с соблюдением той процедуры, которую применяют при восстановлении в правах всякого подвергшегося аммониции[1] за гиббелинство, согласно установлениям, принятым в только что минувшем июне...

Далее пусть приоры цехов и знаменосцы правосудия вместе со знаменосцами цеховых организаций и 12 добрыми мужами вышеназванной городской коммуны и обе их партии[2] выступят активно и распорядятся подготовить новые мешки[3] и произвести новые выборы по жребию Совета Коммуны и вышеназванный Совет должен быть переизбран, как только будут изготовлены вышеупомянутые мешки. Сверх того должно постоянно избираться в названный Совет 10 флорентинских граждан, принадлежащих к партии пополанов, от каждого квартала сверх установленного до сего времени числа членов в названном Совете, а эти избранные сверх установленного числа пусть считаются обладающими и действительно обладают такой же балией[4] и такой же властью, как и другие члены названного Совета...

Далее, пусть капитаны гвельфской партии города Флоренции, под угрозой штрафа в 1 000 флоринов золотом с каждого из них, возьмут на себя обязательство, в течение ближайших пяти дней, считая со дня, в который настоящее «Постановление» будет утверждено в Совете господина подесты и Коммуны Флоренции, передать со всеми подобающими формальностями господам приорам и знаменосцу правосудия королевское знамя названной партии. А сверх того, пусть капитаны названной партии, как настоящие, так и будущие, или иные представители данной партии не дерзают держать у себя названное знамя или подобное ему...

Далее, пусть на средства городской Коммуны Флоренции непременно будет куплено вполне достаточное и удобное помещение и передано в полную собственность неимущему народу города Флоренции для собраний в его стенах цеха и консулов указанного неимущего народа[5] и для доставления других удобств этому самому цеху. И пусть будет признано возможным и необходимым

---

[1] Аммониция — см. примечание к стр. 237.

[2] То-есть пополаны и чомпи.

[3] Тут разумеются мешки для избирательных записок.

[4] Так назывались во Флоренции чрезвычайные полномочия каждой победившей партии для проведения неотложных мероприятий и для расправы со своими политическими противниками.

[5] Этот цех был одним из трех новых цехов, возникших во время восстания чомпи; он был ликвидирован сейчас же после подавления восстания; два других цеха удержались; об их составе см. приводимый ниже отрывок из «Постановления Синьерии от 11 сентября 1378 г.».

израсходовать на это помещение до 500 золотых флоринов; и пусть казначеи казны названной Коммуны под угрозой штрафа в 1 000 золотых флоринов с каждого из них в пользу городской Коммуны Флоренции за невыполнение вышеуказанного обязуются выдать, заплатить тому, с кем будет договорено указанными консулами вышеназванного неимущего народа, всю сумму размером до 500 полновесных золотых флоринов флорентинской пробы из каких бы то ни было средств названной Коммуны, хотя бы они были отпущены или предназначены на что-либо другое, притом без всякой выплаты или удержаний каких-либо сборов и какой-либо гарантийной записи, лицензии или визы и без всяких излишних формальностей, а лишь принимая во внимание настоящее переустройство и имеющееся решение вышеназванных консулов. Названное помещение должно быть куплено в срок до 15 числа наступающего августа включительно.

А по поводу этой самой петиции названные господа приоры и знаменосец [1], официально сговорившись между собой, и совместно со знаменосцами цеховых организаций и с Коллегией двенадцати добрых мужей флорентинской городской Коммуны, наконец, на общем собрании народа [2] и Коммуны города Флоренции, представленных достаточным количеством их сочленов, постановили в день 21 июля 1378 г. названную петицию как в целом, так и в отдельных ее пунктах надлежит продвинуть, подвергнуть жеребьевке, утвердить и осуществить.

Постановление Синьерии от 11 сентября 1378 г.

Ревностно стремясь к согласию цехов и ремесленников, в особенности младших цехов города Флоренции, и ко благому и мирному состоянию и управлению данным городом, великолепные господа приоры цехов и знаменосец правосудия народа и Коммуны Флоренции, согласно решению, торжественно принятому ими совместно со знаменосцами цеховых организаций и Коллегией двенадцати добрых мужей Коммуны Флоренции, постановили в 11-й день сентября месяца 1378 г. следующее:

...жеребьевка [3], произведенная в только что минувшем месяце августе, пусть остается в силе, а в настоящий момент должен быть сделан для обслуживания вышеназванных 16 младших цехов, существующих как внутри, так и вне города, при выборах ими на какую-либо или для какой-либо из всех вышеуказанных должностей города Флоренции, а также должностей в партии гвельфов и должностей дома и корпорации купцов города Флоренции — один единственный сак или мешок для избирательных

[1] Тут разумеется знаменосец правосудия.

[2] Этот термин покрывает организованное в цехи ремесленное население города Флоренции

[3] То-есть выборы по жребию на городские должности.

записок, в котором могли бы поместиться все те жеребья 14 младших цехов, которые придется и которые следует туда опускать, согласно изданным на этот счет установлениям. Подобным же образом обстоит дело с жеребьями двух новых цехов, которые уже пришлось опускать в мешки, изготовленные для народа божия, и которые должны быть туда опущены согласно названным установлениям, а эти два цеха называются: один — цех красильщиков, аппретурщиков и других его сочленов, а другой — цех жилетников, портных, стригальщиков сукон и прочих его сочленов [1].

12. СМЕРТЬ САВОНАРОЛЫ

День Ваий, накануне которого умер Карл [VIII французский], был концом власти и авторитета Савонаролы во Флоренции. Уже давно его обвиняли перед папой в том, что он произносил оскорбительные проповеди против нравов духовенства и римской курии, способствовал распрям в городе и уклонился от католического вероучения. Его вызывали несколько раз в Рим по поводу этих обвинений, но он всякий раз находил извиняющие его обстоятельства для отказа; наконец, папа в предшествующем году отлучил его от церкви. Это отлучение прервало на несколько месяцев его проповеди, и если бы он продолжал воздерживаться от них дальше, он легко получил бы отпущение. В самом деле, папа не очень настаивал на обвинениях Савонаролы, и если он так сурово к нему отнесся, то это обстоятельство объясняется главным образом настойчивостью врагов проповедника. Но Савонарола, думая, что его молчание уменьшит его влияние, которое так выросло от потрясающей силы его речей, снова поднялся на церковную кафедру, утверждая, что его отлучение противно воле божией, наносит ущерб общему благу, а вследствие этого несправедливо и не имеет силы; он неблагоразумно дошел даже до того, что стал нападать на поведение папы и римского двора. Эта смелость возбудила против него многих из горожан. Его враги, число которых росло с каждым днем в среде народа, громко осуждали его неповиновение и вызывающее поведение, которое могло настроить папу Александра против флорентинцев в такое время, когда папа готов был стать на их сторону и выдать им Пизу и когда, следовательно, они имели основание щадить его самолюбие. Другие, став на сторону Савонаролы, утверждали, что из-за соображений земных не следовало противодействовать воле божией и что не должно допускать, чтобы под таким предлогом пап приучали вмешиваться в дела республики. Несколько дней прошло в таких ссорах; папа в ярости против Савонаролы угрожал в своем гневе

[1] Затем идет подробное описание всей процедуры выборов по жребию во Флоренции.

отлучением всему городу, так что магистраты сочли нужным запретить смелому проповеднику выступать публично.

Он повиновался, но некоторые монахи из его же ордена стали проповедовать вместо него с такой же, как он, откровенностью; и так как раздоры царили одинаково как среди духовенства, так и среди мирян, другие монашеские ордена без устали продолжали яростно выступать в своих проповедях против Савонаролы. Ярость этих монахов дошла до того, что один доминиканец, сторонник Савонаролы, и один кордельер, его противник, согласились броситься в огонь в присутствии всего народа, дабы доказать этим испытанием, является ли Савонарола пророком или обманщиком.

Поводом к этому странному и удивительному испытанию было то, что сам Савонарола в своих проповедях говорил, что, если понадобится, он бросится в огонь для того, чтобы доказать истину своих положений, и что бог дарует ему милость выйти из огня целым и невредимым.

Узнав об этом опасном испытании, устроенном без его ведома, Савонарола был смущен и употребил все средства, чтобы воспрепятствовать этому, но дело зашло слишком далеко, и многие флорентинцы, которым хотелось, чтобы город был раз и навсегда освобожден от волнений, производимых в нем пророком, понуждали обоих противников к тому, чтобы они приступали к испытанию, которое сделалось в конце концов неизбежным.

Вот почему в назначенный день оба монаха, сопровождаемые всеми их собратьями, отправились на дворцовую площадь, куда сошлось множество народа, не только флорентинцев, но и жителей соседних городов. И вот кордельеры предупредили, что Савонарола договорился со своим последователем, что тот возьмет с собою в руку св. причастие, когда он пойдет в огонь; они подняли крики и указывали, что поступать так, значит подрывать авторитет религии: как пала бы вера в слабых умах, если бы причастие сгорело. Савонарола, присутствовавший при этом, несмотря на возражения, настаивал, и, в результате, получилась перебранка, которая помешала испытанию.

Это приключение в такой мере было пагубным для авторитета Савонаролы, что на другой день, воспользовавшись случайным брожением, враги его, заручившись согласием верховного из магистратов, осадили монастырь св. Марка, захватили Савонаролу и двух из близких к нему монахов и отвели их в тюрьму.

Во время беспорядков родственники тех, кто был обезглавлен в предшествующем году, убили Франческо Валори, всеми уважаемого гражданина, который стоял во главе партии Савонаролы и всячески препятствовал, чтобы дело казненных пошло на пересмотр. Савонаролу допрашивали, не применив к нему особо тяжких пыток, и его показания довели до всеобщего сведения. Опровергнув обвинения в дурном поведении, корыстолюбии, в связи с иностранными державами, он признал, что он не был

вдохновляем свыше в своих пророчествах, но что он делал их, исходя из собственных заключений, основанных на глубоком размышлении над священным писанием; что в данном случае у него не было никаких дурных побуждений, ни желания добиться высших церковных почестей и что единственной его целью было содействовать созыву вселенского собора, при помощи которого можно было бы реформировать нравы духовенства и восстановить обезображенную скверною церковь в том ее виде, в каком она была во времена апостолов. Он говорил, что было бы для него большею славой, если бы он совершил столь спасительное и святое дело, чем быть папою, потому что оно могло бы быть совершено только средствами истинной веры, помощью исключительной добродетели и в силу великого преклонения со стороны всех людей, тогда как папское место добывается часто дурными путями и удачею судьбы.

Он повторил свои заявления в присутствии многих монахов даже своего ордена; но если верить тому, что его сторонники опубликовали впоследствии, он употреблял такие выражения, которые могли получить различное толкование.

На основании приговора генерала доминиканцев и епископа Ромолино, который был потом кардиналом Сорренто, комиссаром папы, Савонарола и два других монаха были лишены духовного сана и выданы светской юстиции, которая приговорила их к повешению и сожжению. При совершении казни такая же толпа народа и в том же месте была, как и тогда, когда хотели совершить испытание огнем. Он умер мужественно, но не произнес ни одного слова, на основании которого можно было бы судить о том, был ли он виновен или нет. Поэтому его смерть не остановила пересудов, или, вернее, человеческого пристрастия. Ибо одни остались убежденными в том, что он был обманщиком, а другие продолжали крепко верить, что либо опубликованный допрос был сфабрикован, либо муки пыток, но не истина, одержали победу над его слабым и хрупким телом. Но даже и эту слабость они извиняли примером старшего из апостолов, который, не будучи в темнице и не подвергаясь пыткам, при одном только слове служанки и воина несколько раз отрекся от своего господа, коего божественные поучения он слушал и созерцал его бесчисленные чудеса.

Испания XI—XV веков

Введение

История Испании XI—XV вв. представлена в хрестоматии двумя документами.

Первый из приводимых документов «Взятие Толедо Альфонсом VI» (1085 г.) относится к раннему периоду реконкисты, когда еще большая часть Пиренейского полуострова была занята арабами (маврами). Эпизод, которому посвящен настоящий документ, интересен как показатель того, что отношения, которые складывались нередко между королевской властью и маврами, были далеко не непримиримы.

Для введения в изложение нового материала преподавателю следует передать содержание этого документа и зачитать 2-й абзац, который отчетливо свидетельствует о наличии соглашения, заключенного между участниками реконкисты и маврами.

Совсем иной характер носит второй документ — «О бегетриях». Здесь речь идет о весьма своеобразной форме крестьянского землевладения в Кастилии. Своеобразие бегетрий заключается в том, что это были общины свободных крестьян, которые платили сеньеру небольшие оброки и несли тоже незначительную барщину. В бегетриях землей владела вся община и общинный сход регулировал и самое землепользование, и взаимоотношения крестьян с сеньерами и церковью.

До XIII в., пока не наступил резкий перелом в войне с маврами, правительство, заинтересованное в освоении вновь освобожденных земель, не мешало крестьянам, в том числе и бегетриям селиться на новых территориях. После разгрома мавров в 1212 г. (битва при Лас-Новас-ди-Толоса) положение меняется. Богатые гранды захватывают крестьянские земли, в том числе и земли бегетрий, и усиливают груз повинностей. Это укрепляло положение грандов, в то же время ослабляло королевскую власть.

В XIV в. ряд кастильских королей пытается помешать грандам захватывать крестьянские земли, видя в этом угрозу своему господству. Но это не удается. Немалую роль в усилении феодальных захватов крестьянских земель (в том числе и бегетрий) сыграло расширение овцеводства и появление привилегированного общества овцеводов, так называемой «месты», которая захватывала крестьянские земли.

Существование вольных крестьянских общин и значительного слоя свободного крестьянства в Кастилии, в то время как в остальной Европе еще господствовало крепостничество, — чрезвычайно важное и интересное явление в истории европейского крестьянства. Объяснение его следует искать в том, что кастильское крестьянство принимало деятельное участие в реконкисте, входило в состав военных отрядов и имело в своем распоряжении оружие, которое позволило ему сохранить и даже расширить на время свою свободу.

Развитие овцеводства и в особенности установление режима перегонных стад (merinos — перехожие овцы, отсюда употребляющееся на русском языке «мериносы») привело не только к потере крестьянами части своей земли, но в XVI—XVII вв. к постепенному уменьшению населения Испании.

Владельцы огромных стад овец, в большинстве случаев крупные феодалы, пасли свои стада летом на Кастильском плоскогорье, а на зиму перегоняли их в Эстремадуру. Для выпаса необходимы были огромные пространства, причем крестьяне постепенно потеряли право «огораживать» свои земли и

луга. Овцы в Испании, так же как и в Англии, «поедали людей», но процесс опустошения крестьянских земель здесь был обратным английскому, ибо огораживателями здесь были не феодалы, как в Англии, а наоборот, крестьяне, которые огораживаниями хотели оградить себя от феодальной эксплоатации.

* * *

Высказывания классиков марксизма по истории Испании XI—XV вв.:

К. Маркс, Хронологические выписки, т. II («Архив Маркса и Энгельса», т. VI, стр. 92—126, 275—283) и т. III («Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 18—33, 80—83).

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X (Революционная Испания, очерк 1); т. XVI, ч. I (О разложении феодализма и развитии буржуазии).

* * *

Документы 1 и 2 переведены Я. М. Светом. Введение к разделу написано С. Д. Сказкиным.

1. ВЗЯТИЕ ТОЛЕДО АЛЬФОНСОМ VI (1085 г.)

Глава 867. В этом году[1] собрал король Альфонс огромное войско, большее нежели когда-либо, и пошел на Толедо, как это бывало и ранее, и осадил город. Мавры хорошо укрепили Толедо, и был окружен город стенами и надежно защищен рекой Тахо. Но скопилось в Толедо великое множество людей и иссякли припасы, и принуждены были мавры сдать город королю Альфонсу. И было это в день св. Урбана, девятнадцатый день месяца мая.

И обратились мавры к королю с просьбой, чтобы оставил их в городе и чтобы сохранили они свои дома и имущество и все то, чем они владеют, и король дон Альфонс разрешил им жить в Алькасаре и в садах, что по ту сторону ворот Алькантары, и повелел он, чтобы платили мавры те же подушные подати, что взимались с них мавританскими королями, и, кроме того, объявил он, что главная мечеть должна извечно принадлежать маврам.

Таково было соглашение, которое заключили между собой король дон Альфонс и мавры после завоевания Толедо.

И после того было это соглашение утверждено и скреплено подписями, и христиане утвердились в городе; совершил король поход на города и селения, что лежат в окрестностях Толедо, и нашими стали все земли, которые завоевал он, как о том повествует архиепископ толедский дон Родриго... И трон короля был перенесен в королевский дворец Толедо, и воздвигнуты были здесь каменные стены и крепкий замок. Тогда как раньше имелись в Толедо лишь земляные валы, как о том рассказывают те, кому ведомы древние предания. Кроме того, поселены были в Толедо люди, исповедывающие христианскую веру, и осели они здесь прочно, и было их столько, что по численности превосходили они прежнее население города. Затем король дон Альфонс, видя знаки благоволения господнего, повелел, чтобы отныне собирались в Толедо его кортесы. И призвал он «рикос омбрес»[2] со всего королевства, и пришли они в Толедо, а с ними явились и другие именитые мужи и архиепископы, и епископы, и аббаты, и иные духовные особы...

2. ЧЕМ БЫЛИ БЕГЕТРИИ В КОРОЛЕВСТВАХ КАСТИЛИИ И ЛЕОНЕ

Приводимый ниже отрывок — глава из хроники Педро Лопеса до Айала (1333—1407), виднейшего государственного деятеля Кастилии.

Чрезвычайно своеобразный тип поселений «бегетрий» получил развитие в Кастилии во время реконкисты. Характерной особенностью социального

---

[1] 1085 г.

[2] «Рикос омбрес» (буквально «знатные люди») — могущественные сеньеры, представители высшей феодальной знати Кастильского королевства.

строя областей Кастилии, пограничных с мавританскими эмиратами (Эстремадура, Толедо, Манга), было отсутствие в них типичных для стран Западной Европы форм крепостной зависимости крестьянства от сеньеров. На рубежах королевства, весьма подвижных и неуклонно перемещавшихся с севера на юг по мере завоевания новых мавританских земель, селилась военно-феодальная вольница, неукротимая, буйная и упорная. Здесь пахари нередко превращались в воинов и сменяли орало на меч. Сеньеры, утвердившиеся в порубежной полосе, не могли подчинить себе эту вольницу, по крайней мере в период бурного наступательного движения реконкисты на юг. Поселенцы же, для того чтобы отстоять свою свободу и достояние от посягательств сеньеров, объединялись и сплачивались, образуя крепкие общины — бегетрии. В бегетриях землей владела вся община, и общинный сход регулировал землепользование и взаимоотношения бегетрий с сеньерами, монастырями и короной. Однако уже в XIII в., когда кастильское крестоносное войско завладело почти всем мавританским югом и прежние границы передвинулись с берегов Тахо и Гвадианы к отрогам Сьерра Морены, положение крестьянства ухудшилось и власть сеньеров укрепилась. Если в X—XI в. права сеньеров в отношении бегетрий были ничтожно малы, то в XIII и XIV вв. сеньеры всеми возможными способами расширяют эти права, завладевают землями бегетрий, налагают на бегетрии тяжелый груз податей и повинностей. Слабеет и хиреет община, но пока она существует, бегетрии сохраняют свою целостность. Королевская власть, слабая в борьбе с сеньерами, пытается опереться на бегетрии, но попытки Альфонса XI (1311—1350) и Педро Жестокого (1350—1369) приостановить разложение общин и захват бегетрий грандами оказываются безуспешными. По данным книги Бесерро (слово, означающее «телячий»,—по переплету), в период ее составления, т. е. в середине XIV в., насчитывалось 628 бегетрий.

Знайте, что селения и местечки есть в Кастилии, которые называются «бегетриями». И именуются одни просто бегетриями, а другие «бегетриями от моря до моря». И под этим подразумевается, что жители и поселенцы таких местечек могут брать сеньера, которому им надлежит служить там, где они того пожелают, и сеньер этот может быть ими избран из любого рода. И поэтому подобные бегетрии называются «бегетриями от моря до моря», и означает это, что взять сеньера вольно им, где угодно — и в Севилье, и в Бискайе, и в иных землях. Есть же бегетрии, что могут взять сеньера только из определенного рода и из числа лиц к этому роду причисленных. И выбрав сеньера, бегетрии вносят ему подать; и говорят, что все эти бегетрии могут брать и менять сеньера семь раз в день или, иными словами, столько раз, сколько им пожелается, и делается так в тех случаях, когда решит бегетрия, что сеньер, ею владеющий, их притесняет.

И знайте, что насколько сие можно установить, да и о том говорят древние авторы, хотя и не записано все нижеследующее, что когда испанская земля была завоевана маврами, во времена, когда был разбит и погиб король Родриго, и когда граф Хулиан совершил черную измену и привел в Испанию мавров, и затем когда по истечении времени христиане начали воевать с маврами, пришло к нам на помощь великое множество людей. И было тогда в Испании немало замков, в которых сеньер боевого поля являлся одновременно сеньером земли. И сеньеры, что были

в какой-либо дружине, захватывали пустые места, где оседали и кормились за счет того, что находили здесь, и заселяли их, и делили между собой, и король был в стороне от этого всего, и суды тех мест ему также не подчинялись.

И означенные сеньеры заключали с поселенцами соглашения, в которых указывалось, что если кто-нибудь из сеньеров получит такое местечко для охраны его, то не должен он причинять никому вреда и ущерба. И оговаривались при этом, что продавать различные припасы поселенцам следует лишь по умеренным ценам. Но в случае, если такой сеньер не обеспечивал должной защиты или совершал бесчинства, поселенцы могли взять другого сеньера и притом из любого рода, по собственному выбору. И оттого и возникло слово «бегетрия», что значит: «да свершит благо тот, кому надлежит владеть». И относительно всего этого между сеньерами были свои соглашения и уговоры: некоторые местечки были завоеваны иностранцами, выходцами из других королевств, которые затем возвратились в свои земли, а местечки эти стали называться «бегетриями от моря до моря» и приобрели право брать себе охранителя где угодно. И говорят, что таких местечек четыре — а именно: Бессерриль, Авиа, Паласиос де Менесес и Вильясилос. Некоторые же местечки были завоеваны определенным родом и сообразно с этим должны были брать сеньеров. И вышло так, что сеньеры, чей род был связан с местечком, будучи охранителем бегетрий, становились и владельцами ее и принуждали поселенцев ежегодно вносить определенную сумму денег в знак признания их зависимости. И тот, кто собирал подать, захватывал и пленял поселенцев из бегетрий, которые не вносили денег. И о том, как следует поступать в таких случаях, и о праве применения силы, и о многом другом король дон Альфонс, отец короля дона Педро, о коем идет речь в этой книге, распорядился совместно с советом сеньеров, рикос омбрес, и дворянами королевства в законах, данных в Алькала де Энарес. И среди законов, подписанных в Алькала, можете вы найти таким образом то, что относится к бегетриям, и потому мы не помещаем их здесь. И кроме того, написана была при короле доне Педро книга, в которой идет речь о сеньерах и дворянах и местах их происхождения, и из каких они бегетрий, и называется эта Бесерро, и хранится она всегда в сокровищнице короля. И хотя многие родовитые сеньеры говорят, что немало в ней ошибок, но тем не менее имеет она законную силу. И лучше пострадать немного от таких ошибок, но не иметь дела с постылыми неурядицами, возникающими по поводу бегетрий.

Католическая церковь и ее борьба с ересями

Введение

Христианская церковь была в средние века чрезвычайно влиятельным учреждением. Энгельс так характеризует ее роль в это время: «Мировоззрение средних веков было по преимуществу теологическим (т. е. богословским. — *Ред.).* Европейский мир, фактически лишенный внутреннего единства, был объединен христианством против общего внешнего врага, сарацин. Единство западно-европейского мира, представлявшего группу народов, развитие которых совершалось в постоянном взаимодействии, это единство было осуществлено католицизмом. Это теологическое объединение было не только идеальным. Оно в действительности существовало не только в лице папы, своего монархического центра, но прежде всего в организованной на феодальных и иерархических началах церкви, которая в каждой стране владела приблизительно третьей частью всей земли и составляла поэтому крупную силу в феодальной организации. Церковь с ее феодальным землевладением служила реальной связью между различными странами; феодальная организация церкви освящала религией светский феодальный государственный строй. Духовенство к тому же было единственным образованным классом. Отсюда само собой вытекало, что церковная догма (т. е. учение церкви. — *Ред.)* была исходным моментом и основой всякого мышления. Юриспруденция, естествознание, философия — все содержание этих наук приводилось в соответствие с учением церкви»[1].

В приведенной выше цитате Энгельс, следовательно, отмечает огромное значение христианской католической идеологии, целью которой было освящение божественным авторитетом существующего общественного и политического порядка, т. е. феодальной эксплоатации — это во-первых. Во-вторых, он указывает на огромную роль католической церкви в феодальном обществе, как крупнейшего землевладельца, вследствие чего представители ее сами входили в состав господствующего класса феодалов и были заинтересованы в сохранении его привилегий и его богатств. В-третьих, Энгельс обращает внимание на то, что в средние века представители церкви были почти единственным слоем образованных людей.

Церковь нужна была господствующему классу потому, что она учила, что порядок, в силу которого одни властвовали, а другие повиновались (например, крестьяне должны были работать на своих господ-феодалов), что этот порядок был установлен господом богом и не подлежит никакому изменению. Так как в средние века массы трудящихся состояли в первую очередь из забитых и невежественных крестьян, церковь пользовалась их невежеством и суеверием для того, чтобы держать их в повиновении страхом перед адскими муками после смерти и лишением «даров» церкви, без которых они якобы не могли «спастись», т. е. получить прощение грехов и право на вечное блаженство в раю.

Эти и подобные им грубые суеверия были основою, на которой церковь строила свое учение, изощряясь в философских тонкостях для того, чтобы доказать недоказуемое и показать высшую, «божественную» разумность того,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 295.

что в действительности было противно разуму. Один из столпов западной церкви IV—V вв. «блаженный» Августин прямо призывал верить тому, что с точки зрения человеческого разума является абсурдным (credo quia absurdum — верую, потому что абсурдно). Среди не освободившегося еще от первобытных суеверий крестьянства и такого же грубого и малообразованного класса феодалов церковь пользовалась почти монопольным правом на образование. Это право она использовала для того, чтобы всемерно поддерживать невежество и противиться распространению просвещения, ибо она выросла из невежества, держалась суевериями и в наши дни, вопреки всем достижениям науки, стремится поддерживать эти суеверия, потому что и она сама и идущий к гибели господствующий класс империалистической буржуазии надеются найти в них — этих суевериях — средство одурачения масс трудящихся, средство подчинения их существующему порядку.

Если в наши дни это плохо удается, потому что вместе с неслыханным развитием техники и науки массы пролетариата все больше и больше проникаются научным мировоззрением, в котором остается все меньше места для религиозных суеверий, то не так было в средние века.

Вот почему прав был Энгельс, утверждая, что «мировоззрение средних веков было по преимуществу теологическим», т. е. богословским, религиозным.

Важная роль церкви для господствующего класса объясняет тот почет, которым пользовались ее представители и, прежде всего, глава всех западных христиан, епископ города Рима, папа римский. Об этом красноречиво говорит *документ 1* данного раздела. Только император и самые крупные государи целуют папе руку, прочие — недостойны этого и могут «лобызать» только папскую ногу. Впрочем, и государи, поцеловав руки папы, должны приложиться затем к папской туфле.

Этой же ролью церкви объясняется и то, что сам господствующий класс заботился о ее могуществе, которое в средние века прежде всего зависело от размеров земельных владений церкви, населенных крепостными крестьянами. Представители церкви это хорошо понимали и старались поэтому всячески приумножать свои земельные богатства, которые иногда достигали громадных размеров и вызывали зависть у светских феодалов (см. документ 9).

Они же старались внушать всем мирянам, что церковное имущество принадлежит богу и «бедным», а потому всякое на него покушение является святотатством. Имущества церкви, учили средневековые юристы, неотчуждаемы и не могут никому передаваться по наследству. «Рука» церкви в таком случае была «мертва», как они выражались. Но, прибавляли наиболее остроумные из тех же юристов, она была весьма «жива», когда нужно было брать. *Документ 2* как раз содержит в себе изложение этого взгляда на церковное имущество. Церковь, пользуясь своим влиянием, стремилась изъять своих сочленов из подсудности светским властям *(документ 3)* и освободить их от налогов *(документ 4)*. Все христиане должны были отдавать в пользу церкви десятую долю своих доходов, так называемую «десятину» *(документы 5* и *6)*. Крупнейшие из иерархов церкви входили в состав верхушки феодального класса и носили громкие титулы герцогов, графов, позже князей, причем в Германии трое из семи так называемых курфюрстов, т. е. самых крупных князей, имевших право избирать императоров, были духовными князьями (архиепископы: кельнский, майнцский и трирский) *(см. документ 7)*.

Стараясь увеличить свое богатство, католическая церковь со времен крестовых походов изобрела новые средства обирания верующих в виде «индульгенций», т. е. отпущения грехов. Индульгенции вскоре стали просто продаваться за деньги и составляли существенный доход в бюджете папской курии *(документ 8)*.

Будучи членами господствующего класса, представители церкви, особенно высшие (так называемые прелаты), по образу своей жизни мало чем отличались от светских феодалов. Охота, празднества и веселое препровождение времени, небрежное отношение к своим «святым», но скучным обязанно-

стям — таковы явления, отмеченные на всем протяжении существования церкви *(документ 10)*. Все это мало вязалось с идеалами христианской жизни, которые можно было извлечь из так называемого «священного писания», созданного в первые века христианства и вследствие этого несшего в себе элементы протеста задавленных нуждою низших слоев населения против эксплоатации античных рабовладельцев. Поэтому церковь запрещала перевод священного писания с непонятного народу латинского языка на народные языки. Церковь запрещала и запрещает в наши дни самостоятельное чтение (без наставлений священника) этого «священного писания» мирянами, т. е. лицами, не принадлежащими к духовному званию *(см. документы 11, 12, 13)*. В средние века это запрещение имело тем большее значение, что все те, кто восставал против существующего порядка, все, кто боролся против феодализма, начинали с того, что выступали против церкви и ее учения, освящавшего феодализм авторитетом «священного писания», и истолковывали это писание по-своему.

Говоря о безраздельном господстве богословия в мировоззрении средних веков, Энгельс добавлял: «...при этих условиях всеобщие нападки на феодализм, и прежде всего нападки на церковь, все революционные, социальные и политические учения должны были представлять из себя одновременно и богословские ереси» [1].

Документы, приведенные в данном разделе хрестоматии, характеризуют самые крупные ереси западного средневековья: ересь катаров (альбигойцев) и ересь вальденсов.

Еретические учения возникали с самого начала существования церкви. В средние века они получили широкое распространение с того времени, когда протест против феодального порядка получил опору в возникших в Европе и развивавшихся городах. Горожане были, и чем далее тем становились все более сплоченными и богатыми, а стало быть и способными вести борьбу против своих поработителей и эксплоататоров, т. е. против феодалов и освящавшей это господство феодалов католической церкви. Но если горожане были вначале наиболее яркими выразителями протеста, то вскоре на путь протеста вступили и крестьяне. Классовая борьба захватывала весь класс непосредственных производителей, причем протест крестьян чаще всего проявлялся в форме прямых восстаний.

В XIII и последующих веках, когда общественная дифференциация в городах достигла значительных размеров, ересь городов расщепилась на ересь собственно бюргерскую и ересь плебейско-крестьянскую, отличавшуюся наибольшим радикализмом и революционностью. И если бюргерская ересь нашла в XVI в. свое завершение в реформационном движении, то плебейско-крестьянская ересь, достаточно ясно отколовшаяся от бюргерской уже в XIII в. (движение «апостольских братьев» в Италии и крестьянское восстание под предводительством Дольчино в начале XIV в.), привела затем к идеям и деятельности таких вождей крестьянского восстания 1524—1525 гг., как Томас Мюнцер. Само собой разумеется, что церковь не брезгала никакими средствами для борьбы с еретиками, поддерживаемая в этой борьбе светской властью, отлично учитывавшей враждебное господствующему классу значение всех и всяких еретических движений (см. *документ 14*).

Приведенные ниже документы дают изложение учения катаров и вальденсов *(документы 15, 18, 19)* и рассказывают о мерах, предпринятых против ересей *(документы 16, 17, 20, 21)*.

Особняком стоит последний документ данного раздела (*22*) «Рассказ францисканского монаха Салимбене о поездке Иоанна Плано Карпини к татарам в 1246 г. по поручению папы Иннокентия IV». Он свидетельствует о том, в какой мере жалкими были претензии пап на господство над «миром», который ограничивался только маленькой Европой. В то же самое время в Азии происходили грандиозные события, закончившиеся нашествием татар на Русь.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 128.

Отголоском этих событий является и данный документ — гордый ответ грозного завоевателя папе, трепетавшему вместе с прочими королями и государями Европы перед возможностью дальнейшего продвижения татар в сердце Европы и пытавшемуся отвести от него эту опасность путем обращения татар в христианство.

Все документы данного раздела просты и вполне доступны для понимания учащихся. Отдельные выдержки и даже целые документы могут быть прочитаны на уроке. Они могут служить и для самостоятельных занятий учащихся, для доклада в классе, в кружках и т. д.

* * *

Высказывания классиков марксизма по истории католической церкви и ее борьбы с ересями в XI—XIV вв. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. VIII («Крестьянская война в Германии»), т. XIV («Людвиг Фейербах»), т. XVI, ч. I («Юридический социализм»).

* * *

Все документы этого раздела, за исключением последнего, подобраны и переведены с латинского языка И. И. Подольским. Документ 22 переведен С. Д. Сказкиным. Введение написано С. Д. Сказкиным.

1. ЦЕРЕМОНИАЛ ПАПСКОГО ПРИЕМА (XII в.)

Все смертные, а в особенности верные Христу, независимо от их достоинства и выдающегося положения, лишь только предстают они перед взором первосвященника, должны трижды преклонять на определенном расстоянии перед ним колени и в честь спасителя нашего Иисуса Христа, которого он замещает на земле, облобызать его стопы. Император, короли, крупнейшие князья, представители князей и властителей допускаются в первую очередь к поцелую в руку и в уста, прочие только к стопам. Кардиналы дважды низко кланяются, а на третий раз, подойдя близко, преклоняют колени и целуют ногу у первосвященника, управляющего святыней. Кардиналы целуют правую руку, у застежки мантии, епископы только колено, императоры, короли и крупнейшие князья — руку и ногу.

2. ИЗ КНИГИ «О ЧЕСТИ ЦЕРКВИ» ПЛАЦИДИЯ, МОНАХА НОНАНТОЛАНСКОГО (XII в.)

VII. О церковной собственности

То, что однажды было дано церкви, навсегда принадлежит Христу и никоим образом не может быть отчуждено из владения церкви, настолько, что даже сам строитель церкви, после того, как посвятил ее богу и велел освятить, впредь не может иметь на нее никакого права. Ведь не может он в ней распоряжаться или назначать на должности. Об этом свидетельствует священнейшее писание не только нового, но и ветхого завета. Итак, то, что дается церкви, как всем известно, дарится ей для того, чтобы питать из этого бедняков христовых, и для того, чтобы служащие богу имели в сакрарии [1] средства к существованию и, будучи постоянно заняты созерцанием божественного и непрестанным его восхвалением, могли бы всегда, вне тревоги мира сего, преданнейше служить господу. Тем именно, кто производит траты ради церкви святой, т. е. служит в сем мире святым беднякам, говорит господь: «Приобретайте друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители».

3. СУДЕБНЫЙ ИММУНИТЕТ ДУХОВЕНСТВА

Из привилегии Ричарда Львиное Сердце нормандской церкви

Во-первых, определено относительно клириков, чтобы ни в коем случае не подвергались они аресту со стороны светских властей, кроме как за убийство, кражу или за такое исключи-

[1] Сакрарий — святилище, храм; здесь: место хранения священных предметов.

тельно позорное деяние, которое подлежит уголовному взысканию, но и в этом случае, если они раньше будут разысканы церковными судьями, пусть остаются для суда в церковной курии.

4. НАЛОГОВЫЙ ИММУНИТЕТ ДУХОВЕНСТВА

Постановление IV Латеранского собора, 1215 г.

Против консулов и правителей городов и прочих, кои пытаются обременять церкви и церковников налогами или поборами и другими повинностями. Латеранский собор, желая позаботиться о церковном иммунитете, под страхом анафемы [1], запрещает подобную дерзость: нарушители и их покровители по предостережении подвергаются отлучению, пока не представят соответствующего удовлетворения.

5. ДЕСЯТИНЫ

Постановление Лондонского собора 1175 г. о десятинах

Все десятины земли как от злаков, так и от плодов принадлежат господу и ему посвящаются. Но поелику находятся довольно многие, которые не желают платить десятин, постановляем, чтобы их увещевали, согласно предписаниям господина папы, однажды, дважды и трижды уплачивать десятины с зерна, с вина, с плодов древесных, от приплода животных, от ягнят, от сыра, от льна и прочего, что производится ежегодно. Если они не исправятся после увещания, пусть знают, что подвергнутся анафеме.

6. ПОСТАНОВЛЕНИЕ IV ЛАТЕРАНСКОГО СОБОРА О ПЕРВООЧЕРЕДНОЙ УПЛАТЕ ДЕСЯТИНЫ (1215 г.)

С чрезмерной жадностью пытаются некоторые обманывать церковь относительно десятин, взимая чинши и налоги с плодов и початков, которые иногда остаются не обложенными десятинами... Желая противодействовать потерям церквей и опасностям для душ, мы постановляем, чтобы в знак прерогативы [2] всеобщего владычества церкви взиманию налогов и чиншей предшествовала уплата десятин; или, по крайней мере, те, кому поступили чинши и налоги, с которых не взысканы десятины... должны быть принуждены... к отчислению десятины церквам, которым они причитаются по праву.

---

[1] Предание анафеме — особая форма отлучения от церкви. Анафемствование сопровождалось страшными проклятиями и запретом верующим иметь какое-либо общение с осужденными.

[2] Прерогатива — преимущество, особое право.

7. ДОХОД ЕПИСКОПОВ

Из анонимного описания Германии конца XIII в.

В этой Тевтонии[1] есть четыре светских князя, в права которых входит избирать римского короля: один — герцог Саксонии, и он имеет 2 тысячи марок дохода; палатин, т. е. герцог Пфальца, и у него 20 тысяч дохода: 5 тысяч от дворца и 15 тысяч от герцогства; маркграф Бранденбургский, и он получает 50 тысяч марок; король Чехии, и у него верных 100 тыс. марок.

Есть и трое князей духовных, избирателей короля римлян, именно: архиепископ трирский, который имеет трех подчиненных епископов и 3 тысячи марок дохода...; архиепископ майнцский, который имеет 17 подчиненных епископов и 7 тысяч марок верно сосчитанного дохода; архиепископ кельнский, о котором известно, что у него только пять подчиненных епископов, а доход его все-таки исчисляется в 15 тысяч марок.

Кроме этих трех архиепископов, насчитывается четверо других, именно: рижский, имеющий 7 подчиненных епископов и насчитывающий тысячу марок дохода; магдебургский, у которого есть 7 подчиненных епископов, и многие говорят, что он получает 4 тысячи марок дохода; бременский, который имеет 7 подчиненных епископов и которому его слугами приписывается доход в 5 тысяч марок; зальцбургский, у которого 7 подчиненных епископов и считается 20 тысяч марок дохода и больше.

Всего же в Тевтонии епископов и архиепископов шестьдесят.

8. ФОРМА ПОЛНЕЙШЕГО ОПРАВДАНИЯ И ОТПУЩЕНИЯ ПРИ ЖИЗНИ[2]

Да сжалится над тобой [имя рек] господь наш Иисус Христос по своему святейшему и благочестивейшему милосердию; да освободит тебя; и властью его и блаженных Петра и Павла, апостолов его, и апостольской властью, мне данной и на тебя распространенной, освобождаю тебя от всех грехов твоих уничтоженных, исповеданных и забытых; также от всех падений, преступлений, проступков и сколько-нибудь тяжелых провинностей..., а также от каких бы то ни было отлучений, суспенсаций[3] и интердикта и других церковных приговоров, осуждений и наказаний, наложенных судебной и людской властью, если ты им подвергся, даем тебе полнейшее прощение и отпущение всех твоих грехов, насколько простираются в этой области полномочия святой матери церкви. Во имя отца и сына и святого духа, аминь.

---

[1] Германии.

[2] Таково официальное название индульгенции.

[3] Суспенсация — временное отрешение от должности или бенефиция.

9. ОПИСАНИЕ ВЛАДЕНИЙ ФУЛЬДСКОГО МОНАСТЫРЯ

О пределах бенефиций сего Фульдского монастыря, как мы узнаем из некиих свидетельств древних и как находим в истинном предании некиих записей многовековой древности, между собой не разнствующих.

В провинции Саксонии сей монастырь имел три тысячи мансов. Из них должны быть наделены бенефициями шесть имперских князей, так, чтобы каждый имел по пятьсот марок. Но, о горе! иной князь, побуждаемый жадностью, которая никогда не чувствует себя удовлетворенной, владеет более чем тремя тысячами мансов! И, мало того, влекомые алчной жадностью свыше меры, князья, домогаясь и разинув пасть, вторгаются в священные поместья, вожделеют поглотить доходы братии, своевольно, не по праву, берут церковные десятины, присваивают себе людей св. Бонифация[1] и выколачивают из них ценз, какой только хотят. Творя сии и подобные дела, они являются не ревнителями, но гонителями монастыря; навлекая на себя тяжесть апостольского отлучения и поступая вопреки предписаниям королей, они снискивают себе вечное проклятие.

В провинции Тюрингии Фульдский монастырь имел три тысячи мансов. Из них должны были быть наделены бенефициями шесть имперских князей, так чтобы каждый имел по пятьсот мансов. Но, о горе... [и т. д.]

[То же самое повторяется относительно владений монастыря в провинциях: Гессен, Ветерац, Рейнской, Вормсской, Баварии и Аллемании.]

Кроме сих князей, наделенных бенефициями, есть еще великое множество герцогов, маркграфов, пфальцграфов, графов, фогтов, судей и прочих князей саксонских, гессенских, тюрингенских, франконских, аллеманских, фризских, лотарингских и других провинций, князей и господ, наделенных бенефициями из владений св. Бонифация, кои, как приличествует, хранят верность и преданность сему монастырю и аббатам братии, усердно служащим в нем богу...

10. ПОСТАНОВЛЕНИЕ IV ЛАТЕРАНСКОГО СОБОРА

«О пирах прелатов и о нерадении их по отношению к божественным обязанностям»

С сожалением отмечаем, что не только некоторые низшие клирики, но даже иные церковные прелаты проводят почти половину ночи, не говоря уже о прочем, в пышных пирах и непристойных разговорах. Отводя для сна остаток ночи, насилу подымаются они к дневному пению птиц и отправляют утреннюю службу

---

[1] Люди св. Бонифация — люди монастыря в память св. Бонифация.

с непрерывными пропусками[1]. Есть и другие, которые совершают богослужение едва лишь 4 раза в год и, что еще хуже, считают неважным присутствовать при службах, а если они когда-нибудь и присутствуют при церковных службах, то, уклоняясь от молчания, старательно прислушиваются к разговорам мирян и, пока изливают услышанное в недозволенных беседах, не обращают с должным вниманием слуха к божественной службе.

11. ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЙ СОБОРА В ТУЛУЗЕ (1229 г.)

Запрещаем мирянам иметь у себя книги Ветхого и Нового Завета, разве что псалтирь или молитвенник... Но и сии книги строжайше запрещаем иметь в переводе на народный язык.

12. ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЙ СОБОРА В БЕЗЬЕ (1246 г.)

Что касается божественных книг, то мирянам не иметь их даже по-латыни, что же касается божественных книг на народном наречии, то не допускать их вовсе ни у клириков, ни у мирян.

13. ЭДИКТ КАРЛА IV (1369 г.)

...А посему мы строжайше предписываем и повелеваем, чтобы книги на народном наречии, а также трактаты и проповеди, будь то отдельные листы, тетради или целые томы..., которые могут дать случай к лжеучению и лжепроповеди, обследовались инквизитором или его помощниками [и отбирались] как у белого и черного духовенства, так особенно у мирян, тем более что мирянам обоего пола по каноническим установлениям не подобает читать чего бы то ни было из Писания, хотя бы на народном языке, дабы чрез плохое понимание они не впадали в ересь и заблуждения.

14. ЦЕРКОВНОЕ ОСУЖДЕНИЕ «ЕРЕТИКОВ»

Постановление IV Латеранского собора

Отлучаем от церкви и предаем анафеме всякую ересь, подымающуюся против сей святой, православной католической веры... Осуждаем всех еретиков, какими бы они именами ни назывались: хотя обличие у них разное, но хвосты[2] взаимно сплетены между собою, ибо в отношении суеты они сходятся на одном.

---

[1] Очень распространенная в церковном законодательстве и литературе жалоба на пропуск слов и в особенности слогов в словах молитв нерадивыми клириками. Цезарий Гейстербахский рассказывает в назидание виновным в этом грехе историю об одном аббате, встретившем дьявола с большим мешком. Оказалось, что дьявол собрал целый мешок пропущенных монахом слогов, чтобы на страшном суде бросить его на чашу весов и получить души этих монахов для ада.

[2] Обычное в церковной литературе сравнение ереси с хвостатым чудовищем.

После осуждения пусть их выдают светским властям..., предварительно лишив клириков их званий, с надлежащим указанием наказания, с тем, чтобы имущество осужденных этого рода, если они были мирянами, конфисковалось, если же они были клириками, то оно обращается в пользу церквей, от которых они получали содержание.

Однако, если светский государь, в котором нуждается церковь, после указания церкви не позаботится очистить свою землю от сей еретической мерзости, пусть митрополит и прочие епископы соответствующей провинции наложат на него оковы отлучения. И если он пренебрежет дать удовлетворение позже года, пусть будет оповещен об этом верховный первосвященник [1], чтобы после этого он лично объявил его вассалом, свободным от верности ему, а страну предложил бы занять католикам, которые, изгнав еретиков, владели бы ею без всякого противоречия и сохраняли бы ее в чистоте веры.

15. АЛЬБИГОЙСКАЯ «ЕРЕСЬ»

Цезарий Гейстербахский «О ереси альбигойской»

Цезарий Гейстербахский — видный писатель первой половины XIII в. (умер около 120 г.). Его «Беседы о чудесах» являются сборником средневековых легенд и одним из самых ярких памятников средневекового мировоззрения. Точка зрения автора-монаха Цистерцианского монастыря — строго церковно-католическая.

Во времена папы Иннокентия [2], предшественника ныне правящего Гонория, когда еще продолжался раскол между королями Филиппом и Оттоном [3], кознью дьявола альбигойские ереси стали возрастать или, вернее, созревать. Сила ереси была так велика, что пшеница веры во всей той стране, казалось, превратилась в плевелы заблуждения. Посланы были аббаты нашего ордена [4] и несколько епископов, чтобы мотыгой православной проповеди с корнем вырвать плевелы, но достигли они малого, ибо препятствовал супротивник людской, сеятель всякого зла...

Альбигойцы признают два начала: бога доброго и бога злого, который, говорят они, сотворил все тела, как добрый бог — все души... Воскресение тел они отрицают; смеются над всеми благодеяниями, оказываемыми мертвым живыми [5]; ходить

---

[1] То-есть папа.

[2] Иннокентий III (1198—1216).

[3] Филипп II Швабский и Оттон IV Брауншвейгский. Их междоусобие, вызванное борьбой за престол в Германии после смерти Генриха VI (1198), закончилось в 1208 г. смертью Филиппа II.

[4] Автор был монахом Цистерцианского ордена.

[5] Всевозможные заупокойные службы, которые в католической церкви играют важную роль, особенно в связи с учением о чистилище. Церковь утверждала, что ее молитвы могут сократить срок очистительных наказаний души в чистилище, а усердность молитв зависела от щедрости родных умершего.

в церковь или молиться там они считают совершенно бесполезным; крещение отвергают...

Они говорят, что ожидают славы для духа. Один монах, прибывший с упомянутыми аббатами, увидел рыцаря, который разговаривал со своим крестьянином, сидя на лошади. Сочтя его еретиком, как то и оказалось, монах подошел и говорит: «Скажите мне, честной муж, чье это поле?» Когда тот ответил «Мое», монах продолжал: «И что вы делаете с его плодами?» — «Я, — ответил рыцарь, — живу от них со своею семьею, кое-что также расходую на бедных». На вопрос монаха: «Чего хорошего ожидаете вы от этой милостыни?» — рыцарь ответил так: «Жду, чтобы дух мой со славою переселился после смерти». Тогда монах: «Куда переселился?» Говорит рыцарь: «По заслугам своим. Если он жил хорошо и заслужил того у бога, то он войдет в тело какого-нибудь будущего князя или короля, или иной знатной особы и будет в нем услаждаться, а если жил плохо, то войдет в тело несчастного и бедного, в котором будет мучиться». Глупец верил, как и другие альбигойцы, что душа проходит сообразно заслугам через разные тела, даже животных и змей.

И настолько усилилось заблуждение альбигойское, что вскоре заразило почти тысячу городов, и если бы не было подавлено мечом верных, то захватило бы и всю Европу.

В год господа нашего 1210-й проповедовали по всей Германии и Франции принять крест против альбигойцев, и в следующем году поднялись против них в Германии — Леопольд, герцог австрийский, Энгильберт, тогда еще препозит, а ныне архиепископ кельнский, брат его Адольф, граф Бергский, Вильгельм, граф Юлихский, и многие другие разного чина и звания; то же произошло во Франции, в Нормандии и в Пуату. Главой и проповедником этого похода был Арнольд, аббат в Сито, впоследствии архиепископ Нарбонны. И пришли они к большому городу по названию Безье, в котором, говорят, было более 100 тыс. человек, и стали его осаждать. У них на глазах еретики осквернили книгу св. евангелия и сбросили ее вниз христианам, стреляя и крича: «Вот ваш закон, несчастные». Христос же, насадитель евангелия, не оставил без отмщения нанесенную ему обиду. Ибо некоторые воины, возгоревшись ревностью к вере, точно львы, и по примеру тех мужей, о которых читается в книгах Маккавейских, подставили лестницы и бесстрашно взошли на стены, и когда еретики, самим господом приведенные в смятение, отступили, они открыли ворота, и город был взят. Узнав из возгласов, что там вместе с еретиками находятся и православные, они сказали аббату: «Что нам делать, отче? Не умеем мы различить добрых от злых». И вот аббат (а также и другие), боясь, чтобы те еретики из страха смерти не прикинулись православными, а впоследствии опять не вернулись к своему суеверию, сказал, как говорят: «Бейте их всех, ибо господь познает своих». И перебито было великое множество.

16. ДОНЕСЕНИЕ ПАПСКОГО ЛЕГАТА АРНОЛЬДА, АББАТА СИТО, ПАПЕ ИННОКЕНТИЮ III О ВЗЯТИИ ГОРОДА БЕЗЬЕ

...Пока бароны обсуждали, как бы высвободить находящихся в городе православных, какие-то сорви-головы, люди подлого звания и почти невооруженные, не выждав начальников, пошли на приступ и через два или три часа после того, как мы, к удивлению нашему, услыхали крик «к оружию, к оружию», уже овладели рвом и стенами, и город Безье был взят, причем наши не оказали пощады ни сану, ни возрасту, ни полу, и пало от меча почти 20 тыс. человек. Велико было избиение врагов, разграблен и сожжен был весь город — чудесное свидетельство о страшной божьей каре...

17. ИЗЛОЖЕНИЕ «ЕРЕСИ» КАТАРОВ[1] БОНАКУРСОМ[2]

Их ересь не только страшна, но и слишком ужасна и гнусна, чтобы ее излагать или слушать. Именно, одни из них говорят, что бог создал все элементы, другие говорят, что эти элементы создал дьявол; однако общее мнение катаров, что эти элементы разделил дьявол[3]. Они говорят также, что тот же дьявол создал Адама из грязи земной и заключил в него высшей силой некоего ангела света... Говорят, что он создал Еву, с которой сожительствовал, и от этого родился Каин, из крови которого... родились собаки, и поэтому они так верны людям... Супружество Адама и Евы, как они говорят, было запрещенным плодом. Они приводят и другое заблуждение, а именно: что все, что было создано в воздухе, в воде и на земле, было создано дьяволом, как-то: люди, все живое и неживое. От дочерей Евы и демонов, говорят они, родились великаны, которые узнали от демонов, своих отцов, что все сотворено дьяволом. Поэтому дьявол, жалея, что

---

[1] Катары — альбигойцы. Сами они производили свое название от греческого слова, означающего «чистые».

[2] Бонакурс — итальянский катар, перешедший в католичество. Около 1180 г. он написал против прежних своих единомышленников обличительное сочинение, в котором обрушивается на них с ненавистью ренегата. Книга Бонакурса имеет значение, как один из ранних и хорошо осведомленных источников для истории катаров.

[3] Основная идея катаров — противоположность материального начала, которое они считали носителем зла, и начала духовного, в котором они воплощали добро. Каждое из этих двух начал имеет, по учению катаров, самостоятельного творца: злое и материальное — дьявола, доброе и духовное — бога. Этот резко проведенный дуализм (двойственность) служил катарам религиозной предпосылкой для резкой критики католической церкви с ее огромными богатствами, овеществлением религиозных понятий в изображениях и т. п.

они знают это, сказал: «Раскаиваюсь, что создал человека» (книга «Бытия»)[1].

О Христе говорят, что он не имел живой плоти, не ел и не пил и не делал ничего по-человечески, но так казалось...

Говорят, что блаженный Сильвестр был антихристом, о котором говорится в «Посланиях»: «Сын погибели». С его времени, говорят они, церковь погибла[2].

Всех учителей церкви они хулят, а именно Амвросия, Григория, Августина, Иеронима[3]. Если кто-либо поест мяса, яиц, сыра, или какой-либо животной пищи, они говорят, что он ест свое осуждение...

Они убеждены, что всякий, кто клянется, будет осужден, и верят, что никто не может спастись иначе, чем принятым у них возложением рук, которое они называют крещением... По их мнению, дьявол только один; говорят, что луна — это Ева и что они сходятся раз в месяц... Все звезды они считают демонами. Наконец, они говорят, что помимо них никто не может спастись. Вот такова ересь катаров.

18. НАЧАЛО ВАЛЬДЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

(Известие инквизитора Бернарда Гвидона, начало XIV в.)

Вальдены или лионские бедняки. Они появились около 1170 г.; начало вели они от некоего лионского горожанина Вальдесия или Вальденса, который выделялся богатством и, оставив все, решил соблюдать бедность и совершенное евангелие, как соблюдали его апостолы. И после того как он велел перевести для себя на народный романский язык евангелия и некоторые другие книги из библии и даже некоторые сочинения святого Августина, Иеронима, Амвросия, Григория,... он и его последователи... читали их слишком часто и понимали недостаточно здраво, ибо были не очень образованы. Они присвоили себе апостольское служение, дерзая проповедовать евангелие по весям и градам. И Вальдесий многих людей обоего пола сделал своими соучастниками в подобном безрассудстве, рассылая их для проповеди, словно учеников. Мужчины и женщины, простецы и необразованные, расходились они по деревням, проникали в дома, про-

---

[1] В библии все это создает и говорит бог. Считая все материальное дьявольским порождением, катары приписывают деятельности дьявола всю библейскую историю миротворения.

[2] Сильвестр I (314—335) — римский папа, которому, согласно известной папской фальшивке — «Дару Константина», император Константин подарил Рим и Италию. Этим было положено, как думали в средние века, начало светскому владычеству пап и богатству церкви, в котором «еретики» видели источник всей порчи и всех зол в церкви. Поэтому все «еретики» с папы Сильвестра начинают новый период церковной истории, к которому они относятся с безусловным осуждением.

[3] Церковные писатели IV—V вв., сочинения которых церковь считает особенно авторитетными.

поведовали на улицах и даже в церквах... и повсюду распространяли множество заблуждений.

Когда архиепископ лионский... запретил им это, они, презирая прелатов и клириков, ибо те в изобилии владели богатствами и жили в утехах, — ответили, что более, чем людям, должно повиноваться богу и что бог предписал апостолам возвещать евангелие всякой твари. За это они были отлучены и изгнаны из города и из отечества. Рассеянные таким образом по земле, они распространились по этой провинции и по близким и сопредельным областям Ломбардии. Отлученные от церкви, они, смешиваясь с другими еретиками и впитывая в себя их заблуждения, присоединили к собственным измышлениям ошибки и лжеучения существовавших прежде еретиков...

Вальденсы имеют и назначают старшего над собой, которого они называют своим Majoralis. Все они неуклонно ему повинуются, как все католики папе.

Равным образом, после того как они совращены в это общество, называемое ими братством, и обещали повиноваться своему старшему и соблюдать евангельскую бедность, они должны впредь сохранять чистоту нравов и не иметь собственности. Но они должны продать все, что имеют, и деньги употребить сообща, а жить милостыней, которая им подается их верующими и сочувствующими.

19. ИЗЛОЖЕНИЕ ВАЛЬДЕНСКИХ УЧЕНИЙ НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА КОНЦА XIII в.

1. Римская церковь — не церковь, а сборище скверных.

2. Нет у них другого главы на земле, кроме того, о котором говорится в евангелии от Матфея: «Не называйте никого отцом на земле», и в 1-м послании к коринфянам: «Всякому мужу глава Христос». Поэтому отрицают они, что господин папа — глава церкви и имеет власть вязать и решить[1], какую имел св. Петр.

3. Кроме степеней епископской, священнической и дьяконской, все другие степени священства не что иное, как предания человеческие[2].

5. Церковные службы не божественны, и не должен человек ходить в церковь.

9. Нет чистилища после этой жизни.

10. Судьи или власти не могут присуждать к смерти, не совершая греха.

11. Клятва не может быть произнесена без смертного греха.

13. Слова святых отцов — только предания человеческие[3].

---

[1] Вязать и решить означает: осуждать или освобождать от греха.

[2] Это положение направлено против сложной иерархии католической церкви, в которой установилась длинная лестница степеней священства.

[3] Это положение делает необязательным авторитет церкви в религиозных вопросах.

14. Церковь божия пала со времен папы Сильвестра.

18. Каждый праведный человек, получивший священство или нет, может совершать причащение.

19. Никто не может спастись вне их церкви.

20. ПОЗОРНЫЕ КРЕСТЫ НА ОДЕЖДЕ «ЕРЕТИКОВ» (XIII в.)

Приказываем и предписываем вам... в покаяние и во имя покаяния за упомянутую вину... постоянно носить на всякой вашей одежде, кроме нижней рубашки, два желтых войлочных креста, один впереди на груди, другой сзади, между плечами; и вы должны заботиться, чтобы они были хорошо видны всегда, находитесь ли вы у себя дома, или вне его. Эти кресты должны быть следующих размеров: одна полоса должна иметь две с половиной ладони в длину, а другая, именно поперечная — две ладони, и каждая три пальца ширины. Вы должны их без замедления чинить или заменять, если они порвутся или износятся от продолжительного употребления.

21. ЗАПИСЬ РАСХОДОВ ПО СОЖЖЕНИЮ ЧЕТЫРЕХ «ЕРЕТИКОВ» В КАРКАССОНЕ 24 АПРЕЛЯ 1323 г.

Дрова	55 су	6 денье
Хворост	21 »	3 »
Солома	2 »	6 »
4 столба	10 »	9 »
Веревки	4 »	7 »
Палачу по 20 су с головы . . .	80 »	
Итого . .	8 ливров 14 су 7 денье	

22. РАССКАЗ ФРАНЦИСКАНЦА САЛИМБЕНЕ О ПРИБЫТИИ В МОНАСТЫРЬ ОКОЛО г. ЛИОНА ИОАННА ПЛАНО-КАРПИНИ, ПОСЛАННОГО ПАПОЙ ИННОКЕНТИЕМ IV К ТАТАРАМ, И О КНИГЕ ЕГО ОБ ЭТОМ НАРОДЕ (1274 г.)

Иоанн де Плано-Карпини, францисканский монах. Был послан папой Иннокентием IV к татарам в 1246 г. На соборе в Лионе в 1245 г. было решено попробовать обратить татар в христианство и тем положить конец опасности, грозившей от них Европе. Плано-Карпини ездил к татарам, видел восшествие на престол хана Куйука, был у Батыя, но предложение папы татарам перейти в христианство успеха не имело.

...сказал нам брат Иоанн, что после долгого и трудного пути, испытав и холод, и голод, и жару, он прибыл к великому государю тартарскому. И сказал он нам, что называются они не тартары, а татары; и что едят они конское мясо и пьют кобылье молоко... И что он не мог войти к великому государю татарскому без пурпурной одежды. Был он принят государем ласково и с честью и как подобает при дворе. Государь спросил его, сколько государей властвуют над западными землями; он же отвечал,

что таковых двое, т. е. папа и император, и от этих двух имеют свою власть все прочие. Снова спросил государь, который из двух выше. И брат Иоанн, ответив, что выше папа, протянул государю послание папы и передал его государю. После того как государь приказал прочесть ему послание, он сказал [Иоанну], что напишет папе ответное послание и передаст ему. Так это и случилось. Упомянутый выше брат Иоанн написал затем большую книгу о татарах и других удивительных событиях в мире, которые он видел собственными глазами. Он давал читать эту книгу, и я не раз слушал [ее чтение] и видел, как тяжело ему было рассказывать о делах татарских; когда же кто-либо из читателей удивлялся или не понимал чего-либо, он сам излагал и подробно рассказывал об отдельных предметах. Из этой книги я не намерен здесь излагать что-либо, кроме упомянутого выше письма, ибо не имею для этого времени. А письмо вот каково:

«Хан, крепость божия, повелитель всех людей, истинное и верное письмо великому папе. Посовещавшись на соборе, ты отправил к нам своего посла, желая вместе со всеми христианами иметь с нами мир и согласие, как мы услышали это от твоего посла. Итак, если верно то, что ты хочешь иметь дружбу с нами, ты должен прийти к нам с западными королями и государями христианскими, и тогда ты услышишь наш ответ и одновременно нашу волю. В другой же части твоего послания сказано, что мы должны принять крещение и стать христианами. Кратко ответим тебе на это, что не понимаем, как это мы должны сделать. Что же касается того, что содержится в твоем послании, т. е. что тебя удивляет убиение людей, в особенности христиан, а именно венгров, поляков и моравов, равным образом ответим тебе, что мы этого не понимаем. Однако, дабы не казалось, что мы хотим обойти [твой вопрос] полным молчанием, отвечая говорим тебе, что они [т. е. упомянутые выше народы] не повиновались ни заповеди, ни писаниям божьим, ни Чингис-хану, ни хану, и, послушавшись дурных советов, убили наших послов. А посему сам бог повелел их убить и предал их в наши руки. Ибо если бы этого не сделал сам бог, кто из людей мог бы это сделать? Но вы, христиане, богу поклоняетесь и считаете только себя имеющими спасение, и все прочие народы презираете. Однако, как вы можете знать, кому соблаговолит бог дать благодать? Мы же, поклоняясь богу в силе, от востока и до запада опустошаем всякую землю; и, если бы не божья сила, каким образом могли бы это [опустошение] сделать люди? Вы же, если хотите иметь с нами мир и хотите дать нам вашу силу, ты, папа, со всеми королями и государями христианского запада, поторопитесь прийти к нам. Только в таком случае мы будем уверены, что вы хотите иметь мир с нами. Если же вы не верите богу и нашему посланию и не послушаетесь нашего совета и к нам не придете, мы будем знать точно, что вы желаете вступить с нами в борьбу. А что будет потом — мы не знаем, один бог знает».

Средневековая культура XII—XV веков

Введение

В этот раздел включены документы, характеризующие средневековую культуру. Из большего количества их, дошедших до нас и характеризующих развитие средневековой культуры, здесь даны только наиболее простые, которые в той или иной степени смогут найти применение в школьном курсе истории средних веков. Они распадаются на шесть следующих глав:

1. Религиозные верования. Аскетическое мировоззрение. 2. Средневековая наука. 3. Средневековая школа. 4. Начало новой науки. 5. Средневековая литература. 6. Литература и наука Возрождения.

Материал, приводимый ниже, настолько прост, что нет нужды давать конкретный разбор каждого отдельного документа.

I. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ. АСКЕТИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Первая глава открывается выдержкой из трактата «О презрении к миру», написанного могущественным римским папой Иннокентием III (1198—1216). Появление сочинения «О презрении к миру» должно было способствовать утверждению пропагандируемого папой миросозерцания, в противовес усилившемуся в то время развитию ересей.

Приводимый в хрестоматии отрывок особенно выразителен. В нем говорится о тщете мудрости и знания, т. е. пропагандируется скептическое отношение к силам человеческого разума, всегдашнего главного врага церковной идеологии, построенной на вере в такие «истины», которые никаким разумом доказаны быть не могут.

Еретики, нападавшие на церковь, обвиняли ее прежде всего в забвении якобы евангельских идеалов «бедности» и смирения. Церковь, если она не желала терять своего влияния на массы, должна была поэтому доказывать, что эти идеалы не чужды и ей. Она не прочь была включить в число своих святых — людей, известных своею подвижнической жизнью, своею кротостью, смирением, своим презрением к богатству и прочим благам мира сего. Она при этом стремилась лишь к одному: привлекая таких людей к себе, она старалась притупить в их деятельности элементы социального протеста, создать вокруг них легенду об их смиренной и не противящейся никакому злу святости, их якобы чисто религиозном воодушевлении. Церковь достигала при этом сразу двух целей: восхваляя религиозное презрение к миру (аскетизм), она внушала массам идею ничтожества земного благополучия, доказывая ненужность борьбы за него с господствующим классом, — это с одной стороны. С другой же — она вырывала у еретиков, радикалов и революционного средневековья их самое сильное оружие — критику церкви, доказывая примером своих святых, что и она есть якобы церковь «бедных» и что эти бедные должны попасть после смерти в «царство небесное». Такие святые, как знаменитый в летописях церковной жизни Франциск Асизский, который говорил только о «любви» к людям и ко всем «созданиям божьим» и не понимал великого значения ненависти к поработителям и эксплоатато-

рам и необходимости борьбы с ними, такие святые были для церкви настоящей находкой.

Основной задачей церкви было воспитание в классе непосредственных производителей чувства покорности своей доле, доле людей содержавших своим трудом господствующий класс. Вокруг таких святых церковь, иногда еще при их жизни, создавала благочестивые легенды, в которых наряду с добросовестным заблуждением немалую роль играла и самая бессовестная ложь.

Для ознакомления с легендарной деятельностью таких святых приводится отрывок из жизнеописания «Св. Франциска», озаглавленного «Жизнь аскета» *(документ 2)*.

Разбирая в классе указанные два документа, целесообразно поставить перед учащимися следующие вопросы:

а) Какие мысли о земной жизни внушала католическая церковь широким народным массам?

б) Почему церковь пропагандировала отказ широких народных масс от земных благ?

в) Что такое аскетизм?

II. СРЕДНЕВЕКОВАЯ НАУКА

Далее мы переходим к документам и материалам, освещающим средневековую науку. Как известно, средневековые ученые (XII—XIII в.) придерживались строго католических воззрений. Поэтому они шли не далее, чем это допускалось церковью.

К таким ученым принадлежал и Альберт Великий (1193—1280).

В качестве примера «естественнонаучных» представлений можно привести учащимся небольшой отрывок *документа 3*. На основании его ученик может убедиться, в какой мере фантастическими и малонаучными были эти представления и в какой мере они связаны были с суевериями и знахарством, составлявшими значительную долю тогдашней медицины.

Документы 4 и *5* дают нам характеристику «семи свободных искусств» — среднешкольного образования в средние века. Наиболее принятой системой «семи свободных искусств» была следующая последовательность школьных дисциплин: первая ступень — грамматика, риторика, диалектика; вторая ступень — арифметика, геометрия, астрономия, музыка; все это сводилось к обучению грамоте (грамматика), умению правильно строить фразу (риторика), умению делать правильные выводы из посылок (диалектика — формальная логика). Арифметика сводилась к основным четырем действиям, геометрия была по преимуществу изучением свойств поверхности (землемерное искусство), астрономия была связана с вычислением христианского календаря (переходящих праздников), музыка — правила музыкального сочинения церковных песнопений.

Любопытен документ, относящийся к концу XIII в.: он характеризует уровень географических знаний в средние века *(документ 6)*. Приводимый материал является не чем иным, как пояснительными надписями и краткими комментариями, даваемыми к карте мира. При чтении надписей рекомендуется обратить внимание на то, что здесь перемешаны библейские названия, действительные географические пункты и наименования и описание легендарных животных и народов.

Отрывок из «Суммы богословия» Фомы Аквинского (*документ 7)* дает представление о схоластической науке средневековья. Фома Аквинский (1225—1274) был выдающимся знатоком Аристотеля, ученым средневековья, защищавшим позиции католической церкви. У него средневековая схоластика принимает наиболее законченную форму. Главным произведением всей жизни Фомы Аквинского было «Сумма богословия». В этом произведении автор стремится свести воедино и обосновать христианской религией все стороны жизни и все науки, включая и математику. Наука для Фомы Аквинского — «служанка богословия». Вне религии и ее истин не может быть никаких

наук. Авторитет Фомы Аквинского был настолько велик и важен для церкви, что она причислила его к лику святых уже в 1323 г.

Приводимый отрывок из «Суммы богословия» дается только для учителя. Отрывок этот посвящен выяснению вопроса «Был ли человек в раю?» Характер доказательств, приводимых Фомой Аквинским, является классическим для схоластов. Утверждение истины строилось не на основе наблюдения над природой, а на ссылках на авторитеты. Все истины — основы науки — выводились из «священного писания» и из произведений отцов церкви и античных философов, в первую очередь, из Аристотеля.

III. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ШКОЛА

Документ 8 рисует внутреннюю жизнь Парижского университета; *документ 10* — тяжелое положение работников в культурной области.

Документ 9 «Телесные наказания в школе» характеризует не только нравы средневековой школы, но и приемы воспитания. Порка учащихся при обучении была обычным явлением — своего рода педагогическим приемом в системе воспитания. Впрочем, это относится не только к этому, но и к более поздним временам и имело повсеместное распространение (см. например, «Домострой»). В приводимом отрывке из «Швабского зерцала» определяются нормы телесных наказаний при обучении. Документ может быть процитирован полностью в рассказе учителя на уроке.

IV. НАЧАЛО НОВОЙ НАУКИ

Важны материалы, относящиеся к жизни и творчеству замечательного ученого XIII в. Роджера Бэкона (*документы 11 а — е*).

Роджер Бэкон, англичанин по национальности, родился в 1214 г. в семье рыцаря. Он получил блестящее по тому времени образование, окончив Парижский и Оксфордский университеты. Почти с самого начала своей научной деятельности Роджер Бэкон критически относился к общепринятым авторитетам, считая знаменитого Фому Аквинского мальчишкой, который берется учить других, сам ничему не научившись. Точно так же критически относился он к церкви, заявляя, что все «...духовенство предано гордости, роскоши, обжорству».

Роджер Бэкон первый из средневековых ученых не побоялся бросить вызов схоластам, заявляя, что «авторитет ничего не объясняет, ибо без опыта — нет знания». «Хотите быть философом — овладевайте математикой. Это азбука философии». Бэкон знал, что ему не простят его резких нападок на авторитетнейших представителей церкви и схоластики, ибо он знал, что «людям, открывающим науке новые пути, всегда приходится бороться с препятствиями». Естественно, что против смелого новатора ополчились все темные силы католического мира. Бэкона бросили в тюрьму по обвинению в колдовстве. Через 10 лет его выпустили, думая, что он «исправился». Но Бэкон ответил на свое освобождение сочинением «О ничтожестве магии». Его снова заключили в тюрьму. На этот раз его продержали в заточении 14 лет. Он перенес и это заточение, оставшись непреклонным. Но физических сил уже не было. Вскоре после своего вторичного освобождения, в 1294 г., Роджер Бэкон умер.

Из довольно обширного литературно-научного наследства Роджера Бэкона приводится ряд отрывков, которые более или менее полно характеризуют его разностороннюю деятельность.

Приводимые отрывки из научных произведений Роджера Бэкона дают возможность использовать их двояко: во-первых, в качестве описательного материала, который может и должен быть использован учителем в классе при характеристике жизни и деятельности этого замечательного ученого; и во-вторых, в качестве документального материала для доклада в кружке.

Рассказывая о Роджере Бэконе и приводя краткие цитаты, преподаватель должен создать у учащихся яркое представление о Роджере Бэконе — смелом новаторе, обличавшем суеверие католической церкви, утверждавшем великое для науки значение опыта.

V. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

Приводимый далее ряд отрывков из литературных произведений ярко отражает быт средневековья *(документы 17—20)*. В первую очередь это относится к двум произведениям, принадлежащим перу безвестных, но несомненно талантливых писателей-вагантов. Вагантами назывались бродячие школяры и студенты. Ваганты носили студенческую одежду, вращались в научной среде, многие из них числились клириками. Но ваганты скептически и насмешливо относились к церкви и феодальному обществу. В своих произведениях ваганты, в противовес церковной ограниченности, морали аскетизма и проповеди смирения, — проповедовали жизнерадостность, любили острую насмешку, веселую песню. В своих произведениях они особенно обрушивались на жадность и стяжательство монахов и священников, быт которых они прекрасно знали.

Ниже приводятся два произведения вагантов: стихотворное и прозаическое (*документы 13, 14*). По содержанию оба произведения сходны. Особенно любопытно по форме второе произведение («Евангелие от марки серебра»), представляющее пародию на текст евангелия.

Документы 15 и 16 — литературные произведения, характерные для настроения так называемого городского сословия. Эта литература очень обширна. Здесь приведены: краткий стихотворный рассказ, где высмеиваются жадность священника, «О буренке, поповской коровенке» (документ 15) и одна глава из «Романа о Лисе» (документ 16). В этом романе аллегорически прославляется хитрый горожанин — Лис, который умело перехитрил волка Изегрима — знатного феодала, барана Белина — обедневшего дворянина, Бернара — представителя духовенства и всех других членов феодального общества.

Документ 12 — сирвента (небольшая песенка на политические или общественные темы) принадлежит перу трубадура — рыцарского стихотворца. В этом произведении особенно ярко обнаруживается классовая сущность рыцарской поэзии, ее враждебное отношение к крестьянству.

VI. ЛИТЕРАТУРА И НАУКА ВОЗРОЖДЕНИЯ

Сюда мы относим различные произведения, характеризующие развитие литературы и науки за период с конца XIV до середины XVII в.

Энгельс с исключительной яркостью и образностью вскрывает подлинное содержание эпохи возрождения:

«Королевская власть, опираясь на горожан, сломила мощь феодального дворянства и основала крупные, по существу национальные монархии, в которых получили свое развитие современные европейские нации и современное буржуазное общество; ...немецкая крестьянская война пророчески указала на грядущие классовые битвы, ибо в ней на арену выступили не только восставшие крестьяне, — в этом не было ничего нового, — но за ними показались начатки современного пролетариата с красным знаменем в руках и с требованием общности имущества на устах» [1].

Далее Энгельс характеризует отличительные особенности в развитии новой культуры в различных странах Европы: «В спасенных при гибели Византии рукописях, в вырытых из развалин Рима античных статуях перед изумленным Западом предстал новый мир — греческая древность; перед... светлыми образами ее исчезли призраки средневековья; в Италии достигло неслыханного расцвета искусство... В Италии, Франции, Германии возникла

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XIV, стр. 475.

новая, первая современная литература; Англия и Испания пережили вскоре затем свою классическую литературную эпоху... Духовная диктатура церкви была сломлена...

Это был величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учености»[1].

Приведенные выше положения Энгельса должны лечь в основу характеристики эпохи возрождения.

Большая группа приводимых ниже литературных отрывков характеризует первый период эпохи возрождения в Италии, откуда распространился по всей Европе свет передовой культуры, положивший начало гуманизму. Под влиянием великих деятелей итальянского гуманизма: Данте—«последнего поэта средневековья и первого поэта нового времени» (Энгельс), Петрарки — одного из первых итальянских гуманистов, Боккаччо — великого гуманиста, создателя «Декамерона», и ряда других, гуманизм становится идеологией нового растущего класса буржуазии, завоевывая себе место под солнцем и распространяясь по странам Западной Европы.

Большинство из приводимых отрывков не могут быть непосредственно использованы преподавателем на уроке. Они даются в хрестоматии для того, чтобы служить иллюстративным материалом учителю и помогать расширению его кругозора, отчасти же для внеклассной работы. Таковы — отрывок из комедии Данте *(документ 17* — «Ад», стихотворения Петрарки «На жизнь Лауры» и «На смерть Лауры» (*документ 18),* новелла Боккаччо — «О лицемерии монахов» *(документ 19).*

Рассказывая о творчестве великих писателей Италии, учитель должен выделить историческое значение этих произведений для создания национальной итальянской литературы. Таково, например, значение канцоны Петрарки — «Итальянским властелинам» (*документ 18 г*).

Кроме того, необходимо подчеркнуть и политические мотивы в творчестве итальянских писателей. Уже Данте рвет с установившимися схоластическими взглядами, помещая в первом круге своего «Ада», где еще нет наказаний, великих мыслителей древности — язычников, оставляя в одном из низших кругов приготовленную пылающую могилу для еще живого папы Бонифация VIII; Петрарка обращается к папскому двору с гневными стихами, где клеймит разврат и жадность духовенства (*документы 23 д* и *23 е);* Боккаччо в своем «Декамероне» посвящает значительную его часть ядовитой насмешке над показной святостью священников и монахов.

Рассказывая о творчестве великих гуманистов, учитель должен в то же время подчеркнуть, что их выступления против духовенства потому носили политический характер, что церковь во главе с папой являлась господствующей идеологической силой феодального строя. Выступая против церкви, гуманисты объективно содействовали разрушению феодализма. Разоблачению показной «святости» монахов посвящены «фацеции» Поджо Брачолини (*документ 25*).

Помимо источников, характеризующих итальянское Возрождение, приводится также ряд материалов, освещающих развитие культуры и в период позднего средневековья.

Из помещенных здесь источников «Государь» Макиавелли (см. *документ 21)* занимает особое место.

Данный труд Макиавелли не является чисто литературным произведением. Это политический трактат, при помощи которого Макиавелли надеялся способствовать объединению Италии. Макиавелли полагал, что для достижения такой великой цели правитель может и должен действовать любыми средствами, даже самыми антиморальными; где нужно — с помощью грубого насилия, в других случаях — хитростью, обманом. По образному выражению Макиавелли «государь... должен соединять в себе качества льва и лисицы».

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XIV. стр. 475—476.

Рекомендуется учителю не зачитывать приводимого отрывка в классе и не цитировать из него отдельных мест. Целесообразнее, разобрав качества правителя, каким его изображает Макиавелли, рассказать ученикам, что оправдание беспринципности и неразборчивости в средствах характерно для всякого правителя в классовом обществе не только времени абсолютизма, но и для монополистической буржуазии.

Группа источников, характеризующих гуманизм, состоит из двух небольших частей: а) отрывки из произведений великих утопистов — Мора и Кампанеллы, и б) высказывания Коперника и Галилея, определивших все дальнейшее направление научной мысли.

Рассказывая об «Утопии»[1] Томаса Мора, учитель, естественно, обратится к знакомому учащимся материалу по истории Нидерландов и Англии XVI в., где ранее, чем в других странах, развиваются капиталистические отношения и в связи с этим обостряются классовые противоречия. В этой обстановке и могло появиться замечательное произведение Томаса Мора.

В «Утопии», отдельные отрывки которой мы ниже приводим (*документ 22)* Томас Мор рассказывает о неведомой стране, где существуют совершенно иные отношения, чем, скажем, в Англии XVI в. В этой неведомой стране отсутствует собственность, царствует всеобщее довольство, гармоническое существование всех граждан, общность имуществ, отсутствие эксплоатации и т. д.

Изучая этот материал, необходимо обязательно указать, в чем же утопичность Мора. В связи с этим особенно важно подчеркнуть, что Мор, рассказывая о равенстве и довольстве на обетованном острове, ни словом не оговаривается о путях к достижению таких порядков, не зовет угнетенные массы к борьбе за лучшее будущее и полагает, что идеальное общественное устройство может быть достигнуто путем разумных реформ. В этом и состоит, между прочим, характерная особенность утопического социализма, наиболее ранним представителем которого был Томас Мор.

Далее приводятся два отрывка из произведений знаменитого итальянского утописта Кампанеллы. Политическая деятельность Кампанеллы носит совсем иной характер, чем Мора. Мор — государственный деятель, первый министр и личный друг короля. Он был мало связан с народными массами. Совсем иначе протекала деятельность Кампанеллы.

Томазо Кампанелла жил на рубеже XVI и XVII вв. (1568—1639 г.). Это был знаменитый итальянский публицист и философ. Почти с юношеского возраста Кампанелла обратил на себя внимание своими решительными выступлениями против церковной схоластики и ее авторитета — Аристотеля. Обвиненный в ереси, Кампанелла долго скитался по Италии. Не испугавшись преследований, Кампанелла выступил с идеей создания единого мирового государства с идеальным общественным строем. В конце XVI в. Кампанелла становится во главе широкого заговора, подготовлявшего общенародное восстание в Калабрии. В это время эта часть Италии находилась под властью Испании. Однако накануне подготовляемого восстания заговор, в результате предательства, был раскрыт. Кампанелла был подвергнут страшным пыткам, но обнаружил исключительную твердость духа. Затем Кампанелла был брошен в тюрьму, где просидел 27 лет.

Сидя в заточении, Кампанелла создает свой «Город Солнца», в этом утопическом государстве люди равны, труд обязателен и приятен, отсутствует частная собственность.

Приводимые отрывки из «Города Солнца» (*документ 23а*) и особенно «Гимн Весеннему солнцу» *(документ 23б)* подчеркивают исключительную веру Кампанеллы в грядущее светлое будущее.

Томазо Кампанелла пытался свергнуть иго испанцев. Но в его «Городе Солнца» мы не увидим программы борьбы — здесь только мастерское описание того идеального строя, к которому он стремился.

Преподаватель хорошо сделает, если предложит во внеклассное время подготовить тему о великих утопистах Море и Кампанелле. В классе сле-

---

[1] **Утопия (греч.) означает «нигде».**

дует особенно ярко рассказать о борьбе и мужестве Кампанеллы и кратко передать содержание его «Города Солнца». Естественно, что и здесь необходимо подчеркнуть утопичность его взглядов.

Последними в данном разделе приводятся источники, характеризующие деятельность великих творцов новой науки — Николая Коперника и Галилео Галилея.

Приводимые отрывки из произведений Коперника дадут возможность учителю составить достаточно яркий рассказ о значении его открытия. Необходимо рассказать учащимся, в чем состояло основное различие между прежней геоцентрической системой (в центре вселенной — Земля, отсюда и название геоцентрическая система) и новой (в центре вселенной — Солнце, отсюда и название гелиоцентрическая система). Затем следует сказать о научном и политическом значении открытия Коперника.

Из приведенных отрывков рекомендуется наиболее краткие процитировать в классе. Затем, после того как будет пройдена вся тема о развитии науки и техники, следует рекомендовать учащимся для домашних сочинений взять одну из тем, посвященных новым открытиям в науке.

В этой связи очень полезно использовать приводимые ниже источники, относящиеся к деятельности другого великого деятеля науки, продолжавшего развивать учение Коперника, — Галилео Галилея.

Галилею посвящены два документа: «Приговор кардиналов Галилею» и «Отречение Галилея». Эти документы, особенно первый, дают возможность преподавателю использовать ряд деталей для создания живого облика этого замечательного ученого.

* * *

Высказывания классиков марксизма о культуре Западной Европы XI—XV вв.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV («Анти-Дюринг», «Диалектика природы»).

* * *

Документы 1—10 переведены и подобраны И. И. Подольским. Остальные подобраны С. Д. Сказкиным: документы 11 *а — е* взяты из «Книги для чтения по истории средних веков» под ред. Виноградова, т. III. Документы 12—17 — из хрестоматии по литературе средних веков под ред. Р. О. Шор. Документы 18—20 взяты без изменения из 1-го издания хрестоматии по истории средних веков, под ред. Грацианского и Сказкина. Документ 22 — из хрестоматии по всеобщей истории П. Н. Ардашева, 1914 г. Документ 23 взят из книги Кампанелла «Город Солнца». Документы 24, 25 взяты из книги «Коперник», издание 1947 г., 26 и 27 — из книги «Галилео Галилей», издание 1931 г.

Введение к разделу написано Ю. А. Бэром.

1. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ. АСКЕТИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

1. ИЗ ТРАКТАТА ИННОКЕНТИЯ III «О ПРЕЗРЕНИИ К МИРУ».

О труде смертных

Книга 1, глава 12. «Ибо птица рождается для полета, а человек рождается для труда» (книга Иова). Все дни его полны трудами и скорбями, и даже не отдыхает ум его. И что это, если не суета? Нет никого без работы под солнцем, нет никого без недостатка под луной, нет никого без тщеславия во времени. Время есть замедление вещей преходящих. «Суета сует, — говорит Экклезиаст,— и всяческая суета». О, сколь различны стремления людей, сколь неодинаковы занятия! Однако одна у всех цель и один результат: труд и томление духа.

О занятии мудрецов

Книга 1, глава 13. Испытуют мудрецы и, вычисляя высоту неба, ширину земли, глубину моря, обсудят частности, обдумают целое, всегда будут учиться или учить. А что приобретут от этого занятия, кроме скорби и томления духа? Знал это по опыту сказавший: «и предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость, и узнал, что и это томление духа; потому что при многой мудрости много печали и, кто умножает познания, умножает скорбь» (Экклезиаст, 1). Ибо хотя надо, чтобы исследователь напрягал свои силы в ночных бдениях и бодрствовал для трудов и усилий, однако едва ли есть что-нибудь столь ничтожное, едва ли есть столь легкое, что человек понимал бы вполне, что он постигал бы ясно. Разве только то знают совершенно, что ничего не знают совершенно.

2. ЖИЗНЬ АСКЕТА

Святой Франциск... не только отказывал себе во всяком излишке, но едва допускал самую необходимую домашнюю утварь. Ибо, говорил он, невозможно удовлетворять потребность, не возбуждая вместе с тем чувственного желания.

Он редко и мало вкушал вареной пищи, и, в таком случае, он часто посыпал ее пеплом или портил вкус прибавкой холодной воды. Сколько раз случалось, что он, приглашенный к столу знатных вельмож, питавших к нему великое благоговение, отведывал немного мясных блюд, чтобы исполнить предписание святого евангелия, а остальное клал за пазуху, делая вид, что он ест, чтобы другие не заметили. Что сказать о питье вина, когда он даже воды не пил достаточно, чтобы утолить жажду. Он спал всегда на голой земле, нагой, подложив одну тунику; когда он

освежал свое бренное тело сном, он чаще сидел, чем лежал, подложив под голову вместо подушки кусок дерева или камень.

Если же во время еды что-либо возбуждало его аппетит, то он почти никогда не дотрагивался до этого блюда.

Случилось однажды, что во время тяжелой болезни он съел немного куриного мяса. Несколько оправившись, он пошел в Ассизи и, дойдя до городских ворот, повелел брату, бывшему с ним, привязать ему на шею веревку и протащить его, как разбойника, по всему городу, возглашая и говоря: «Поглядите на обжору, наевшегося втайне куриного мяса...»

На свое тело он смотрел как на сосуд погибели, не имел о нем ни забот, ни попечений и подвергал его всяческим испытаниям, чтобы не покориться из любви к нему мирским вожделениям.

11. СРЕДНЕВЕКОВАЯ НАУКА

3. «О СВОЙСТВАХ ТРАВ, КАМНЕЙ И ЖИВОТНЫХ»

Альберт Великий

Альберт Великий (1193—1280) — знаменитый схоласт, из немецкого графского рода Больштедт. Профессор богословия в Париже, потом в Кельне. Автор многочисленных сочинений, в том числе по естественным наукам. Доставил аристотелевской философии признание богословов и сделал ее основой, на которой он сам и последующие схоласты, особенно его знаменитый ученик Фома Аквинский, развивали свое учение. Сторонник строго папско-католических воззрений.

По мнению Альберта Великого, знание, принадлежащее к разряду благ, может быть использовано и для добрых и для злых целей. Из этого следует, что сама по себе магическая наука не составляет зла. Благодаря знанию ее, можно избежать зла и достигнуть добра.

Альберт намеревается изложить сведения, найденные им у разных прежних авторов: «Сначала я расскажу о некоторых травах. Потом о некоторых камнях. В-третьих, о некоторых животных и их достоинствах».

Из первой книги. Девятая трава... лилия. Если ты соберешь эту траву при появлении солнца в знаке Льва и смешаешь с соком лавра и затем положишь этот сок под навоз в любое время, то заведутся черви. Если из них сделать порошок и повесить его кому-нибудь на шею или в его одежду, он никогда не заснет или не сможет спать, пока этот порошок не будет вынут. И если вышеупомянутое положишь под навоз и намажешь кого-нибудь родившимися оттуда червями, как тотчас его охватит лихорадка. И если упомянутое положить в какой-нибудь сосуд, где находится молоко коровы, и закрыть шкурой коровы того же цвета, то все коровы потеряют молоко, как это было достоверно испытано в наше время...

Пятнадцатая трава... называется розой, и это трава, цветок которой наиболее известен. Возьми грамм ее и грамм горчицы и ножку мыши, повесь все это на дерево, и оно не будет давать плодов. И если упомянутое положить около сети, то в нее соберутся рыбы...

И если упомянутый порошок положить в лампу, которую после этого зажгут, то все будут казаться черными, подобно сатане.

И если упомянутый порошок смешать с оливковым маслом, и натуральной серой и намазать этим при солнечном свете дом, то он будет казаться объятым пламенем.

Из второй книги. Если ты хочешь одолеть врагов, возьми камень, который называется адамант, блестящего цвета, твердейший, так что нельзя разбить его, кроме как [помазав] кровью козла. Камень этот рождается в Аравии или на Кипре. И если привязать его с левой стороны, помогает он против врагов, и против нездоровья, и против животных диких и ядовитых, и лихих людей, и против ссоры и споров, и против яда, и от наваждения, и некоторые называют его диамантом...

Если хочешь прибавить мудрости и избежать глупости, возьми камень, который называется хризолит, светлозеленый, оправленный в золото; он изгоняет глупость и приносит мудрость.

Если хочешь одолеть зверей и истолковывать все сны и предсказывать будущее, возьми камень, который называется эсмунд или асмад. Он бывает разных цветов, уничтожает всякий яд, доставляет победу над противниками, дает дар пророчества и истолкование всех снов и делает понятным тайное.

Из третьей книги. Филин — птица достаточно известная. Чудесны свойства этой птицы. Ибо, если ее сердце и правую ногу положить над спящим, тотчас он тебе расскажет все, что он делал и что ни спросишь у него, и это над нашими братьями в недавнее время было испытано...

Крот — животное достаточно известное. У этого животного есть удивительное свойство, как говорят философы. Если завернуть его ножку в лавровый лист и положить в рот лошади, она убежит от страха. А если положить в гнездо какой-нибудь птицы, то никогда не вылупится из яиц приплод. А если хочешь изгнать кротов, то положи на дворе крóта и горящую самородную серу, и все остальные кроты соберутся там, и от воды, в которой они варились, станет белою черная лошадь...

Если кто-нибудь будет носить слева сердце собаки, то все собаки онемеют перед ним.

4. СЕМЬ СВОБОДНЫХ ИСКУССТВ (НАЧАЛО XII в.)

Один ученик спрашивал учителя и сказал: «Поелику есть семь искусств, и семь испытаний, и семь занятий, хотел бы я, чтобы ты мне их перечислил, в чем они состоят?» Учитель: «Перечислю. Эти искусства: диалектика, арифметика, геометрия, физика, музыка, астрономия. О том же, что представляет седьмое, есть много различных взглядов Философы, которые не следуют пророчествам, говорят, что седьмое искусство — это нигромантия [1]. Другие

[1] Нигромантия или (чаще) некромантия — гаданье с помощью якобы вызываемых для этого душ умерших, вера в такие гадания была сильно распространена в древности и в средние века.

философы, которые доверяют пророчествам и философии, хотят, чтобы это была наука, исследующая природу или элементы мироздания. Некоторые, пренебрегающие философией, утверждают, что это грамматика» [1].

5. СВОБОДНЫЕ ИСКУССТВА — ОСНОВА ОБРАЗОВАНИЯ

(Постановление докторов Парижского факультета церковного права, около 1340 г.)

Мы полагаем, что там, где отсутствует фундамент, нельзя производить надстройку, и что не через нарушение последовательности степеней, а постепенно и своевременно должно восходить к более высоким должностям и наукам. И так как грамматика, логика, физика и прочие низшие науки суть путь и основание к другим, более высоким званиям, устанавливаем и предписываем, что никто не должен допускаться к степени баккалавра канонического права на факультете декретов [2] в Париже, сколько бы он ни слушал декретов и декреталий, если он сначала не будет достаточно тверд в начальных звеньях.

6. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ГЕОГРАФИЯ

(Надписи на полях мировой карты, составленной в северной Германии около 1284 г.)

Рай — на крайнем востоке. Есть там древо познания добра и зла. Древо сие действительно видимо и телесно, как и всякое другое дерево.

Кругом земным называется земля по круглой своей форме, так как она вроде колеса. Со всех сторон обтекает ее по кругу океан и делит его на три части, т. е. на Азию, Европу и Африку. Одна Азия составляет половину света. Европа и Африка — другую. Рассекает их Средиземное море. Азия названа по имени некой жены, которая, по свидетельству древних, владычествовала на Востоке. Занимает она [Азия] третью сторону, ограничивается она с востока восходом солнца, с юга — океаном, с запада же — нашим морем. С севера предел ее — озеро или болото Меотийское [Азовское] и река Таной [Дон]. Много в ней провинций, областей и островов.

Албания верхняя. Страна эта зовется Албанией, населена 26 племенами и названа так по цвету народа, потому что он родится с белыми волосами [3]. Начинаясь на востоке, у Каспий-

---

[1] Последние следуют наиболее распространенному и обычному перечислению семи искусств, в котором грамматике отводится первое место. На втором месте обычно стоит риторика. Физика среди свободных искусств в большинстве случаев не упоминается.

[2] Юридический факультет, где изучалось римское и каноническое право.

[3] Albus по-латыни — белый. Объяснение происхождения названия Албании построено, как и все средневековые этиологии, на случайном созвучии слов.

ского моря, она простирается вдоль берега Северного океана до Меотийских болот, через многие пустыни. Собаки этой страны так велики и злобны, что могут растерзать быков и львов. Больше у них смысла, чем у других животных, ибо они одни знают свое имя, любят своих господ, защищают жилье, идут за них на смерть по доброй воле, устремляются с хозяином на добычу, не оставляют даже тело мертвого хозяина, так что по природе своей они недалеки от людей.

Амазонки. А вот страна амазонок. Они — женщины, сражающиеся, как мужчины.

Царство Колхида. Здесь философы выдумали золотое руно, за которым якобы отправился Иона[1]. Вследствие этого между греками и троянами возгорелась война[2].

(Гог и Магог) А вот здесь Александр[3] заключил два мерзких народа, которые антихрист будет иметь себе в товарищах. Они питаются человечьим мясом и пьют кровь.

Грифы — народ, от неистовства которых саксы, как говорят, пришли в Германию; между другими людьми они, как скорпионы между животными.

А вот антропофаги — скорые люди, ибо имеют ноги, подобные лошадиным; живут мясом и кровью людей.

Гирканский лес, в нем птицы, перья которых светятся ночью; там же много и другого зверья...

Самарканд — город, лежит в Хазарии, т. е. в Скифской земле; больше Вавилона, имеет в окружности сто миль, владеют им сообща царь поганый и царь христианский.

7. ФОМА АКВИНСКИЙ

Из «суммы богословия»

Для понимания приведенных ниже примеров схоластических рассуждений нужно ознакомиться с основными приемами схоластического научного изложения. «Сумма богословия» Фомы Аквинского, как и многие другие произведения средневековой науки, изложена в форме обсуждения. Каждый из вопросов построен по определенной, строго соблюдаемой схеме. В заглавии формулируется тема вопроса, например о десятине, о добродетели и т. д. Затем кратко перечисляется, что именно будет рассматриваться при изложении данного вопроса. В зависимости от числа таких более узких тем вопрос делится на известное число разделов. Каждый из этих разделов в свою очередь делится на четыре части. Сначала излагаются мнения, противоположные тому, которого придерживается сам автор. До XIV в. не было обычая называть имен своих литературных противников, и Фома приводит их мнения в безличной форме: «Считается, что» и т. д. После изложения аргументов (доводов) своих противников, схоласт приводит цитату из авторитета, которую он считает решающей для выяснения вопроса. Эта вто-

---

[1] Искажение имени Язона, героя античного мифа об аргонавтах.

[2] Также искажение античного мифа. Возникновение Троянской войны не связано с золотым руном.

[3] Александр Македонский.

рая часть начинается словами «но против». Затем схоласт подробно разъясняет значение приведенной цитаты для обсуждаемого вопроса и делает из нее нужные ему выводы. Эта часть начинается словами: «Отвечаю: надо сказать...» Изложив свои положительные взгляды, схоласт переходит к разбору приведенных им мнений своих противников. Так как эти мнения тоже основаны на церковном авторитете, то опровержение состоит в том, что доказывается неправильность сделанных из авторитета выводов.

И эта громоздкая схема проведена Фомой Аквинским без всяких отступлений через сотни вопросов и тысячи разделов его громадной «Суммы».

Был ли человек сотворен в раю

(«Сумма богословия», часть 1-я, вопрос 102, раздел IV.)

1. К четвертому разделу приступаем так. Считается, что человек был сотворен в раю. Ангел ведь был сотворен в месте своего обитания, а именно в эмпирее. Но рай до грехопадения был местом, предназначенным для пребывания людей. Следовательно, надо думать, что человек был сотворен в раю.

2. Далее, другие животные сохранились в месте своего происхождения, как, например, рыбы в воде и земные животные на земле, из которой они созданы. Человек же содержался в раю... Следовательно, он должен был быть создан в раю.

3. Далее, женщина была создана в раю. Но мужчина много достойнее женщины. Следовательно, мужчина тем более должен был быть создан в раю.

Но против — то, что говорится в книге «Бытия», глава II: «И взял бог человека и поселил его в раю».

Отвечаю: надо сказать, что рай был местом, приличествующим для обитания человека по отношению к непорочности первоначального состояния. Непорочность же эта принадлежала человеку не по природе, а по сверхъестественному дару божию. Следовательно, для того, чтобы это [1] считалось заслугой божественной милости, а не человеческой природы, бог сотворил человека вне рая, а потом поселил его в раю, чтобы он обитал там на всем протяжении животной [2] жизни, потом же, когда бы он перешел к духовной жизни, он должен был быть перенесен на небо.

Следовательно, по первому пункту надо сказать, что эмпирей есть место, приличествующее природе ангелов, и потому они там сотворены. И подобным образом надо сказать по второму пункту, ибо эти места подходят животным сообразно их природе.

По третьему пункту надо сказать, что женщина была создана в раю не вследствие своего достоинства, а вследствие достоинства того элемента, из которого было создано ее тело. Ибо подобным образом в раю родились и дети, так как родители были уже там поселены.

---

[1] Пребывание Адама в раю.

[2] Телесной.

III. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ШКОЛА

8. КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ПАРИЖА В НАЧАЛЕ XIII в.

(Отрывок из сочинения, написанного около 1220 г.)

Почти все парижские школяры [студенты], как туземные, так и иностранные, занимались исключительно только тем, чтобы учиться и исследовать что-нибудь новое.

Одни занимались исключительно для того, чтобы знать, но это одно любопытство; другие, чтобы прославиться, но это тщеславие; наконец, иные учились, чтобы приобретать впоследствии выгоду, но это корыстолюбие и симония. Весьма немногие из них занимались, чтобы получать назидание или назидать других. Они вызывали один другого и спорили между собою не только по поводу различия мнений или для диспута, но даже различие стран возбуждало у них несогласия, ненависть, сильные ссоры, и они бесстыдно преследовали друг друга всякого рода бранью и оскорблениями. Англичан они называли пьяницами и шутами; детей Франции — гордыми, изнеженными и изукрашенными, как женщины; они говорили, что немцы на своих праздниках ведут себя неприлично и по-скотски; нормандцев называли тщеславными самохвалами; жителей Пуату — вероломными и льстецами; бургундцев — грубыми и глупыми, бретонцев — легкомысленными и непостоянными.

Вследствие подобных оскорблений часто дело переходило от слов к потасовке.

Я не буду говорить о тех учителях логики, перед глазами которых постоянно летали «египетские мухи», т. е. всякого рода софистические утонченности; никто не мог понимать их высокопарных речей, в которых, как говорит Исаия, не было никакой мудрости. Что касается до докторов богословия, «восседающих на Моисеевом седалище» (Матф., XXIII, 2), то они были напыщены наукою, но их жизнь никого не назидала. Проповедуя и не действуя, они сделались подобны «меди звенящей, или кимвалу звучащему» (1-е посл. Коринф., XIII, 1), или каналу, выложенному камнем, который остается всегда сухим, вместо того, чтобы вести воду в сады ароматов. Они не только ненавидели друг друга, но старались угодливостью привлекать к себе учеников от других, искали славы для себя, но не заботились о душевном благе. Прислушиваясь к известным словам апостола: «если кто епископства желает, доброго дела желает», — они множили свои пребенды[1] и домогались мест; но они желали не доброго дела, а отличия, и заботились особенно о том, чтобы «иметь первые места на пиршествах и в синагогах и чтобы им кланялись в народных собраниях» (Матф., XXIII, 6, 7).

---

[1] Приход или епархия, дающая пастырю регулярный доход.

Между тем как апостол Иаков [III, 1] сказал: «Братия мои, не многие делайтесь учителями», — они, напротив, так старались о том, чтобы сделаться учителями, что не могли достать учеников иначе как просьбами и пожертвованиями. Но более безопасно учиться, нежели учить, и скромный слушатель дороже тщеславного и ограниченного учителя. Господь сохранил между ними небольшое число людей честных и богобоязненных, «которые не стояли на пути грешников, не сидели вместе с другими на отравленном седалище».

9. ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ В ШКОЛЕ

(Из «Швабского зерцала»)

Если учитель бьет ученика лозой или рукой не до крови, то он за это не отвечает. Если он разобьет ему в кровь нос, то и в этом случае он к ответственности не привлекается. Если же он ему раскровянит другие части тела и притом не лозой, то он должен за это отвечать, а если он убьет его насмерть, то подлежит суду.

10. МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УЧИТЕЛЕЙ

Что получаем мы, учителя, в награду за наши труды? Голодное житие, неприятности, надрыв сил, болезнь и постоянные огорчения. Всякая другая работа дает человеку жить; школьный учитель влачит свои дни в ужасной нищете, и гордость окружающих смешивает его с грязью. Последний писаришка, подьячий, бродячий монах смотрит на него свысока. Нет, лучше смерть, чем учительство.

IV. НАЧАЛО НОВОЙ НАУКИ

11. РОДЖЕР БЭКОН

а) О науках и возможных открытиях и изобретениях

Все науки связаны одна с другой и взаимно друг друга поддерживают: успех одной помогает всем другим, как глаз, например, руководит движениями всего тела...

...Математику ошибочно считают наукой трудной, а иногда даже подозрительной — только потому, что она имела несчастье быть неизвестной отцам церкви. Между тем — как она важна, как полезна!..

... Можно построить приспособления для плавания без гребцов, так, чтобы самые большие корабли, морские и речные, приводились в движение силой одного человека, двигаясь притом с гораздо большей скоростью, чем если бы они были полны гребцами. Точно так же можно сделать повозки без всякой запряжки, могущие катиться с невообразимой быстротой; летательные ма-

шины, сидя в которых, человек может приводить в движение крылья, ударяющие по воздуху, подобно птичьим.

... Медленно растут у западных христиан географические сведения... Надо производить измерения, определять точно положение стран и городов, а для этого необходимо принять какой-нибудь определенный пункт за начало долготы; можно бы взять, например, на западе — западную оконечность Испании, на востоке — восточную границу Индии. География, помимо ее практических приложений, важна и для других наук, нельзя знать людей, не зная климата и страны, в которой они живут, так как климат влияет на произведения растительного и животного царства и еще более на нравы, характеры и учреждения...

...Прозрачные тела могут быть так отделаны, что отдаленные тела покажутся близкими и наоборот. На невероятном расстоянии можно будет читать малейшие буквы и различать мельчайшие вещи, рассматривать звезды, где пожелаем. Полагают, что Цезарь с помощью больших зеркал с галльского берега мог видеть расположение лагерей и городов Британии... Можно так оформить прозрачные тела, что, наоборот, большое покажется малым, высокое — низким, скрытое — станет видимым... Итак, вовсе не надо прибегать к магическим иллюзиям, когда сил науки достаточно, чтобы произвести действие.

б) О разуме и невежестве

Разум — вот вождь правой воли; он направляет ее к спасению. Чтобы делать добро, надо его знать; чтобы избегать зла, надо его различать. Пока длится невежество, человек не находит средств против зла... Нет опасности больше невежества. Знающий истину, если иногда и пренебрегает долгом, имеет прибежище в совести, побуждающей его скорбеть о случившемся и остерегаться в будущем. Нет ничего достойнее изучения мудрости, прогоняющей мрак невежества, — от этого зависит благосостояние всего мира. Каков человек в изучении мудрости, таков он и в жизни...

в) О культурной отсталости средневекового Запада

Пусть [христиане] прочтут 10 книг аристотелевой этики, многочисленные трактаты Сенеки, Тулия Цицерона и многих других и тогда увидят, что мы погрязаем в бездне пороков и что одна милость божия может нас спасти. Как преданы были эти философы добродетели, как любили ее! И всякий, конечно, отстал бы от своих недостатков, если бы прочел их сочинения: так красноречивы их похвалы справедливой и чистой жизни и обличение ими пороков! Философы были преданы истине, добродетели, презирали богатство, удовольствия и почести, стремясь к будущему блаженству и являясь победителями человеческой природы.

г) О значении опыта

Есть три источника знания: авторитет, разум и опыт. Однако авторитет недостаточен, если у него нет разумного основания, без которого он вызывает непонимание, а лишь принятие [истины] на веру, — мы верим авторитету, но не через авторитет понимаем. И разум [или отвлеченное рассуждение] один не может отличить софизма от настоящего доказательства, если он не может оправдать свои выводы опытом...

...Доказательство умозаключает и нас заставляет умозаключать относительно данного вопроса; но оно не удостоверяет и не устраняет сомнений, не успокаивает духа в созерцании истины, если дух не найдет ее при помощи опыта... Человек, никогда не видавший огня, имел достаточное доказательство, что огонь жжет, портит и разрушает вещи, все же дух его не успокоился бы на таком знании, и он не стал бы избегать огня, пока не положил бы в огонь руку или какой-нибудь горючий предмет и не убедился бы через опыт в том, что он узнал из доказательств. После же опыта сожжения чего-либо дух приобретает уверенность и успокаивается в сиянии истины.

д) О помехах делу истины

Новые идеи встречают всегда возражения даже со стороны святых и хороших людей, мудрых в других отношениях... Сорок лет тому назад богословы, парижский епископ и все тогдашние ученые осудили и предали отлучению физику и метафизику Аристотеля, ныне всеми признаваемые за здравое и полезное учение... [1]

Четыре в высшей степени заслуживающие порицания вещи составляют помеху делу истины... Они стоят на дороге всякому мыслителю и едва позволяют кому бы то ни было достигнуть настоящей мудрости. Вот эти помехи: преклонение перед неосновательными и недостойными авторитетами, долговременная привычка [к известным мнениям], неосновательность суждений толпы и, наконец, скрывание [учеными] своего невежества, вместо которого они выставляют напоказ свою призрачную мудрость... От этих язв происходит все зло человеческого рода: благодаря им люди не знакомятся с наиболее полезными, великими и прекрасными памятниками мудрости и тайнами всех наук и искусств.

Еще хуже то, что этот четвероякий призрак мешает людям понимать свое собственное невежество: они, наоборот, всячески

---

[1] Такие запрещения были сделаны в 1209 и в 1215 гг. В 1231 г. папа Григорий IX обязал богословов Парижского университета «разобрать недавно запрещенные книги по естественной философии и, тщательно устранив в них всякие заблуждения, остальные части их допустить к изучению немедленно и без опасений». С этого времени Аристотель, возвращенный Европе евреями и арабами, становится церковным авторитетом.

прикрывают и отстаивают его и потому не находят от него лекарств. Самое же худшее — то, что, сидя во мраке заблуждений, они уверены в том, что живут в полном свете истины... Поэтому саму чистую истину они считают крайне ошибочной, самое превосходное — не имеющими никакой цены, самое великое — ничего на стоящим, а, напротив, прославляют решительно ложное, хвалят дурное, превозносят в своем ослеплении негодное...

Где имеют силы три первые помехи знанию, там не действует ни разум, ни право, ни закон, там нет места для правды, там не имеют силы предписания природы, искажается порядок вещей, господствует порок, добродетель исчезает, там царствует ложь и гибнет истина.

е) О нравах церкви

Везде царит полнейшая испорченность, начиная с самого верха. Святой престол стал добычей обмана и лжи: справедливость гибнет, мир нарушается... Нравы там [в церкви] развращены; там царствует гордыня, процветает стяжательность, зависть гложет людей, роскошь позорит весь папский двор, там всеми овладела прожорливость... Вот уже несколько лет святой престол пустует из-за интриг, зависти и происков честолюбия... Если таково положение главы церкви, то каковы же члены? Посмотрите на прелатов, жадно собирающих богатства; не заботясь о вверенных им душах, они хлопочут за своих родственников и мирских друзей... или за коварных законников, смущающих весь мир своими наветами.

Между тем труженики, всю жизнь занимающиеся философией и теологией, у всех в презрении!

Посмотрите далее на монахов всех орденов без исключения! Как сильно отклонились все они от того, чем они должны быть! Как страшно упали, как много потеряли новые ордена из своего прежнего достоинства. Все духовенство предано гордости, роскоши, жадности. Клирики, где только они соберутся в большом числе — в Париже или в Оксфорде, смущают всех мирян побоищами, бесчинствами и прочими пороками...

...Так... в наше время исполнилась мера злобы человеческой, и нужно, чтобы справедливый папа со справедливым государем, меч материальный с мечом духовным, очистили церковь, иначе она будет наказана явлением антихриста, страшным возмущением, раздорами христианских государей, нашествием татар, сарацин и других царей Востока...

12. СИРВЕНТА

1

Мужики что злы и грубы,
На дворянство точат зубы,
Только нищими мне любы!
Любо видеть мне народ
Голодающим, раздетым,
Страждущим, необогретым!
Пусть мне милая солжет,
Ежели солгал я в этом!

2

Нрав свиньи мужик имеет,
Жить пристойно не умеет,
Если же разбогатеет,
То безумствовать начнет.
Чтоб вилланы не жирели,
Чтоб лишения терпели,
Надобно из года в год
Всех держать их в черном теле.

3

Кто своих вилланов холит,
Их ни в чем не обездолит,
И им головы позволит
Задирать — безумен тот.
Ведь виллан, коль укрепится,
Коль в достатке утвердится,
В злости равных не найдет,
Все разрушить он стремится.

4

Если причинят виллану
Вред, увечье или рану,
Я его жалеть не стану, —
Не достоин он забот.
Если кто о нем хлопочет,
Он тому помочь не хочет,
Хоть немножко, в свой черед,
Злобой он себя порочит.

5

Люд нахальный, нерадивый,
Подлый, скаредный и лживый,
Вероломный и кичливый!
Кто грехи его сочтет?
Он Адаму подражает,
Божью волю презирает,
Заповедей не блюдет.
Пусть господь их покарает!

13. ПРОТИВ ПОРОКОВ

Обличить намерен я
Лжи природу волчью,
Часто, медом потчуя,
Нас питают желчью.
Часто сердце медное
Златом прикрывают,
Род ослиный львиную
Шкуру надевает.

С голубиной внешностью
Дух в разладе волчий;
Губы в меде плавают,
Ум же полон желчи.
Не всегда-то сладостно
То, что с медом схоже;
Часто подлость кроется
Под атласной кожей.

Замыслы порочные
Скрыты речью нежной,
Сажа сердца скрашена
Мазью белоснежной.
Поражая голову,
Боль разит все тело;
Корень высох — высохнуть
И ветвям приспело.

Возглавлять вселенную
Призван Рим, но скверны
Полон он, и скверною
Все полно безмерной,

Ибо заразительно
Веянье порока,
И от почвы гнилостной
Быть не может прока.
Рим и всех и каждого
Грабит безобразно;

Пресвятая курия
Это — рынок грязный!
Там права сенаторов
Продают открыто;
Там всего добьешься ты
При мошне набитой.

Есть у римлян правило,
Всем оно известно:
Бедного просителя
Просьба неуместна.
Лишь истцу дающему
В свой черед дается.

Как тобой посеяно,
Так вот и пожнется.

К папе ты направился?
Ну, так знай заране:
Ты ни с чем воротишься,
Если пусты длани;
Кто пред ним с даянием
Появился малым,
Взором удостоен он
Будет очень вялым.

Писарь и привратники
В этом с папой схожи;
Свора кардинальская
Не честнее тоже.
Если мзду обильную
Ты им не предложишь,
То и дела правого
Выиграть не сможешь.

14. ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКИ [1] СЕРЕБРА

Анонимная прозаическая пародия на евангелие, входившая в состав пародических месс; приводимый текст XII в. представляет своеобразный подбор цитат из библии и евангелия (евангелия от Матфея, от Иоанна, от Марка, деяний апостолов и т. п.).

Святого евангелия от Марки Серебра — чтение.

1. Во время оно... рече папа к римлянам:

2. «Когда же приидет сын человеческий к престолу славы нашей, перво-наперво вопросите:

3. Друг, для чего ты пришел?

4. Но если не перестанет стучаться, ничего вам не давая, выбросьте его во тьму внешнюю».

5. И было так, что явился бедный некий клирик в курию отца папы и возгласил, говоря:

6. «Помилуйте меня, привратники папские,

7. ибо рука нищеты коснулась меня;

8. а я же беден и нищ;

9 а посему прошу, да поможете невзгоде моей и нужде моей».

10. Они же, услышав, вознегодовали зело и рекли:

11. «Друг, бедность твоя да будет в погибель с тобою.

---

[1] В подлиннике игра слов: евангелие от Марка (Secundum Marcum — собственно, по Марку) — название одного из четырех евангелий, признаваемых церковью. Евангелие от марок серебра (Secundum marcas argenti — собственно, согласно маркам серебра) — заглавие, основанное на созвучии с евангелием и содержащее насмешку над корыстолюбием прелатов.

12. Отойди от меня, сатана,

13. ибо не пахнешь ты тем, чем пахнут деньги.

14. Аминь, Аминь, глаголю тебе: не войдешь в радость господина твоего, —

15. пока не отдашь последнего кодранта[1].

16. Бедный же пошел и продал плащ и рубаху и все, что имел;

17. и дал кардиналам и остиариям и камерариям[2], но они отвечали:

18. «Что это для такого множества?»

19. И выгнали его вон.

20. Он же, вышед вон, плакал горько, не видя себе утешения.

21. После же пришел к вратам курии некий клирик,

22. утучневший, отолстевший и ожиревший,

23. который во время мятежа сделал убийство.

24. Сей дал, во-первых, остиарию, во-вторых, камерарию, в-третьих, кардиналам.

25. Но они думали, что получат больше.

26. Отец же папа, услышав, что кардиналы и слуги прияли от клирика мзду многую, заболел даже досмерти.

27. Но богатый послал ему снадобие златое и серебряное,

28. и он тотчас же исцелился.

29. Тогда призвал отец папа к себе кардиналов и слуг и вещал к ним:

30. «Смотрите, братие,

31. никто да не обольщает вас пустыми словами,

32. ибо я дал вам пример...

33. дабы так, как я беру, и вы бы брали».

15. О БУРЕНКЕ, ПОПОВСКОЙ КОРОВЕ

Расскажу я вам про виллана.
В день приснодевы, утром рано
Пошел с женою в церковь он.
Пред службой, взойдя на амвон,
Поп проповедь стал говорить:
Дары, мол, нужно приносить,
Чтоб не была молитва лишней;
Воздаст вдвойне тому всевышний,
Чей дар от сердца принесен.
«Слышь сестрица[3], наш поп умен, —
Говорит виллан, — ей же ей!
Даруй по совести своей,
И добро твое бог умножит;
Отлично пригодиться может
Корова наша в дар для бога:
Молока не приносит много;
Отдадим пока ее, а?» —
«Что ж, сударь, — молвила жена, —
Дадим, пожалуй, я согласна».

---

[1] Кодрант — мелкая монета (упоминается в евангелии).

[2] Остиарий — («привратник») и камерарий («ключник») — чины папского двора.

[3] «Сестра», как обращение к жене, обычно у низших сословий и, вероятно, усвоено от духовенства.

И, не тратя слов понапрасну,
Едва домой прийти успев,
Виллан направился в свой хлев;
Из хлева корову выводит,
К попу с коровою приходит.
А поп их был большой хитрец...
Руки сложил виллан: «Отец,
Примите богу в дар коровку».
И передал попу веревку,
Клянясь, что отдал все, что мог.
«Ты мудро поступил, дружок, —
Сказал отец Констан учтивый,
Изрядно жадный до наживы, —
Ступай, похвально твое рвенье;
Будь столько у всех разуменья,
С прихода своего скота
Набрал б я целые стада[1]!»
Виллан в обратный путь идет.
А поп приказанье дает:
Чтоб к дому могла привыкать,
Белянку с Буренкой связать,
Своею собственной коровой
(Та паслась в саду поповом).
Слуга Белянку в сад отводит
И, связав коров, сам уходит.
Осталась пара на лугу.
Буренка шею гнет в дугу,
Есть траву она продолжает;
Белянка пастись не желает;
Веревку тянет во всю мочь
И из сада уходит прочь.
Ведет Буренку по полям,
По пастбищам и деревням,
Пока ее не притащила,
Хотя и нелегко ей было,
К виллану — прямо к самой двери.
Виллан глядит — глазам не верит;
В душе рад-радешенек он.
«Ого, — он молвил, поражен, —
И впрямь, дорогая сестрица,
Господь воздает нам сторицей:
За Белянкой пришла Буренка,
Стало сразу две коровенки;
Чай, тесноват будет хлевушек».
В сей сказке вот каков урок:
Мудрый себя вверяет богу,
Бог пошлет — и получит много;
А глупый — и копит и прячет,
Не разбогатеет без удачи,
Все счастливый случай решает:
Двух коров виллан получает,
А поп и одну потерял.
Подняться думал — ан упал!

16. ИЗ РОМАНА «О ЛИСЕ»

Здесь начинается паломничество Ренара — как он хотел идти в Рим

Стал о грехах Ренар тужить:
Уж он теперь не хочет жить,
Как прежде, хитростью и злом, —
Богопротивным ремеслом
Всем так в округе удружил,
Что по заслугам заслужил,
Неисправимый лиходей,
И от зверей и от людей
Глухую ненависть, вражду,
Себе же больше на беду.
. . . .
Вот видит он: идет мужик;
Ренар тотчас к нему прыг-прыг;
«Почтенный, добрый день и час!
Собачки нет, кажись, при вас?»
«А, Лис! Не бойся, нету пса.
А ты куда так собрался?»
«Куда? Иль не слыхал ты, друг,
Что натворил я тут вокруг? —
Сказал крестьянину Ренар, —
Я, правда, ускользал от кар,
Но нету места здесь нигде,
Где б не замешан был в беде,

[1] Игра слов и в подлиннике.

В проказе я какой-нибудь
Ищу теперь спасенья путь.
Взалкала совесть очищенья,
Хочу добыть себе прощенья!»
«Как? Лису исповедь нужна?»
«Да, велика моя вина.
Мне укажи теперь, молю,
Кто б наложил эпитимью».
Сказал крестьянин: «Эй, не лги!
Ведь Лис и истина — враги.
Меня считаешь дураком?»
«Нет, не повинен ни в каком
Теперь злом умысле; поверь
В мою правдивость ты теперь.
Мне этот не знаком пустырь.
Скажи: тут есть ли монастырь,
Где б исповедаться я мог?»
Сказал мужик: «Путь не далек.
Есть монастырь в глуши лесной,
Я проведу, пойдем со мной».
Вот к монастырским воротам
Пришли, продравшись по
кустам.
Там молоток висел. Тук-тук!
Большой крестьянин поднял
стук.
И скоро, вытащив засов,
Монах выходит к ним, суров.
«Лис, — вскрикнул он, — зачем
сюда
Пришел? Какая в нас нужда?»
Лис молвил: «Долго быв
плутом,
Хочу я в месте здесь святом
Очистить совесть от греха,
Так жизнь моя была плоха».
Тут в ноги он монаху пал.
Поднявши Лиса, тот сказал:
«Коль вправду хочешь
утешенья,
Открой свои мне прегрешенья».
«Все расскажу я, не совру:
Когда я жил еще в миру,
Любил курятинки поесть;
Не пропускал, где ни на есть,
Цыпленка ли, цыплят ли мать,
Лишь только б удалось
поймать.
Был мной обманут Изегрим [1],
Теперь уж он непримирим.
В доверье втерся я к нему,
Но скоро в злую кутерьму
Хитро ввел друга своего:
Монахом сделал я его;
И убедил его со зла
Звонить во всю в колокола;
Коварный удался мой ков:
Священник с сотней мужиков
Приспел, и все давай орать
Да бить, — едва успел удрать.
Потом его же на пруду
Сидеть заставил я на льду,
Чтоб рыбы наловил хвостом,
А утром шел мужик с шестом,
И так, господь меня прости!
Досталось тут его шерсти!
Совет ему был мной же дан
Такой, что он попал в капкан,
И, признаю свою вину,
Страдал неделю он в плену,
И так капкан его зажал,
Что он без лапы убежал,
И много пакостей других
Наделал я во днях своих;
Коварства, хитрости и зла
Вся жизнь исполнена была;
И половины не сказал,
Что я творил, на что дерзал.
И оправданий никаких;
Нет, ряд проделок плутовских
Моих, отец, необозрим...»
«Ренар, мой друг, иди-ка в Рим.
Об Изегримовой там лапе
И о другом расскажешь папе
Для очищенья от грехов.
Не пожалей уж ты трудов...»
В дорогу Лис сбираться стал.
Котомку, посох он достал, —
Совсем по виду пилигрим,
Но прежде чем пуститься в Рим,

[1] Изегрим — волк, знатный феодал, дядя Лиса и его злейший враг. Все перечисляемые Лисом в исповеди проделки являются сюжетами отдельных «ветвей» романа.

Решил он в горестной судьбе
Компанью подобрать себе.
С прямой дороги он свернул,
В лесок и в поле заглянул
И видит вдруг: на берегу
Пасется стадо на лугу.
Был там и господин Белин[1].
«Белин, — сказал он, — средь долин
Не надоело ли бродить,
Чтоб только пищу находить?»
«Да,—молвил тот,—скучненько мне.
Притом хозяин мой вполне
Неблагодарен. Я отец
Всех здесь пасущихся овец.
И что ж в награду можно ждать?
Он обещал меня отдать
За труд на ужин батракам.
Материалом башмакам —
Я кожей послужу потом;
Пойдет, в усердии святом,
В Рим кто-то в этих башмаках».
«В Рим? — молвил Лис. — На тех ногах
Тебе не стоит в Рим ходить.
Себя не лучше ль потрудить
И самому свершить тот путь?
А коли есть какой-нибудь
Смысл в этой смерти, ты бы мог
Вернуться после пасхи в срок.
Тебе, я вижу, будет крест,
Коль не уйдешь от этих мест».
«Да, господин Ренар, увы!
Как вижу я, паломник вы,
Благоволите ж дать совет».
«Паломник я, сомнений нет.
Меня ты знаешь; верь, не верь,—
Я изменился: и теперь
Одним спасеньем дорожу
И только господу служу.
Господь оставить нам велел
Отца и мать, тщету всех дел,
Луга и пастбища с травой.
Что наша жизнь? Обман пустой.
В писаньи сказано, что бог
От грешника приемлет вздох,
Вздох покаянья, благосклонно.
Решил идти я неуклонно
Дорогой этой до конца.
Наш мир не стоит и яйца.
Иду я к папе за советом.
Сопровождать коль хочешь в этом
Меня пути — принять готов.
Покинь родного хлева кров.
Уж кожу, хоть не мал наш труд,
На башмаки-то не сдерут».
«Согласен. Прочь от сих долин!
Иду с тобой», — сказал Белин.

И в путь пошли они вдвоем.
И, чуть пройдя своим путем,
Святая повстречала пара
Архиепископа Бернара[2]
И, подойдя к нему тут вплоть:
«Бернар, спаси тебя господь!»—
Сказал Ренар Осел глядит.
«Спаси вас бог!—им говорит,—
Никак Ренара вижу я?»
«Так, правда-истина твоя».
«Какой же рок заставил злой
Идти паломника стезей
Тебя с Белином совокупно?»
«Тут ошибаешься ты крупно,—
Лис возразил. — Стезей юдольной
Идем мы с другом добровольно,
Решив труды все испытать,
Чтоб милость бога восприять.
Конечно, ты бы не пошел
Молиться, — на подъем тяжел.
Предпочитаешь голосить
Да связки хвороста носить;
А по спине-то целым днем

[1] Белин — баран, худородный дворянин.
[2] Бернар (в других версиях Балдуин) — осел, представитель духовенства.

Бич так и ходит ходуном;
Настанет лето: комары
Да тучи всякой мошкары...
Ей-богу, лучше б с нами в путь.
Уж наполняли б как-нибудь
Тебе травой твое мы брюхо;
Отъешься всласть!» — «Во имя духа!
Я ваш, друзья», — сказал Осел.
«Вот как нас чудный случай свел»,—
Лис молвил. И святым путем
Они отправились втроем.

Они в дремучий лес вступили,
Где лани и олени жили,
Но вид резвящихся зверей
Ничуть не трогал трех друзей.
Им целый день пришлось идти
В лесу, не встретив на пути
Нигде ни одного жилья.
Белин сказал: «Не знаю я,
Где ночевать нам, господа!»
В ответ Бернар промолвил: «Да».
Ренар же возразил: «Друзья,
Какого нам искать жилья?
Ведь сень деревьев во сто крат
Приятней мраморных палат».
«А я,—сказал Баран,—люблю
Поближе ночью быть к жилью.
Того гляди, в глуши лесной
Волков мы встретим в час ночной,
И дело наше будет скверно».
Осел промолвил: «Это верно».
Ответил им Ренар учтиво:
«Вы рассудили справедливо.
И вот что мне пришло на ум:
Поблизости Примальд [1],мой кум
Живет. К нему идем сейчас,
Он приютит, конечно, нас».
Итак, они пошли туда,
Не зная, что их ждет беда
И что, когда б не хитрый Лис,
Из той беды им не спастись.
В ту пору Волк ушел с волчицей
Из дому мясом поживиться.
А дом понравился гостям:
Они нашли в избытке там
И мяса, и яиц, и хлеба, —
Все пилигримам на потребу!
И пива доброго нашли,
И на него приналегли.
Белин, напившись, начал петь,
Протопресвитер стал реветь:
Ренар им вторил фистулой.
И верно этот пир горой
Они бы долго продолжали,
Когда бы им не помешали.
Но вот с добычею большой
Волк возвращается домой;
И с ним Эрсан, его волчица,
И как же им не удивиться,
Заслыша в доме гам и крик?
Остановилися на миг.
И молвит Волк: «Народ у нас?»
Эрсан в ответ: «Взгляну сейчас».
Тихонько к двери подошла
И пилигримов, у стола
Сидящих, разглядела в щелку.
Оборотясь, сказала Волку:
«О Изегрим! [2] Поверишь ли,
Какие гости к нам пришли?
Ренар с Белином и Ослом
Без спросу к нам забрались в дом!»
В дом волки ломятся теперь,
Но на запоре крепком дверь.
«Эй! Отоприте, отоприте!» —
Волк рявкнул. Лис в ответ: «Молчите!»
«Ренар! А я не замолчу.
До вас добраться я хочу.
Мошенник, плут! Я из-за вас
Ноги лишился в прошлый раз.
Бесчинствовать довольно вам!
Я смерти всех троих предам —
Вас и Барана и Осла».

[1] Примальд — волк, брат Изегрима.
[2] Очевидно, рассказчик рассматривает имя Изегрим как родовое.

Белин вскричал: «Беда пришла!
Увы! Теперь нам не спастись!»
«Не бойтесь! — молвил хитрый Лис. —
Берусь выручить я вас,
Исполните лишь мой приказ».
«Исполним,—отвечал Бернар:—
Ведь это ты нас вел, Ренар.
Ведь ты привел нас Волку на дом!»
«Бернар! Ты станешь к двери задом,
Ведь у тебя крепки бока,
И приотворишь дверь слегка,
Чтоб Волку всунуть можно было
Лишь голову; со всею силой,
Немедля, дверь прикрой опять.
Тогда Баран начнет бодать».
Осел у входа задом встал,
Дверь приоткрыл, как Лис сказал,
И только волчья голова
В нее просунулась едва,
На ней захлопнулся капкан,
И тотчас в бой вступил Баран:
Удары лихо наносил,
То отступал, то снова бил,
Ренар его приободрял:
«Смотри, чтоб он не убежал!
Белин, пробей ему башку!»
Не видел на своем веку
Никто, чтоб с лихостью такой,
Как у Белина, велся бой.
И так Белин неистов был,
Что Волку череп размозжил.

Эрсан, стоявшая снаружи,
Завыла о погибшем муже,
От дома бросилась бежать
И стала родичей скликать.
Волков до сотни собрала
И их с собою привела,
Чтобы убийцам отомстить,
Но те удрали во всю прыть.
Погнались волки вслед за ними,
Зубами лязгая своими,
А впереди Эрсан бежит,
Всех громче воет и грозит.
Заслыша грозный вой волков,
Ренар торопит беглецов.
«Быстрее, господа, быстрей!»
Стал уставать протойерей,
Ведь бегать не учился он.
Ренар же, как он ни смышлен,
Что предпринять—не знает сам.
И говорит: «Что делать нам?
Одно лишь нам спасенье есть—
На дерево скорее влезть.
Иначе — наша смерть пришла:
Эрсан на нас ужасно зла
И нам за мужа отомстит».
Белин уныло говорит:
«Не приходилось лазить мне».
Бернар согласен с ним вполне:
«И я не лазил никогда».
Им отвечает Лис: «Нужда
Всему заставит научиться,
Когда несчастье приключится.
Ну, лезьте, господа, живей,
Чтоб жизни не сгубить своей».
Проворно первым влез Ренар;
Не видя выхода, Бернар
С Белином тоже взгромоздились,
И все на ветках разместились.
И вот во весь опор туда
Примчалася волков орда.
А беглецов потерян след,
И их поймать надежды нет.
Премного волки удивились,
Что те как в землю провалились,
Бежать уж больше не могли
И спать под деревом легли.
Белин на землю поглядел,
Волков увидел, оробел,
Кричит: «Мне страшно! Ей же ей,
Хочу к овечкам я скорей!»
«И я,—сказал Бернар,—робею,
Жить на деревьях не умею,
Мне место бы переменить».
Ренар давай его бранить:
«Ты место переменишь так,
Что в худший попадешь просак!»

Сказал Бернар: «Я пересяду».
«И я», — Белин промолвил кряду.
«Как знаете,—Ренар в ответ.—
До вас мне больше дела нет».
Как пересаживаться стали,
Так оба наземь и упали.
Волков Белин двух придавил,
Бернар же четырех убил.
А прочие перепугались
И без оглядки разбежались,
Сюда — один, туда — другой.
При виде суматохи той
«Ату! Ату! — кричит Ренар: —
Держи, Белин! Хватай, Бернар!
Держи, Бернар, протойерей!»
А волки — ну бежать быстрей.
И хоть сули им денег клад,
Они не повернут назад.

На дереве сидевший Лис
К своим друзьям спустился
«Ну, господа, не я ли вас, —
Промолвил он,—от смерти спас?
У вас обоих нет ли ран?»
«Как я устал!—сказал Баран.—
Идти я дальше не решусь,
Назад я лучше возвращусь».
Бернар сказал: «И я назад,
Быть пилигримом я не рад».
Ренар такую речь повел:
«Путь этот труден и тяжел,
И праведником будет тот,
Кто в Рим вовеки не пойдет.
А кто к семи святым ходил,
Стал хуже, чем он раньше был.
И я, как вы, домой вернусь,
За дело честное примусь,
Своей работой стану жить
И беднякам добро творить».
И прокричав: «Идем, идем!»
Пошли обратно все втроем.

17. ДАНТЕ АЛИГИЕРИ

«Божественная комедия»

Песнь тридцать четвертая

[Ад оканчивается четвертым отделением девятого круга, носящим название Джудекка. Это область страшного холода, где мучаются наиболее низкие предатели. Круг этот замыкается колоссальной фигурой мрачного чудовища Люцифера, величайшего из изменников.]

Я был, страшусь сказать, уж там, где льдом
Со всех сторон затерты духи злые,
Сквозя под льдом, как крошки под стеклом.

Лежат одни, стоят торчком другие;
Кто головой, кто пятками поник;
Кто, словно лук, ногами согнут к вые.

Когда мой вождь настолько вдаль проник,
Что пожелал мне указать творенье,
Имевшее прекрасный прежде лик, —

Стать пред собой он дал мне повеленье,
Сказав: «Вот Дис и вот страна, где вновь
Вооружись отвагой на мгновенье».

Как обмер я, во мне как стыла кровь,
Сказать тебе, читатель, я не в силах:
То выразить ничьих не станет слов.

Не умер я, хоть кровь застыла в жилах;
Представь же сам, чем в ужасе я стал,
И жизнь, и смерть утратив в тех могилах.

Владыка царств злой горести восстал
До полугруди над льдяной пещерой;
И был не так я пред гигантом мал,

Как мал гигант пред лапой Люцифера:
Отсель пойми, каков весь рост его,
Коль члены в нем столь страшного размера,

Коль он, восстав на бога своего,
Так гнусен стал, как был сперва прекрасен,
То он отец, конечно, зла всего.

О, как же был мне вид его ужасен,
Когда узрел я три лица в нем.
Передний лик был цветом яркокрасен,

Другие же два сливались с тем лицом
Над верхом плеч и, сросшись у вершины,
Вздымались гребнем над его челом.

Лик бледножелт был с правой половины,
Но тот, что слева, цвет имел людей,
Живущих там, где Нил паде в долины,

Шесть крыл, приличных страшной птице сей,
Под каждым ликом по два выходили;
Таких ветрил не встретишь средь морей.

Бесперые, на крылья походили
Нетопыря; он ими так махал,
Что из-под них три ветра бурей выли

И весь Коцит[1] от стужи замерзал,
Шестью очами плакал он и током
Кровавых слез три груди орошал.

Как мялами, он в каждом рте глубоком
Дробил в зубах по грешнику зараз,
Казня троих в мучении жестоком.

[1] Река в аду.

Но мощь зубов переднему в сто раз
Сноснее лап, которыми он с кожей
Всю спину в кровь сдирал ему подчас.

И вождь: «Вон тот, из всех казнимый строже,
Внутрь головой, ногами вне зубов, —
Искариот Иуда в верхнем ложе

Из двух других висящих вниз голов —
Вот это Брут[1] торчит из черной щели:
Смотри, как он там корчится без слов.

Другой же Кассий[2], столь могучий в теле.
Но сходит ночь, покинем сей предел,
Затем, что мы уж все в нем обозрели».

VI. ЛИТЕРАТУРА И НАУКА ВОЗРОЖДЕНИЯ

18. ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА

а) Из сонетов на жизнь Лауры

Благословляю день, и месяц, и годину,
И час божественный, и чудное мгновенье,
И тот волшебный край, где зрел я, как виденье,
Прекрасные глаза, всех мук моих причину,
Благословляю скорбь и первую кручину,
В какую вверг меня Амур в жестоком мщенье,
И страшный лук его, и стрел его язвленье,
И боль сердечных ран, с которой жизнь покину,
Благословляю все те нежные названья,
Какими призывал ее к себе, все стоны,
Все вздохи, слезы все и страстные желанья,
Благословляю все сонеты и канцоны,
Ей в честь сложенные, и все мои мечтанья,
В каких явился мне прекрасный образ донны.
В какой стране небес, какими образцами
Природа, оживясь, умела нам создать
Прелестный образ тот, которым доказать
Свою хотела власть и в небе и меж нами?
Богиня где в лесах иль нимфа над волнами,
Чьи локоны могли б так золотом блистать?
Чье сердце добротой так может удивлять,
Хотя мой век оно усеяло бедами.
Мечтатель пламенный, еще не встретясь с ней,
Божественных красот всей прелести не знает,
Ни томного огня пленительных очей,

[1] и [2] Убийцы Юлия Цезаря.

Не знает, как любовь крушит и исцеляет, —
Кто звука не слыхал живых ее речей,
Не знает, как она смеется и вздыхает.

б) Из сонетов на смерть Лауры

Когда она вошла в небесные селенья,
Ее со всех сторон собор небесных сил
В благоговении и тихом изумленье,
Из глубины небес слетевшись, окружил.
«Кто это? — шопотом друг друга вопрошали. —
Давно уж из страны порока и печали
Не восходило к нам в сиянье чистоты
Столь строго девственной и светлой красоты».
И, тихо радуясь, она в их сонм вступает,
Но, замедляя шаг, свой взор по временам
С заботой нежною на землю обращает
И ждет — иду ли я за нею по следам...
Я знаю, милая. Я день и ночь на страже.
Я господа молю. Молю и жду — когда же?

в) Из книги «О средствах от превратностей судьбы»

Часть 1. Счастье.

1) *О благородном происхождении.* Кровь всегда одного цвета. Но если она светлее другой, это создает не благородство, а телесное здоровье. Истинно благородный человек не рождается с великой душой, но сам себя делает таковым великолепными своими делами.

2) *О богатстве.* У богатого больше завистливых чувств, чем радости. Большие богатства приобретаются с трудом, хранятся с хлопотами, тратятся с огорчением. Если ты расточителен — израсходуешь их быстро. Если ты скуп — превращаешься в сторожа, и богатство владеет тобою, а не ты богатством.

3) *О даче в рост.* Чем больше скупость, тем больше жестокость. Смерть приближается к тебе так, как к твоему должнику срок уплаты тебе. Ростовщики, как прокаженные, жили обыкновенно отдельно от других людей. Их избегали как людей, больных прилипчивой болезнью. Ибо ростовщик по-настоящему убивает человека.

4) *О смертной славе.* Многие надеются заслужить славу, будучи достойны бесславия, и поступают, как заблудившиеся: думают, что идут вперед, а возвращаются назад. Слава никогда не помогает мертвым. Живым она была много раз гибельна. Что было причиною смерти Туллия[1], если не великая слава о его учености? То же можно сказать о Сократе и Зеноне[2].

[1] Марк Туллий Цицерон — римский оратор и философ.
[2] Зенон — греческий философ.

г) Из канцоны «Итальянским властелинам»

Италия моя! Хотя не исцелит
Мой стих тех ран кровавых,
Что губят тело чудное твое,
Но сердце так болит мое,
Что с берегов По величавых
Мой вопль до Тибра прозвучит.

Небесный царь! во имя той любви,
Что привела тебя в юдоль земную,
Отчизне милость ты яви.

Гляди: мою страну родную,
Мой край, тобой любимый,
Война, раздор неугасимый
Из-за пустых причин
Как жестоко терзает.

Смягчи, отец и господин,
Сердца, что распря так ожесточает,
И их открой, чтоб истина твоя
Влилася в них через меня.

Увы, кому судьба дала
Бразды правленья над страною,
К которой жалости в вас нет,
Зачем, вы дайте мне ответ,
На ваш призыв с войною
Германцев армия пришла?
Не льститесь вы мечтой пустою.

Что варвары поля чужие
Своею кровью обогрят!
Вожди слепые,
Да разве вы в сердцах продажных
Найдете веру и любовь?
Ведь тот, кто больше окружен
Толпой солдат наемных,
Тем больше и врагов
Имеет он.
И вот из той страны ужасной
Потоком хлынули они
На нивы нашей родины прекрасной,
И в том виновны мы одни!
Ведь сами мы призвали их, —
Так кто ж теперь спасет от них!

д) Папскому двору в Авиньоне [1]

Да поразит тебя небесный гром,
Негодный двор! Ты, бедных разоряя
И крохи их в свою казну сбирая [2],
Богаче и сильнее с каждым днем.
Гнездо измен, где все то зло творится,
Что губит ныне божий свет...

. . . .

В былые дни не спал ты на перине,
А наг и бос средь терний жил в кручине [3],
Но твой позор уж видят божьи очи.

---

[1] После борьбы папы Бонифация VIII с французским королем Филиппом IV Красивым папский двор был перенесен во французский город Авиньон, где и оставался в течение семидесяти лет (1309—1378).

[2] В числе многочисленных источников папских доходов были, между прочим, всячески поощрявшиеся папами массовые паломничества в Рим со всех концов католического мира по случаю папских «юбилеев» и других празднеств. Увлекаясь этими паломничествами, в надежде на обещанное папами отпущение грехов, множество не только богатых и состоятельных людей, но и бедноты стекалось в Рим, принося с собой свои последние гроши. Прямо и косвенно значительная часть денег попадала, конечно, в папскую казну, на что здесь и намекает Петрарка.

[3] Намек на первоначальную бедность и скромность жизни первых римских епископов.

e) Папскому двору в Риме [1]

Поток скорбей, обитель злобы дикой,
Храм ереси и школа заблуждений,
Источник слез, когда-то Рим великий,
Теперь лишь Вавилон всех прегрешений,

Горнило всех обманов, мрачная тюрьма,
Где гибнет благо, зло произрастает,
Живым — до смерти ад и тьма,
Ужель тебя господь не покарает?

. . . .

Ну, что ж, ты прав, непогрешим ты у людей,
И Константин [2] не встанет из могилы.

19. БОККАЧЧО

«Декамерон»

Новелла шестая. *Некто уличает метким словом злостное лицемерие монахов*

Когда все одобрили добродетель маркизы и милый урок, данный ею французскому королю, Эмилия, сидевшая рядом с Фьяметтой, по желанию своей королевы, смело начала рассказ. И я также не умолчу, как один почтенный мирянин уязвил скупого монаха словом столь же потешным, как и достойным похвалы.

Жил недавно тому назад, милые девушки, в нашем городе некий минорит, инквизитор нечестивой ереси, который, хотя и старался, как все они делают, казаться святым и рьяным любителем христианской веры, в то же время был не менее хорошим исследователем людей с туго набитым кошельком, чем тех, кто страдал умалением веры. При этой его ревности он случайно попал на одного порядочного человека, гораздо более богатого деньгами, чем умом, у которого не по недостатку веры, а говоря попросту, потому, вероятно, что он был возбужден вином и излишним весельем, сорвалось однажды в своем кругу слово, что у него такое хорошее вино, что от него отведал бы и Христос. Когда о том донесли инквизитору, тот, узнав, что у него были большие поместья и тугой кошелек, с великим спехом начал против него строжайший иск, ожидая от него не умаления неверия в обвиняемом, а наполнения собственных рук флоринами, как то и случилось. Вызвав его, он спросил, правда ли то, что о нем сказывают. Простак отвечал, что правда, и сказал, как было дело. На это святейший инквизитор, особый почитатель св. Иоанна Златоуста, сказал: «Итак, ты сделал Христа пьяницей, любите-

[1] В 1378 г. папский двор снова был перенесен в Рим. См. первое примечание на стр. 306.

[2] Император Константин Великий (306—337).

лем добрых вин, точно он Чипчильоне или кто-нибудь из вашей братии, пьяниц и завсегдатаев таверн? А теперь ты ведешь смиренные речи, желая дать понять, что это дело пустое. Не таково оно, как тебе кажется: ты заслужил за это костер, коли мы захотим поступить с тобой, как обязаны». Так и многие другие речи он вел с ним с угрожающим лицом, как будто тот был сам Эпикур, отрицающий бессмертие души. В короткое время он так настращал его, что простак поручил неким посредникам умастить его руки знатным количеством мази св. Иоанна Златоуста (сильно помогающего против заразного недуга любостяжания клириков и особливо миноритов, которым не дозволено прикасаться к деньгам), дабы он поступил с ним по милосердию. Эту мазь, как вполне действительную, хотя Гален и не говорит о ней ни в одном из своих медицинских сочинений, он пустил в дело так и в таком обилии, что огонь, которым ему пригрозили, милостиво сменился знаком креста, а чтобы флаг был красивее, — точно кающемуся предстояло идти в крестовый поход, — положили ему желтый крест на черном фоне. Кроме того, получив деньги, инквизитор задержал его на несколько дней при себе, положив ему, в виде эпитимии, каждое утро быть у обедни в Санта-Кроче и представляться ему в обеденный час, в остальную часть дня ему предоставлено было делать что угодно. Все это он исполнял прилежно, когда однажды утром услышал за обедней евангелие, из которого пелись следующие слова: «Вам воздастся сторицею, и вы унаследуете жизнь вечную». Точно удержав их в памяти и явившись, согласно приказанию, перед лицом инквизитора в час обеда, он застал его за столом. Инквизитор спросил его, был ли он у обедни этим утром. «Да, мессере»,— поспешно ответил он. На это инквизитор сказал: «Не услышал ли ты при этом чего-нибудь, что вызвало в тебе сомнение и о чем ты желаешь спросить?» — «Поистине, — отвечал простак, — ни в чем, что я слышал, я не сомневаюсь, напротив, все твердо почитаю истинным. Слышал я, правда, кое-что, что возбудило во мне и еще возбуждает сильное сожаление к вам и вашей братии, монахам, когда подумаю я о несчастном положении, в котором обрететесь на том свете». Сказал тогда инквизитор: «Что это за слово, что побудило тебя к такому о нас сожалению?» Простак отвечал: «Мессере, то было слово евангелия, говорящее: «Вам воздастся сторицею». Инквизитор сказал: «Воистину так, но почему же эти слова расстроили тебя?» — «Я объясню вам это, мессере, — отвечал простак. — С той поры, как я стал ходить сюда, я видел, как каждый день подают отсюда множеству бедного люда чан и иногда два большущих чана с похлебкой, которую отнимают у вас и у братии этого монастыря как лишнюю; потому если на том свете за каждый чан вам воздастся сторицею, у вас похлебки будет столько, что вам всем придется в ней захлебнуться». Хотя все другие, бывшие за столом у инквизитора, рассмеялись, инквизитор почувствовал, что укол обращен против их похлебочного лицемерия,

совсем смутился, и, если бы не стыд за вчиненное простаку дело, он вчинил бы ему другое за то, что потешной остротой он уколол его и других тунеядцев. С досады он разрешил ему делать что заблагорассудится и больше к нему не являться.

20. ПОДЖО БРАЧЧОЛИНИ

«Фацеции».

1) *О священнике, который похоронил собачку.* Был в Тоскане деревенский священник, довольно богатый, который, когда у него умерла любимая им собачка, похоронил ее на кладбище. Дошло это до слуха епископа, который, желая присвоить себе деньги священника, приказал вызвать его к себе как виновного в тяжком преступлении. Священник, который знал характер своего епископа, отправился к нему, захватив с собою пятьдесят дукатов. Епископ, когда тот явился к нему, сурово упрекал его в том, что он похоронил собачку на кладбище, и велел отвести его в тюрьму. «Отец мой, — сказал хитрый священник, — если бы знали, каким умом обладала та собачка, вы не удивлялись бы, что она получила погребение с людьми. Ибо и при жизни и в момент смерти она обнаружила ум больший, чем у человека». — «Что это значит?» — спросил епископ. «Она, — отвечал священник, — в последние минуты своей жизни составила завещание и, зная бедность вашу, оставила вам пятьдесят дукатов, которые я и принес с собою». И епископ тогда одобрил как завещание, так и погребение, взял деньги и отпустил священника.

2) *О ростовщике из Винченцы.* Один ростовщик из Винченцы много раз просил некоего монаха, человека, пользовавшегося большим авторитетом и часто выступавшего с проповедями, сказать проповедь против ростовщиков и обрушиться со всей силой на этот порок, который был одним из наиболее укоренившихся в городе. Он повторял эту просьбу с такой настойчивостью, что это уже становилось монаху в тягость. Когда кто-то стал выражать удивление, что он не перестает настаивать на осуждении своей собственной профессии, он объяснил, чего он этим добивался. «Здесь, — сказал ростовщик, — очень много людей, которые дают деньги под проценты. Поэтому ко мне приходят немногие, и я зарабатываю мало. Но если других проповедь убедит оставить занятие ростовщичеством, я буду один зарабатывать все то, что теперь все они зарабатывают вместе». Эту историю, смеясь, рассказал мне тот монах.

3) *Как был посрамлен монах, громко кричавший.* Один монах, который часто проповедовал народу, имел привычку, как глупые люди, сильно кричать, и одна из женщин, бывших в церкви, плакала так громко, что ее рыдания переходили в вой. Монах заметил это несколько раз и, думая, что женщину приводили в такое состояние его слова, любовь к богу и собственная

ее совесть, призвал ее к себе и спросил, почему она плачет и не его ли слова привели в возбуждение дух ее, и увещевал ее беречь свои громкие рыдания и не расточать благочестивые слезы. И женщина ответила, что она плачет и голосит действительно от страдания и горя, что она вдова и ее бедный муж, умирая, оставил ей ослика, благодаря которому она зарабатывала скудные средства к жизни, что ослик этот имел привычку и днем и ночью реветь, совсем как это делал монах во время проповеди, что ослик умер и она осталась без хлеба и что когда она слышит громкие крики монаха, похожие на голос ее ослика, ослик приходит ей на память и она невольно начинает плакать. Так глупый, ревевший более чем проповедовавший монах ушел, сконфуженный своей глупостью.

21. МАКИАВЕЛЛИ

Из «Государя»

Николо Макиавелли (1469—1527) — крупнейший политический писатель и флорентийский политик. Состоял секретарем Совета десяти во Флоренции с 1498 по 1512 г., т. е. в период республики, образовавшейся после изгнания Пьеро Медичи в 1494 г. Исполнение этой должности ставило Макиавелли в центр повседневной политической работы и вооружило его огромным запасом конкретных политических наблюдений и знаний, которые он попытался позднее обобщить в своих политических трактатах. В 1512 г., после падения республики и реставрации Медичи, Макиавелли отставляется от всех должностей. Для него наступает период вынужденного бездействия в области общественной и напряженного литературного творчества. В это время пишутся все крупные произведения Макиавелли «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», «Семь книг о военном искусстве», «Государь». Попытки вернуться к практической деятельности при Медичи кончаются неудачей, и Макиавелли получает эту возможность только в 1525 г., т. е. в последние годы жизни. К последнему периоду творчества Макиавелли относится «История Флоренции».

Макиавелли — одно из немногих имен в истории мировой политической литературы, сохранивших актуальный интерес до нашего времени. Значение его основано на том, что он сделал замечательную попытку вскрыть теоретические основы государственной власти, проследить ее деятельность в республиканской («Рассуждения») и монархической форме ее проявления («Государь») и раскрыть свою концепцию на историческом материале флорентинской истории. Наблюдая флорентинскую действительность, Макиавелли связал свой политический опыт с изучением идеализированных римских образцов и дал апологию буржуазной демократии и патриотизма. Наблюдая современную ему крупную монархию и деятельность бесчисленных итальянских тиранов своего времени, жадных, хитрых и бессовестных, он дал образ «Государя», в котором с откровенностью, непревзойденной в истории политической литературы, вскрыл природу нарождающегося абсолютизма и безжалостно обнажил самые условия его существования; «...начиная с Макиавелли, Гоббса, Спинозы, Бодена и т. д., и т. д. — говорит Маркс, — ...в новейшее время, не говоря уже о более ранних авторах, сила изображалась как основа права; благодаря этому теоретическое рассмотрение политики освободилось от морали...»[1]. Никто из перечисленных выше мыслителей не сделал этого с такой беспощадной ясностью, как Макиавелли, и поэтому имя Макиавелли стало синонимом беспринципного политика, хит-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 303.

ростью, лицемерием, обманом и попиранием всякой морали и честности достигающего своей цели. Как историк, Макиавелли прежде всего остается политиком, т. е. проводит свою концепцию применительно к историческому материалу, создавая исторический комментарий к своим политическим идеям. Знание психологии политических партий и мотивов партийной борьбы позволило ему дать отчетливую общую картину роста и заката Флоренции, картину, применимую не только к флорентинской, но и ко всякой буржуазной демократии.

Каким образом государь должен исполнять свое слово

Всякий легко поймет, как похвально, если государь всегда верен своему слову и действует всегда прямо и без криводушия. Однако же в наше время, на основании опыта, легко убедиться в том, что бывали государи, прославившиеся своими деяниями, но не придававшие никакого значения верности данным ими самими обещаниям, и умели ловко маскировать истинный смысл своих поступков. Случалось даже, что подобные государи выигрывали более, нежели те, которые основывали свои действия на праве и справедливости.

Существуют два способа действий для достижения той или другой цели: путь закона и путь насилия. Первый из этих способов — человеческий, второй — звериный. Но так как первый способ не всегда ведет к цели, то люди прибегают иногда и ко второму. Государи должны уметь пользоваться обоими способами. Эта мысль выражена аллегорически у многих древних писателей. Ахилл и многие другие правители и герои древности воспитывались, по словам этих писателей, у кентавра Хирона, наблюдавшего за их действиями. Мысль этого мифа ясна: учитель, получеловек и полузверь, показывает, что государи должны развивать в себе как человеческую, так и звериную сторону, без чего власть их не может быть прочна.

Государь, действуя грубой силой, подобно зверям, должен соединять в себе качества льва и лисицы. Обладая только качествами льва, он не будет уметь остерегаться и избегать западни, которую ему будут ставить; будучи же только лисицею, он не будет уметь защищаться против врагов. Вот почему, для избежания сетей и для одержания победы над врагами, государи должны быть одновременно и львами и лисицами. Те, которые захотят щеголять исключительно в роли львов, выкажут только этим свою полную несостоятельность.

Следовательно, предусмотрительный государь не должен исполнять своих обещаний и обязательств, если такое исполнение будет для него вредно и если мотивы, вызвавшие его обещание, более не существуют. Конечно, если бы все люди были честны, подобный совет можно бы счесть за безнравственный; но так как люди обыкновенно не отличаются честностью и подданные не особенно заботятся об исполнении своих обещаний государям, то и последним нечего быть особенно щепетильными по отношению к первым. Что же касается государей, то им нетрудно каждое

свое клятвопреступление прикрывать благовидными предлогами. В доказательство этого можно привести бесчисленные примеры из новейшей истории; можно указать на множество мирных договоров и соглашений всякого рода, нарушенных государями или оставшихся мертвою буквою, за их неисполнением. При этом станет очевидно, что в выигрыше оставались те государи, которые лучше умели подражать в своих действиях лисицам. Необходимо, однако же, последний способ действий хорошо скрывать под личиной честности. Государи должны обладать великим искусством лицемерия и лжи, потому что люди обыкновенно до того слепы и близоруки, что человек, умеющий хорошо лгать, всегда найдет достаточно легковерных людей, охотно поддающихся обману.

Государям, следовательно, нет надобности обладать в действительности хорошими качествами, но каждому из них необходимо показывать вид, что он всеми ими обладает.

Личина для государей необходима, так как большинство судит о них по тому, чем они кажутся, и только весьма немногие бывают в состоянии отличить кажущееся от действительного. Но если даже эти немногие и поймут настоящее качество государей, то они не дерзнут высказать свое мнение в противность мнению большинства, да и побоятся посягнуть тем на достоинство представляемой государем верховной власти. Кроме того, так как действия государей не подсудны трибуналам, то подлежат обсуждению одни только результаты действий, а не самые действия. Лишь бы государь сумел сохранить свою жизнь и свою власть — все средства, какие бы он ни употребил для этого, будут считаться честными и похвальными. Толпа обыкновенно увлекается внешностью и успехом, а весь мир представляет толпу и немногих, к мнению которых государи обращаются только тогда, когда сами не умеют выйти из каких-либо затруднительных обстоятельств. В наше время есть один государь, назвать которого я не считаю позволительным; на словах он — само благочестие и первый друг мира, на деле же он давно бы уже потерял свое государство, если бы проводил в жизнь свои убеждения [1].

22. ТОМАС МОР (1478—1535 гг.)

«Остров Утопия» 1516 г.

На острове Утопия насчитывается 54 обширных и прекрасных города. Язык, обычаи, учреждения и законы их одни и те же. Все 54 города выстроены по одному и тому же плану; в них одни и те же общественные здания... Каждый город выбирает трех опытных и способных старцев своими представителями. Последние собираются в Амауроте [2], где и обсуждают дела страны...

[1] Имеется в виду Фердинанд Католик, король Аррагонский (1479—1516).
[2] Главный город Утопии.

Поля каждому городу отведены так, чтобы окружали город не менее чем на 12 миль, иногда больше. Жители не считают себя собственниками земли, а скорее ее арендаторами. Каждая земледельческая семья состоит, по крайней мере, из сорока человек — мужчин и женщин — и из двух рабов и управляется одним отцом и одной матерью семейства, людьми серьезными и рассудительными. Каждая группа в 30 семейств управляется своим филархом. Ежегодно в город возвращается 20 земледельцев, завершивших двухлетний срок своей земледельческой службы. Их замещают 20 новых, срок службы которых и начинается с этого времени. Новые пришельцы учатся у тех, кто уже проработал год, а на следующий год наступает и их очередь руководить другими. Эта ежегодная смена преследует еще и другую цель: благодаря ей граждане не подвергаются слишком долго тяжелой физической работе. Однако случается часто, что некоторым земледельческая работа приходится особенно по сердцу, и таким, само собою разумеется, охотно разрешают проводить вне города по нескольку лет.

О правительстве

Тридцать семейств города ежегодно выбирают одного правителя. На старинном диалекте он называется «сифогрантом», а на новом «филархом». Десять филархов и триста семейств повинуются одному протофиларху. Наконец, сифогранты, которых 200, производят последние выборы. Они дают клятву подавать свои голоса лишь за лучшего и способнейшего гражданина и затем приступают к выбору князя из среды тех четырех граждан, которые предложены народом. Так как город распадается на четыре округа, то каждый из них представляет сенату своего избранника. Звание правителя остается на всю жизнь, притом, однако, условии, чтобы на него не падало подозрение в стремлении к единодержавию. Траниборы избираются ежегодно, однако без особенных поводов их не меняют. Остальные власти меняются ежегодно. Каждые три дня, а в случае надобности и чаще, траниборы вместе с князем собираются на совещание, в котором обсуждают текущие дела и улаживают между частными лицами тяжбы, которых обыкновенно бывает крайне мало.

Об искусствах и ремеслах

Есть одно занятие, которым все утопийцы, мужчины и женщины, занимаются сообща и от которого никто не смеет отказываться, это — земледелие. Но, кроме земледелия, каждому утопийцу назначается еще какое-нибудь специальное ремесло. Утопийцы делят день и ночь на 24 равных часа. Из них шесть часов приходится на долю физического труда. Распределение времени следующее: три часа работы до полудня, затем обед, два часа отдыха, три часа вечерней работы и, наконец, ужин. Каждое

утро перед восходом солнца открываются общественные залы. Только те обязаны туда ходить, кто исключительно посвятил себя наукам; однако каждый имеет право посещать их. Вечером, после ужина, утопийцы проводят час времени в развлечениях: летом — в садах, зимою — в общественных столовых. Они или занимаются там музыкой, или беседуют, так как не знают ни карт, ни других бессмысленных и опасных игр.

Во всем городе и его окрестностях, изо всех мужчин и женщин, обладающих достаточными силами для работы, едва ли найдется 500 человек, освобожденных по закону от работы. К числу таких принадлежат сифогранты, и тем не менее эти начальствующие лица работают наравне с прочими гражданами, чтобы действовать на них своим примером. Это преимущество относится также к тем юношам, которые, по выбору народа и священников, после тайного голосования сифогрантов, предназначаются на служение наукам и искусствам. Коль скоро один избранник не оправдывает возложенных на него надежд, его возвращают в класс рабочих. Когда же, наоборот (это наблюдается гораздо чаще), работнику удается путем занятий в часы досуга приобрести себе основательное образование, он освобождается от физического труда и переводится в класс ученых. Из числа ученых выбирают послов, священников, транибовов и, наконец, князя.

О взаимных отношениях между согражданами

Каждый город должен насчитывать 6 000 семейств, а в семье должно быть только от десяти до двенадцати мужчин зрелого возраста.

Старейший является главою семейства. Женщины повинуются мужьям, дети родителям, а в своей среде — младший старшему. Весь город разделяется на четыре равных квартала. В центре каждого из них помещается рынок для необходимых продуктов. Сюда сносятся изделия всех семейств, которые помещаются сначала в складах, а затем сортируются и сохраняются в соответствующих магазинах. Каждый отец семейства выискивает на площади то, что нужно ему или его клиентам. Он получает все необходимое без всякого денежного или другого какого-либо вознаграждения. Отцу семейства никогда ни в чем не отказывают. Самую грязную и трудную кухонную работу возлагают на рабов. Женщины варят кушанья, приправляют их, накрывают на стол и убирают посуду.

О рабах

Рабами становятся не все военнопленные без исключения, а только те, которых взяли в плен с оружием в руках. Сын раба становится свободным; чужой раб точно так же делается свободным, раз вступивши на почву Утопии. Рабство становится также

уделом граждан, совершивших тяжкое преступление, и иностранцев, приговоренных к смерти. Утопийцы отыскивают их за границей и покупают за ничтожные деньги, а часто получают и совсем даром. Все эти рабы приговариваются к принудительным работам и носят цепи.

23. КАМПАНЕЛЛА

Из «Города Солнца»

а) Польза общего труда

Всякую службу называют они учением, говоря при этом, что одинаково почтенно ногами ходить... а глазами видеть и языку говорить; ведь по необходимости и глаза выделяют слезы, а язык — слюну... Поэтому каждый, на какую бы службу ни был он назначен, исполняет ее как самую почетную. Рабов, развращающих нравы, у них нет: они в полной мере обслуживают себя сами и даже с избытком. Но у нас, увы, не так: в Неаполе семьдесят тысяч душ населения, а трудятся из них всего какие-нибудь десять или пятнадцать тысяч, истощаясь и погибая от непосильной и непрерывной работы изо дня в день. Да и остальные, пребывающие в праздности, пропадают от безделья, скупости, телесных недугов, распутства, ростовщичества и т. д., и множество народа портят и развращают, держа его у себя в кабале, под гнетом нищеты, низкопоклонства и делая соучастниками собственных пороков, чем наносится ущерб общественным повинностям и отправлению полезных обязанностей. Обработкой полей, военной службой, искусствами и ремеслами занимаются кое-как и только немногие и с величайшим отвращением.

б) «Гимн Весеннему Солнцу»

Так как молитва моя еще не услышана, я обращаюсь теперь к тебе, о Феб.

Я вижу тебя сияющим в знаке Овна и оживляющим вновь все существующее.

Ты возвращаешь к жизни всех погибающих, всех умирающих.

Верни же к жизни из милости и меня, любящего тебя превыше всего.

Как можешь ты оставлять в душной, сырой и темной тюрьме того, кто всегда прославлял тебя?

Дай мне покинуть тюрьму в то самое время, когда зеленая трава пробивается из-под земли.

Ты заставляешь подниматься в деревьях сок и превращаешь его в цветы, из которых со временем вырастают плоды...

Ты будишь от долгого сна кротов и хомяков, ты даруешь силу и движение самому ничтожному червячку...

О солнце! Нашлись люди, отрицающие в тебе разум и жизнь и ставящие тебя таким образом ниже насекомых.

О них я писал, что они еретики, что они неблагодарны и мятежны по отношению к тебе, и они похоронили меня живьем, потому что я тебя защищал...

Если я погибну, кто тогда будет защищать тебя? Кто будет называть тебя живым храмом, изображением и высокочтимым ликом истинного бога, высшим благодетельным светом мира, блаженным повелителем звезд, жизнью, душою и чувствованием всех низших существ?

О смилуйся надо мной, божественный и плодотворный источник света, дабы свет твой, наконец, просиял надо мной.

24. КОПЕРНИК

а) Отрывки из книги «Об обращениях небесных кругов»

Принимая во внимание огромную отдаленность небесных тел, трудно себе представить, чтобы они могли описывать такой круг в течение 24 часов. И затем, почему именно бесконечная вселенная должна вращаться вокруг ничтожно-малой земли?

. . . .

Обдумывая долгое время шаткость переданных нам математических догматов о взаимном соответствии движений небесных тел, я в конце концов стал досадовать, что философам, обыкновенно стремящимся к познанию даже самых ничтожных вещей, до сих пор еще не удалось с достаточной точностью объяснить ход мировой машины, созданной лучшим и любящим порядок зодчим. Поэтому я дал себе труд снова перечитать все книги философов, какие только мог достать, чтобы узнать, не было ли в прежние времена каких-либо иных взглядов на движение мировых тел, чем тот, который преподается в наших школах.

. . . .

Если найдутся пустые болтуны, которые, ничего не смысля в математических науках, позволят себе осуждать или опровергать мое предприятие, намеренно искажая какое-либо место священного писания, то я не стану на них обращать внимания, а напротив, буду пренебрегать подобным неразумным суждением. Ибо не безызвестно, что знаменитый Лактанций, не особенно, впрочем, сведущий в математике, довольно ребячески рассуждал о фигуре Земли, насмехаясь над теми, которые считали ее шаровидной. Поэтому люди науки не должны удивляться тому, что мыслящие таким образом станут насмехаться и над нами.

Математические предметы пишутся для одних математиков.

б) Посвящение папе

. . . .

Допустив движение земли, описанное ниже в моем сочинении, я при помощи многочисленных и долгих наблюдений нашел, что если движения, допускаемые относительно других планет, допустить и относительно земли и предполагаемое движение земли положить в основу рассмотрения движения каждой из других планет, то не только можно объяснить явления, касающиеся движения планет, и законы, относящиеся к величине светил, форме и величине их орбит, но и весь небесный свод получит такую стройную связь, что в нем нельзя будет изменить ни одной части, не вызвав полного нарушения этой связи во всех других частях и даже во всей вселенной.

25. ЛЮТЕР О КОПЕРНИКЕ

Рассказывают о новом астрологе, который хочет доказать, будто земля движется и оборачивается вокруг себя, а не небо, солнце и луна, все равно, как если кто-либо сидит в телеге или на корабле и движется и думает, что он остается на месте, а земля и деревья идут и движутся.

Но тут дело вот в чем: если кто хочет быть умным, то должен выдумать что-нибудь свое собственное и считать самым лучшим то, что он выдумал. Этот дурак хочет перевернуть все искусство астрономии. Но, как указывает священное писание, Иисус Навин велел остановиться солнцу, а не земле.

26. ПРИГОВОР КАРДИНАЛОВ НАД ГАЛИЛЕЕМ

Мы [следует перечень 10 инквизиторов]... божьей милостью дьяконы и кардиналы святой римской церкви, от апостольского престола специально наряженные генеральными инквизиторами против всякого еретического зла, могущего появиться во вселенской христианской республике.

Так как на тебя, Галилея, 70 лет от роду, сына покойного флорентинца Винченцо Галилея, был сделан в 1615 г. в его святое судилище донос, что ты считаешь истинным, распространяя многим ложное учение, что солнце — центр мира и неподвижно, земля же движется также суточным движением, что ты имел некоторых учеников, которым преподавал это учение, что ты по поводу этого учения вел переписку с некоторыми германскими математиками[1], что ты выпустил в свет несколько писем под названием «О солнечных пятнах», в которых ты излагаешь это учение в качестве истинного, и так как на возражения, которые тебе делали на основании священного писания, ты отвечал соб-

[1] Имеется в виду Кеплер.

ственным толкованием этого писания, и так как, далее, была представлена копия сочинения в форме письма, на которое указывалось, что оно написано тобой твоему прежнему ученику, и в котором, в соответствии с гипотезой Коперника, содержались различные положения против истинного смысла и авторитета священного писания.

А посему сие святое судилище пожелало противодействовать беспорядку и вреду, из этого проистекающему и к погибели святой веры все более и более распространяющемуся: по приказанию нашего господина и превосходительнейших господ кардиналов этой верховной и всемирной инквизиции оба положения — о неподвижности солнца и движении земли — были квалифицированы богословами-квалификаторами, а именно:

«Положение, что солнце центр мира и не имеет движения, философски абсурдно, ложно и формально еретично, так как оно противоречит слову священного писания».

«Положение, что земля не есть центр мира и не неподвижна, но движется также суточным движением, тоже философски абсурдно и ложно, богословски является, по крайней мере, заблуждением в вере».

...В прошлом 1632 г. появилась книга, напечатанная во Флоренции, заглавие которой доказывает, что ты ее автор. Книга эта называется — «Диалог Галилео Галилея о двух важнейших системах мира — Птоломея и Коперника».

...Посему по нашему повелению ты предстал перед сим св. судилищем и на допросе под присягой признал, что книга сочинена и отдана в печать тобой. Ты также признал, что начал писать вышеназванную книгу десять или двадцать лет назад...

...А посему, рассмотрев и зрело взвесив все стороны твоего дела и приняв во внимание твои признания и оправдания... мы пришли касательно тебя к следующему... окончательному приговору:

...Мы утверждаем, изрекаем и судим и объявляем, что ты, вышеназванный Галилей, вследствие вышеупомянутых и в процессе доказанных и тобой подтвержденных обстоятельств, оказался у этого судилища под сильным подозрением в ереси, а именно, что ты верил и придерживался ложного, противоречащего священному писанию учения о том, что солнце центр орбиты земли, а не движется с востока на запад, и что земля движется и не является центром мира... и что поэтому ты подлежишь всем исправлениям и наказаниям, установленным и объявленным в таких случаях священными канонами и другими общими и частными кодексами [1]. Мы соизволили освободить тебя от этого лишь при условии, что от вышеназванных заблуждений и ересей, а равно от всякого другого, противного католической и апостольской церкви, заблуждения и ереси ты от чистого сердца

[1] То есть передаче светской власти и сожжению.

и с непритворной верой перед нами отречешься, и проклянешь, и возненавидишь согласно формуле, которая тебе будет указана.

Но дабы твои столь тяжелые и вредоносные заблуждения и проступок не остались без всякой мзды и чтоб ты впоследствии был осторожнее и послужил примером и предостережением для других, мы декретируем, чтобы книга «Диалог Галилео Галилея» была запрещена публичным приказом; тебя же присуждаем к формальному тюремному заключению на время, согласно нашему соизволению, и возлагаем на тебя спасительное покаяние в течение трех лет прочитывать один раз в неделю семь покаянных псалмов, оставляя за собой право вышеназванные санкции и покаяния уменьшить, изменить, полностью и отчасти отменить.

Так мы говорим, изрекаем, объявляем за приговор, постановляем, присуждаем и оставляем за собой в этой и всякой другой лучшей форме и формуле, как мы это можем и должны по праву.

Так присудили мы, нижеподписавшиеся кардиналы:

[следуют подписи кардиналов]

27. ОТРЕЧЕНИЕ ГАЛИЛЕЯ

Я, Галилео Галилей, сын покойного Винченцо Галилея из Флоренции, семидесяти лет от роду, лично предстоя перед судом, преклонив колени перед вашими высокопревосходительствами, достопочтенными кардиналами, генеральными инквизиторами против еретического зла во вселенской христианской республике, имея перед очами святое евангелие, которого касаюсь собственными руками, клянусь, что всегда верил и ныне верю и, при помощи божьей, впредь буду верить во все, что считает истинным, проповедует и чему учит святая католическая и апостольская церковь.

Но так как этим святым судилищем мне давно уже было объявлено формальное повеление совершенно дезертировать от ложного мнения, что солнце — центр мира и неподвижно, земля же — не центр мира и движется, его не придерживаться, защищать или преподавать каким бы то ни было образом, ни устно, ни письменно, и сделано указание, что вышеназванное учение противоречит святому писанию, я же сочинил и напечатал книгу, в которой трактую об этом осужденном учении и привожу в его пользу сильные доводы, не приводя заключительного опровержения, вследствие чего признан сим святым судилищем сильно подозрительным в ереси, что придерживаюсь и верю, будто солнце есть центр мира и неподвижно, земля же не есть центр мира и движется.

А посему, желая изгнать из мыслей ваших высокопревосходительств, равно как и из ума всякого католического христианина это сильное подозрение, законно против меня возбужденное, — от чистого сердца и с непритворной верой отрекаюсь, проклинаю,

объявляю ненавистными вышеуказанные заблуждения и вообще всякую и всякие противные вышеназванной святой церковью заблуждения и сектантские мнения.

Клянусь впредь никогда не говорить и не утверждать ни устно, ни письменно о чем бы то ни было, что может создать против меня подобного рода подозрение, когда же узнаю кого-либо, одержимого ересью или подозрительного в ереси, то обязуюсь донести в этом сему св. судилищу или же инквизитору, или ординарию того места, где нахожусь. Кроме того, клянусь и обещаю уважать и строго исполнять все покаяния, которые наложило или наложит на меня сие св. судилище. В случае, если я нарушу, да хранит меня бог, какие-либо из названных мною обещаний, протестов и клятв, пусть подвергнусь всем наказаниям и казням, которые установлены и объявлены св. канонами и другими общими и частными кодексами против провинившихся таким образом. В этом да поможет мне господь и это его святое евангелие, которого касаюсь собственными руками.

Я, вышеуказанный Галилео Галилей, отрекся, покаялся и обязался, как указано выше, и в подтверждение собственноручно подписываю подлинник моего отречения, который я во всеуслышание прочел от слова до слова.

Рим, в монастыре Миневры, 22 июля 1633 г.

Я, Галилео Галилей, отрекся, как выше указано, собственной рукой.

Русь и Запад

Введение

Излагая историю европейского средневековья, учитель постоянно должен иметь в виду историю нашей родины, и на уроках, посвященных истории западноевропейских стран, не прекращать идейно-политического воспитания учащихся в духе советского патриотизма, в духе гордости за героическую историю нашей родины. Настоящий раздел хрестоматии имеет своей целью дать ряд, отнюдь, конечно, не исчерпывающих тему, материалов, которые бы помогли учителю верно оценить место Руси среди других стран Европы, и показать, как часто героическая борьба русского народа с нашествиями кочевников оказывала большое влияние на историю соседних с Русью стран.

Отрывок из «Повести временных лет» *(документ 1)* наглядно показывает, насколько широки были торговые и политические связи Киевского государства. Русские купцы не только прекрасно знали Балтийское море, но им был известен и путь в Средиземное море вокруг всей Европы. Путь «из варяг в греки» был важнейшей торговой коммуникацией средневековой Европы: через Русь западноевропейские страны связывались с Востоком. Русские купцы везли в Европу не только превосходные изделия собственных ремесленников, но и диковинные товары восточных стран. Когда в раннее средневековье Средиземное море находилось полностью в руках арабов, русские купцы, совершая отважные торговые экспедиции, являлись единственно прочным звеном, которое связывало страны Ближнего и Среднего Востока с Западной Европой. Следует подчеркнуть, что эта торговля отнюдь не носила пассивного характера, как об этом писали буржуазные ученые, — Русь была не просто складочным местом, куда привозили и откуда увозили иностранные купцы различные товары, а напротив, сами русские купцы доставляли товары с Востока и сами же привозили их в Европу, в частности, в город Регенсбург на Дунае. По Волге они шли к болгарам, в Каспийское море, завязывали сношения с торговыми городами Закавказья, с Хорезмом и с другими среднеазиатскими государствами. Русские купцы первыми из европейцев проникали в отдаленные страны. Уже в X в. караванными путями, на верблюдах русские купцы доставляли свои товары в Багдад *(документ 2)*. На Черном море русские были полными хозяевами — само море называлось даже Русским морем (документ 1). Показательно, что даже в XII в. западные источники (например, летописец Гельмольд, автор «Славянской хроники») называли Черное море Русским морем и подчеркивали, что оно является кратчайшим путем в Византию. По Двине через Полоцк либо через Ладогу русские купцы достигали Балтийского моря; даже самые западные районы Балтики были очень хорошо известны русским мореходам — они плавали в Данию, Шлезвиг, торговали в богатых городах славянского Поморья — Любече (будущем Любеке), Велеграде (Мекленбурге), Волыни (Воллине) и Щетине (Штеттине). Они посещали остров Готланд, бывали в Норвегии и Швеции, а в 1188 г., в ответ на разбойничье нападение шведов, новгородцы совершили большой морской поход в Швецию и даже взяли столицу Швеции город Сигтуну, откуда и увезли к себе на родину в качестве военного трофея бронзовые двери Сигтунского собора. Вопреки лживым утверждениям националистически настроенных буржуазных ученых, балтийскую торговлю в полном объеме создала не немецкая Ганза, а русские купцы в союзе с поморскими славянскими городами еще

задолго до того, как немцы вышли на побережье Балтийского моря и основали Ганзейский союз. Не Ганза «втянула» Новгород в балтийскую торговлю и «приобщила» его к западной коммерции, а напротив, Ганза воспользовалась теми торговыми связями, которые задолго до ее возникновения были созданы на Балтике совместными усилиями Новгорода и торговых городов славянского Поморья. Общее ослабление русских позиций на Балтике с первой половины XIII в. было связано с монгольским нашествием на Русь.

Особенно тесными были торговые и культурные связи Киевской Руси со славянскими странами. Уже в X в. было обычным явлением, что в Прагу (через Краков) прибывали для торговли русские купцы. Об этом, например, сообщает известный путешественник Ибрагим Ибн-Якуб. Эти связи не ограничивались только торговлей — значительным было культурное влияние Киевской Руси на славянские страны как в области духовной, так и в области производства. Интересно, что уже в XI в. в Чехии был распространен культ русских святых Бориса и Глеба. В области материальной культуры влияние было еще более глубоким: чешские и моравские мастера заимствовали у своих русских собратьев не только внешнюю форму различных изделий, особенно ювелирных, но, что еще более показательно, и передовые технические навыки.

Археологические данные также подтверждают показания письменных источников о торговле Руси с Польшей и показывают широкое распространение русских изделий в Польше: во всех польских городах XI—XII вв. между Вислой и Вартой при раскопках находят русские овручские шиферные пряслица; встречаются киевские трехбусенные височные кольца и серебряные колты с чернью киевско-черниговского типа.

Развитыми и оживленными были сношения русских купцов с городами славянского Поморья. В результате этих сношений города Поморья обогащались и втягивались в широкий торговый оборот с далеким Востоком и Византией. Изделия русской ремесленной промышленности вызывали подражания местных мастеров и несли на запад новые передовые технические приемы. Клады серебряных вещей в землях полабских славян, в Поморье и в Силезии дают много ценных сведений: местные ювелирные изделия носят на себе прямое влияние русского ремесла, нередки и находки настоящих киевских изделий (лунницы с зернью, гривны, трехбусенные височные кольца, два типа полых серебряных бус)[1]. Известно, насколько древними и прочными были связи народов Прибалтики с Русским государством. Появившись в Прибалтике, немцы сначала придерживались осторожной политики. Племена ливов издавна платили дань Полоцку. Русские позиции на Двине были прочны: помимо Полоцка, ниже к морю, находились еще два русских княжества — Кукенойс и Герцике. Восточнославянские племена были тесно связаны с прибалтийскими с первых страниц своей истории. Ливы, лэтты, куры, эсты постоянно фигурируют уже на первых страницах «Повести временных лет». Во времена Владимира и Ярослава Мудрого прибалтийские племена были подданными великих русских князей. В важнейших событиях начальной истории Киевского государства наряду с русским народом принимают участие и прибалтийские племена. Эсты, например, ходили с Олегом (907 г.) завоевывать Константинополь. Полоцк в раннее средневековье был главным центром Прибалтики. Он фигурирует в древнейших скандинавских сагах. Характерно, что эти северные источники много пишут о сильном русском флоте на Балтийском море в раннее средневековье и даже о набегах этого флота на Данию. Полоцкий князь считался верховным сюзереном всех земель от Полоцка до Рижского залива. Когда в 1184 г. первый немецкий миссионер Мейнард прибыл на Двину, то он первым делом обратился за разрешением проповедовать христианство к полоцкому князю. Позже немцы пошли на многие хитрости, чтобы усыпить бдительность русского князя. В 1200 г. при поддержке папы и императора началось планомерное завоевание Прибалтики.

---

[1] О древнерусском ремесле и его влиянии на ремесло соседних с Русью стран см. исследование Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси», изд. Академии наук, 1948, удостоенное Сталинской премии первой степени.

В качестве опорного пункта в 1201 г. в устье Двины был основан город Рига. Чтобы иметь в Прибалтике постоянное и хорошо организованное войско, с согласия папы был в 1202 г. учрежден духовно-рыцарский орден Меченосцев. Это значительно усилило немецкие позиции в Прибалтике. Меченосцы умело использовали рознь между отдельными прибалтийскими племенами.

К 1210 г. немцы дошли до Эстонии. Здесь русские позиции были особенно сильны. Эсты платили дань новгородцам. Теперь, когда меченосцы принялись за завоевание Эстонии, дело дошло до открытых столкновений с русскими. Эсты перед лицом грозной опасности обратились за помощью к Новгороду. Немедленно были посланы в Эстонию передовые отряды, и новгородцы стали готовиться к большой войне с немцами, которая должна была решить судьбу не только Эстонии, но и всей Прибалтики. В Риге забили тревогу. Среди покоренных племен Ливонии начались волнения. Орден опасался, что успехи эстов вызовут всеобщее восстание. Весной 1223 г. эсты, поддержанные отдельными русскими отрядами, победоносно вторглись в Ливонию. Одна область за другой занималась восставшими. Уже собиралось на помощь эстам войско со всей русской земли. Подходил час решительного наступления против немцев и борьбы за их полное изгнание из Прибалтики. Но тут вдруг выпало на долю Руси великое испытание. Как саранча, ворвались из степных просторов дикие татарские полчища. Угроза татарского нашествия нависла над южнорусскими городами. Все взоры обратились к Востоку, откуда двигалась несметная орда монголов. Туда были брошены силы русских князей и городов. 16 июня 1223 г. на берегах небольшой реки Калки татары наголову разбили половцев и русских. Около пятидесяти князей нашли смерть на поле брани и после битвы. Мстислав Удалой, совсем еще недавно готовившийся вместе с новгородцами к великой войне в Ливонии, спасся лишь благодаря быстроте своего коня. Войско его было рассеяно и перебито татарами.

Событие это имело большое значение. Теперь на долгое время все силы русской земли обратились на борьбу против татарского нашествия. Этим не замедлили воспользоваться немцы, положение которых в Ливонии пошатнулось в результате русско-ливонского союза. Даже летописец, рассказывающий о событиях в Ливонии, подметил непосредственную связь между поражением русских на берегах Калки и прекращением их помощи народам Прибалтики в освободительной борьбе против немцев. По его словам, после татарского погрома «король смоленский, король полоцкий и некоторые другие русские короли отправили послов в Ригу просить о мире» *(документ 10)*. Немцы на мир с русскими согласились, но немедленно бросили все свои силы против эстов и покорили их. Позже, воспользовавшись нашествием Батыя, немцы пытались захватить западнорусские земли. Великая победа Александра Невского на льду Чудского озера отбросила псов-рыцарей назад. Всемирно-историческое значение Ледового побоища заключается в том, что даже в годы тяжелой монгольской опасности русский народ сумел разгромить немецких агрессоров и сохранить свою независимость. Об этой замечательной победе красноречиво рассказывают два приведенных документа (11 и 12). Показательно, что даже самые заклятые враги Александра Невского устами магистра Ливонского ордена были вынуждены признать исключительно высокое положение Александра Невского среди прочих европейских государей: «Прошел страны и народы и не видел подобного ему царя среди царей, ни князя среди князей». Интересно, что сведения о младшем брате Александра Невского Андрее Суздальском, о ссоре которого с Батыем рассказывает приведенный документ, появляются через некоторое время в скандинавских источниках. В 1262 г., сражаясь на стороне норвежцев, Андрей Суздальский отличился при осаде Копенгагена. *Документ 13*, рассказывающий о посольстве Александра Невского в Норвегию, интересен в том отношении, что он показывает, насколько широки были международные связи Новгорода того времени. В этом документе следует обратить внимание не столько на любопытные сами по себе детали о сватовстве, сколько на те действительные причины, которые вызвали это посольство. Этот документ очень важен для нас потому, что показывает, насколько далеко на север прости-

рались области, подвластные Новгороду, — весь Кольский полуостров, так же как и Карелия, принадлежал новгородцам. Уже в XIII в. новгородские земли граничили непосредственно с землями, зависимыми от Норвегии. *Документ 14* показывает, что это положение сохранилось и в следующем столетии. Александру Невскому удалось отбить натиск немцев и нанести им сокрушительное поражение, но бороться дальше за освобождение Прибалтики, когда с Востока ударом в спину грозили несметные орды Батыя, он не мог. Прибалтика попала под немецкое господство на долгие столетия.

Как только внутреннее развитие России привело к свержению татарского ига, она сразу же в лице своих наиболее дальновидных политиков снова повернулась к Прибалтике, чтобы отнять у немцев, которым удалось очень выгодно использовать татарское нашествие, свои прежние позиции. Падение Казани в этом смысле было началом конца немецкого господства в Ливонии. Иван Грозный подчеркивал, что Русское государство никогда не признавало немецкого завоевания прибалтийских земель и считало себя находящимся лишь в перемирии с немцами. Свержение татарского ига и, следовательно, уничтожение угрозы с Востока поставил на повестку дня ливонский вопрос. Петр I, разбив шведскую армию, возвратил прибалтийским народам возможность жить и развиваться в одном государстве с великим русским народом, с которым они были связаны теснейшими узами с первых страниц своей древней истории.

В буржуазной науке широко пропагандировалась мысль об определенной «культуртрегерской» роли варягов-норманнов в истории Киевской Руси. Эти теории имели своей целью опорочить ранние периоды истории России и умалить роль и значение русского народа в европейской истории. Для выяснения подлинной роли норманнов в Киевской Руси много материала дают не только русские летописи, но и скандинавские источники. Скандинавы, как это доказывают скандинавские источники, вопреки лживым утверждениям буржуазных ученых, были по сравнению с русскими в эпоху Владимира и Ярослава Мудрого грубыми варварами, которые смотрели на Русь, как на страну сказочного богатства, страну высокой культуры и великого могущества. В Англию норманны (датчане) явились завоевателями, на Руси «варяги» были наемниками, зависящими от милостей русского князя. Культурное и политическое превосходство Руси сказывалось во всем: за великую честь для себя считали европейские монархи породниться с тем или иным русским князем, скандинавские государи посылали своих сыновей получать образование в Новгород и Киев, они искали на Руси помощи и поддержки — не один скандинавский монарх возвращал себе престол, потерянный в результате междоусобиц, опираясь на войско, набранное и снаряженное на Руси по милостивому разрешению князя. Нужны ли были дорогие товары, изделия искусных ремесленников, парадные облачения или великолепная столовая утварь, тотчас же скандинавские монархи посылали своих купцов не во Францию, Германию или Англию, а на Русь, в Новгород. *Документ 3* выразительно рассказывает об одном из таких случаев. Русские товары ценились в скандинавских странах очень высоко. Когда один викинг подарил Гаральду Синезубому большой корабль и много разного добра, то датский король, чтобы лучше отблагодарить своего гостя, приносит ему в дар свое одеяние и «русскую шапку». *Документ 4* требует пояснений: Ингигерда, дочь шведского короля, была просватана за норвежского конунга, но стоило Ярославу Мудрому сделать шведам предложение, как они тотчас же, несмотря на прежние церемонии и возникшие политические осложнения с норвежцами, поспешили отдать ее в жены своему могущественному восточному соседу.

Новые исследования неоспоримо доказывают большое культурное влияние Киевской Руси на скандинавский север. Дело не ограничилось только широким импортом изделий русских мастеров в Скандинавию, — русское ремесло оказывало самое непосредственное влияние на развитие шведского ремесла. Археологически удается проследить, например, влияние русского гончарного дела на шведское. Шведы восприняли у русских типичные славянские формы глиняных сосудов.

Скандинавы называли Русь Гардарикой — «страной городов»: Новгород, Киев и Полоцк были крупнейшими городами, равных которым не знала их родина. Киев уже в начале XI в. поражал иностранцев-путешественников большим числом рынков и огромным количеством церквей *(документ 8)*. Киев по красоте и богатству сравнивали только с Константинополем и подчеркивали, что Киев соперничает со столицей Византийской империи и является «красой и славой» всего православного мира. (В источнике «Греция» — это все страны, исповедующие христианство по греческому обряду *(документ 9)*.

В некоторых областях городского благоустройства русские люди намного опередили своих западноевропейских современников. Мостовые и водопроводы появились в Новгороде раньше, чем в других странах Европы. В Новгороде мостовые существовали уже в XI в., тогда как в Германии они появились в XIV в., а в Англии — в XV в. Древнейший новгородский водопровод относится к XI в., а древнейшие водопроводы средневековой Германии к XV в. Слава русских городов, несмотря на дикие опустошения, произведенные татарским нашествием, не померкла и в последующие столетия. В XVI в. англичанин Ченслер был вынужден признать, что по своим размерам Москва превосходит Лондон с предместьями, а богатства великого князя оставляют позади сокровища английского и французского королей. Неудивительно, что иностранные государи посылали за дорогими товарами именно на Русь, ибо ремесленное производство Киевской Руси находилось на очень высоком уровне. Многие изделия русских мастеров XII—XIII вв. превосходили по своему качеству и красоте продукцию западноевропейских ремесленников, а творческая мысль русских во многих областях опережала развитие техники передовых стран Западной Европы. *Документ 7,* относящийся к XII—XIII вв., при перечислении стран, наиболее передовых по развитию художественного ремесла, ставит Киевскую Русь сразу же за Византией, оставляя позади и Италию, и Францию, и Германию.

Русское ювелирное искусство оказывало прямое влияние на соседние страны. Многие важные технические приемы были изобретены на Руси значительно раньше, чем в Западной Европе. Эмальерное искусство, золотая роспись по меди, техника зерни и скани, изготовление тончайших литейных форм и поливных керамических плиток были поставлены русскими мастерами на высоту, недоступную их западным современникам. Кольчуга на Руси была известна и широко применялась уже в X в., а в Западной Европе с ней познакомились только после крестовых походов. Интересно, что, например, висячие замки, изготовление которых требовало большого искусства, на протяжении всего средневековья в странах Центральной Европы носили название «русских замков».

Уже в X в. русские войска считались наиболее стойкими и превосходили по своим боевым качествам, как указывают восточные источники, не только армян, славившихся своим военным искусством, но и самих византийцев. Многие тактические приемы появились впервые на Руси, задолго до того, как они стали применяться на Западе: так, Киевская Русь на целых три столетия опередила Западную Европу в применении легкой конницы. Легкая конница («стрельцы», т. е .стреляющие из лука, по терминологии наших летописей) была наиболее подвижной частью войска. На Руси легкая конница уже широко использовалась в XI в., а в Германии и Франции она появилась только в XIV столетии.

Борьба русского народа с кочевниками, то и дело вторгавшимися на территорию Восточной Европы, имела важнейшее значение для всей европейской истории. Не только во время татарского нашествия, но и значительно раньше, во время борьбы русских с печенегами и половцами, героическое сопротивление русских полков дикому натиску кочевников-варваров в значительной степени определяло судьбы Европы. Успешно борясь с кочевниками причерноморских степей, русский народ заслонял страны Европы, особенно Балканы и Византию, от их опустошительных набегов. В конце XI в. печенежская угроза нависла непосредственно над Константинополем. В 1090 г. печенеги вновь нанесли византийцам страшное поражение. Визан-

тийской империи грозил полный крах. Тогда император Алексей стал лихорадочно искать союзников: он молил о помощи и в Западной Европе, и на Востоке, у русских князей, и среди половцев. Его письмо (*документ 5*) показывает, в какой панический ужас был ввергнут греческий император перед лицом нового нашествия печенегов. Призывы помочь Византийской империи остались бы безответными со стороны западноевропейских рыцарей, если бы не красноречивые указания императора на величайшие сокровища столицы, которые могут попасть в руки печенегов и турок. Пока западноевропейские рыцари торговались друг с другом и делили между собой шкуру еще не убитого медведя, события, разыгравшиеся на Балканах, решили судьбу Византии и спасли Константинополь от разграбления. Русские первыми откликнулись на мольбы византийского императора и вместе с половцами нанесли печенегам сокрушительное поражение. *Документ 6*, представляющий собой отрывок из «Истории» Анны Комниной, несмотря на резкую тенденцию автора, проявляющуюся в стремлении преувеличить подвиги и заслуги самих византийцев, показывает, какую решающую роль сыграли русские полки в этом сражении. Император Алексей не очень полагался на своих союзников-половцев и, опасаясь измены с их стороны, медлил начинать битву. Тогда войска князя Василька Ростиславича, пришедшие из Карпатской Руси («горные жители») по собственному побуждению, как подчеркивает источник, присоединились к войску императора. Решительность этих «смелых и храбрых мужей» заставила Алексея отбросить все колебания: «после сего, — говорит Анна Комнина, — не думая долее откладывать сражение», он стал готовиться к битве. Начавшаяся битва была кровопролитной и ожесточенной, но мощь русских полков и половцев сыграли решающую роль: 29 апреля 1091 г. печенегам было нанесено сокрушительное поражение. Русские совместно с половцами спасли Византию от печенегов и уберегли от дикого разрушения культурные ценности Константинополя, которые век спустя были варварски разграблены и уничтожены западноевропейским рыцарством.

Позже, когда несметные татарские орды вырвались из азиатских степей на просторы русской равнины, героическая борьба русского народа с монгольским нашествием спасла цивилизацию Европы от уничтожения. Обессиленные борьбой с русскими княжествами, монголы уже не могли организовать походов, достаточно сильных, чтобы завоевать другие европейские страны. Годы мира в Европе были куплены ценою русской крови: там строились новые города, возводились величественные храмы, совершенствовались культурные достижения — и все это в значительной степени благодаря тому, что Русская земля долгие годы, истекая кровью, боролась одна с диким нашествием монголов. Эту мысль следует постоянно проводить на уроках по истории средних веков и тем самым содействовать воспитанию учащихся в духе советского патриотизма.

* * *

Перевод документов 1—2 взят из «Хрестоматии по истории СССР» (Москва 1937). Документы 3—4, 8—9 переведены заново. Документ 5 взят у В. Г. Васильевского —«Труды», том II; документ 6 дан по изданию Анны Комниной 1859 г. Документ 7 взят из книги М. Н. Тихомирова — «Древнерусские города» (1946 г.). Документ 10 дан в переводе С. А. Аннинского («Хроника Ливонии», изд. АН СССР, 1938). Документы 11—12 взяты из «Хрестоматии по русской военной истории», 1947. Документ 13 взят из статьи И. Шаскольского «Посольство Александра Невского в Норвегию», («Вопросы Истории», 1945 г., № 1), а документ 14 — из статьи того же автора — «Договоры Новгорода с Норвегией», («Исторические Записки», 1945 г., № 14). Введение к разделу написано С. Д. Сказкиным.

1. ИЗ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Поляне жили отдельно по горам этим. Был путь «из варяг в греки» и от греков по Днепру, а вверху Днепра волок до Ловати; из Ловати войти в озеро большое Ильмень; из этого озера течет Волхов и впадает в большое озеро Ладожское. Устье этого озера входит в море Варяжское; по этому морю идти до Рима; а от Рима по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда прийти в Черное море, куда течет река Днепр. Днепр вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина вытекает из того же леса и течет на север в море Варяжское; из того же леса вытекает Волга на восток и впадает семьюдесятью рукавами в море Каспийское.

Поэтому по ней [Волге] из Руси можно идти к болгарам и хвалиссам, на востоке дойти до племени Симова, а по Двине к варягам, от варягов — до Рима, а от Рима — до племени Хамова. Днепр втекает в Черное море рукавом, это море зовется Русским.

2. ИЗ «КНИГИ ПУТЕЙ И ГОСУДАРСТВ»

Ибн-Хордадбе

Что же касается купцов русских, — они же суть племя из славян, — то они вывозят меха выдры, меха черных лисиц и мечи из дальнейших концов Славонии к Румскому морю, и царь Рума берет с них десятину. А если желают, то ходят на кораблях по реке Славонии, проходят по заливу хазарской столицы, где владетель ее берет с них десятину. Затем они ходят к морю Джурджана и выходят на любой им берег; диаметр же этого моря 500 фарсангов.

Иногда же они привозят свои товары на верблюдах в Багдад.

3. ИЗ ГЕЙМСКРИНГЛЫ

Геймскрингла — важнейший исторический источник по истории скандинавских стран. Своеобразная хроника событий с древнейших времен до начала XIII в. в значительной степени была основана на сагах. Геймскрингла была составлена в XIII в. Ее автор — Снорре Стурлесон — относится критически к используемым им источникам, проверяя сообщаемые известия, сопоставляя различные материалы.

Был один муж по имени Гудлейк Русский, родом из Агды, мореход и большой купец. Был он очень состоятелен и ездил в торговые поездки во все страны. Он часто ездил на Русь, и потому его называли Гудлейк Русский. И в эту весну снарядил Гудлейк корабль, намереваясь летом отправиться на Русь. Конунг Олаф послал за ним, чтобы он пришел к нему. Когда же Гудлейк предстал перед конунгом, то тот объявил ему, что хочет вступить с ним в деловую дружбу, и попросил купить ему, конунгу, драгоценных товаров, которые трудно достать здесь в

стране. Гудлейк отвечал, что все свершится сообразно желаниям конунга. Тогда конунг велел отпустить Гудлейку сумму, которую он считает достаточной, и Гудлейк летом отправился в поездку на восток. Они провели некоторое время у Готланда, и здесь, как это часто случается, не все из его людей были достаточно сдержанными в своих речах. Так, до жителей острова донесся слух, что на борту корабля находится доверенное лицо Олафа Толстого. Летом Гудлейк поплыл по водному пути на восток, пока ни прибыл в Новгород. Здесь он накупил наподбор самых лучших одеяний, которые предназначил конунгу в качестве парадных облачений, кроме того, меха величайшей ценности и великолепную столовую утварь. Осенью, когда Гудлейк возвращался обратно с востока, он попал в полосу противных ветров и принужден был продолжительное время оставаться у Оланда.

Торгаут Заячья Губа, узнавши осенью о поездке Гудлейка, внезапно явился на длинном корабле и вступил с ним в сражение. Гудлейк со своими людьми долго оборонялся, но так как силы были слишком неравными, пал Гудлейк и некоторые из людей его корабля, и многие были ранены.

Так захватил Торгаут все его добро, а вместе с ним сокровища, которые предназначались для конунга Олафа. Торгаут разделил всю добычу поровну со своими людьми. «Но, — сказал он, — сокровища конунга Олафа следует иметь конунгу шведов, ибо, — добавил он, — они всего лишь часть его богатства, которое следует конунгу шведов вытребовать из Норвегии». После этого Торгаут поплыл в Швецию.

Вести о случившемся распространились быстро. Спустя короткое время Эйвинд Рог Зубра прибыл в Оланд и, услышав об этом, тотчас же поплыл на восток вслед за Торгаутом и его отрядом. В шведском Скаргарде они столкнулись и вступили в борьбу. И пал Торгаут с большой частью своих людей, а оставшиеся попрыгали с кораблей в море. Так Эйвинд взял добычей все добро, отнятое у Гудлейка, а среди прочего и сокровища конунга Олафа. Конунг очень благодарил его за эту поездку и еще больше уверял его в своей дружбе. В это время Олаф был уже три года королем Норвегии.

4. ИЗ ГЕЙМСКРИНГЛЫ

Следующей весной пришли в Швецию послы от князя Ярослава из Новгорода на востоке, которые должны были позаботиться об исполнении обещания, данного конунгом Олафом прошлым летом, а именно взять его дочь Ингигерду в жены князю Ярославу. Конунг Олаф рассказал об этом деле Ингигерде и пояснил, что это его желание — отдать ее замуж за князя Ярослава. Она отвечала: «Если я должна стать женой Ярослава князя, то я хочу, чтобы Старая Ладога и владения, к ней принадлежащие, были бы отданы мне в качестве вена». Послы с Руси именем

князя согласились с этим. Тогда Ингигерда сказала: «Так как я еду на Русь, то я хочу выбрать себе для сопровождения туда человека из Шведской страны, которого я считаю для этого наиболее подходящим. Но я хочу, чтобы он там, на востоке, не занимал бы более низкого положения, чем здесь, и чтобы он там пользовался не меньшими правами и не меньшим почетом, чем в Швеции». За это также поручились конунг и послы. Конунг и послы утвердили это торжественным рукобитием. Тогда конунг спросил Ингигерду, кто же тот человек, которого она думает избрать в его царстве для своего сопровождения. Она отвечала: «Это Рогнвальд, сын Ульфа, ярл, мой родственник». Конунг вспылил: «Иначе думаю я наградить ярла Рогнвальда за то, что он обманул своего господина, доставив мою дочь в Норвегию и выдав ее как наложницу «толстяку» [т. е. норвежскому королю Олафу Толстому], хотя и знал, что этот является нашим злейшим врагом. За это должен он в это лето качаться на виселице!» Тогда Ингигерда стала просить отца сдержать слово, которое он скрепил торжественным рукобитием. Через ее просьбы пришли к тому, что конунг согласился, чтобы ярл Рогнвальд в мире покинул Швецию, но больше бы никогда не попадался ему на глаза и никогда бы не возвращался в Швецию, пока он, Олаф, будет оставаться королем. Тогда Ингигерда послала гонцов к ярлу, чтобы ему сообщить об этом, и назначила время и место, где они должны были встретиться. Ярл тотчас же быстро собрался в поездку и поскакал в Восточную Готландию, где взял себе корабль и вместе со своими спутниками приготовился к встрече с дочерью конунга Ингигердой. Летом все они вместе поехали на Русь, и Ингигерда сочеталась браком с князем Ярославом

5. ИЗ ПИСЬМА ВИЗАНТИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСЕЯ КОМНИНА

Святейшая империя христиан греческих сильно утесняется печенегами и турками: они грабят ее ежедневно и отнимают ее области. Убийства и поругания христиан, ужасы, которые при этом совершаются, неисчислимы и так страшны для слуха, что способны возмутить самый воздух...

Почти вся земля от Иерусалима до Греции и вся Греция с верхними [азиатскими] областями, главные острова, как Хиос и Митилина, и другие острова и страны, не исключая Фракии, подверглись их нашествию. Остается один Константинополь, но они угрожают в самом скором времени и его отнять у нас, если не подоспеет быстрая помощь верных христиан латинских. Пропонтида уже покрыта двумястами кораблей, которые принуждены были выстроить для своих угнетателей [малоазийские] греки: таким образом Константинополь подвергается опасности не только с суши, но и с моря. Я сам, облеченный саном императора, не вижу никакого исхода, не нахожу никакого спасения: я при-

нужден бегать пред лицом турок и печенегов, оставаясь в одном городе, пока их приближение не заставит меня искать убежища в другом.

Итак, именем бога и всех христианских провозвестников, умоляем вас, воины Христа, кто бы вы ни были, спешите на помощь мне и греческим христианам. Мы отдаемся в ваши руки; мы предпочитаем быть под властью ваших латинян, чем под игом язычников. Пусть Константинополь достанется лучше вам, чем туркам и печенегам. Для вас должна быть так же дорога та святыня, которая украшает город Константина, как она дорога для нас.

Если, сверх ожидания, вас не одушевляет мысль об этих христианских сокровищах, то я напоминаю вам о бесчисленных богатствах и драгоценностях, которые накоплены в столице нашей. Сокровища одних церквей константинопольских, в серебре, золоте, жемчуге и драгоценных камнях, в шелковых тканях, могут быть достаточны для украшения всех церквей мира. Но богатства Софийского храма могут превзойти все эти сокровища вместе взятые и равняются разве только богатству храма Соломонова. Нечего говорить о той неисчислимой казне, которая скрывается в кладовых прежних императоров и знатных вельмож греческих.

Итак, спешите со всем вашим народом, напрягите все усилия, чтобы такие сокровища не достались в руки турок и печенегов. Ибо кроме того бесконечного числа, которое находится в пределах империи, ожидается ежедневно прибытие новой шестидесятитысячной толпы. Мы не можем положиться и на те войска, которые у нас остаются, так как и они могут быть соблазнены надеждой общего расхищения. Итак, действуйте, пока имеете время, дабы христианское царство и, что еще важнее, — гроб господень не были для вас потеряны, дабы вы могли получить не осуждение, но вечную награду на небеси.

6. ИЗ «ИСТОРИИ» АННЫ КОМНИНОЙ

Книга VIII, глава V. ...Половцы, получая от печенегов двусмысленные обещания, не очень-то к ним присоединялись; впрочем [однажды] вечером объявили царю следующее: «долго ли нам еще откладывать сражение! Знай, что долее ждать мы не будем; но с восходом солнца будем есть мясо или волка, или ягненка». Услышав это и поняв резкость высказанной половцами мысли, царь уже не хотел откладывать сражения, но, решившись в тот же день известить всех о войне, дал половцам обещание сразиться со скифами[1] в следующее утро и, тотчас призвав к себе военачальников и прочих, приказал им объявить через герольдов по всему лагерю, что завтра имеет быть сражение. Несмотря однакож на это распоряжение, он все-таки боялся несметного множества печенегов и половцев, подозревая тех и других во

[1] То-есть печенегами.

взаимном союзе. Между тем как царь размышлял об этом, к нему пришли, по собственному побуждению, горные жители, мужи смелые и храбрые[1], и присоединились к его войску, в числе пяти тысяч человек. После сего, не думая долее откладывать сражение, он стал призывать к себе в помощники бога...

...Укрепив войско будто башнями и оградив его будто стенами, самодержец приказал снова трубить. Римляне, страшась бесчисленного множества скифов и несметного числа крытых повозок, служивших им как бы стенами, единогласно призывали милость господа всех и, видя пред собою самодержца, опустили поводья и понеслись на скифов...

Когда скифские ряды были разорваны и оба войска смешались друг с другом, тогда можно было видеть такие ужасы кровопролития, каких никто никогда не видывал. Во время ужасного истребления скифов, как бы уже оставленных божественною силою, римляне, поражая их, утомлялись от сильного и частого движения мечей и, падая в обморок, замедляли стремление...

И вот открылось необыкновенное зрелище: целый народ, состоящий не из десяти тысяч человек, а превышающий всякое число, погиб совершенно с женами и детьми, — погиб в один день. Это случилось 29 числа месяца апреля, в третий день недели. Отсюда и произошла византийская песня: «Скифы одного дня не дожили до мая». Когда же солнце склонилось уже к западу и все они сделались жертвою меча — и дети, говорю, и матери, а многие из них взяты были в плен, самодержец приказал трубить отбой и возвратился в свой лагерь. Человеку размышляющему покажется удивительным, как это византийцы, выступая некогда против скифов, закупили множество веревок и ремней, чтобы вести на них связанными пленных неприятелей, и между тем тогда вышло противное, — они сами сделались скифскими пленниками и узниками. Это было по случаю сражения с скифами при Дристре. В то время сам бог сокрушил гордость римлян. Впоследствии же, т. е. в описываемом теперь случае, видя, что они поражены страхом, потеряли всякую надежду на спасение и находят себя не в силах противостоять такому множеству, он чудесным образом даровал им победу; так что они и вяжут и убивают скифов и ведут их в плен: да и этого мало (ибо это-то нередко случается и в небольших сражениях), но в один только день истребляют весь многочисленный народ...

7. ИЗ «ТРАКТАТА О РАЗЛИЧНЫХ ХУДОЖЕСТВАХ» ТЕОФИЛА

Если ты внимательно его [т. е. трактат] изучишь, ты найдешь там все, что имеет Греция в разных видах и смешениях цветов; все, что изобрела Русь в искусстве эмали и разнообразии черни;

[1] Речь идет о войсках князя Василька Ростиславича, пришедших из Карпатской Руси.

все, что Аравия употребляет в работах при ковке, сплаве или чеканке; все, что украшает славную Италию в применении золота и серебра для различных ваз или для резьбы на драгоценных камнях и кости; все, что Франция находит в искусном разнообразии цветных стекол: всю тонкость изделий из золота, серебра, меди, железа, дерева и камня, которыми славится изобретательная Германия.

8. ИЗ «ХРОНИКИ» ТИТМАРА МЕРЗЕБУРГСКОГО

VIII, 16. В большом городе Китаве [т. е. Киеве], столице того государства, находится более нежели четыреста церквей и восемь рынков...

9. ИЗ «ДЕЯНИЙ СВЯЩЕННИКОВ ГАМБУРГСКОЙ ЦЕРКВИ» АДАМА БРЕМЕНСКОГО

II, 19. ...Пустившись на парусах из Волыни, на четырнадцатый день прибудешь в Новгород, который лежит в России, где столица Киев, соперница константинопольского скипетра, краса и слава Греции.

10. ИЗ «ХРОНИКИ» ГЕНРИХА ЛАТВИЙЦА

В тот год в земле вальвов[1] язычников были татары... Вальвов некоторые называют партами. Они не едят хлеба, а питаются сырым мясом своего скота. И бились с ними татары, и победили их, и истребляли всех мечом, а иные бежали к русским, прося помощи. И прошел по всей Руссии призыв биться с татарами, и выступили короли со всей Руссии против татар, но нехватило у них сил для битвы, и бежали они перед врагами. И пал великий король Мстислав из Киева с сорока тысячами воинов, что были при нем.

Другой же король, Мстислав галицкий, спасся бегством. Из остальных королей пало в этой битве около пятидесяти. И гнались за ними татары шесть дней и перебили у них более ста тысяч человек (а точное число их знает один бог), прочие же бежали.

Тогда король смоленский, король полоцкий и некоторые другие русские короли отправили послов в Ригу просить о мире.

И возобновлен был мир, во всем такой же, какой заключен был уже ранее.

11. СКАЗАНИЕ О ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Месяца ноября в день 23 умер великий князь Александр Ярославич в лето 6771 (1263). Расскажем о его жизни и подвигах.

Дурной, грешный и недостойный, начинаю я писать о жизни

[1] То-есть половцев.

великого князя Александра Ярославича, внука Всеволода, потому, что я слышал о нем от старших и был свидетелем его жизни. Князь Александр Ярославич рожден от отца благочестивого и нищелюбивого и кроткого, великого князя Ярослава и от благочестивой матери Феодосии. Воистину не без божьего повеления было княжение его, ибо княжение Александра Ярославича богом благословенно. Ростом он был выше других людей, голос его звучал, как труба в народе, а лицо у него было, как у Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царем в Египте. Сила же у него была частью силы Самсона, мудрость у него была, как у Соломона. Дал бог ему храбрость царя римского Веспасиана, сына царя Нерона, который завоевал Иудейскую землю.

И вот некто от западных стран, от тех, кто называются слугами божиими, пришел, желая видеть дивный облик его; как в древности царица южская приходила к царю Соломону узнать премудрость его, так и этот по имени Андреас[1], видел князя Александра Ярославича и, возвратившись к своим, сказал: «Прошел страны и народы — и не видел подобного ему царя среди царей, ни князя среди князей».

Слышав о такой храбрости князя Александра Ярославича, король области Римской из северной страны сказал: «Пойду, завоюю землю Александрову». И собрал силу великую и наполнил многие корабли своими полками[2]. И пошел с великой силой, пылая духом ратным. И перейдя реку Неву с безумным стремлением, послал своих послов с гордостью ко князю Александру Ярославичу в Новгород Великий. И сказал: «Если можешь мне сопротивляться, то я уже здесь, завоюю твою землю».

Князь же Александр Ярославич, услышав такие слова, разгорелся сердцем, вошел в церковь святой Софии и опустился на колени перед алтарем. И кончив молитву, встал и поклонился архиепископу. Архиепископ же Спиридон благословил его и отпустил. Александр Ярославич вышел из церкви, утирая слезы, и начал ободрять свою дружину. И сказал: «Не в силе бог, но в правде». И пошел на врагов с небольшой дружиной, не дождавшись крупных сил, надеясь на святую Троицу. Жалостно слышать, что отец его Ярослав, славный и грозный, не знал о таком нападении на своего милого сына и великого князя Александра Ярославича. И Александр не мог послать весть своему отцу в город Киев, потому что уже приблизились неприятели, а многие новгородцы с ним не собрались, ибо великий князь поспешил идти в поход. И пришел Александр [на врагов] в воскресный день. И постарался на них напасть в 11 часов дня. И была великая сеча на римлян. И бесчисленное множество их было убито, а самому королю нанес Александр рану в лицо острым своим копьем. В то время в полку Александра оказалось шесть храбрых и силь-

[1] Один из магистров Ливонского ордена.
[2] Речь идет о шведах.

ных людей, и они смело сражались. Один из них, Гаврила Алексич, наехал на корабль и, увидев королевича, уводимого под руки, въехал по сходням до самого корабля, и побежали перед ним [шведы]; и вновь повернувшись, они столкнули его со сходен вместе с конем в море, но божьей благодатью Гаврила был невредим и снова бился с самим воеводой мужественно посреди полка. Другой же новгородец, по имени Збыслав Якунович, много раз наезжал на врагов, сражаясь одним топорком, не имея страха в своем сердце, и много погибло от топорка его, и подивился князь Александр Ярославич силе и храбрости его. Третий же Яков, родом из Полоцка, был ловчим у князя. Этот наехал на врагов с мечом и сражался мужественно, и похвалил его князь. Четвертый новгородец, по имени Миша, пеший, вместе со своей дружиной уничтожил три корабля римлян. Пятый из незнатных людей, по имени Сава, наехал на великий златоверхий шатер короля и подсек шатерный столб. Полки же великого князя Александра Ярославича, увидев падение шатра, возрадовались о его падении. Шестой из княжеских слуг, по имени Ратмир, был пешим. Многие враги его окружили, от многих ран пал и скончался. Все это слышал я от господина своего князя Александра Ярославича и от других, которые участвовали в той битве.

Во второе же лето по возвращении князя Александра Ярославича и после победы пришли [враги] из западной страны и построили город в отцовской земле Александра. Великий князь Александр вскоре пошел на них, разрушил город до основания, врагов перебил, а других с собой привел или помиловал и отпустил, потому что был чрезмерно милостлив. На третий же год после победы Александра над королем в зимнюю пору пошел он на землю немецкую с большим войском, чтобы не похвалялись немцы, говоря «унизим славянский язык». А уж было так, что город Псков взят и наместники немецкие в нем посажены. Князь же великий Александр Ярославич взял немецких наместников в плен и город Псков освободил из плена, и землю немцев повоевал и пожег, пленных взял без числа, а других перебил. И соединились немцы и сказали: «Победим князя Александра Ярославича и возьмем его в плен». Когда приблизились враги, это заметила стража великого князя Александра Ярославича. Князь Александр, приготовившись к бою, пошел против неприятелей, и воины сошли на Чудское озеро. Было воинов с той и другой стороны множество. Отец его Ярослав послал Александру на помощь младшего брата Андрея со многой дружиной. И было у князя Александра множество храбрых воинов; как в древности у царя Давида были мужественные и сильные, так и воины Александра наполнились духом ратным. Были сердца у них, как у львов, и сказали они: «О, князь наш, почитаемый и дорогой, теперь пришло нам время положить за тебя головы».

Был тогда день субботний, на рассвете солнца сошлись оба войска, и была страшная сеча, треск ломающихся копий, звук

ударов мечей, как будто лед стал ломаться, и не видно было льда, покрылся он кровью. Об этом слышал я от очевидца, сказавшего, что он видел в воздухе божие воинство, пришедшее на помощь Александру Ярославичу. И победил он врагов помощью божией, и враги обратились в бегство, а наши убивали их, преследуя точно по воздуху, и не было врагам куда убежать. И возвратился князь Александр Ярославич с битвы со славою великою. Было множество пленных; в полку его подле коней вели рыцарей. Когда Александр Ярославич пришел к городу Пскову, его встретили перед городом крестным ходом игумены и попы в ризах и много народа, воздавая хвалу богу, воспевая песнь и славу государю великому князю Александру Ярославичу: «Помог господь кроткому Давиду победить иноплеменников, а верному князю нашему Александру крестным оружием, рукою Александровою, освободить город Псков от иноземцев».

И стало славно имя великого князя Александра Ярославича по всем странам от Черного моря и до гор Аравийских, по другой стороне Варяжского моря, вплоть до Рима. В это время усилился литовский народ и начал разорять в земле Александрове. А он стал, нападая, побеждать врагов. Однажды случилось ему выехать, и он перебил 60 вражеских полков, множество князей и воевод их перебил, а других в плен взял живых же. И начали бояться имени его.

В то время возвысился некий царь [1], сильный в восточной стране, и бог подчинил ему многие народы от востока до запада. Слышав об Александре Ярославиче, как о храбром и славном, он послал к нему послов со словами: «Бог покорил мне многие народы, ты ли один не хочешь покориться моей силе: но если хочешь сохранить свою землю, то поскорее приди ко мне и увидишь славу царства моего». Князь же Александр Ярославич по смерти отца своего пришел в Володимир с большим войском, и был грозен его приезд. Прошла весть до устья Волги, и начали татарские жены пугать своих детей словами: «Едет князь Александр Ярославич». Великий князь Александр Ярославич задумал идти к царю, и благословил его епископ Кирилл. Царь Батый видел Александра и удивился и сказал вельможам своим: «Воистину мне сказали, что нет подобного ему князя в его отечестве». И отпустил Александра с великой честью. Потом царь Батый разгневался на его младшего брата Андрея и послал против него воеводу Неврюя и разорил Суздальскую землю. По пленении же Неврюева великий князь Александр Ярославич церковь воздвигнул и город восстановил и разбежавшихся людей собрал обратно.

Некогда же пришли послы от папы из великого Рима, говоря князю Александру Ярославичу, что папа сказал: «Мы слышали о тебе, как о почитаемом и удивительном князе, а земля твоя славна и велика. Поэтому послал к тебе от двенадцати мудрей-

[1] То-есть Батый.

ших из людей Гемонта, чтобы ты послушал их учение». Великий же князь, обдумав с мудрецами своими, сказал: «От вас учения не принимаем». Они же возвратились во-свояси. Дни жизни князя Александра Ярославича умножились, любил он священников и монахов, митрополита же и епископов почитал, как самого творца. В те годы была великая тягость от татар. И великий князь Александр Ярославич пошел к царю, чтобы отмолить людей от беды, а своего младшего брата Ярослава и сына своего Димитрия послал с новгородцами на западные страны и отпустил с ними все свои полки. Ярослав пошел с племянником своим с большим войском и взял город Юрьев Немецкий, и возвратились они во-свояси с многими пленными и великою честью. А великий князь Александр Ярославич пошел от иноплеменников к Нижнему Новгороду и немного дней оставался здоровым, дошел до Новгорода и разболелся.

Итак, предав дух свой господу с миром, скончался месяца ноября в день на память святого апостола Филиппа. Митрополит Кирилл говорит людям: «Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской». Игумены и попы, и дьяконы и монахи, богатые и нищие и все люди кричали: «Уже погибаем». Святое тело его понесли к Владимиру, митрополит вместе с церковным чином, князья и бояре и весь народ, малые и большие, встретили его в Боголюбове со свечами и кадилами. Множество народа теснилось, желая приступить к телу на одре. Был плач великий и многий крик, никогда так не плакали, казалось, земля потряслась.

12. ИЗ СИМЕОНОВОЙ ЛЕТОПИСИ

В том же [1241] году немцы из Оденпе, Юрьева и Феллина вместе с князем Ярославом Владимировичем взяли город Изборск. И пришла в Псков весть, что немцы взяли Изборск, и вышел против них весь город, и вступили псковичи с немцами в бой и бились с ними крепко, и была у них страшная сеча. Тут убили воеводу Гаврилу Гориславича и обратили псковичей в бегство, много их убили в погоне, а других в плен взяли. Немцы подошли к городу, сожгли предместье, и много было зла, потому что погорели многие церкви и святые иконы и все церковное имущество, и села опустошили около Пскова, стояли под городом неделю, но города не взяли и отошли обратно, взяв много пленных. И так оставались без мира, потому что среди псковичей была измена: немцев подвел к городу Твердила Иванович с иными, а сам начал владеть Псковом с немцами, разоряя села новгородские, а другие псковичи побежали в Новгород с женами и детьми.

Тою же зимой немцы и чудь вновь пришли с запада на водь, и все завоевали и дань на них наложили и поставили город в погосте Копорье, в отчине великого князя Александра. Но не это только было бедствием; немцы взяли Тесово и не доходили за 30 верст до Новгорода, убивая купцов, а в другую сторону дохо-

дили до Луги и до Сабли. А великий князь Александр уехал тогда в Суздальскую землю, в город Переяславль, с матерью и с женою и со своим двором, поссорившись с новгородцами. Новгородцы же послали к князю Ярославу Всеволодовичу с просьбой дать им в князья своего сына, и он дал им своего сына князя Андрея. Посоветовавшись между собой, новгородцы снова послали архиепископа Спиридона с боярами к великому князю с прошением дать им великого князя Александра. А в то время на Новгородскую землю напали литва, немцы и чудь, захватили по реке Луге всех коней и скот, не на чем было в селах пахать. И великий князь Ярослав принял моление архиепископа и прошение новгородцев и дал им опять своего сына Александра. В лето 6750 [1242] пришел великий князь Александр Ярославич в Новгород и вскоре пошел с новгородцами, ладожанами, с корелою и с ижорою на город Копорье и разрушил город до основания, а самих немцев перебил, других привел с собою в Новгород, а иных отпустил на волю, потому что был чрезмерно милостив, а изменников вожан и чудь повесил, и пошел в Переяславль. Немцы же собрались в своей земле в зимнее время и пришли на Псков, победили псковские полки и посадили своих наместников в Пскове. Услышав об этом, великий князь Александр очень огорчился из-за крови христианской и ни мало не замедлил, но разгорелся своим духом и старанием защитить святую Троицу и святую Софию, взял с собою своего брата Андрея и всех своих воинов и пришел в Новгород.

И пошел с братом Андреем, с новгородцами и суздальцами в немецкую землю с великой силой, чтобы не хвалились немцы: «унизим славянский язык, поставим ниже себя». Город Псков был уже взят, и немецкие наместники посажены в городе. Великий князь Александр занял все пути к Пскову и набегом взял город и захватил в плен немцев и чудь и немецких наместников и, заковав их, отправил в Новгород, город Псков освободил из плена, а немецкую землю повоевал и пожег, и взял много пленных, а других перебил. Гордые же немцы соединились и сказали: «Пойдем на Александра и, победив его, возьмем в плен». Когда немцы приблизились, сторожевые великого князя Александра удивились и ужаснулись. Князь же великий Александр помолился в церкви святой Троицы и пошел в немецкую землю, желая отомстить за христианскую кровь. Была в то время зима, и как русские вступили на землю немцев, то пустили все свои полки... Домаш Твердиславич и Кербет были в набеге, и тут [немцы] убили Домаша, посадничьего брата, знатного человека, многих перебили с ним, в плен взяли, а другие убежали в полки к великому князю.

Магистр, услышав об этом, вышел против них со всеми своими епископами и со всем множеством народа и страны их, сколько ни было людей в их стране, и с помощью короля [датского]; и сошли [враги] на озеро Чудское. Великий же князь Александр воз-

вратился назад. Немцы же и чудь пошли за ним. И князь великий поставил полки на Чудском озере, на Узмени у Вороньего камня, воодушевился крестною силою и, приготовившись к бою, пошел против них. Войска сошлись на озере Чудском, было множество воинов с обеих сторон. Был тут с Александром брат его Андрей с множеством войска своего отца, и было у Александра множество храбрых, сильных и мужественных воинов, и наполнились они ратным духом; были сердца их, как у львов. И они сказали: «Князь, пришло время теперь положить нам свои головы за тебя».

Была тогда суббота, и на восходе солнца сошлись оба войска. Немцы и чудь пробились клином через русские полки. И была тут страшная сеча для немцев и чуди; были треск ломающихся копий и звук от ударов мечей, так что и замерзшее озеро точно тронулось, и не видно было льда, потому что он был покрыт кровью.

И обратились враги в бегство, и убивали их, гоняясь за ними, как по воздуху, и некуда было им убежать; и убивали их на протяжении 7 верст по льду до Суболицкого берега, и пало немцев 800, а чуди бесчисленное множество, а в плен взяли 50 знатных немецких воевод и привели их в Новгород, другие враги в озере утонули, потому что была уж весна, а иные убежали сильно израненные. Был этот бой 5 апреля.

13. ИЗ «САГИ О ХАКОНЕ СТАРОМ» (1251 г.)

В ту зиму, когда Хакон конунг сидел в Трандхейме, прибыли с востока из Гардарики[1] послы Александра, конунга Хольмгарда[2]. Звался Микьял[3] и был рыцарь тот, кто стоял во главе их. Жаловались они на то, что делали чиновники Хакона конунга и его сына на севере в Марке и восточные кирьялы[4], те, что платили дань конунгу Хольмгарда, потому что между ними постоянно было немирье, грабежи и убийства. Были там совещания, и было решено, как этому положить конец. Им было также поручено повидать госпожу Кристин, дочь Хакона конунга, потому что конунг Хольмгарда велел им узнать у Хакона конунга, не отдаст ли он госпожу ту замуж за сына Александра конунга.

Хакон конунг решил так: послал мужей из Трандхейма весной и поехали на восток вместе с послами Александра конунга. Стояли во главе их Виглейк, сын священника, и Боргар. Поехали они в Бьоргюн[5], а оттуда восточным путем; прибыли они летом в Хольмгард, и конунг принял их хорошо, и установили они тогда

[1] Гардарика — скандинавское название Руси.
[2] Хольмгард — древнее скандинавское название Новгорода.
[3] Микьял — т. е. Михаил.
[4] Кирьялы — карелы.
[5] Современный Берген.

мир между собой и своими данническими землями так, чтобы не нападали друг на друга ни кирьялы, ни финны[1], и продержалось это соглашение недолго. В то время было немирье великое в Хольмгарде: напали татары на землю конунга Хольмгарда; и по этой причине не поминали больше о сватовстве том, которое велел начать конунг Хольмгарда. И после того, как они закончили порученное им дело, поехали они с востока с почетными дарами, которые конунг Хольмгарда послал Хакону конунгу. Прибыли они с востока зимой и встретились с конунгом в Вике.

14. ДОГОВОР НОВГОРОДА С НОРВЕГИЕЙ 1326 ГОДА

Посол прославленного государя Магнуса, короля Норвегии, Швеции и Готов, по имени Хакон, установил мир со стороны всего королевства Норвегии с епископом Новгородским, по имени Моисей, и с посадником Варфоломеем, и тысяцким Астафием, и со всеми Новгородцами вместе и в отдельности, как бывало прежде между предшественниками нашими.

1. Где простираются земли и воды короля Норвегии, там Норвежцы имеют право ездить, обитать и признавать за свои земли и воды, соответственно старому осмотру, границе или размежеванию.

2. Также, если Норвежцы перешли в эти годы старые границы или размежевания земель, они должны отказаться [от заключенного] и возвратить Русским землю их по крестному целованию.

3. Также Новгородцы не должны переходить старой границы и размежевания земель по крестному целованию: если же перешли, [то] также должны возвратить Норвежцам их землю.

4. Также, когда послы из Новгорода прибудут к королю Норвегии, они должны разделить земли соответственно старым границам и размежевания земель по крестному целованию, так чтобы каждый владел своей землей. Но это размежевание земли передаем богу и королю Норвегии, чтобы он провел по своей совести.

5. Также за вред, который Норвежцы причинили Новгородцам на земле или на воде убийствами и другими обидами, Новгородцы не должны мстить или держать в памяти. И если Новгородцы причинили какой-нибудь вред Норвежцам, равным образом и Норвежцы не должны припоминать [им].

6. Также, если Норвежцы перейдут границы и размежевания земель с намерением сделать зло и, наоборот, если Новгородцы перейдут через размежевания земель со своей земли в Норвежскую для совершения зла, таковые, как желающие совершить зло, должны быть схватываемы и обуздаемы, следуя крестному целованию, чтобы не нарушать мира.

---

[1] Норвежцы называют финнами саамов (лопарей).

7. Также из Норвегии должны без всякого препятствия ездить в Новгород и Заволочье, и, с другой стороны, гости из Новгорода и Заволочья должны без всякого препятствия ездить в Норвегию.

8. Также этот мир заключен и утвержден на 10 лет. И на этом мире целовали крест упомянутые выше посадник и тысяцкий со стороны всех Новгородцев. Также упомянутый выше посол Хакон целовал крест на этом мире со стороны короля Норвегии и всего королевства Норвегии. При заключении этого мира переводчиком был Вернекин.

9. И какой мир Новгородцы и Норвежцы заключили, в этом же мире находятся жители Заволочья.

10. Также, если кто-нибудь нарушит это крестное целование, пусть покарает и судит его бог.

К этому договору, чтобы он был прочен и в предстоящие годы, привешены печати упомянутых выше лиц, а именно епископа, посадника и тысяцкого.

Дано и совершено в Новгороде в лето господне MCCCXXVI 3-го июня.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Франция XI—XV веков

Польша X—XV веков

Болгария VII—XV веков

Сербия XII—XV веков

Италия XI—XV веков

Средневековая культура XII—XV веков

Русь и Запад

Редактор *Г. И. Трайнина*
Техн. редактор *М. И. Натапов*

Подписано к печати 24/X 1949 г. А-09075. Печатных листов 21,75. Учётно-издат. 23,53 л. Заказ № 1663. Цена без переплёта 7 руб., переплёт 80 коп.

Отпечатано в типографии Т-4 с матриц 3-й типографии «Красный пролетарий» Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Москва.

Цена 7 руб. 80 коп.

ХРЕСТОМАТИЯ
ПО ИСТОРИИ
СРЕДНИХ ВЕКОВ

II